

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1998 г.

Выходит 1 раз в год

Выпуск ИСТОРИЯ. 7 / 2013

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77–36152 от 06 мая
2009 г. Федеральная служба
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции, издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24
E-mail: riobsu@gmail.com

Редактор *Я.С. Суворова*
Компьютерная верстка
Л.П. Бабкиной

Подписано в печать 31.05.13.
Формат 60 x 84 1/8.
Уч.-изд. л. 20,5. Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 1000. Заказ 496.
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель);
И.К. Шаранхаев, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.Н. Татарникова (зам. председателя, директор Издательства БГУ);
Т.С. Базарова, д-р пед. наук, доц.; *Д.И. Бураев*, д-р ист. наук, проф.;
А.В. Гаськов, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева*, д-р пед. наук, проф.; *Ц.З. Доржиев*, д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имхелова*, д-р филол. наук, проф.; *Л.П. Ковалева*, канд. филол. наук, проф.; *К.Б.-М. Митупов*, д-р ист. наук, проф.; *В.Е. Хитрихеев*, д-р мед. наук, проф.; *И.И. Осинский*, д-р филос. наук, проф.; *М.Н. Очиров*, д-р пед. наук, проф.; *М.В. Бадмаева*, д-р филос. наук, доц.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

К.Б.-М. Митупов, д-р ист. наук, проф. (главный редактор);
М.Н. Бадано, д-р ист. наук, проф. (зам. главного редактора);
А.А. Буркина, канд. социол. наук, доц. (зам. главного редактора);
Т.Е. Санжиева, д-р ист. наук, проф.; *А.Д. Цыбиктаров*, д-р ист. наук, проф.; *С.В. Васильева*, д-р ист. наук, доц.; *Е.Н. Палхаева*, д-р ист. наук, доц.; *Т.В. Паликова*, д-р ист. наук, доц.

От редактора

Прежде чем представить материалы заключительного номера (тома) Вестника БГУ, серия история, поздравим наших коллег-юбиляров, профессоров: Г.Д. Басаева, М.Н. Балдано, И.Б. Батуеву, Л.М. Дамешека, М.В. Константинова, Г.С. Митыпову, членов диссертационного совета Д 212 022 07. Богатый опыт, высокая научная эрудиция и умение профессионально оценить и достойно представить научные изыскания позволяют говорить о них как о профессионалах высокого уровня. Поэтому от имени всех членов диссертационного совета, редколлегии журнала и коллег-историков Бурятии поздравляем Вас с днем рождения.

Этот номер посвящен двум важным событиям в истории России – 400-летию монаршего Дома Романовых и 90-летию образования Бурятии. Понятно, что для нас весьма важно, что последний монарх династии Романовых Николай II посетил Верхнеудинск в 1896 г.

Статьи в этом блоке вызывают интерес уже потому, что вводят в оборот ранее неизвестные детали и факты пребывания цесаревича в Сибири и в частности в Верхнеудинске. Особый интерес, без сомнения, представляют статьи Т.В. Паликовой и Л.В. Кальминой.

Знаменательной исторической вехой стало для жизни края образование Бурят-Монгольской АССР в 1923 г. Государственность, созданная в рамках огромной державы, доказала свою жизнеспособность уже потому, что другие модели государств Внутренней Азии, имеющие характер марионеточных, просуществовали недолгий исторический срок. В этом смысле нет сомнений, что верно избранный ориентир национал-демократами на Россию и основную идею опоры на народ стали гарантом.

Важными для нас остаются и другие не менее актуальные исследования, результаты которых предложили наши коллеги. Это и земельные, и конфессиональные отношения, которые ныне определяют взаимодействие отдельных групп населения. Это и историография, и источниковедение не только проблем отечественной истории.

По-прежнему важным для нас являются и монголоведческие исследования, изучение малых народов и др.

К.Б.-М. Митупов

гл. редактор, д-р ист. наук

Путешествие на восток цесаревича Николая

Статья посвящена пребыванию цесаревича Николая в Забайкальской области. Используя архивные документы и воспоминания очевидцев, автор приходит к выводу, что путешествие, отличавшееся масштабностью и направленностью, было чрезвычайным событием для жителей Забайкалья. Оно демонстрировало единство страны под скипетром Романовых, заинтересованность в отдаленной окраине государства. Культ власти, ее божественное происхождение, олицетворявшиеся правящей династией, определили характер восприятия данного события.

Ключевые слова: Забайкалье, конец XIX в., путешествие, цесаревич.

T. V. Palikova

Traveling east of Crown Prince Nicholas

The article is devoted to Crown Prince Nicholas stay in the Transbaikalia region. Using archival documents and memoirs of eyewitnesses, the author comes to conclusion that the traveling, notable for the large size and direction, was an extraordinary event for the residents of Transbaikalia. It demonstrated the unity of the country under the scepter of the Romanovs, the interest in the remote outskirts of the state. The cult of power, its divine origin, symbolized by the ruling dynasty, determined the nature of the perception of the event.

Keywords: Transbaikalia, the end of the XIX-th cent., traveling, Crown Prince.

Восточное путешествие цесаревича Николая не раз становилось объектом исследования в связи с различными юбилейными датами как самого турне, так и в истории царствовавшего дома, в биографии последнего российского императора. В год празднования 400-летия воцарения династии Романовых хотелось бы еще раз поразмышлять о сути и значении этого события для Забайкалья. Воспользуемся имеющимися в распоряжении историков сведениями, сохранившимися в архивных документах, воспоминаниях [1-5], и знаменитой книгой дипломата, публициста, востоковеда, князя Э.Э. Ухтомского, сопровождавшего наследника престола [10].

Семимесячное путешествие цесаревича по Евразии началось 23 октября (5 ноября*) 1890 г. Передвигаясь по суше и морю, Николай Александрович посетил Австро-Венгрию, Грецию, Индию, Цейлон, Сингапур, Яву, Сиам, Китай и Японию. 11 мая (25 мая) 1891 г. он покинул крейсер «Память Азова», прибывший во Владивосток. Здесь завершилась официальная часть миссии наследника и началось путешествие по Сибири: через Хабаровск, Благовещенск, Нерчинск, Читу, Верхнеудинск, Иркутск, Томск, Сургут, Тобольск, Тару, Омск и Оренбург в Санкт-Петербург.

Автор уже неоднократно обращался к данному материалу [8], но тем не менее считает уместным краткое изложение событий июня (июля) 1891 г. 10 (23) июня цесаревич начал свой путь по Забайкалью. 12 (25) июня он посетил Нер-

чинскую каторгу, 13 (26) июня – ст. Сретенскую, 14-15 (27-28) июня – Нерчинск, 16 (29) июня – Агинскую степь, 17-18 (29-30) июня – Читу, 20-21 июня (3-4 июля) – Верхнеудинск, 22 июня (5 июля) – покинул область.

Проезд Николая вызвал огромный резонанс. Городские общественные управления заранее разработали программу пребывания цесаревича. Заблаговременно начались работы по благоустройству городов, ремонту и обновлению дорог. «Чем ближе подходило время, тем лихорадочнее становились приготовления... На главном тракте сотни и тысячи людей... стелили гати, строили мосты... шла уборка в поселениях, в городах возводились арки, украшались здания» [10, с. 1]. После трагического случая в японском Оцу, по призыву генерал-губернатора А.Н. Корфа и военного губернатора М.П. Хорошкина «усугубить заботы о столь желанном и дорогом всем нам... Госте» [10, с. 2] во всех поселениях по ходу следования царственного кортежа создавались отряды Почетной охраны. Например, верхнеудинский отряд состоял из 20 именитых граждан города [3, л. 1]. Города и селения, предназначенные для остановок наследника, были празднично украшены.

Во время пребывания в Забайкалье при огромном стечении народа Николай Александрович присутствовал на смотрах и парадах, посещал школьные, научные учреждения и музеи. Вручал и получал подарки от подданных. Серьезное внимание Августейший Атаман уделил своим казачьим соединениям, особого расположения заслужили забайкальцы, праздновавшие

* Здесь и далее в скобках указана дата по новому стилю.

40-летие образования войска. Такова историческая канва пребывания цесаревича в Забайкалье.

В самом посещении Сибири и тем более в путешествии не было ничего необычного. Во-первых, царственные отпрыски уже бывали в Сибири. В 1837 г. цесаревич Александр, наследник Николая I, по составленному отцом маршруту проехал по Западной Сибири, а в декабре 1872 г. великий князь Алексей, четвертый сын Александра II, после посещения США, Бразилии, Явы, Сингапура, Гонконга и Японии возвращался в Санкт-Петербург через Сибирь (Владивосток – Урал). Во-вторых, ознакомительные поездки по стране, которой предстояло править, были важным пунктом программы воспитания будущего императора. Достаточно вспомнить путешествие в рамках подготовки «по земским делам» Александра Александровича в 1869 г. в сопровождении Н.А. Качалова [6] или совместные путешествия самого Николая и Александра III по губерниям России. В-третьих, путешествие в новоевропейской традиции приравнивалось к образованию [7, с. 127] и в последней трети XIX в. – начале XX в. оно стало популярной формой приобретения нового социального и культурного опыта обеспеченными гражданами империи, в том числе и забайкальцами.

Ординарное, на первый взгляд, путешествие Николая Александровича, завершившее его образовательный цикл, на самом деле стало уникальным для поздней империи. Оно отличалось от всех предшествующих и своей масштабностью, и изменением направления, и статусностью путешественника. Начиная со знаменитого посольства Петра I поездки царствовавших Романовых по большей части были устремлены в Европу. В маршруте Николая преобладали восточные государства. Исключительность накладывал статус наследника престола, что придавало турне государственный характер, требовало серьезной дипломатической подготовки, особенно ее заграничной части [9], подчеркивая значимость для политики России зарубежного востока и российских владений в Азии.

Цесаревич персонифицировал собой имперскую власть, преемственность правящего Дома, а династия Романовых обеспечивала сохранение целостности государства. Своим проездом через всю страну наследник демонстрировал ее единство под скипетром Романовых, заинтересованность в отдаленных окраинах и заботу о них. Путешествие, по сути, можно рассматривать как попытку царской власти убедить подданных в непоколебимости самодержавия и сплотить их

вокруг трона вне зависимости от политических или конфессиональных представлений, сословной принадлежности. Преодоление социальных противоречий было насущной проблемой последней трети XIX в. Однако нежелание отказа от принципа «незыблемости самодержавия» приводило к необходимости создания иллюзии благополучия, стремлению «показать народу вещи такими... какими они должны ему представляться» [11, с. 86]. Население получило возможность ощутить приближенность царской власти и выразить верноподданнические чувства непосредственно будущему помазаннику. Последнее, на наш взгляд, было важным. Весь ход исторического развития подтверждает, что характер национального менталитета связан с культом государственной власти. На беспредельную преданность своему Царю и всему Царствующему Дому как природному качеству русских указывал М.П. Хорошкин в своем обращении к населению Забайкалья. Почитание императорской власти проявляло себя в признании ее божественной легитимности, а государя – помазанником божьим (обряд миропомазания означал переход части священства на императора и его потомство). Подобное представление продемонстрировал барон Корф в телеграмме военному губернатору Забайкалья о «Священной особе ... Драгоценного Гостя». Более того, в уже упоминавшемся обращении к забайкальцам военный губернатор, используя библейскую терминологию, называет цесаревича «Первородным Сыном» государя, а благополучный его проезд через Забайкалье – «нравственной ответственностью» каждого «пред Богом, пред Царем, пред Отечеством». Думается, что такая патетика не только и не столько определялась жанром документа, сколько отражала энтузиазм, который испытали забайкальцы летом 1891 г. В то же время стоит обратить внимание на мастерское включение в обращение идеи долга народа, стержневой идеи, внедрявшейся в массовое сознание на культурно-религиозном уровне.

Описывая подготовку области к встрече цесаревича, Э.Э. Ухтомский отметил: «Нельзя было узнать ... Забайкалья: все ожило, все задвигалось, все более и более проникалось ожиданием великого события и готовилось к нему. Всюду замечался особый подъем духа... Началось повсеместное по области передвижение – сначала с дальних окраин, а потом и из поселений, расположенных ближе к тракту, который стал неузнаваем и превратился в очень людный и оживленный». Для каждого отдельного поселения, в котором останавливался Николай Александрович

вич, это было событием чрезвычайным. По свидетельству М.В. Танского, в Верхнеудинск «съехалось ради знаменательного события много народа со всего округа, из Троицкосавска, Кяхты, Баргузина...» [5, л. 6]. «Город [Верхнеудинск – Т.П.] никак не мог... успокоиться от праздничного настроения в связи с пребыванием в нем наследника... По отъезде Николая еще с неделю жизнь в нем не могла войти в свою будничную колею» [5, л. 6]. Эти воспоминания М.В. Танского важны, поскольку отражают то ощущение подъема, которое пережили забайкальцы. Несмотря на то, что участников встречи цесаревича можно подразделить на категории – одни избирались на собраниях органов управления городов и селений, при этом кандидатуры членов официальных депутатий тщательно обсуждались, как это было в Троицкосавске [2, л. 28], другие прибывали в пункты остановок гостя по собственной воле, в том числе и из любопытства – все осознавали значимость события. Использованный в тексте вербальный ряд, выделенный нами курсивом, не только является подтверждением отношения жителей к посещению, но и подчеркивает его исключительность.

Единство царя и народа выразилось в характере поведения подданных, стремившихся оказать свое почтение наследнику и, как писал М.П. Хорошкин, «представиться» ему. Помимо желания личного участия во встрече и проходах цесаревича (съезд населения в места остановок, выезд депутатий на границы области и уездов, участие в церковных службах, праздничных обедах и т.д.), все, с кем встречался наследник, старались обратить на себя внимание и вызвать одобрение царственного гостя: «...последним долго бежал за коляской известный местный энтузиаст ... Ив. Вас. Багашев. Барон [Корф. – Т.В.] указывал на него милостиво улыбавшемуся Цесаревичу» [10, с. 12].

Подарки, принятые из рук цесаревича (серебряные часы, портсигары, портреты, автографы и т.д.), воспринимались как «драгоценный» дар. Они были не только наградой за верность государю и отечеству, за мастерство и умения, но и визуальным (материальным) свидетельством приобщенности к особе наследника, династии. Э.Э. Ухтомский описал курьезный случай, произошедший в Читинской женской гимназии, ученицы которой разорвали на мелкие куски подаренный Николаем платок [10, с. 24]. Покидая поселение, цесаревич оставлял символы своего пребывания в отдаленной окраине, которые, несомненно, демонстрировались всем остальным, передавались из рук в руки, в результате

чего царская благодарность распространялась на всех. Наиболее трогательным проявлением любви к венценосному гостю стало создание «музея посещения цесаревича» в доме купца 1-ой гильдии И.Ф. Голдобина – резиденции царевича в Верхнеудинске, сохранявшегося до 1918 г. [5, л. 40]. Верхнеудинцы хранили и лодку, на которой 21 июня (4 июля) «городское общество переправляло его Императорское Величество на другой берег Селенги» [4, л. 60б.]. Полагаем, что статус лиц, так или иначе связанных с именем Николая (будь то общение с ним или полученная награда), существенно поднимался. Только соображениями престижа можно объяснить тот факт, что члены верхнеудинской Почетной охраны в 1893 г. обратились к Приамурскому генерал-губернатору с просьбой о разрешении ношения на груди особого жетона «В память пребывания Его Императорского Высочества Цесаревича Николая Александровича в г. Верхнеудинске 20–21 июня 1891 г.», каковое получили в следующем году [3, л. 1].

Особо следует обратить внимание еще на один аспект восточного вояжа. Тщательно спланированный и продуманный восточный маршрут цесаревича стал манифестацией военной мощи России на Дальнем Востоке. С одной стороны, в заграничном путешествии крейсер Николая сопровождала эскадра кораблей ВМФ России. С другой – весь путь по Забайкалью пролегал вдоль русско-китайской границы, которая на значительных расстояниях имела лишь географические ориентиры. Поэтому проезд наследника демонстрировал имперское присутствие, в том числе и военное на этой территории и могущественному соседу, и забайкальцам. Войсковые парады и смотры, состязания в стрельбе, джигитовке, устраиваемые для Николая, показывали и боевую силу России, и готовность к защите ее территориальной целостности.

Путешествие вообще, а путешествие цесаревича особенно – это не столько развлечение, сколько труд (за 12 дней пребывания в Забайкалье наследник совершил 21 остановку). Труд познания многонациональной страны, иных традиций, обычаев, образа жизни. Только так будущий император мог узнать чаяния своих подданных. В Забайкалье наследник российского престола познакомился с автохтонным населением области [10, с. 17-18, 28]. Посещение края стало в определенной степени символическим преодолением существовавшей еще и в конце XIX в. дихотомии «свои (Россия) – чужие (Сибирь)». Пребывание здесь способствовало превращению последней в «свою», по крайней мере

для цесаревича. В познании Россией Сибири не последнюю роль сыграли подаренные наследнику забайкальцами-сибиряками предметы, составившие этнографические коллекции Кунсткамеры.

Следствием поездки по Забайкалью стало изменение социокультурной среды городов – появились артефакты, непосредственно связанные с пребыванием цесаревича и посвященные данному событию, но возникшие позже, что можно рассматривать и как проявление верности монархической традиции, и как закрепление имперского присутствия. В частности, в Нерчинске, Чите, Верхнеудинске и с. Кабанское выстроены триумфальные арки или, как их называли, «Царские врата» (1891). В Троицкосавске в ознаменование проезда Николая построена каменная часовня Животворящего Креста Господня (1894).

Некоторые из культурных начинаний были поддержаны Николаем, который пожертвовал на содержание Нерчинского музея и будущего сельскохозяйственного училища, оказав содействие в его учреждении. Помог наследник в деле открытия ремесленного училища в Чите, в честь его приезда поступили крупные суммы от местного купечества, городских и волостных жителей, а также от бурят Агинского, Хоринского и

Баргузинского ведомств. По возвращении в Санкт-Петербург выслал коллекцию книг из собственного собрания для Читинской публичной библиотеки. Кяхтинское купечество пожертвовало средства на стипендии в Томский университет, Читинскую мужскую гимназию, Троицкосавское реальное училище, назвав их «В память посещения Государем Наследником Его Высочеством Забайкалья». В Чите подобная стипендия учреждена в 1916 г. в честь 25-летнего юбилея события.

Дни посещения цесаревича стали ежегодно отмечающимися днями городов.

Таким образом, все вышесказанное позволяет говорить о том, что посещение Забайкалья цесаревичем носило в большей степени символическое значение. Суть его заключена в демонстрации единства народа и престола, силы и военной мощи империи в данном регионе, его включенности в общеимперское политическое, экономическое и культурное пространство. Его же реальные последствия как экономические, связанные со строительством Транссиба, в закладке которого во Владивостоке принимал участие Николай, так и социокультурные, исключая архитектурные артефакты, проявятся только в будущем столетии.

Литература

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 2830.
2. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 2986.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 938.
4. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1164.
5. ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 6.
6. Из «Записок» тайного советника Н.А.Качалова // Наше наследие. – М., 2010. – № 95. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/9514.php> (дата обращения: 20 марта 2013 г.)
7. Марш Р. Мотив путешествия на Запад в женской прозе Серебряного века // Россия и запад в начале нового тысячелетия. – М.: Наука, 2007. – С. 247-269.
8. Паликова Т.В. Юбилейные торжества в городах Забайкалья конца XIX – начала XX в. // Вестник Бурятского университета. Сер. 4. История. – Улан-Удэ, 2006. – Вып. 11. – С. 281-286; Паликова Т.В. Развитие культуры городов Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2008. – 260 с.
9. Терюков А.И. Путешествие на восток // URL: <http://www.avit-centre.spb.ru/exb/06/kor/k2.htm> (дата обращения: 20 марта 2013 г.)
10. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890-1891. – СПб.: Лейпциг, 1897. – Т.3. – 225 с.
11. Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. – 2005. – № 11. – С. 86-107.

Татьяна Вадимовна Паликова, доктор исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Бурятского государственного университета. 67000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, ба. Тел.: 8 (3012)216447.

Tatyana Vadimovna Palikova, doctor of historical sciences, associate professor, department of homeland history, Buryat State University. 67000, Ulan-Ude, Ranzhurov str., ba. Ph.: 8 (3012)216447.

УДК 94(57)

© Л.В. Кальмина

Цесаревич Николай в Верхнеудинске: «цена вопроса»

В статье раскрывается финансовая сторона известного в истории Верхнеудинска события – визита наследника российского престола.

Ключевые слова: визит, бюджет, расходы, пожертвования, компенсация.

L. V. Kalmina

Crown Prince Nicholas in Verkhneudinsk: «worth of the issue»

The article describes the financial aspect of the famous event in the history of Verkhneudinsk – the visit of the successor to the Russian throne.

Keywords: visit, budget, expanses, donation, compensation.

В 1891 г. наследник престола цесаревич Николай по сложившейся традиции после прохождения курса наук предпринял большое путешествие. В его планах изучения территорий прокладки будущей Транссибирской магистрали значилось и посещение Верхнеудинска. Нерядовое для провинциального сибирского города событие стало большим праздником, который впоследствии регулярно отмечался горожанами [6, с. 217, 219]. Не касаясь церемониальной стороны этого визита, попытаемся выяснить, какие расходы понес город, чтобы достойно встретить будущего императора, и насколько обременительны они были для городского бюджета.

Готовиться к визиту Его Императорского Высочества городская дума начала за несколько месяцев, после получения соответствующего циркулярного письма военного губернатора Забайкальской области. Из архивных документов видно, что гласные собирались по меньшей мере шесть раз, чтобы обсудить все детали предстоящего посещения города наследником (несколько раз обсуждался только «списочный состав» лиц, которые могли удостоиться чести составить почетную охрану высокого гостя).

Первое заседание, на котором обсуждалась процедура встречи, состоялось 20 марта 1891 г. После определения в общих чертах хода торжественной церемонии начались подсчеты собственно расходов, которые следует разделить на прямые и косвенные. Косвенные – непременно в подобных случаях расходы на городское благоустройство, которые и после отбытия члена императорской фамилии продолжают «работать» на город. Прямые предполагали не предусмотренные бюджетом затраты исключительно для соблюдения разработанной церемонии встречи.

Прежде всего планировалось благоустроить

все дороги по пути следования кортежа Его Императорского Высочества: ремонт 600 саженей по Читинскому тракту для въезда процессии, провести «облагораживание» спуска с горы в город, организация боковых барьеров и выравнивание Большой и «где потребуется других» улиц. Планировалось потратиться и на «исправление дорог вообще в границах городских земель» на случай отклонения процессии от оговоренного маршрута. Поскольку предполагалась переправа цесаревича со свитой на лодке через Селенгу, в смете встречи были предусмотрены 400 р. на «означенные цели», в том числе на «исправление взвоза» на правом берегу. Значительная сумма была выделена на работы по прокладке водосточных канав «для осушки города»: к заложенным в бюджет на эти цели 1000 р. ввиду неординарности случая были добавлены еще 765 р. [1, л. 13, 14, 23]. Всего только на приведение улиц и пристани в подобающее состояние было запланировано 3115 р. Православная церковь, быстро смекнув, что более подходящий случай для выделения денег «на приведение в благолепный вид» городских храмов представится нескоро, обратилась в думу с соответствующим прошением. Результатом стало выделение 500 р. на ремонт Одигитриевского собора (в прошении значилась сумма 656 р. 70 к.) и 300 р. – Спасской церкви [1, л. 11, 12].

Прямые расходы на встречу вылились в более значительную цифру: 1000 р. ушло только на украшение города – иллюминацию и вывешивание флагов империи на всех городских общественных и мало-мальски значимых (и даже не очень значимых) частных зданиях. 500 р. было выделено на строительство триумфальных ворот для въезда наследника российского престола на месте, согласованном с военным губернатором Забайкалья М.П. Хорошхиным. Их

проект разрабатывался на конкурсной основе, и выигравший этот конкурс чиновник Н.А. Паув получил авансом деньги для найма рабочих и архитектурно-строительного контроля за их возведением. Затрат даже больших, чем триумфальная арка (600 р.), потребовали блюдо и солонка для преподнесения цесаревичу хлеба-соли по русскому обычаю: городская дума решила, что блюдо должно быть непременно серебряным с позолотой. В смету расходов вошли также затраты на наем квартир для свиты цесаревича «и прочих Генералов и офицеров» и размещение охранявших его солдат 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона, которых предполагалось расквартировать в специально переоборудованных под постоянный двор зданиях старого тюремного замка [1, л. 13, 14, 17]. О затратах на десять городских экипажей для транспортировки высоких гостей в документах думы нет никаких сведений – по-видимому, их безвозмездно предоставили зажиточные горожане.

Всего на встречу наследника империи было затрачено 9318 р. 73 к. [1, л. 32]. Насколько обременительным это стало для города, можно определить при раскладке годового бюджета на 1889-1891 гг. Среднегодовой доход Верхнеудинска за данное трехлетие, составивший 48640 р., на деле был значительно меньше. В данную цифру вошли компенсации, предоставляемые городу за размещение войск и содержание городской тюрьмы, а также частичное возмещение расходов на больницу за счет поступившей платы за лечение и аптеку – за счет платежей за лекарства, что никак нельзя отнести к чистому доходу. За вычетом этой суммы – 16145 р. – чистый среднегодовой доход Верхнеудинска за данное трехлетие составил 32495 р. [2, л. 54, 55]. Таким образом, общая сумма, затраченная на прием цесаревича, обошлась без малого в треть годового бюджета города.

Такая одномоментная трата стала, конечно, серьезным финансовым испытанием для провинциального города, у которого сборы с сенокосных и хлебопахотных земель даже в начале 1890-х гг. составляли основной источник дохода, формируя до 50% бюджета [5, с.139]. Но Верхнеудинск сумел сохранить лицо, обеспечив достойный прием будущего государя. Большую услугу городу оказал купец первой гильдии Я.А. Немчинов, пожертвовавший на встречу высокогостя 1000 р. Еще 880 р. были пожертвованы другими горожанами. 4700 р. городская дума выделила из бюджета, для чего один из принадлежащих городу Государственных банковских

билетов тысячерублевого достоинства, приносивший 5% годового дохода, решено было обменять на наличные деньги. Дефицит в 2738 р. 73 к. был покрыт за счет городского запасного капитала – что-то вроде резервного фонда, формируемого для расходов в чрезвычайной ситуации [1, л. 28, 32].

Встреча наследника прошла, что называется, на высшем уровне. Окрыленный достойным проведением церемонии, городской голова А.В. Овсянкин с двумя членами городской управы Ф.В. Машановым и П.Т. Труневым 23 июня отправили в Иркутск, куда к этому времени прибыл наследник, телеграмму, в которой выразили бурную радость по случаю посещения наследником города, «теплые молитвы Господу Богу о благополучном пути следования» Его Высочества, «беспредельную сердечную благодарность за милостивое внимание» и благословение его царствующим родителям, «отпустившим в наши отдаленные края своего любимого сына». В телеграмме выражалась просьба о пожаловании города портретом наследника с тем, чтобы он украсил присутственный зал городской думы «на поучение грядущим поколениям». В ответной незамедлительно посланной телеграмме Николай Александрович проинформировал, что портрет он уже отослал, и выразил городу благодарность за выраженные чувства и пожелания «всяческого преуспевания» [1, л. 30, 31]. (Кстати, об объеме дополнительных расходов на распечатку обеих телеграмм тиражом 700 экз. для раздачи домовладельцам история умалчивает).

Для увековечивания памяти о приезде представителя царствующего дома городская дума постановила присланный портрет поставить в зале заседаний в знак милостивого внимания будущего императора к городу; ежегодно 20 июня, в день его прибытия, служить молебен с крестным ходом о здравии Его Императорского Высочества около триумфальной арки, где Августейший Гость был встречен счастливыми горожанами. А лодку, на которой наследник изволил переправиться через Селенгу у Верхнеудинска, сохранить в том виде, в каком она была во время переправы, «приспособив для того приличное помещение» в ограде здания городских приходских училищ. Обо всех мероприятиях в память о неординарном событии было решено непременно доложить Его Императорскому Величеству [1, л. 31, 32]. Спустя год цесаревич вновь отправил в Верхнеудинск телеграмму с выражением удовольствия, испытываемого им при воспоминании о посещении города, которая

вновь была размножена для раздачи всем желающим [2, л. 29].

Остается выяснить, что в итоге получил город, кроме морального удовлетворения от факта посещения его членом императорской фамилии и оставленных им о нем добрых воспоминаниях. Какими же цифрами было выражено «милостивое внимание»? Нам не удалось найти документов, которые говорили бы о прямом финансовом влиянии, как, например, в Чите или Нерчинске, где цесаревич пожертвовал денежные средства на нужды просвещения [6, с. 219]. Однако косвенно имя Николая Александровича служило городу аргументом в решении той или иной проблемы. В частности, городская власть небезуспешно воспользовалась им для преобразования Верхнеудинского уездного училища в трехклассное городское. До приезда цесаревича городской голова по поручению городской думы подавал военному губернатору области представление о преобразовании училища дважды: в марте 1889 г. и в июне 1890 г., что последствий не имело. Поскольку в планах города по увековечиванию памяти о пребывании наследника престола значилось открытие при Верхнеудинском городском училище Николаевского ремесленного класса, названного так по имени цесаревича, городской голова вновь обратился в Читу с ходатайством о его преобразовании из уездного [1, л.14]. Имя Николая возымело должное действие: в городе появилось городское училище [2, л. 27]. Вопрос решался на уровне Приамурского генерал-губернатора, поскольку у проекта нашлись противники, полагавшие, что «присвоение такому малому по размеру и несамостоятельному учреждению имени Наследника Цесаревича [...] слишком смело» и «едва ли возможно признать (его. – Л.К.) хоть сколько-нибудь основательным». Однако дви-

жимые верноподданническими чувствами горожане отстаивали свое право на подобное увековечивание памяти о знаменательном для города событии и пришли к единодушному мнению о необходимости ходатайства – вплоть до «Высшего Правительства» – об открытии Николаевских ремесленных классов сразу после преобразования уездного училища в городское. Расходы по их основанию и содержанию в случае недостатка ассигнованных для этого средств город обязался взять на себя, а в соответствии с Городовым положением 1892 г., приняв подобное обязательство, он уже не имел права отказаться и отвечал по нему всем городским имуществом [3, л. 3-4]. Проект Положения особого ремесленного класса при Верхнеудинском городском училище имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Николая Александровича был зачитан в городской думе 27 мая 1892 г. [2, л. 27].

Впоследствии городские власти достаточно произвольно и смело использовали пожелания будущего монарха «всяческого преуспеяния» городу и любой выгодный экономический проект преподносили как выполнение его пожелания. В частности, когда Верхнеудинск боролся за перенесение сюда из Читы железнодорожных мастерских, городской голова И.В. Титов в письме от 10 февраля 1912 г., адресованном Министерству путей сообщения, припомнив торжественную встречу цесаревича, в качестве неопровержимого аргумента привел тот факт, что устройство мастерских «помимо выгоды и удобства для казны будет служить к преуспеянию Верхнеудинска и к выполнению желания нашего обожаемого монарха» [4, л. 36]. Забегая вперед, скажем, что решение о переносе мастерских было принято в пользу города, хотя и по иным соображениям.

Литература

1. ГАРБ (Государственный архив Республики Бурятия). Ф. 10. Оп. 1. Д. 797.
2. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 824.
3. ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 946.
4. ГАРБ. Ф. 10. Д. 2256.
5. Кальмина Л.В. Бюджет уездного сибирского города как индикатор экономического статуса // Власть. 2012. № 5. С. 138-142.
6. Паликова Т.В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008.

Кальмина Лилия Владимировна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. E-mail: kalminal@gmail.com

Kalmina Lilia Vladimirovna, doctor of historical sciences, associate professor, leading scientific researcher, the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS. E-mail: kalminal@gmail.com

УДК 322:271(571.5)

© С.В. Васильева

Реализация государственной политики по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе в первой половине XIX в.

В статье рассматриваются этапы вероисповедной политики в отношении старообрядцев Байкальского региона в период правления Александра I и Николая II. Особое внимание уделяется формированию системы розыска, судопроизводства и наказания старообрядцев на имперских окраинах.

Ключевые слова: кодификация законодательства, сеть особых секретных учреждений по расколу, система розыска, судопроизводства и наказания старообрядцев, противораскольнические мероприятия, преступления против веры.

C. V. Vasilieva

Realization of state policy to Old Believers in Baikal region in the first half of the XIX-th century

The article deals with the stages of confessional policy to Old Believers of the Baikal region in the period of reign of Alexander I and Nikolay II. Special attention is paid to formation of the system of detection, legal proceedings and punishment of Old Believers at imperial outskirts.

Keywords: legislation codification, net of top secret dissent authorities, system of detection, legal proceedings and punishment of Old Believers, anti-dissent activities, crimes against religion.

С первой половины XIX в. движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает осознанно восприниматься и в правительстве, и в обществе как целенаправленное политическое конструирование империи. Это была своего рода сверхзадача, которая формулируется как новый национальный курс на создание «единой и неделимой» России, с центральным государственным ядром, окруженным окраинами. Однако предполагалось, что эти окраины со временем способны обречь и слиться с сердцевинной империи, ее внутренними губерниями, населенными русскими. Отсутствие четких границ внутри государственного пространства Российской империи создавало условия для расширения этнического ареала расселения русских.

«Органы государственной власти были обязаны защищать и поддерживать государственную религию. Губернаторы обязаны, во всяком случае, всей представленной им властью, содействовать православному духовному начальству в охране прав церкви и незыблемости самой веры, наблюдая тщательно, чтобы ереси, расколы и другие, предрассудками и невежеством порождаемые, заблуждения не были распространяемы между жителями вверенной им губернии, и чтобы, для отвращения сего зла и порождаемых им соблазнов, были употребляемы временно все предписанные общими установлениями и особыми высочайшими повелениями меры» [1].

Степень внимания самодержавия к решению вопросов по делам старообрядцев в Байкальском регионе во многом зависела от личности генерал-губернатора.

С 1806 г. обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири исполнял И.Б. Пестель – отец декабриста П.И. Пестеля, но жил при этом по-прежнему в Санкт-Петербурге и передал полномочия своим подчиненным. В результате в 1818 г. выяснились большие упущения по управлению территорией и в связи с многочисленными жалобами и доносами, он был уволен в отставку. Его место занял М.М. Сперанский, выступивший инициатором реформ управления Сибирью [2].

Со вступлением на должность генерал-губернатора М.М. Сперанского и началом реформирования управления Сибири увеличивается внимание властей к старообрядцам различных толков. Мелкие вопросы о действиях старообрядцев Восточной Сибири, выносимые на рассмотрение в МВД, Сенат, Синод и на утверждение императору, теперь нередко становятся законом для всех губерний, населенных староверами.

Исполняя обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири, М.М. Сперанский столкнулся с проблемой бюрократизма в управлении регионом и обратился с рядом предложений к императору Александру I. М.М. Сперанский внес большой вклад в кодификацию законов о старообрядцах в период подготовки к изданию «Полного собрания законов Российской империи»

(1830) и «Свода законов Российской империи» (1832), в реформирование системы управления сибирским регионом В начале XIX в.

Генерал-губернатор Н.С. Сулима приложил много усилий для и решения вопроса о существовании у староверов молитвенных зданий. В 1833 г. он разрешил староверам с. Куналей восстановить часовню, разрушенную в результате пожара [3]. В 1835 г. после обнаружения в Нерчинских заводах духоборцев, Н.С. Сулима обратился в Министерство внутренних дел с предложениями о мерах воздействия на них. МВД, в свою очередь, направило эти предложения в Государственный совет, мнение которого было «Высочайше утверждено» и стало постановлением «О прекращении распространения сект духоборческой и молоканской в сибирских губерниях» [4].

Генерал-губернаторы А.С. Лавинский (1822-1833), Н.Н. Муравьев-Амурский (1848-1861) были сторонниками умеренных методов воздействия; генерал-губернатор В.Я. Руперт (1838-1847) и архиепископ Нил (1838-1853) стремились подчинить старообрядцев жесткими мерами.

Основные направления противораскольнической деятельности губернских и центральных властей в изучаемом регионе условно можно разделить на три направления.

1. *Сбор сведений* о старообрядцах в первые два десятилетия XIX в., включал составление списков умерших, родившихся, сочетавшихся браком старообрядцев. Несмотря на динамичное развитие законодательства о старообрядчестве в первой трети XIX в. и принятие конкретных мер по разделению полномочий на местах, учет старообрядцев в высших звеньях власти оставался неудовлетворительным, поскольку функция централизованного контроля за численностью и жизнью староверов в XIX в. не раз переходила от одного ведомства к другому

Промежуточные инстанции, по которым должны были следовать списки о старообрядцах, также неоднократно менялись. Неизменным на протяжении всего XIX в. оставалось только требование к начальникам губерний: следить, чтобы сведения собирались в секретном порядке и раз в год предоставлялись лично главе одного из центральных государственных учреждений. С 1812 г. этим лицом был министр полиции [5]. Копии или оригинал ведомостей направлялись еще и министру внутренних дел.

В статистических отчетах об экономическом благосостоянии волостей на протяжении всего XIX в. описывается однотипная характеристика

раскольников, проживающих в волостях Забайкалья: «... в течении отчетного года из раскола присоединения к православию не было. Раскольники волости ведут правильный образ жизни, трудолюбивы, живут преимущественно отдельными семействами, в религиозном отношении влияние на местное население не имеют. Богослужение ведут по образу их сект в часовнях и в частных домах» [6].

Министерство внутренних дел было образовано в числе первых восьми министерств манифестом от 8 сентября 1802 г. Однако первоначально делами старообрядцев оно не занималось. В 1810 г. из Министерства внутренних дел выделяется Министерство полиции, одно из направлений деятельности которого состояло в пресечении раскола, и когда в 1819 г. Министерство полиции вновь вошло в состав Министерства внутренних дел, последнее приняло и все его дела.

Однако поставленные задачи для чиновников Министерства оказались невыполнимыми, т. к. староверы, скрытые по своей природе, окончательно замыкались при виде чиновников. Не умея и, наверное, не ставя перед собою задачи – вникнуть в суть старообрядческого учения, разобратся в истинном положении дел, – чиновники давали в своих отчетах лишь самую общую картину состояния дел в обследуемых губерниях, приводя те факты, которые лежали на поверхности.

Работа МВД в данной сфере велась в нескольких направлениях, одно из основных было связано с исследованием сведений о старообрядцах.

В 1826 г. МВД впервые потребовало статистические ведомости из губернии о численности старообрядцев, количества молельных зданий. Начиная с 1842 г. работа Министерства в этом направлении заключалась в том, что из губернии доставлялись ведомости о числе приверженцев и количестве молельных зданий, работали губернские совещательные комитеты, которые не только осуществляли полицейские функции, но и знакомились с местными условиями распространения старообрядчества; и, наконец, регулярные сведения поставляли чиновники Министерства. В НАРБ нами обнаружены бланки отчетности по Тарбагатайской волости за 1844 г. Форма №1 – ведомость о числе раскольников и разных сект в данной губернии, форма № 2 – «Ведомость о раскольниках, молитвенных зданиях, находящихся в данной губернии» [7].

В Байкальском регионе, несмотря на намерения правительства установить строгий контроль

за распространением старообрядчества и усилия местного чиновничества по сбору сведений о старообрядцах и сектантах независимо от соглашений и толков, данные по-прежнему были неполными, отрывочными, т.к. собирались в одном и том же порядке, теми же методами, о чем свидетельствуют многочисленные ведомости, отнесенные в особые секретные дела. В «Деле о доставлении сведений по требованию начальства и должностных лиц» [8], с грифом «секретно» и угловым штампом МВД пристав 2 участка Верхнеудинского уезда Иркутской губернии от 12 марта 1847 г. сообщается: «Поручено волостному старшине собрать и доставить мне самые верные сведения о всех без исключения имеющих в волости старообрядческих часовнях и под разным именовании молитвенных домов, причем обозначить в каких селениях, в чьих именно домах помещаются моленные, указать с какого времени устроена, а так же донести мне сведения о всех старообрядцах, занимающихся духовными трудами, с обозначением по обязанностям начетчиков и уставщиков» [9].

Традиционно ответственность за провал выполнения того или иного распоряжения правительства возлагало на низшие чины. Например, за ошибки в осуществлении негласного контроля. Строгая секретность сбора информации о старообрядцах была введена еще в 1805 г. Тогда по секретному циркуляру Министерства внутренних дел (от 12 августа 1805 г.) земской полиции сотским и пятисотским вменили в обязанность вести метрические книги о старообрядцах, названные списками. Во избежание разночтений и недовольства старообрядцев эти сведения предписывалось собирать тайно, а земские исправники должны были строго контролировать соблюдение особой секретности. В случаях упущений предусматривались штрафные санкции в отношении сельских начальников [10]. Так, в материалах фонда №50 ГАИО нами было обнаружено «Дело о неправильном показании Верхнеудинским духовным правлением числа раскольников за 1850 год», где в докладе столоначальника Василия Шапова сообщается, что при проверке росписи, представленной Верхнеудинским духовным правлением, оказалось следующее: раскольников насчитывается по городу и уезду – мужского пола 2 243 чел., женского 2 200 чел., всего 4 443 чел., а правлением указано всего 130 чел. Здесь же в деле прилагаются объяснения протоиерея Харлампия Попова, священника Михаила Касатикова, что это ошибка писаря: число 130 – это количество раскольников только в городе Верхнеудинск. Дальше мы

видим приказ его Высокопреосвященства от 20 марта 1852 г., где за допущенное нарушение предписывается: «... что если за сим замечены будут в пропуске раскольников, показывает столоначальник, то благочинный протоирей и священник будут штрафованы по законам как укрыватели» [11].

Губернское начальство Восточной Сибири до создания секретного комитета в своих действиях руководствовалось распоряжениями МВД и Синода. Все материалы о старообрядцах также секретным порядком доставлялись в МВД, в том числе жалобы самих староверов [12]. Правило обязательного оповещения министра внутренних дел о состоянии раскола сохранялось на протяжении всего XIX в.

В 1826 г. было принято решение предоставлять в МВД только копии списков староверов и данные о наличии молитвенных зданий, а оригиналы в III Отдел Собственной его Величества канцелярии [13]. А с 1835 г. более подробные ведомости о старообрядцах по губерниям (с учетом их числа в каждом толке и секте), данные о количестве старообрядческих монастырей, скитов, церквей, и числе монахов, проживающих при них, – вновь предписали отсылать в МВД.

Порядок записи в ревизские сказки жен и детей старообрядцев-поповцев, согласно циркуляру МВД, требовалось осуществлять на основании полицейских свидетельств или обывательской книги, без дополнительных доказательств законного рождения детей. Детей староверов беспоповского толка, отвергающих брак, вносили в иски незаконнорожденных, но указывали в составе семьи вместе с отцом и матерью. Поэтому в VIII-й ревизии (1835), частично такие браки и соответственно жены беспоповцев были записаны как формально законные.

В связи с подготовкой проведения IX ревизии (1851) из Министерства внутренних дел были направлены новые циркуляры (1850), которым строго предписывалось: вне зависимости от того, как указывались семьи беспоповцев в восьмой ревизии, вносить данные о родившихся в списки тех семей, к которым они принадлежали по рождению [14]. Один экземпляр списков о староверах местная полиция представляла епархиальному начальству [15].

Жен и детей старообрядцев, приемлющих священство, предписывалось «показывать таковыми в ревизских сказках, на основании полицейских свидетельств или обывательских книг» и не требовать других документов [16].

Таким образом, местные административные органы поверхностно проводили учет численно-

сти старообрядцев и сектантов, результативными были только мероприятия, форсированные распоряжениями высших инстанций. В 70-80-е гг. XIX в., когда ведение учета староверов перешло в компетенцию статистического комитета Иркутской губернии, появились заметные изменения. В печати стали появляться регулярные публикации, информирующие о движении населения в губернии либо с указанием всех существующих в государстве конфессий [17]¹, либо в таблицах о количестве родившихся и умерших по отдельным вероисповеданиям с данными о естественном приросте [18].

2. *Поиск старообрядцев, совершивших преступления.* По линии гражданского ведомства о незаконных действиях старообрядцев доносили вышестоящему начальству низшие полицейские чины (исправники, приставы и городничие), а так же ведомственные чиновники.

Исправники и приставы не всегда могли справиться с «раскольниками», тем более они часто получали мзду. Губернаторы и МВД знали об этом: старообрядцы «... позволяют себе внешнее оказательство ереси, как, например, совращение православных в раскол, обучают детей грамоте по старопечатным книгам, погребают умерших... без ведения местного начальства... скрывают у себя беглых» [19].

Система поиска старообрядцев в общих чертах повторяла систему сбора информации о староверии. Заниматься поиском старообрядцев, совершивших преступления, должны были низшие чины полиции и ведомственные чиновники. Однако наиболее важные дела поручались специальным чиновникам. Они были независимы от местных условий и жестко расправлялись со старообрядцами.

С 20–30-х гг. XIX в. на местах и в столице происходило формирование системы всестороннего контроля за старообрядцами. В 1823 г. в Восточную Сибирь было направлено одно из первых циркулярных постановлений, касающееся порядка ведения уголовных дел. В нем «начальникам губерний» рекомендовалось в секретном порядке оповещать министра внутренних дел о виновности подследственных и посторонних лиц, проходивших по уголовным делам до исполнения приговора [20].

Гонения и реакцию на старообрядчество мы наблюдаем в период тридцатилетнего правления Николая I. Антистарообрядческая политика им-

ператора отразилась в обширном своде официальных материалов. Это «Собрание постановлений по части раскола», все документы в котором условно можно классифицировать по их функциональному назначению на следующие группы: запретительные, ликвидационные, дискриминационные, разрешительные, учредительные.

Большая часть постановлений первых трех групп начинается с характерным «акцентом», например: «О недозволении...», «О недопущении...», «О неутверждении...», «О невыдаче...» и т.п., или с директивно-запретительного, например: «О закрытии...», «О воспрещении...», «Об уничтожении...», «О взыскании...» и т.д.

Основой антистарообрядческой политики Николая I служили два фактора: во-первых, объединение в единую категорию под именем «раскол» старообрядцев всех согласий и толков с самыми различными сектами, бытовавшими тогда в России; во-вторых, классификация старообрядцев всех согласий и толков с самыми различными сектантами по степени «вредности» их для официальной церкви и государства. Из постановления 9 декабря 1842 г.: «По соображениям Святейшего Синода» весь раскол «ставился в трех степенях»:

1. «Секты вреднейшие» (в их числе старообрядцы-беспоповцы, отвергающие брак и молитву за царя);

2. «Секты вредные» (беспоповцы, принимающие брак и молитву за царя);

3. «Секта менее вредная» (поповцы, более податливые к обращению в православие).

Большое влияние на изменение положения старообрядцев разных течений в первой трети XIX в. имели два постановления: «О купеческих и мещанских выборах из раскольников» (1820) и «Об оставлении у раскольников беглых священников...» (1822) [21]. Последнее касалось религиозной жизни старообрядцев, прежде всего поповцев, которым разрешили принимать беглых священников с ведома епархиального начальства.

«Правила о выборах старообрядцев на общественные должности при купеческих и мещанских выборах» за 1820 г. по существу не менялись до 1840 г. и служили основополагающими принципами избирательных прав старообрядцев до середины XIX в. Первый пункт правил устанавливал приоритетность православных при избрании на общественные должности. Если в городах, посадах, волостях, населенных «раскольниками», были представители православного исповедания, то именно их, вне зависимости от числа, рекомендовали на общественные долж-

¹ Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 год: отделение II. Статистика, история, этнография. – Иркутск, 1887. – С. 4-5.

ности. Только в случаях, когда число православных было минимальным, старообрядцам поповского согласия, и даже беспоповцам, разрешалось быть избранными на должности, не связанные с особой ответственностью. В дополнении к правилам, изданным в 1835 г., подчеркивалось, что на начальственные должности в городских обществах нужно назначать исключительно православных или единоверцев и стараться, чтобы большинство присутственных мест на городских выборах было за православными [22].

Законом оговаривались и «крайние случаи», когда раскольники допускались к некоторым должностям. Особо оговаривались случаи, когда в сельских обществах большинство составляли старообрядцы вредных сект, как например, в Тарбагатайской волости. Архивные документы, подтверждают вышесказанное: «...16 ноября 1823 г. – Верхнеудинский округ, Тарбагатайская волость, Надеинская деревня. Ниже подписавшие крестьяне в мирской избе во исполнение приказа волостного управления о выборе поверенного для избрания в 1824 г. волостных общественных начальников и прочих, по волости выбрали с общего согласия общественного крестьянина Максима Трифонова, раскольника, у которого поведение хорошее. По сему и надеемся, что он возложенную отныне должность может нести верно, со всяким усердием, в том и подписываемся» [23]. Такого рода выборные собрания были характерны для Мухоршибирской, Бичурской, Куналейской волостей, где староверы составляли большинство населения.

Таким образом, в первой половине XIX в. политика самодержавия в отношении инакомыс-

лящих, в том числе и носителей старой веры, приобретает определенные черты. Это связано с геополитическим положением Байкальского региона – близость границы, отдаленность от европейской части России. Именно в этот период была начата работа по кодификации законодательства, осуществлялись мероприятия по изучению истории раскола, установлению численности старообрядцев и сектантов; была создана сеть особых секретных учреждений, сформировалась система розыска, судопроизводства и наказания старообрядцев, совершавших уголовные преступления или преступления против веры.

Значительная часть этих дел проходила под грифом «секретно» или «совершенно секретно», попадая тем самым в компетенцию Министерства внутренних дел, которое ведало составлением программ с целью пресечения деятельности старообрядчества в России. Законодательство в отношении старообрядцев отражало ту позицию официальных органов, которая была доминирующей в указанный период. Так, раскол рассматривался правительством как временное зло в государстве, подлежащее уничтожению. Соответственно и правовая система носила ограничительно-запретительный и карающий характер. Сам факт вхождения данных юридических норм в уголовное законодательство является следствием того, что старообрядчество в России было гонимой религией. Между тем численность приверженцев раскола, распространенность его на территории Байкальского региона убеждают в том, что это было не временное «зло», а реально существующее явление.

Литература

1. Рункевич Г.С. Русская церковь в XIX веке. – СПб., 1901 – С. 214.
2. Государственные деятели России XIX-начала XX вв: Биографический справочник / сост. И.И. Линтков, В.А. Никитин, О.А. Ходенков. – М., 1995. – С. 143, 171, 172.
3. ГАИО, ф.50, Оп. 1, Д. 5355, Л. 10-11; Д. 4981, Л.3.
4. Собрание постановлений по части раскола. – С. 154-156.
5. Там же. – С. 42.
6. НАРБ. Ф. 337, Оп.1, Д. 1631, Л. 7.
7. НАРБ. Ф. 207, Оп. 1, Д. 139, Л. 302-301.
8. НАРБ. Ф. 207, Оп. 1, Д. 524, Л. 7-6.
9. НАРБ. Ф. 207, Оп. 1, Д. 524, Л. 11.
10. Собрание постановлений по части раскола. – С. 31.
11. ГАИО. Ф. 50, Оп. 1, Д. 6449, Л. 7.
12. Собрание постановлений по части раскола. – С. 136.
13. Там же. – С.85.
14. Там же. – С. 437-438.
15. Там же. – С. 504.
16. Там же. – С. 428.
17. Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 год: отделение II. Статистика, история, этнография. – Иркутск, 1887. – С. 4-5.
18. Таблицы о движении населения за 1880-1885 гг. Памятная книжка Иркутской губернии на 1887 год: отделение III. Статист. сведения. – Иркутск, 1887. – С. 4-5, 8, 10, 13, 15, 18.
19. НАРБ. Ф. 262. Оп.3. Д. 186. Л. 1.

20. Собрание постановлений по части раскола... – С. 136.
21. Там же. – С. 58-59.
22. Там же. – С. 61-62.
23. НАРБ. Ф. 207, Оп. 2, Д. 59, Л. 36.

Васильева С.В., доктор исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Бурятского госуниверситета.

E-mail: sv_vasilieva@mail.ru

Vasilieva S.V., doctor of historical sciences, associate professor, department of homeland history, Buryat State University.

E-mail: sv_vasilieva@mail.ru

УДК 9(С)15

© *Л.М. Дамешек, М.Д. Кушнарева*

История формирования старообрядческого купечества в северо-восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

В статье рассматриваются вопросы организации торговли купечеством из старообрядческой среды в с. Павловск Якутской области. Особое внимание уделяется процессу регулирования экономических отношений среди предпринимателей северо-восточной части Сибири*.

Ключевые слова: старообрядчество, северо-восточная Сибирь, пушная торговля, купечество, торговый дом, социально-экономические отношения, крупный капитал, сибирское предпринимательство.

L.M. Dameshek, M.D. Kushnareva

The history of the formation of Old Believers merchants in the north-eastern Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries

The article considers the issues of organization of trade by merchants of the Old Believers origin in the village Pavlovsk, Yakutsk region. Particular attention is paid to the regulation of economic relations among entrepreneurs of north-eastern part of Siberia.

Keywords: Old Believers, north-eastern Siberia, fur trade, merchants, trading house, socio-economic relations, big capital, Siberian entrepreneurship.

В отечественном сибириведении были исследованы некоторые проблемы организации торговли, в том числе пушнина, на территории северо-восточной Сибири. Следует отметить наиболее важные из данных исследований. Середина XIX в. в дореволюционной историографии темы пушного промысла представлена работой Ю.А. Гагемейстера [1]. В данном научном труде была исследована комплексная проблема зарождения торгового капитала в Сибири, а так же влияние проникновения капитала в натуральное хозяйство коренного населения края.

Далее следует отметить работу Н.М. Ядринцева, вышедшую в 60-90-х гг. XIX в., в которой был выдвинут тезис об особом пути экономического развития Сибири, где во второй половине XIX в. капитализм еще не сложился [2]. Несколькими иной подход в рамках областнической концепции к проблемам истории Сибири содержался в работах Г.Н. Потанина, который выделял зависимость формирования торговлоростовщического капитала в торговле от московского купечества и центральных рынков [3].

Начало XX в. в историографии вопроса сибирской торговли характеризуется появлением

ряда работ, целиком посвященных рассмотрению основных аспектов пушной торговли. Наибольший интерес в данном направлении представляет работа В.М. Зензинова, центральное место в которой занимает исследование этапов разъездной торговли северного купечества [4]. Кроме того, Зензинов выявляет тот факт, что наиболее благоприятными районами для проведения разъездной меновой торговли была западная тундра, безлесые пространства которой позволяли доставлять к промысловикам больше груза и передвигаться на тяжелых оленьих упряжках. Зензинов своей работе приходит к выводу о том, что именно «западное купечество» имело более высокие торговые обороты, которые впоследствии позволили им создать крупные торговые предприятия [5].

В 20-х гг. XX в. М.М. Константинов одним из первых затронул вопрос формирования крупного капитала в пушной торговле, начиная от мелких посреднических операций приказчиков и агентов торговых фирм и заканчивая их оборотами на центральных пушных ярмарках [6]. Роль капитала в экономике Сибири в эпоху капитализма показал Г.Х. Рабинович [7]. В моногра-

фии автор исследует роль крупного капитала в развитии пушного промысла в Восточной Сибири в период капитализма. Рабинович впервые выделил некоторые фирмы в пушной торговле как капиталистов, выбиравших купеческие свидетельства I, II гильдии.

Начало современного, постсоветского периода в исторической науке приходится на 90-е гг. XX в. В работе В.П. Захаров определяет роль крупного капитала в пушной торговле Якутии, механизмы вхождения края в мировой пушной рынок [8].

Широкий круг вопросов формирования старообрядческой общины в Забайкалье был рассмотрен в работах Ф.Ф. Болонёва [9]. Автором были подробно исследованы этапы заселения данной территории старообрядческими семьями, вопросы культуры, быта, хозяйственной деятельности и многое другое [10].

Анализ историографии проблем развития сибирской торговли позволяет сделать вывод о том, что учеными был рассмотрен широкий круг вопросов по данной тематике. Ряд проблем был широко разработан, однако вопросы формирования торгового капитала в северо-восточной Сибири, роль старообрядческого компонента в становлении торговых предприятий в пределах Якутской области, проникновение торгового капитала в экономику коренного населения северо-восточной Сибири, нормативно-правовое регулирование хозяйственной деятельности предпринимателей из среды старообрядцев были изучены в меньшей степени. Остается слабо исследованной хозяйственная деятельность старообрядцев в период существования Аянского тракта, а также принадлежность распорядителей крупных торговых фирм к выходцам из «семейских» старообрядцев.

Таким образом, комплексное изучение источниковой базы позволило определить главную цель настоящего исследования – анализ становления купечества из старообрядческой среды на территории северо-восточной Сибири.

В конце XVII – начале XVIII в. большое количество староверов уходит из центральных районов России на север к поморам, на берега Белого моря, расселяется по долинам рек Печоры, Мезени, переселяется в Сибирь, но особенно много людей бежало в Польшу [11].

В начале XVIII в. в Стародубье и на Ветке, принадлежавшей в то время Польше, сформировалась большая старообрядческая община, члены которой отличались предприимчивостью, трудолюбием [12].

В 1735 г. русское правительство направило в

Ветку пять полков под начальством полковника Я.Г. Сытина, с целью вывести раскольников с территории Польши и уничтожить крупнейший старообрядческий населенный пункт. Ветка была сожжена и полностью разорена, но уже через несколько лет восстановлена русскими раскольниками. К этому времени численность польской старообрядческой общины составила около 100 тыс. чел. [13]. В декабре 1762 г. Сенат издает указ «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу», в котором правительство делает попытку пригласить всех старообрядцев в Россию для проживания на льготных условиях в пустынных и отдаленных местностях территории государства [14]. Правительство России стремилось использовать старообрядцев, имевших развитое земледелие в Польше, в экономической колонизации Сибири. Но подобные обещания не привлекли жителей старообрядческих селений Польши. В 1764 г. Екатерина II предоставила полномочия по выводу старообрядцев с территории Польши генерал-майору Маслову, который захватил несколько тысяч человек. С 1765 г. в составе 22 партий под конвоем начинается их переселение в Сибирь [15]. Первоначальным пунктом сосредоточения старообрядцев Ветки стал Верхотурский острог. Затем пути следования партий старообрядцев в Сибирь пролегли в разных направлениях. Несколько партий повели для поселения на Алтай и Забайкалье [16].

План переселения староверов в Сибирь был разработан царским правительством заблаговременно. Каждому староверу и членам его семьи полагалось определенное казенное довольствие. Большую часть выведенных из Польши староверов гнали в Сибирь по старой дороге через Верхотурье [17]. Из Верхотурья через Тобольск часть партий старообрядцев попала в Забайкалье, где они были поселены в селах Тарбагатай, Куйтун, Куналей, Десятниково, Бурнашево, недалеко от Верхнеудинска [18]. Позже, в течение последующих 35 лет XVIII в., из этих деревень часть староверов была расселена в другие селения – Надеино, Жиримское, Новая Брянь, Заиграево [19]. В конце XVIII в. деятельность старообрядцев в Забайкалье была посвящена освоению земли, развитию хлебопашества. Селения забайкальских староверов отличались на общем фоне сибирских русских сел своей величиной, ухоженностью, чистотой, своеобразием культуры, быта, нравов.

В конце XIX в. правовое положение старооб-

рядцев несколько меняется. В 1883 г. 3 мая Государственный совет принимает Закон «О даровании раскольникам прав гражданских», который разрешил совершать богослужения, кроме публичных процессий, ремонт и строительство молитвенных домов при условии, что они не будут иметь внешний вид православного храма [20]. Принимая этот акт, Государственный совет исходил из того, что полностью запретить религиозные христианские меньшинства было невозможно [21]. Благодаря закону от 3 мая 1883 г. у государственной власти появилась возможность в некоторой степени контролировать старообрядчество и использовать его социально-экономический потенциал в целях освоения новых земель, распространения земледельческой культуры в отдаленных областях. Но, несмотря на издание данного законопроекта, оставались в силе нормы «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» в соответствии с которыми выход и порицание православия, соращения из православия карались каторгой, ссылкой, тюремным заключением и лишением гражданских прав [22]. Под данные нормы могли попадать различные действия, т.к. сущность понятий «порицание православия», «соращение из православия» в законе не раскрывалась [23].

Принятие закона от 3 мая 1883 г. оказало определенное влияние на социально-экономическое развитие Сибири и в целом отражало общую политическую линию государства в исследуемый период

В 1851-1852 гг. южнее Охотска был основан новый порт Аян. К нему из Якутска было необходимо проложить тракт [24]. Переселенцам предоставлялись налоговые льготы, а так же всякая помощь в обустройстве, покровительство царского правительства [25]. Решение о переселении нескольких старообрядческих семей из Забайкалья на территорию между Амгинской слободой и Аяном было добровольным, поскольку в исследуемый период население испытывало острую нехватку земель. С 1852 г. начинается заселение станций Аянского тракта старообрядцами Забайкалья, среди которых были семьи Истефеевых, Матвеевых, Филипповых, Кушнаревых, Борисовых из сел Новая Брянь, Большой Куналей, Куйтун, Тарбагатай [26]. Основным занятием переселенцев стало хлебопашество, скотоводство, а так же почтовая гоньба. Еще одним направлением деятельности старообрядцев в период существования Аянского тракта была доставка хлеба в Амгинскую слободу и к станциям Аянского тракта [27]. Однако в 1867 г. в связи с прекращением деятельности

Русско-Американской кампании и установлением морского сообщения с Камчаткой Аянский тракт был закрыт. Старообрядцам предстояло новое переселение. Часть из них ушла на Амур, часть осела в селениях Усть-Майское и Ново-Покровское, а несколько семей обосновалось в с. Павловск, где их «земледельческий талант» проявился особенно ярко [28].

В 1872 г. на берегу р. Лены 25 старообрядческих семей основали с. Павловск [29]. Место было выбрано не случайно. Долина реки была благоприятна для развития земледелия и скотоводства. Риск сурового климата мог компенсироваться развитием пушного промысла и рыболовства [30]. В конце XIX в. начинается интенсивное развитие хозяйства крестьян с. Павловск. Заметную роль в процессе освоения земли и развитии скотоводства Нахаринского наслега сыграла семья крестьянина-старообрядца Михаила Анисимовича Кушнарера, который стал старостой села и всей старообрядческой общины. Сбыт продукции животноводства на золотых приисках, пушная торговля в отдаленных улусах Якутской области, торговля спиртом принесли сыну Михаила Кушнарера Акепсиму огромный капитал. А.М. Кушнаревым была создана целая сеть торговых предприятий по всей Якутии [31]. Его компаньоном в торговых делах был П.И. Кушнарев, который уделял большое внимание не только развитию семейного предпринимательства, но и занимался вопросами культуры и образования в крае. В 1905 г. в с. Павловск им была открыта школа на собственные средства. Основной целью открытия школы было распространение начального образования среди местного населения. Учителя приглашались на средства П.И. Кушнарера из Москвы, Иркутска, Якутска [32]. Приведем цитату из источника, сохраняя стиль автора: «На свой счет нанимал учителей, тогда ссыльных, политических, в числе коих был Чистов, который сейчас (1929 г. – прим. авт.) находится в Якутске. Выписывал из Москвы и России учителей и, не доверяясь учителям, сам учил пять годов. Не осталось ни одного дома, начиная с Ипатовой избы и кончая Маланичиной, и все научились читать, писать и считать. Некоторые вышли учителями и учительницами. Большому научить я не мог, потому что сам учился по славянской азбуке» [33]. Школа, основанная П.И. Кушнаревым, просуществовала в с. Павловск до 2005 г., отметив свой 100-летний юбилей.

Далее, необходимо вернуться к анализу событий российской истории начала XX в. 17 апреля 1905 г. был принят Указ Комитета минист-

ров «Об укреплении начал веротерпимости», который вносил в религиозную жизнь страны некоторые свободы [34]. Сущностью указа являлось то, что слово «раскольник» заменялось на слово «старообрядец». Последователю старой веры разрешалось устройство моленных сходок, старообрядческих кладбищ и избрание духовных лиц-наставников. Старообрядцы могли поступать в гимназии, университеты, военные школы. Была провозглашена свобода богослужения и преподавания в духовных школах на родном языке. В законе устанавливались различия между сектантами, старообрядцами и так называемыми «последователями изуверских течений» [35]. Уголовно-наказуемым деянием было отношение к третьей группе – изуверским учениям. Таким образом, принадлежность к старообрядческой вере перестала быть преступлением, за которое в законодательстве была предусмотрена уголовная ответственность. Более того, указ закреплял за старообрядцами право на владение движимым и недвижимым имуществом. Введение данных норм было обусловлено социально-экономической необходимостью развития не только Сибири, но и России в целом. В начале XX в. на территории северо-восточной Сибири действовали торговые фирмы купцов-старообрядцев, обладавшие крупным капиталом и экономическим потенциалом для дальнейшего развития края [36]. Таким образом, купеческие предприятия, торговавшие на территории северо-восточной Сибири пушниной, мамонтовой костью, продуктами питания, и промышленность с коренным населением на законных основаниях смогли расширять свой бизнес, регистрировать свои торговые дома, движимое и недвижимое имущество. Распорядители торговых домов имели право ежегодно кредитоваться от имени торгового дома на сумму до 300 тыс. р. и более, нанимать движимое и недвижимое имущество, принимать в залог и закладывать товары, совершать различные сделки, открывать и ликвидировать банковские счета. На период 1905-1915 гг. приходится наибольшее количество регистрации торговых домов и товариществ на территории северо-восточной Сибири, основной целью деятельности которых была продажа и скупка пушнины и мамонтовой кости в пределах северных округов Якутской и Камчатской областей, а так же северных округов Енисейской губернии [37].

К крупным фирмам северо-восточной Сибири относились «Наследники А.И. Громовой», «Наследники А.М. Кушнарёва, Г.В. Никифоров, Я.Ф. Санников, В.Ф. Артамонов, «Северное тор-

гово-промышленное товарищество» [38]. Вопрос о старообрядческом происхождении Громовых, Санниковых, Артамоновых в настоящий момент является еще не достаточно изученным. В.М. Зензинов относит Г.В. Никифорова к «торгующим инородцам», который в 1913 г. продал свое дело П.А. Кушнарёву [39]. Принадлежность Громовых к старообрядческой семье является лишь предположением, которое основано на анализе фондов Российского государственного исторического архива. Данные фонда «Министерства промышленности и торговли» РГИА свидетельствуют о продолжительном и тесном хозяйственном взаимодействии Кушнарёвых и Громовых. Пароход, принадлежавший торговому дому «Наследники А.И. Громовой», использовался по соглашению между торговыми домами для производства торговых операций фирмой «Наследники А.М. Кушнарёва» [40]. Кроме того, между фирмами существовало особое соглашение (на вере) о разделе территории Якутской области при совершении разъездной меновой торговли [41].

В начале XX в. фирма «Наследники А.И. Громовой» играла главную роль в операциях с пушниной на территории северо-восточной Сибири. Вело торговлю пушниной с коренным населением северо-восточной Сибири и сбывало продукты потребления ежегодно на 700 тыс. р. [42]. Пушнина торгового дома А.И. Громовой считалась одной из лучших на ярмарках в Ирбите и Нижнем Новгороде, а так же в Лейпциге [43]. В начале XX в. скупка пушнины на северо-востоке Сибири была продолжена фирмой. В 1912 г. состояние фирмы оценивалось по данным Якутского отделения Русско-Азиатского Банка в 3-5 млн р. [44]. В 1913 г. фирма приобрела усть-янское дело Г.Н. Габышева [45]. Сумма годовой закупки пушнины в промысловом районе Усть-Янска составила 200-300 тыс. р. [46]. Транспортное предприятие А.И. Громовой на р. Лене состояло из четырех пароходов, пяти барж, двух кулиг общей грузоподъемностью 1130 т. [47]. Обороты транспортного предприятия в 1910 г. составляли 359831 р., прибыль – 71027 р. [48].

Крупными купцами северо-восточной Сибири конце XIX – начале XX в. были Кушнарёвы, основой торговых операций которых стала скупка пушнины у коренного населения в промысловых районах [49]. В 1881 г. А.М. Кушнарёв получает свидетельство купца I гильдии и начинает интенсивное освоение сферы торговли пушниной [50]. В конце XIX в. крупные партии пушнины А. М. Кушнарёва реализовывались на

ярмарках в Ирбите и Нижнем Новгороде. Затем им были открыты магазины и представительства фирмы в Иркутске, Якутске, Москве, Томске, Охотске [51]. В 1897 г. состояние фирмы А.М. Кушнарера оценивалось в 1 млн р. и состояло из мануфактуры, пушнины, спирта в Якутске на 390 тыс. р., в Олекминске – на 30 тыс. р., в Иркутске – пушнины, мамонтовых бивней на 108 тыс. р., в Охотске и Аяне – чая на 25 тыс. р., в Томске – мануфактуры на 4,5 тыс. р., в Витиме – масла на 2,3 тыс. р., в Москве – пушнины и мамонтовой кости на 50 тыс. р. Всего в 1897 г. товаров было на сумму 609,8 тыс. р. [52]. Торговый дом «Наследники А.М. Кушнарера» был зарегистрирован в г. Якутске 9 марта 1903 г. [53]. Деятельность фирмы предполагала торговлю мануфактурными, бакалейными, галантерейными, скобяными, жировыми товарами. Предприятие сбывало готовую продукцию, обувь, золотые, серебряные изделия. Кроме того, фирма имела право производить скупку пушнины, сырья и мамонтовой кости на территории северо-восточной Сибири. За фирмой «Наследники А.М. Кушнарера» были закреплены Якутский и Киренский районы операций, а также западная тундра от Булуна [54]. В 1914 г. предприниматели расширяют сферу своей деятельности и создают совместно с И.П. Антипиным «Северное торгово-промышленное товарищество» [55]. Уставной капитал «Северного торгово-промышленного товарищества» составлял 150 000 р. [56]. Распорядителями товарищества являлись А.А. Бушуева и П.А. Кушнарев. Главная контора торгового дома находилась в Якутске [57]. Для ускорения доставки товаров в промышленные центры и увеличения скорости оборота капитала фирма Кушнарерых в 1911 г. приобре-

тает пароход за 200 тыс. р. [58]. В 1916 г. у фирмы «Наследники А.М. Кушнарера» числилось два парохода, четыре баржи [59]. Торговый дом «Наследники А.М. Кушнарера» в 1916 г. имел обороты в 2,5 млн р., а прибыль в 375 тыс. р. [60]. В данную сумму не вошли сведения об операциях торгового дома с пушниной. По данным фонда Канцелярии Государственного банка, капитал торгового дома «Наследники А.М. Кушнарера», вложенный в операции с пушниной составлял 1,5-2 млн р. [61]. Совокупный капитал крупных сибирских фирм, осуществлявших операции с пушниной составлял в 1913 г. 13 млн р. [62]. По данным фонда Министерства торговли и промышленности в 1916 г. торговые дома «Наследники А.И. Громовой», «Наследники А.М. Кушнарера» в 1916 г. вошли в число самых крупных фирм северо-восточной Сибири [63].

Таким образом, в данной статье была предпринята попытка исследовать некоторые исторические аспекты формирования купечества из среды старообрядцев на территории северо-восточной Сибири. Хозяйственная деятельность старообрядцев, достижение ими высокого уровня развития земледелия и скотоводства в Якутии, твердые позиции в пушной торговле были невозможными без крепкой веры и постоянного духовного совершенствования. Претерпевая гонения, а затем и в поисках новых земель и лучшей жизни, с желанием развивать земледелие на северных территориях появились в Якутской области во II половине XIX в. несколько старообрядческих семей, ставших впоследствии крупными предпринимателями в сфере торговли пушниной и продукцией сельского хозяйства с коренным населением края.

* Под северо-восточной Сибирью понимается территория Иркутской губернии и Якутской области, которые в исследуемый период представляли единый в экономическом отношении хозяйственный комплекс. Якутская область являлась основным поставщиком ценной пушнины на посреднические рынки Иркутской губернии, инфраструктура которой позволяла товару и капиталу продвигаться в центральную Россию или в обратном направлении. В настоящее время данная территория представлена такими субъектами Российской Федерации, как Иркутская область и Республика Саха (Якутия).

Литература

1. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению при Сибирском Комитете. – СПб., 1854.
2. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. – СПб., 1892.
3. Потанин Г.Н. Нужды Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. – СПб., 1908.
4. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. – М., 1915.
5. Там же. С. 13.
6. Константинов М.М. Пушной промысел и торговля в Якутском крае. – Иркутск, 1921.
7. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. – Томск, 1975.
8. Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (конец XIX – начало XX вв.). – Новосибирск, 1995. – 137 с.
9. Болонев Ф.Ф. Семейские. Историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ, 1992. – 224 с.
10. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. – Изд-во БНЦ СО РАН. – Улан-Удэ, 2009. – 340 с.

11. Болонев Ф.Ф. Семейские. Историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ, 1992. – С. 19.
12. Там же. С. 19.
13. Там же. С. 27.
14. Именной указ императрицы Екатерины II Правительствующему Сенату о разрешении иностранцам селиться на пустых землях в России от 14 октября 1762 г. // ПСЗ -1. Т. XVII. №12793.
15. Болонев Ф.Ф. Семейские. Историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ, 1992. – С. 23.
16. Там же. С. 34.
17. Там же. С. 34.
18. Там же. С. 44.
19. Там же. С. 72.
20. Васильева С.В. Власть и старообрядцы Забайкалья (XVII–XX). – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госуниверситета, 2007. – 231 с.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. Болонев Ф. Ф. Семейские. Историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ, 1992. – С. 69.
25. Там же. С. 29.
26. Там же. С. 72.
27. Там же. С. 72.
28. Там же. С. 74.
29. Там же. С. 75.
30. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. – М., 1915.
31. Там же.
32. Личный архив автора. Автобиография П.И. Кушнарёва. Рукопись. с. Павловск ЯАССР. 22 июня 1929.
33. Там же.
34. Васильева С.В. Государственно-правовое регулирование положения старообрядцев Забайкалья после провозглашения Указа о свободе вероисповедания // История государства и права. – М., 2008. – № 12 (23). – С. 16-19.
35. Там же.
36. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. – М., 1915.
37. РГИА (Российский государственный исторический архив), Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 11, Д. 1081, Л. 18.
38. Там же. Д. 1081, Л. 25-30.
39. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. – М., 1915. – С. 4.
40. РГИА. Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 11, Д. 1081, Л. 33.
41. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. – М., 1915.
42. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т 1. Кн 1 / под. ред. Д.Я. Резуна. – Новосибирск, 1994. – С. 42-98.
43. РГИА. Ф. 630 (Русско-Азиатский Банк). Оп. 1, Д. 582, Л. 148-149.
44. Там же. Д. 582, Л. 148-149.
45. Там же. Д. 582, Л. 148-149.
46. Там же. Д. 582, Л. 49.
47. РГИА. Ф. 587 (Канцелярия Государственного банка). Оп. 33, Д. 993, Л. 94-95.
48. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т 1. Кн 1 / под. ред. Д.Я. Резуна. – Новосибирск, 1994. – С. 98-99.
49. Зензинов В. М. Очерки торговли на севере Якутской области. – М., 1915. – С. 4.
50. РГИА. Ф. 630 (Русско-Азиатский Банк). Оп. 1, Д. 582, Л. 70.
51. Зензинов В. М. Очерки торговли на севере Якутской области. – М., 1915.
52. РГИА. Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 11, Д. 1081, Л. 13.
53. Там же. Д. 1081, Л. 18.
54. Зензинов В.М. Очерки торговли на севере Якутской области. – М., 1915.
55. РГИА. Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 11, Д. 1081, Л. 18.
56. Там же. Д. 1081, Л. 25-27.
57. Там же. Д. 1081, Л. 27-30.
58. РГИА. Ф. 587 (Канцелярия Государственного банка). Оп. 33, Д. 993, Л. 93.
59. Там же. Д. 993, Л. 93.
60. РГИА. Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 11., Д. 1081, Л. 16-19.
61. РГИА. Ф. 587 (Канцелярия Государственного банка). Оп. 33, Д. 993, Л. 93.
62. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. – Томск, 1975. – С. 259.
63. РГИА. Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 11., Д. 569, Л. 19.

Дамешек Лев Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета. г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952)240522, E-mail: info@ipkro.isu.ru 8(3952)240522.
E-mail: info@ipkro.isu.ru

Dameshek Lev Mikhailovich, doctor of historical sciences, professor, head of the department of Russian history, Irkutsk State University. 664003, Irkutsk, Karl Marks str. Ph.664003.

Кушнарева Маргарита Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры сервиса и сервисных технологий Иркутского государственного университета. 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8 (9021)705037. E-mail: rita270880@mail.ru

Kushnareva Margarita Dmitrievna, candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the department of service and service technologies, Irkutsk state University. Irkutsk, Karl Marks str., Ph. 8 (9021)705037. E-mail: rita270880@mail.ru

УДК 94(57)

© *О.Э. Мишакова*

Строительство Кругобайкальской дороги в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам журнала главного управления путей сообщения и публичных зданий)

В статье освещаются факты о строительстве Кругобайкальской дороги в конце XVIII – первой половине XIX в., показано неоспоримое значение сооружения тракта для всестороннего развития региона.

Ключевые слова: Забайкалье, инфраструктура, Кругобайкальская дорога.

O.E. Mishakova

The construction of the Circum-Baikal railway in the late XVIII-th – the first half of the XIX-th cent.

(based on the materials register of the Chief board of railways and public buildings)

The article highlights the construction of the Circum-Baikal railway in the late XVIII-th – the first half of the XIX-th centuries, the indisputable value of the railway construction for economic development of the region has been shown.

Keywords: Transbaikalia, infrastructure, the Circum-Baikal railway.

С начала правления новой династии Романовых в России и воцарения на престол М.Ф. Романова в 1613 г. прошло 400 лет. Дом Романовых управлял Россией до 1917 г. За эти три века в России было многое достигнуто. В первую очередь это касается значительного расширения территории государства во всех направлениях, укрепления границ, внешней политики и экономики (выход на международные рынки), установление дипломатических отношений на востоке страны с приграничными странами (в т. ч. духовные миссии), а также изучение и активное заселение вновь присоединенных земель (исследование и использование недр и природных богатств, увеличение пахотных земель, развитие торговли и промышленности и как следствие рост дохода казны), реформирование всех сторон жизни общества и др. Все это коснулось и Западного Забайкалья.

Наличие огромных территорий и рынков (как внутреннего, так и внешнего) требовало скорейшего сообщения окраин с метрополией, т.е. развитых путей сообщения и их инфраструктуры.

С середины XVII в. стратегическую, геополитическую и экономическую значимость для государства приобрела русско-китайская торговля. Потребности международной торговли послужили толчком для прокладки с середины 1670-х гг. пути через Забайкалье. С этого време-

ни и до начала XIX в. все колонизационное и торговое передвижение вверх против течения на лодках бечевой тягой шло по р. Ангаре до устья Илима, откуда одна ветвь направлялась на оз. Байкал, по р. Селенге в Китай, другая ветвь – в бассейн р. Лены. Только с переходом движения на сухопутный сибирский тракт исторический водный путь России по р. Ангаре на Восток в отдаленнейшие части Сибири и к берегам Тихого океана потерял прежнее значение [4, с. 46].

Начиная с 1781 г. на правительственном уровне обсуждался вопрос о прокладке новых путей сообщения вокруг Байкала – поиски возможных направлений Кругобайкальской (или как ее еще именовали Кругоморской) дороги как части сухопутного сибирского тракта.

Сведения о строительстве новой Кругобайкальской дороги сохранились в немногочисленных документальных источниках, самыми достоверными из которых можно считать составленные свидетелями – строителями тракта. Так, в 1806 г. появилось донесение графа Головкина и одно из первых описаний строительства дороги. В 1830 г. подполковник Медведев составил «Проект вновь предполагаемой кругоморской дороги от г. Иркутска до г. Нерчинска и пограничного места Кяхты», а в 1835 г. в статье «О новой дороге из Иркутска в Кяхту» (Журнал ГУ путей сообщения) описал три старых тракта и предложил направление новой дороги через

распадок р. Выдрин. В приложении к проекту будущей дороги прилагались статистические данные, топографические подробности, карта местности около оз. Байкал, план распадка Выдринского (Хандагатайского) гольца и снимок горы Хамар-Дабан. Описание маршрута И.О. Штукенберга «Байкальская дорога» встречаем в энциклопедическом лексиконе Плюшара (т. IV, 1835 г.), в 1844 г. опубликовано «Описание Байкала и дорог около него» (Hydrographie des Russischen Reiches). В распоряжении исследователей имеется ряд дел архива департамента главного управления путей сообщения, среди которых находятся проект и отчеты по итогам экспедиции 1838 г. во главе с инженером-майором Латраверсом, снаряженной генерал-губернатором В.Я. Рупертом. Эти и другие источники выходят далеко за рамки только описания дороги. В них собраны описания местности, природы и этнографии края, бытовой культуры местного населения. Завершить этот своеобразный обзор хотелось бы обобщающим трудом сына И.О. Штукенберга, принимавшего участие в экспедиции 1838 г. и подробно описавшего процесс сооружения дороги [1, с. 169-190]. Понимая значение тракта, он искренне изумлялся его долготу строительству: «... Ни очевидная выгода торговли, ни явная необходимость постоянного сообщения в административном отношении с краем, отрезанным Байкалом, ничто не могло подвинуть этот вопрос, и он оставался мертвою буквою. Быть может только возникающая важность Амурского заселения, дала этому делу решительный толчок и Сибирь получила столь долгожданную кругобайкальскую дорогу» [1, с. 171-172].

Итак, на протяжении 80–90-х гг. XVIII в. велись поиски наиболее удобной трассы. Предложения поступали и от специально отправленных для обследования местности инженеров, и от коренного населения, купцов, мещан. Трасса корректировалась на протяжении всей первой половины XIX в. Одним из самых перспективных, несмотря на трудности переезда по нагорной дороге и опасность плавания по оз. Байкал, считался путь между Ключевским караулом и Троицкосавской крепостью, на котором, по описанию старой кругоморской дороги 1783 г. землемера Беляевым, располагалось 118 переправ [3, с. 23-24].

Однако был выбран путь в обход западной оконечности озера по местности Култук. В 1782 г. на разведывательные работы и поиск удобных мест для постройки ближайшей дороги от Култука до Хараца (территория Китая) был

отправлен сержант геодезии Бритов. В это же время собрание кяхтинских купцов приняло решение об ежегодном взносе 2000 р. (сбор по 2 р. 50 к. с каждой 1000 р. с привезенных китайских товаров) на сооружение дороги [2, с. 224, 235]. Бритов предлагал построить дорогу в течение десяти лет с использованием труда 100 ссыльных, израсходовав при этом 36501 р. 62 к., поскольку привлечение вольнонаемного труда увеличило бы расходы в 4 раза (145991 р. 30 к.) [2, с. 225]. Тем не менее этот проект был оставлен без внимания.

Другой проект был предложен землемером, поручиком Дедовым. В его основу было положено открытие сержантом Черепановым старой дороги (Иркутск–Кяхта), сведения о которой генерал-губернатору И.В. Якоби сообщил Кяхтинский обер-комендант, генерал-майор Ладыженский в 1787 г. Смета строительства Дедова опять же с использованием труда ссыльных, составила 22 000 р. (с вольнонаемными без инструментов – 133 220 р.). Маршрут «тележной» дороги пролегал через Култукское зимовье, Торейную степь, Бильтинское поселье, хребет Синий, р. Култушная, Илчирь, Большая Быстрая и деревню Тибольтинская в Тункинскую крепость, а далее кратчайшим путем на Харацайскую крепость («Черный чай») по косогорам и топким местам, перемежаясь небольшими прогалинами степных безлесных мест [2, с. 225].

В 1795 г. Дедов предложил еще один проект дороги на Кяхту: от Култука по хребтам и гольцам через гору Хамар-Дабан на 102 версты короче существовавшей (394 версты).

15 июля 1796 г. издается высочайший указ: «Об устройении ближайшей и удобнейшей дороги от Иркутска до Кяхты», утвержденный в 1797 г. На строительство из казны выделялось до 22 тыс. р. в год., на прокладке дороги работало до 200 ссыльных.

Строительству дороги придавал большое значение Павел I, требовавший систематических докладов губернаторов о ее продвижении. Устройство кругоморского тракта в первые четыре года сопровождалось большими трудностями: сложные природные условия заставляли отклоняться от первоначально утвержденного плана, нередко перестраивать только что оконченные сооружения, поврежденные водными потоками, ограничивать работы 7 месяцами (май–октябрь), т.к. с ноября выпадал глубокий снег. Тяжелые условия труда приводили к частым побегам работников, которые уносили с собой провиант и инструментарий. Посланный для ревизии землемер Лосев вынес вердикт – Дедов изначально

выбрал для устройства дороги самую невыгодную линию. Иными словами, иркутское начальство не заметило, что новая дорога, пролагаемая по небезопасному горному рельефу, большую часть года покрытого снегом, была ни сколько не лучше прежней, пролегающей по китайской границе. В результате цель правительства по сооружению короткой и удобной дороги до Кяхты не была достигнута.

Тем не менее в 1800 г. военный губернатор Б.Б. Лещано доносил в Сенат: «Осматривая дорогу, нашел ее способною к проезду, так как ни в какое время года не может быть затруднения и остановки. Высота гор, густые и непроходимые леса, топкие места, хотя казались препятствием, но преодолены все исправлением надлежащим образом» [2, с. 230]. Очевидно, что он описал лишь часть дороги от Иркутска до Култука, предположив, что остальная дорога удобна, и вдоль нее можно определить места для станций и поселений. 14 января 1801 г. был подписан высочайший указ о поселении на трех станциях отставных солдат, а губернатор Б.Б. Лещано обязывался следить за отправкой товаров из Кяхты в Иркутск и обратно «непрерывно по сей новой дороге, а не отнюдь через Байкал, от коего столько было бедствий, особенно при весьма дурной конструкции купеческих судов» [2, с. 230]. Однако данное распоряжение не было исполнено, глубокий снег не позволил поселенцам добраться до мест назначения, и они вернулись в Иркутск. Кроме того, управление Российско-Американской компании и иркутский именитый гражданин купец первой гильдии Сибириков, учитывая трудности, связанные с новой дорогой, и возможные убытки торговцев из-за запрета переправы товаров через Байкал, отослали императору жалобу на Б.Б. Лещано. Сенатору И.О. Селифонтову, находящемуся в это время в Сибири, было поручено принять меры к скорейшему окончанию расчистки дороги и обустройству поселений.

В ноябре 1801 г. с большими трудностями по новой дороге прошли первые обозы, груженные винными бочками иркутского купца Кисилева. Тяготы неблагоустроенного пути заставили Сенат поручить иркутскому военному губернатору Н.П. Лебедеву приложить максимум усилий для скорейшего окончания благоустройства дороги. Трудности создавала и возложенная на крестьян близлежащих сел обязанность содержания тракта, которые весь необходимый ремонт спешили сделать до начала пахоты, что, безусловно, отражалось на качестве дорожного полотна.

Все это в конечном итоге заставило Сенат в

мае 1803 г. принять постановление «О лучшем, удобнейшем устройстве сухопутной дороги вокруг Байкала». Трасса пролегла от Иркутска до Култука и далее до Посольского монастыря 211 верст, которые предстояло построить. Одновременно с дорогой строились помещения 12 почтовых станций. На расчистку оставшегося участка дороги государство выделило 4544 р., а на обустройство 120 мужчин, 59 женщин и 247 детей – 9267 р. К 1807 г. поселения уже пустовали. На окончание обустройства дороги кяхтинские и иркутские купцы согласились ежегодно жертвовать по 5000 р. Вместе с тем купцам вновь было разрешено самим выбирать путь, которым отправлять свои товары [2, с. 232]. Очередные купеческие потери на Байкале вновь заставили правительство обратить внимание на поиски удобного пути. По предписанию министра коммерции графа Н.П. Румянцева (осень 1807 г.) и генерал-губернатора И.Б. Пестеля иркутский губернатор Н.И. Трескин произвел обследование сухопутной дороги и предложил четыре варианта объездных направлений от Култуцкого селения до Харацайской крепости. Но все они остались без внимания, о чем свидетельствует отчет Н.И. Трескина за 1812 г. [2, с. 241].

Не остановились изыскания и при новом генерал-губернаторе. В марте 1820 г. М.М. Сперанский поручил капитану корпуса инженеров путей сообщения Г.С. Батенькову провести исследование о возможности прокладки более длинного (218 верст), но удобного тракта вдоль берега Байкала: от Култуцкого селения до Посольского монастыря, вдоль которого располагались зимовья рыбаков и охотников, а в холодное время использовалась дорога по льду озера*. Предлагалось по всей длине пути построить 8 станций, возвести 10 мостов, устроить 28 бродов.

В середине 30-х гг. XIX в. обустройство существующего тракта со всеми расходами решили взять на себя купцы, торговавшие в Кяхте. Возглавил компанию почетный гражданин, кяхтинский купец первой гильдии Н.М. Игумнов. Капитал складывался из взносов по 0,5% с рубля от суммы проданного товара каждым купцом. Вместе с тем, Н.М. Игумнову было разрешено устроить дорогу по собственному проекту: от Иркутска до Култука, затем по берегу Байкала до устья р. Хара-Мурын, далее 12 верст вверх через Лангатуйские гольцы к р. Богоректуй по одноименным хребтам. Через хребет Кукандабан и по р. Юнгусук через хребет Байрин, далее бродом через р. Снежная, потом через Снежинскую падь и р. Оглок, ущелье Орчон и долину Кимни к д. Капчеранке, далее 125 верст

по колесному пути до Кяхты. Купец намеривался построить зимовья для ночлега и расчистить для запаса корма лошадям сенокосные места [2, с. 256, 311, 314].

В 1837 г. полковник Богданов на основании разведки и скрупулезного обследования всего пути кругоморского тракта в 1836 г. пришел к выводу, что между Троицкосавской крепостью и Кяхтой (товарооборот между пунктами составлял до 400 тыс. пуд. ежегодно) на границе напротив Маймачена на расстоянии 4 верст можно проложить железную дорогу [2, с. 298]. Богданов отмечал, что перевоз товаров как летом, так и зимой производился на неудобных двухколесных одноколках с уплатой пошлины 8 к. с 1 пуда. В год сумма налога составляла около 32 тыс. р. Строительство дороги обошлось бы казне в 40 тыс. р. и оправдалось бы за два года. Кроме того, железная дорога сокращала время сообщения между двумя торговыми пунктами, ускоряла и делала более удобным досмотр и учет товара. Подобную же дорогу предлагалось проложить между Троицкосавском и другой слободой – Усть-Кяхтой, находившихся на расстоянии 19 верст. По мнению полковника, облегчению строительства железного полотна способствовал находившийся поблизости чугуноплавильный и железодельный казенный Петровский завод.

В феврале 1838 г. император Николай I поручил графу А.Х. Бенкендорфу просить графа К.Ф. Толя выбрать и утвердить из множества предложенных ранее проект благоустройства тракта.

Таким образом, в середине XIX в. в Забайка-

лье возникли две главные дороги. Одна с переездом через Байкал, а другая сухопутная в обход озера. Первая шла к устью р. Бугульдеихи и от нее через Байкал к устью р. Селенги. При устьях рек Бугульдеихи и Селенги были учреждены пристани, при этом переезд от Чертовкиной (Селенга) был более удобен. Дорога же через горы от якутского тракта была трудной и в летнее время не использовалась. Впоследствии по этому направлению с конца декабря провозились только купеческие товары.

С открытием Лиственичного рейда плавание на транспортных судах начиналось от р. Ангары до Посольского монастыря. Но этот путь через открытое озеро длиною в 110 верст был опасным. От с. Посольское дорога вела в Забайкальский край. Она следовала по левому берегу р. Селенги до Верхнеудинска. Здесь дорога делилась на две главные ветви: одна шла к югу на Селенгинск и далее на Кяхту, а другая на Читку к Нерчинскому заводу и к р. Амур. Вторая (нагорная) дорога пролегла от Иркутска по самому дальнему обводу около западной оконечности Байкала, по руслу р. Иркут, отклоняясь от нее на зимовье Култук, до которого 99 верст, а от последнего через селение Торское на Тункинскую крепость. Далее через караулы вдоль Китайской границы, через крепости: Харацайскую и на Троицкосавскую, а от нее 3,5 версты до Кяхты. Особенностью данного направления было то, что многие из крепостей, например, Тункинская и Кударинская возникли гораздо ранее, чем некоторые остроги или селения.

* По зимнему Байкалу ежегодно с января по март месяц перевозилось около 275 тыс. пудов русского и китайского товара, за что взималась плата от 50 к. до 2 р. 10 к. за пуд.

Литература

1. Журнал Главного Управления путей сообщения и публичных зданий. Книжка вторая. Март-Апрель 1858 г. СПб., 1858. С. 169-190.
2. Журнал Главного Управления путей сообщения и публичных зданий. Книжка третья. Май-Июнь 1858 г. СПб., 1858. С. 223-319.
3. Мишакова О.Э. «Дипломатическая» роль Кяхты в развитии экономических отношений России и Китая в XVIII в. // Гуманитарный вектор. №3 (27). – Чита : Изд-во ЗабГГПУ, 2011. 193 с.
4. Мишакова О.Э. Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX в. // Вестник БГУ. Вып. 7. История. 2011. 172 с.

Мишакова Оксана Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой музейных технологий и охраны наследия ФГОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств», г. Улан-Удэ, 670031, ул. Терешковой, 1, тел. 8 (3012) 233278. E-mail: oksana_mishakova@mail.ru

Mishakova Oksana Eduardovna, candidate of historical sciences, associate professor, head of the department of museum technologies and heritage protection, «East-Siberian State Academy of Culture and Arts», Ulan-Ude, 670031, Tereshkova str., 1. Ph. 8 (3012) 233278. E-mail: oksana_mishakova@mail.ru

УДК 314:94(47+571.5)

© В.С. Ханхараев

**Демографическая история Прибайкалья в XVII–XIX вв.:
некоторые аспекты в контексте колониальной политики России
(к 400-летию династии Романовых)**

В статье представлена попытка осмысления новых подходов к изучению одного из аспектов истории Прибайкалья – демографической истории бурятского народа XVII-XIX вв. в контексте колониальной политики и 400-летнего юбилея династии Романовых.

Ключевые слова: «смутное время», петровская модернизация, 2013 год – год 400-летия династии Романовых, отписки, челобитные, наказные памяти, чертежные росписи и расспросные речи, демографическая история, миграции

V.S. Khankharaev

**The demographic history of Pribaikalye in the XVII–XIX cent.:
some aspects in the context of the Russian colonial policy
(to the 400th anniversary of the Romanovs dynasty)**

The article represents the attempt of interpretation of new approaches to studying one of the aspects of history of Pribaikalye, demographic history of the Buryat people in XVII-XIX centuries in the context of colonial policy and the 400th anniversary of the Romanovs dynasty.

Keywords: «time of troubles», Petrovsky modernization, 2013 – a year of the 400th anniversary of the Romanovs dynasty, formal replies, petitions, nakazny memories, drawing lists and question speeches, demographic history, migrations

В истории Прибайкалья и населяющих его народов есть немало периодов, событий и дат, изменивших судьбу и повлиявших на их дальнейшее развитие. Поскольку анализ проблемы позволяет утверждать, что демографическое развитие выражает весь комплекс условий социально-экономического прогресса, есть необходимость остановиться на тех из них, которые имели опосредованное влияние, но в комплексе их значение следует признать существенным.

Самым сложным в истории бурятского народа XVII-XIX вв., в том числе для его демографической истории, является период присоединения к России. Присоединение бурятских племен ввиду отсутствия у них государственности и потому продолжительное по времени приходится на период утверждения новой династии Романовых после «смутного времени», когда на троне попеременно сменяли друг друга первые пять ее царствующих особ: Михаил Федорович (1596-1645), избранный на престол в 1613 г. и его сын Алексей Михайлович (1624-1676), ставший царем после смерти отца в 1645 г., старший сын Алексея Михайловича – Федор Алексеевич (1661-1682), правивший с 1677 г., Иоанн Алексеевич (1666-1696), на троне вместе под правительством сестры Софьи с Петром I (с 1682 г.) и период его единоличного правления (1696-1725).

Вместе с тем необходимо отметить, что присоединение Прибайкалья, последующее его на-

хождение под защитой Российского государства благоприятно сказалось на социально-экономическом развитии региона в целом и бурят в частности. Так, заинтересованность русской администрации в связи с выплачиваемым бурятами ясаком в их численном росте стала основной его более чем 10-ти кратного в XVII-XIX вв. роста: с 27,3 тыс. чел. до 288,7 тыс. чел. На это указывает эффективно пресекавшаяся (особенно в XVII – начале XVIII в.) межплеменная и межродовая вражда и регулярные монголо-ойратские вторжения. Во второй половине XVIII-XIX вв. основным фактором роста стало их приобщение к земледелию и формирование комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства. На таких значительных его показателях сказывался очевидный для XVII в. недоучет, достигавший по нашим подсчетам, 1,5–2 раза, что увеличивает начальную численность бурят до 40-50 тыс. чел. [1, с.24] Однако и в этом случае получаемый 6-7-кратный рост следует признать значительным, соответствующим его средним значениям по России в целом, население европейской части которой за 1650- 1914 гг. возросло с 18,3 до 111,2 млн (в границах 1914 г.) [2, с. 156]. Последнее может служить еще одним подтверждением корректности произведенных расчетов относительно оценки их численности и размеров ее вероятного недоучета ясачными переписями XVII в.

Последовавшие на рубеже XVII-XVIII вв.

преобразования Петра I, которому принадлежит особое место в ряду правителей России из династии Романовых, превратившие страну в европейскую державу, значительно повлияли на развитие ее регионов. Во второй этап вступило освоение Сибири, в том числе Прибайкалья [3, с. 251].

Усложнение социально-экономических процессов и необходимость их более адекватного отражения требовали новые формы их статистического учета, что непосредственно сказывалось на населении. Необходимость в модернизации страны обусловила замену подворного учета, до этого проводившегося в России, ревизским. Все ревизии проводились путем сбора с населения сказок в определенный (обычно годичный) срок с последующими проверками полученных результатов.

И хотя бурятское население не было охвачено I-II ревизиями (1717-1727 и 1743-1747 гг.), оно было включено в проводимые мероприятия только с III-й ревизии (1762-1767 гг.) [4, с. 51, 61, 66]. Их проведение в последующие почти сто лет – до 1859 г. можно рассматривать как важный этап интеграции его в общероссийские процессы и содействие становлению института местного самоуправления.

О значимости ревизского учета свидетельствует наличие более одной тысячи указов и постановлений Полного собрания законов Российской империи. Вместе с другими печатными и архивными ревизскими материалами они указывают на ту степень значимости, которая придавалась этому мероприятию, имевшему фискальный характер и являвшемуся основным источником налоговых поступлений в государственный бюджет, что позволяют с необходимой степенью полноты осветить ход и условия проведения ревизий.

Следующее важное событие, во многом обусловленное реформаторской деятельностью Петра I, также отразившейся на ходе демографической истории у бурят, стало официальное признание буддизма в период правления его дочери Елизаветы Петровны. В 1741 г. она издала указ, согласно которому признавалось существование у бурят ламаистской веры и утверждалось 11 дацанов (буддийских монастырей) и 150 штатных лам (религиозных учителей). Эта дата считается датой официального признания буддизма в России [5, с. 18]

В 1764 г. Екатерина II учредила пост Пандита-хамбо-ламы – главы буддистов Восточной Сибири и Забайкалья. Это утверждение считается признанием буддизма одной из

государственных религий России.

Представляется, что это важное событие в истории бурятского народа необходимо рассматривать в общем контексте продолжавшейся модернизации страны, т.к. оно вытекало из развивавшегося просвещения, усиления светских начал и общего обмирщения духовной жизни, особенно в высшем сословии Российской империи, обусловивших проведение политики веротерпимости на всей ее территории. Демографический эффект этого мероприятия выражался в том, что последующее распространение и утверждение буддизма у бурят в значительной степени нейтрализовывало увеличивавшееся воздействие на них ассимиляционных процессов, особенно усиливавшихся в процессе их интеграции в российское общество в конце XIX – начале XX в. Это проявилось и на фоне сравнения роста численности забайкальских и забайкальских бурят. Если в целом численность бурят за 1851-1897 гг. выросла на 47% [6, с. 205], то численность первых приблизительно за тот же период не выросла и осталась на одном уровне. Об этом говорят следующие данные. В 1859 г. она составила 55275 ревизских или мужских душ, а в 1897 г. – 11 0745 душ обоего пола. Нетрудно подсчитать, что при количественном равенстве полов в 1859 г. эти сведения дают примерно одинаковую их численность в сравнении с 1897 г. (110 550 и 110 745).

За это же время численность забайкальских бурят увеличилась с 56,6 тыс. ревизских или мужских душ, что при количественном равенстве полов в 1859 г. дает примерно от 113,0 тыс. до 177,6 тыс. обоего пола, увеличившись за 38 лет приблизительно на 57%. Такой прирост (почти 1,5% ежегодно) говорит о благоприятной демографической ситуации, но в то же время указывает на возросшую полноту учета населения в степных думах бурят Забайкалья в конце XIX в.

Одним из важнейших событий в истории Прибайкалья и Забайкалья стало учреждение по указу Сената от 22 июня 1764 г. на основе расселенных в приграничье селенгинских родов бурятского казачества в составе 4-х шестисотенных полков [7, с. 8]. Формирование казачьего сословия у бурят было организовано значительно лучше, чем у крестьян. Лучшая организация учета населения у бурятского казачества на протяжении всего периода его существования сегодня позволяет в большей полноте проводить реконструкции демографических процессов. Так, полнота сведений о численности бурят-казаков и росте их численности за 1852-1897 гг., по ко-

торым она возросла с 9,9 тыс. до 12,2 тыс. чел., т.е. на 0,42% ежегодно, позволила утверждать с большей достоверностью неполноту учета численности бурятского населения в целом в середине XIX в.

Реформаторская деятельность царя Александра I (1801-1825 гг.) и учрежденный им Сибирский комитет, в состав которого вошли на основании его указа такие деятели либерального направления, как М.М. Сперанский и Г.С. Батеньков [8, с. 29], сделала возможной реализацию прогрессивных изменений в управлении коренными народами Сибири. Принятый «Устав об управлении инородцев» от 22 июня 1822 г. [9, §70-71] способствовал ускорению их социально-экономического развития, что непосредственно повлияло на демографическое развитие. Происходившее укрепление органов самоуправления в известной степени способно было выполнять охранительные функции, ограничивать воздействие ассимиляционных процессов. Складываются в этой же связи зачатки народного образования, система которого в это время начала формироваться, которые способствовали росту уровня общественного сознания коренных народов.

Отмена крепостного права и развитие капитализма во второй половине XIX в. вызвали необходимость изменений в формах учета населения. Административно-полицейский учет, применявшийся наряду с ревизским как дополнительный, на протяжении почти сорока лет до проведения первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. стал основным.

Вместе с тем развитие самоуправления в регионах и общее оживление общественной жизни в 1860-90-х гг. как результат реформаторской деятельности Александра II вызвало необходимость проведения местных (губернских, областных и городских) переписей. Их материалы по-

зволили существенно расширить и обогатить материал исследования по демографической истории бурятского народа, в особенности его отдельных территориальных групп [10]. Основываясь на данных этих форм учета, удалось выявить существенные различия в динамике численности пребайкальских и забайкальских бурят во второй половине XIX в.

Важнейшим мероприятием было проведение Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В известной степени она подвела итог демографическому развитию России за вторую половину XIX в., когда происходили важные изменения в модернизации страны, в том числе ее демографическую сферу. В Прибайкалье (особенно у бурятского населения) демографическое развитие определялось тенденциями, свойственными традиционному типу воспроизводства населения.

Царская Россия, как хорошо известно, рассматривалась в советской исторической и в целом общественно-политической литературе как «тюрьма народов». Ленинское определение относительно положения нерусских народов в стране, подчеркивающего степень национального неравноправия, угнетения и в целом необычайной остроты национального вопроса к концу правления Романовых и имперского периода, и сегодня объективно. Вместе с тем все же необходимо отметить, что в процессе модернизации российского общества, проявившейся в национальных регионах в колониальной ее форме, объективно создавались условия для приобщения бурят к новым формам экономической и социальной жизни, культуры и быта, идеологии и общественного сознания. Все эти изменения в необходимой полноте отразила демографическая история бурятского народа, составная часть его непростой истории.

Литература

1. Ханхараев В.С. Буряты в XVII-XVIII вв.: демографическая история и этнические процессы. – Улан-Удэ, 2000. – С. 24.
2. Шелестов Д.К. Историческая демография. – М., 1987. С. 156. Таб. 4.
3. Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири. – Новосибирск, 1975. – С. 251.
4. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. – М., 1963. – С. 51, 61, 66.
5. Ламаизм в Бурятии XVIII- начала XX вв. Новосибирск. 1983. С. 18.
6. Ханхараев В.С. Демографические процессы у бурят Иркутской губернии во второй половине XIX в. // Мир Центральной Азии. Археология. Этнография. Т.1: материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 2002. – С. 205.
7. Базаржапов В.Б. Происхождение инородческого казачества // Казачество в истории России и пограничья: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 4 декабря 2009 г.). – Улан-Удэ, 2010. – С. 8.
8. Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. 1. Письма (1813-1856). – Иркутск, 1989. – С. 29.
9. ПСЗ. Собр.1. Т. 38. № 29126. § 70-71.
10. Ханхараев В.С. Демография аларских бурят-ламаитов во второй половине XIX в. // Вестник БГУ. Серия 4. История. Вып. 5. 2002. С. 48-56; Его же. Некоторые аспекты демографических процессов у бурят Забайкалья во второй половине XIX в. (на материалах Хоринской степной думы) // Диаспоры в контексте современных этнокультурных и этносоциальных про-

цесов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. – С. 21-26; Его же. Буряты Баргузинской степной думы во второй половине XIX в.: народонаселение, территория, этнические процессы (к проблеме исторических аспектов устойчивого развития) // Улымжи-евские чтения-III: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. – С. 218-222; Его же. Буряты Кудинской степной думы в XIX в.: социально-экономическое развитие и демографические процессы // Внутренняя Азия в геополитической и цивилизационной динамике: Егуновские чтения: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. – С. 254-263; Его же. Бурятское казачество в XIX в.: динамика численности и демографические процессы // Казачество в истории России и пограничья. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 46-51; Его же. Буряты Бумалготольского рода в середине XIX в.: проблема демографии семьи на материалах Селенгинской степной думы // Монгольский мир: новый век – новые вызовы. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2011. – С.304-310.

Ханхараев Виктор Сафронович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Бурятского государственного университета. 670000 г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а.

Khankharaev Victor Safronovich – candidate of historical sciences, associate professor, department of general history, Buryat State University. 670000 Ulan-Ude, Smolin str. 24 a.

УДК 947:321](571.54/55+571.6)

© *О.П. Еланцева*

Восточный институт в Верхнеудинске: страницы краткого пребывания

В статье рассматривается малоизученный период в истории Восточного института, связанный с его эвакуацией в 1905 г. из Владивостока в Забайкалье. Основой материала послужили впервые вводимые в научный оборот уникальные архивные документы: телеграммы, письма, резолюция студенческой корпорации Восточного института, протоколы заседаний правления института и др.

Ключевые слова: Восточный институт, высшее образование, история Дальнего Востока, история Забайкалья, русско-японская война, революция 1905-1907 гг., эвакуация, Верхнеудинск, Владивосток, министерство народного просвещения, региональная власть.

O.P. Elantseva

The Oriental Institute in Verkhneudinsk: pages of short stay

The article considers a less-studied period in the history of the Oriental Institute in Verkhneudinsk. This period is connected with its evacuation from Vladivostok to Transbaikalia in 1905. The basis of the material is the unique archival documents, which have been first introduced in the scientific use. They are: telegrams, letters, the resolution of student's corporation of the Oriental Institute, protocols of board meetings of the Institute etc.

Keywords: the Oriental Institute, higher education, the history of the Far East, the history of Transbaikalia, the Russian-Japanese war, the Revolution of 1905-1907, evacuation, Verkhneudinsk, Vladivostok, Ministry of People's education, regional authorities.

В 1899 г. на российском Дальнем Востоке появилось первое высшее учебное заведение – Восточный институт. Шестой год его существования, пришедшийся на время русско-японской войны и начало российской революции, стал, по оценке профессоров и преподавателей, «чрезвычайно тяжелым и характеризовался беспрецедентным стечением целого ряда неблагоприятных условий и обстоятельств, заставивших институт, поистине, бедствовать» [10, с.127]. Особое место в этом ряду занимала эвакуация вуза в Забайкалье, частично отраженная в документах и материалах по истории Дальневосточного государственного университета [4, с. 40-41; 8, с. 108-116; 211-216] и в некоторых статьях [14]. К сожалению, ограниченный круг источников, используемых авторами, привел к появлению неточностей и ошибочных утверждений.

В основу положены впервые вводимые в научный оборот документы: телеграммы министра

народного просвещения, приамурского генерал-губернатора, директора Восточного института, его профессоров и студентов; докладные записки, письма, представления, резолюции, протоколы заседаний правления института¹ [15, 20]; протоколы заседаний конференции Восточного института², отчеты о его состоянии и деятельности [10, 12, 13]; газетные публикации 1905 г. [1-3].

С началом русско-японской войны вероятность эвакуации этого учебного заведения активно рассматривалась на уровне Министерства народного просвещения (МНП), штаба Приамурского военного округа, Приамурского генерал-губернатора [15, л. 70-70 об., 115-115 об.; 20, л. 4-5, 31, 35 об.]. В обсуждениях, проходивших в Хабаровске летом 1905 г. с участием и.д. директора института Е.Г. Спальвина, эвакуация вуза была признана нецелесообразной, тем более что «в случае надобности воспитан-

ники института, наравне с прочими жителями Владивостока будут назначены в ряды защитников крепости с зачислением их на казенное довольствие» [3, 30 июля].

Сегодня трудно установить, кто первым инициировал переезд Восточного института. Во Всеподданнейшем докладе министра народного просвещения В.Г. Глазова (январь 1905 г.) отмечено, что из-за угрозы возможной блокады Владивостока не только с моря, но и с суши, директор Восточного института Д.М. Позднеев³ возбудил ходатайство о переводе учебного заведения в Верхнеудинск [18, л. 1]. В другом документе – телеграмме (6 января 1905 г.) и.д. Приамурского генерал-губернатора М.С. Андреев сообщал В.Г. Глазову о признании необходимости перевода Восточного института в Верхнеудинск и о поручении военному губернатору Забайкальской области найти здание для перемещаемого вуза. Несколько дней спустя М.С. Андреев информировал министра: «... в виду экстренной эвакуации из Владивостока учебных заведений и, не имея ответа на телеграмму [от] 6 января, я разрешил Восточному институту нанять [в] Верхнеудинске помещение за семь тысяч рублей» [15, л. 108, 109, 117]. Таким образом, перевод вуза состоялся без окончательного согласования с МНП. В этой связи любопытна деталь, указанная в письме в министерство от 5 ноября 1905 г. профессорами Восточного института Е.Г. Спальвиным и Н.П. Таберию: перевод учебного заведения из Владивостока был организован «под секретом, без участия Конференции» [19, л. 9-10].

24 января 1905 г. Восточный институт покинул крепость Владивосток. По распоряжению краевых властей [16, л. 151об.] ему предоставили специальный поезд; проезд и провоз багажа отнесли на казенный счет; питание студентов производили из средств учебного заведения.

4 февраля 1905 г. Восточный институт, преодолев нелегкий 12-дневный путь, добрался до места нового назначения. В Забайкалье прибыли 61 студент, 10 офицеров-слушателей первого курса и 6 посторонних слушателей [10, с. 132]. Этим же поездом приехали директор института Д.М. Позднеев, инспектор, и.д. профессора корейской словесности Г.В. Подставин, профессора китайской словесности А.В. Рудаков и П.П. Шмидт, и.д. профессоров историко-географических наук Н.В. Кюнер и японской словесности Е.Г. Спальвин, юридических наук Н.П. Таберию и Н.И. Кохановский, коммерческих наук Н.Н. Дмитриев, лекторы европейских языков (английского – Я.И. Бойль, французского

– С.П. Таккеля), лекторы восточных языков (монгольского – Г.Ц. Цыбиков, японского – З.А. Маеда и др.).

Д.М. Позднеев писал в Санкт-Петербург: «Восточный институт прибыл [в] Верхнеудинск совершенно благополучно. Здесь инспектором училищ Окунцовым⁴ наняты два дома-особняка и [в] третьем доме второй этаж по контракту на год до 1 февраля 1906 года всего за 5800 рублей. На наем помещения и расходы [по] переезду выдано генерал-губернатором 7000 рублей...». И далее директор отмечал: «[В] Верхнеудинске институт будет помещен довольно удобно, соответственно достоинству высшего учебного заведения. Аудитория [в] одном [из] лучших зданий [в] центре города, библиотека, канцелярия, служащие – близ вокзала» [15, л. 136, 137]. Для размещения Восточного института были наняты дома Рубинштейна, Сбоева и Красавцева. В последнем, расположенном на Большой улице, место заняла канцелярия института.

В течение недели-другой намечалось обустроить учебные классы и 16 февраля начать занятия. Еще до переезда Д.М. Позднеев обнадеживал, что деятельность института в Верхнеудинске сохранит «за собой совершенно тот же вид, какой она имела бы во Владивостоке в мирное время», а «всему преподавательскому персоналу... будет заниматься спокойнее». По его мнению, на новом месте «институт закончил бы правильно свой академический год, затянув его до июня в случае необходимости⁵; следующий учебный год начал бы нормально с таким же контингентом первокурсников, как и в предыдущие года; командировки студентов⁶ состоялись бы в совершенно нормальных условиях. Профессорский персонал мог бы воспользоваться обычным образом каникулами для своих запланированных работ и поездок, выпуск IV курса состоялся бы обычным образом» [12, с. 96].

Реальность оказалась совершенно иной. 21 февраля 1905 г. вследствие студенческих сходок распоряжением Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Андреева лекции в Восточном институте так и не начавшись, были прекращены, 59 студентов уволены из института, а офицеры-слушатели отправлены в свои воинские части [14, с.142; 18, л. 29об.]. Восточный институт прекратил выполнять свою основную функцию – учебную.

Сегодня, обращаясь к документам далекого прошлого, видим, насколько накалилась обстановка в Восточном институте и вокруг него в течение 1905 г. На наш взгляд, одна из главных

причин крылась в ошибочной оценке внутренней ситуации в Верхнеудинске, сделанной по меркам довоенного времени, и неадекватной реакцией на нее. В русско-японскую войну населенные пункты Забайкальской области, подобно Владивостоку, стали ближайшим тылом и прифронтовой полосой со всеми вытекающими отсюда последствиями. В Верхнеудинске были развернуты разного рода военные организации и учреждения, в том числе несколько госпиталей с сотнями пациентов, передислоцированных из Приморской области и Приамурья. Число свободных помещений было ограничено. Тем не менее верхнеудинцы, среди которых было немало активных сторонников народного просвещения [11, с. 41, 42; 15, Л. 115-об.-116], нашли возможность разместить Восточный институт. Проблематичнее оказалось с квартирами для служебного, преподавательского, студенческого состава. Несмотря на неоднократные обращения на страницах «Верхнеудинского листка» к жителям сообщить городской управе или И.К. Окунцову «о желании сдавать семейные квартиры и отдельные комнаты со столом для профессоров и студентов Восточного института» [2, 16-22 янв.], предложений поступало мало.

Во Владивостоке студенты, удостоенные казенных стипендий (18 чел. на январь 1905 г.), проживали в интернате⁷. Денег на руки они не получали, но обеспечивались питанием, одеждой, обувью, лекторы восточных языков вели вечерние занятия. Руководство Восточного института, запрашивая у Приамурского генерал-губернатора разрешение на закрытие интерната, предложило выдать студентам стипендии наличными. М.С. Андреев согласился, уточнив, что их следует «выдавать не иначе, как ежемесячно, с вычетом необходимых командировочных денег» [10, с. 96]. Но это не решило жилищной проблемы студентов.

Как следует из телеграммы Д.М. Позднеева в МНП, «... [в] городе [с] приездом института спекуляция подняла цены на квартиры до небывалых, ненормальных размеров, недоступных студентам» [15, Л.137], что подтверждала и местная пресса: город «словно сошел с ума. У обывателя вскружилась голова и он вошел в азарт в погоне за деньгами, «ловя удобный момент» ... Цены на все поднялись до невероятности: за комнату, за дом просят в 3, в 4 раза дороже обычной платы» [2, 9 февр.].

В Верхнеудинске студентам предложили один из нанятых для вуза домов «с правом проживать там до приискания квартиры» [16, л. 151об.]. Однако условия проживания оставляли

желать лучшего. По сообщению «Верхнеудинского листка»: «... студенты пока ютятся в нескольких комнатах института и спят на соломе, а то и прямо на полу» [2, 9 февр.]. Некоторые шаги «для борьбы с этим злом» предпринял директор института. Ставя задачу «организации небольших студенческих квартир», он с помощью военных нашел вариант временного проживания студентов «в летнем помещении убежища» [15, л.137]. Студентов, желающих воспользоваться таким жильем, не нашлось из-за низких температур в весенние месяцы и отдаленности «убежища» от города.

Приехавшим трудно было решить и другую насущную проблему – проблему питания. До русско-японской войны Верхнеудинск бесперебойно снабжался местными (хлеб, мясо, рыба и др.) продуктами питания. «Вздоровало, – отмечал неоднократно «Верхнеудинский листок», – и дорожает все и вся, в большинстве случаев не соображаясь ни с привозом, ни со спросом. А просто потому, что вообще дорожает и есть возможность продать дороже» [2, 31 авг.; 9, с.207].

Для снятия остроты проблемы пропитания студентов Д.М. Позднеев обратился в Петербургскую штаб-квартиру Красного Креста (телеграмма от 12 февраля в МНП) с просьбой разрешить «студентам пользоваться [в] Одесском госпитале⁸ порциями [по] казенной цене... «, то есть «обедом из двух блюд ценой 30 копеек за обед» [16, л. 82; 12, с. 102]. И так, в условиях военного времени на плечи самих студентов были переложены сложнейшие задачи «приискания для себя помещения и стола» во время их восьмимесячного пребывания в Верхнеудинске.

Подрабатывавших студентов (уроки, переписка бумаг, пение в церковном хоре) интересовала возможность дополнительных заработков и в Верхнеудинске. Поскольку прежние заверения директора Д.М. Позднеева: «Если не будет заработков, найдутся средства в институте» в Верхнеудинске приобрели четко выраженную позицию: «просьбы студентов не будут удовлетворены» [15, л. 378-378об.], в местных газетах замелькали объявления: «Студент желает иметь уроки», «Даю уроки английского, немецкого и французского языков и готовлю в средние учебные заведения», «Студент... ищет урока. Согласен за стол и квартиру или эквивалентный гонорар» [1, 10 апр.; 2, 6-16 февр.].

Одновременно резко возрос поток прошений студентов о зачислении их в казенные стипендиаты, об освобождении от уплаты взноса за слушание лекций, о выдаче ежемесячного пособия не менее 35 р. в месяц и т.д. Конференция

Восточного института, в полном ведении которой находилось распределение этих благ, постановила в феврале выдать шесть пособий по 35 и одно по 20 р., а прошения трех студентов – Коханского, Рогозинского и Рацевича – отклонила, «посчитав их малоспособными, не работающими, не посещающими лекции» [19, л. 270]. В последующем профессор Восточного института признали допущенную ошибку. Кстати, она извлекла уроки из этого печального опыта и, вернувшись во Владивосток, назначила пособия всем студентам, подавшим заявления. Решение Конференции Восточного института следует признать непродуманным и потому, что ситуация, в которую попали студенты, была во многом спровоцирована неверными административными шагами, и потому, что сами чины Восточного института получили несколько пособий («по случаю военного времени», «по случаю роста цен на все предметы потребления», «на переезд» из Приморья в Забайкалье и обратно) почти в 17 тыс. р. [подсчитано по: 10, с.139, 140].

Отказ Конференции Восточного института в помощи нуждающимся студентам, несмотря на имеющиеся стипендиальные средства, вызвал протест студентов, показал их коллективизм, взаимную поддержку и солидарность. Такой подход российское студенчество проявляло и раньше – в 1899 г., в 1901 г. и, конечно же, в 1905 г.

10 февраля 1905 г. группа студентов обратилась к Д.М. Позднееву с настоятельной просьбой, во-первых, выдать денежное пособие Рацевичу, Рогозинскому, Коханскому; во-вторых, гарантировать субсидии студентам до конца семестра (или учебного года) и, в-третьих, перенести отчетные репетиции с февраля на март. В противном случае они отказывались посещать занятия. Конференция не сочла возможным изменить или отменить свои постановления, что вывело противостояние в институте на новый виток.

14 февраля произошла инициированная студентами встреча с директором Восточного института и их неудачная попытка передать Д.М. Позднееву подготовленную резолюцию. Директор, неукоснительно следуя служебным инструкциям МНП, воспользовался своим правом не принимать никаких коллективных заявлений. Тогда молодые люди решили зачитать документ Д.М. Позднееву, что и было сделано 15 февраля в 12 часов дня в доме Рубинштейна в присутствии всех студентов и слушателей-офицеров.

В резолюции [16, л. 107, 108] подчеркива-

лось, что на студента, оказавшегося «без достаточных материальных средств» и желавшего получить пособие или сделать денежный заем из институтских средств, «устраивалась экзаменационная травля». Экзаменационные комиссии работали с заранее предрежденным исходом экзаменов. При распределении стипендиального фонда деньги попадали к «лицам приятным почему-либо начальству», как правило, хорошо обеспеченным. В этом отношении Восточный институт не был исключением среди российских вузов [7, с. 271].

Студенты указывали на просчеты в научном и учебном процессах, в методике проведения занятий, ориентировавших на постоянное «механическое приискивание [по] словарям и заучивание ... слов и переводов восточных языков». Резолюция гласила: «Из «апломба» профессор брался за любую вакантную кафедру, черпая для своих «лекций» науку из старых избитых изданий отечественной ... литературы, часто без всяких изменений или читая по печатной книге», могли «менять кафедры ежегодно..., занимать их несколько». Некоторые профессора «были совершенно не готовы к ведению взятого непосильного дела». Таких преподавателей авторы документа освобождали «от невнятной декламации чужих общеизвестных печатных учебников в виду ... поголовной грамотности студентов» [16, л. 109, 113-114].

В разделе «Частные причины отсталости нашего учебного заведения» [16, л. 112] указывалось на «намеренно плохой выбор безгласной профессуры» бывшим директором А.М. Позднеевым, создавшим институтскую жизнь по образцу дореформенной бursy и отсутствие европейской образованности у руководителя, что чрезвычайно оскорбило бывших и настоящих (1905) профессоров.

Заключительная часть резолюции обращала внимание Д.М. Позднеева на «желательность привлечения в институт серьезных научных сил из среды специалистов филологов и счетоводов ..., юристов» и призывала директора не погубить «учебного заведения из бюрократических тенденций» [16, л. 114].

16 февраля 1905 г. Конференция обсудила документ студенческой корпорации, расценив его как «незаслуженное оскорбление всей профессорской корпорации Восточного института в полном ее составе». Директор своей властью приостановил учебные занятия «впредь до особого распоряжения», министру народного просвещения и Приамурскому генерал-губернатору было заявлено о коллективной отставке 10 про-

фессоров и преподавателей института во главе с директором. Отметим, что отказ профессоров от чтения лекций так обострил ситуацию, что для ее разбирательства пришлось прибегнуть к содействию прокурора Читинского окружного суда Студзинского [19, л. 270]. Следствие по делу растянулось на многие месяцы.

Министр народного просвещения В.Г. Глазов поспешил телеграфировать в Верхнеудинск, что «профессора института блистательно доказали свою правоспособность теми выпусками, которые принесли ... пользу государству», отставка профессоров не может быть принята, а «всеми составу института надлежит оставаться на месте до окончания назначенного генералом [М.С. Андреевым. – О.Е.] следствия» [16, л. 96]. Касаясь другой конфликтующей стороны, глава министерства предлагал уволить всех студентов, нежелающих продолжения занятий [16, л. 88].

По нашему мнению, резолюция студенческой корпорации Восточного института была обращена прежде всего и главным образом к директору – управленцу и администратору, от которого зависел подбор кадров, контингент студентов, организация учебного процесса и многое другое. В этой непростой ситуации он решал многое. Прояви М.Д. Позднеев мудрость, глубокое понимание происходящего, отвергни для выяснения мнения студентов путь открытого голосования и предложи «закрытую баллотировку» – принятие резолюции становилось бы весьма проблематичным. Около 23 студентов сомневались в резолюции, считая, «что из этого ничего не выйдет», как свидетельствует из письма студента Крыловского Д.М. Позднееву [15, л. 379]. Одни были не согласны с упоминанием в ней фамилий преподавателей, другие (большинство) видели ее нежелательные последствия – прекращение занятий и потеря года обучения.

Утверждение резолюции лишь вызывало необходимость ее внимательного прочтения и тщательного изучения. Тем более что Приамурский генерал-губернатор в телеграмме 21 февраля 1905 г. министру народного просвещения допускал обоснованность некоторых жалоб студентов [16, л. 107, 113]. Это же в ходе расследования подтвердили преподаватели Н.И. Кохановский, Г.Ц. Цыбиков, Н.П. Таберию и др.

Можно согласиться с нелестным мнением об организации учебной и научной деятельности института студентов, принимавших в ней непосредственное участие, что в немалой степени объяснялось молодостью вуза, созданного на восточной окраине государства, неопытностью его профессорско-преподавательского состава,

отсутствием в России должной методической базы. Вместе с тем трудно не возразить студентам, указывающим на отсутствие соответствующего уровня образования профессорско-преподавательского состава. Последнее относилось прежде всего к А.М. Позднееву. Ближе к истине был тот же студент Крыловский, увидевший истоки некоторых неудач первого директора в совмещении им сложнейших направлений деятельности (административной, учебной и научной) в условиях становления нового вуза. Преподаватели же Н.И. Кохановский, Г.Ц. Цыбиков, Е.Г. Спальвин, А. В. Рудаков получили прекрасное образование, но подготовка и апробация совершенно новых учебных курсов требовали как огромных интеллектуальных усилий, так и многолетней практики. На первых порах ошибки были неизбежны.

Нельзя не отметить телеграфную переписку директора института с вышестоящими органами и некорректное изложение им информации, о чем было известно студентам. Так, в руководящие инстанции директор отправил несколько многостраничных телеграмм-комментариев студенческой резолюции, «забыв» указать в них ее первое предложение, гласившее: «Студенчество отклоняет объявленную забастовку и начинает занятия». Более того, в заключительной части документа студенты признавали себя нравственно обязанными «теперь больше, чем когда-либо приобретать соответствующие и необходимые ... при войне и мире знания» [16, л. 107, 113]. В изменившемся подходе студентов можно увидеть влияние офицеров-слушателей Восточного института. Старше по возрасту, связанные дисциплиной, пониманием военно-политической ситуации, в которой оказалась Россия на Дальнем Востоке, они не принимали участия в студенческих «беспорядках» и настойчиво выступали за продолжение учебных занятий.

Непримиримую, негибкую позицию Д.М. Позднеева по отношению к учащимся своего вуза высвечивает еще один факт. 19 февраля 1905 г. студенты вновь обратились к руководителю института, высказывая настойчивое желание продолжить учебные занятия. Для этого они просили, во-первых, передать в их распоряжение библиотеку института и лекторов восточных языков, а во-вторых, сохранить за ними все пособия и стипендии. В ответ распоряжением директора вход в институт для студентов был закрыт. Неслучайно уже 3 марта 1905 г., сориентировавшись в ситуации в Восточном институте, М.С. Андреев посчитал себя «обязанным зая-

вить министру просвещения, что Д.М. Позднеев не приносит пользу институту» [15, л. 158]. Не менее ясно он подтвердил свою точку зрения в марте 1906 г.: «Ввиду неприязненного отношения студентов к Позднееву и возможности повторения подобных случаев в будущем я нахожу неудобным возвращение Позднеева⁹ обратно в институт» [17, л. 66].

13 июля 1905 г. департамент народного просвещения провел заседание с приглашением директора Д.М. Позднеева, инспектора Г.В. Подставина, инспектора училищ Приамурского края В.П. Маргаритова по вопросу о беспорядках в Восточном институте. Д.М. Позднеев сохранил за собой пост директора института.

1 сентября 1905 г. начались занятия на первом курсе института, а 23 сентября – на втором курсе корейско-китайского отделения. Процесс восстановления исключенных из института шел очень медленно.

23 сентября бывшие студенты обратились к министру просвещения, указывая, что посещает занятия лишь ограниченный круг лиц, в то время как основная масса студенчества «тщетно ожидает известия своего положения» и просили содействия в скорейшем выяснении судьбы уволенных студентов и создании в институте нормальной академической жизни [15, л. 332-332об].

27 сентября отчисленные востоковеды потребовали от Д.М. Позднеева немедленно покинуть институт, что было расценено как «нанесение оскорблений». В Санкт-Петербург ушла его телеграмма с живописанием бесчинств бывших студентов [16, л. 121-122]. Иная картина произошедшего дана корреспондентом «Байкала»: «27 сентября в 12 час. дня состоялась сходка бывших студентов Восточного института, после которой все участники ... направились в квартиру директора Д.М. Позднеева. Здесь произошел обмен мыслей по поводу студенческих волнений вообще и в частности по поводу индифферентного отношения Позднеева к делу о положении бывших студентов. Затем было произнесено несколько речей, в которых братья Позднеевы отмечались виновниками существующего, отсталого во всех отношениях институтского режима, с указанием Д.М. Позднееву на необходимость

оставить занимаемый им пост директора Восточного института» [1, 5 окт.].

27 сентября учебный процесс в Восточном институте был приостановлен директором, 28 сентября – Конференцией до особого распоряжения Приамурского генерал-губернатора, 30 сентября министр В.Г. Глазов телеграфировал в Верхнеудинск: «Скорблю о всем случившемся, отнюдь не влияющем на Ваше служебное и общественное положение. Считаю Ваш уход большой потерей для института, прошу остаться директором, телеграфирую генерал-губернатору об ограждении от беспорядков» [16, л. 127]. Окончание русско-японской войны и снятие осадного положения крепости способствовало возвращению института во Владивосток.

13 октября 1905 г. офицеры-слушатели, несколько студентов и педагогический персонал Восточного института (без находившихся в отпусках или командировках Е.Г. Спальвина, Н.П. Таберия, Н.В. Кюнера, Н.И. Кохановского) отбыли из Верхнеудинска [2, 14 окт.]. 23 октября 1905 г. Восточный институт благополучно прибыл во Владивосток [15, л. 364].

Таким образом, судьба Восточного института в эвакуации осложнялась диаметрально противоположной оценкой деятельности ее директора: полной поддержкой со стороны министра В.Г. Глазова и неприятием со стороны региональных властей. Безусловно, сказывалась поспешность, необдуманность решений, принимаемых как руководством вуза, так и вышестоящими управленческими структурами. Студенческие требования, прозвучавшие в Верхнеудинске, диктовались тяжелым материально-бытовым положением студентов еще до прибытия в Забайкалье. Во Владивостоке они были «истомлены общей материальной ... необеспеченностью и обычной печальной необходимостью соединять научные занятия в институте с трудовым заработком» [10, с.128.]. В 1905 г. к этому добавились не только неблагоприятные условия эвакуации из одного города в другой, но и напряженные социально-политические и экономические условия всей российской действительности, Забайкалья в том числе, влияние революционных событий, военные и иные обстоятельства.

Примечания

1. В состав правления Восточного института входил директор, инспектор и несколько профессоров и преподавателей.
2. Конференция – совет, собрание профессоров и преподавателей Восточного института.
3. Позднеев Дмитрий Матвеевич был директором института с 1904 г. по 1906 г. На этом посту он сменил своего старшего брата Алексея Матвеевича Позднеева, руководившего институтом в 1899-1903 гг.

4. Окунцов Иван Кузьмич являлся не только инспектором училищ в Забайкалье, но и был официальным представителем Восточного института в Верхнеудинске и защитником его интересов в деле найма помещений и во всех связанных с его водворением делах [2, 12 янв.].
5. Ранее учебный год заканчивался в конце апреля – начале мая.
6. Имелись в виду каникулярные поездки студентов в Китай, Японию, Корею.
7. Годовое финансирование составляло 15 тыс. руб. [10, с.139].
8. Выше упоминалось размещение в Верхнеудинске ряда госпиталей. Они имели разные названия, в том числе Одесский, Пермский и т.д.
9. Д.М. Позднеев с ноября 1905 г. находился в отпуске.

Литература

1. Байкал. – Кяхта, 1905.
2. Верхнеудинский листок. – Верхнеудинск, 1905.
3. Владивосток. – Владивосток, 1904. 30 июля.
4. Дальневосточный государственный университет. История и современность. 1899–1999. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 704 с.
5. Дальний Восток: газета, посвященная интересам Приамурского края, г. Владивосток.
6. Журнал Министерства народного просвещения. – 1901. – Июль–август.
7. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. – М.: РОССПЭН, 1999. – 414 с.
8. История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939 гг. 2-е изд., испр. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 617 с.
9. Михеев Б.В. Участие населения Забайкальской области в русско-японской войне 1904–1905 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Востоковедение». – 2012. – Вып. 8. – С.207–209.
10. Отчет о состоянии и деятельности Восточного института за 1905 год // Известия Восточного института. Т. XV. Приложение. – Владивосток, 1907. – 127–154.
11. Паликова Т.В. «... И общество... высказывает признаки более участливого отношения к учебному делу» // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «История». – 2009. – Вып. 7. – С.41–45.
12. Протоколы Конференции Восточного института за январь–апрель 1905 года // Известия Восточного института. Т. XIV. Приложение 3-е. Владивосток, 1907. – 81–137.
13. Протоколы Конференции Восточного института за 1905/1906 академический год // Известия Восточного института. Т. XV. Приложение. – Владивосток, 1907. – С.1–126.
14. Пькин В.М. Верхнеудинский период истории Восточного института (1905–1906 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008 – № 7. – С.141–144.
15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.733.Оп.151. Д.94.
16. РГИА. Ф.733. Оп. 151. Д.95.
17. РГИА. Ф.733. Оп. 151. Д.96.
18. РГИА. Ф.733.Оп.226. Д.117.
19. РГИА. Ф.733. Оп. 153. Д.279.
20. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (г. Владивосток) (РГИА ДВ). Ф.1. Оп. 5. Д. 1509.

Еланцева Ольга Павловна, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории и архивоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток) адрес: 690090, г. Владивосток, ул. Алеутская. Д.65-б, каб.123. Тел.: (8 423) 46-61-74. E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

Elantseva Olga Pavlovna, doctor of historical sciences, professor, department of homeland history and archive studies, Far-Eastern Federal University (Vladivostok). Address: Aleytskay str., 65-b, off.123). E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

УДК 330:947(571.55+571.54)

© Ю.Б. Санданов

Развитие товарно-денежных отношений в Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в.

В статье рассматриваются происходившие на рубеже веков социально-экономические изменения в Забайкальской области.

Ключевые слова: Забайкальская область, капиталистические отношения, экономическое развитие.

Yu.B. Sandanov

Development of commodity-money relations in the Transbaikalia area in the first half XIX – early XX century

In the article the social and economic changes in Transbaikalia area are considered; they took place at a turn of centuries.

Keywords: Transbaikalia area, capitalist relations, economic development.

Во второй половине XIX – начале XX в. в социально-экономической жизни Забайкальской области начинается распространение капиталистических отношений. Происходят значительные изменения в области внутренней и внешней торговли, промышленности, социальных отношений, усиливаются товарно-денежные отношения, растут рынки сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции, численность пролетариата. Вместе с тем наиболее важные перемены происходят в аграрном секторе, поскольку земледелие и скотоводство по-прежнему оставались ведущими отраслями хозяйства Забайкалья, а подавляющая часть населения проживала в сельской местности – русское и бурятское крестьянство вместе с казаками составляли более 90% общей численности.

Значительные перемены произошли в земледельческом производстве региона. Во второй половине XIX в. Сибирь превращалась в один из наиболее быстро и динамично развивающихся аграрных районов страны, обогнав к началу двадцатого столетия по среднегодовым темпам

прироста посевов хлебов даже Новороссию и Северный Кавказ. Особенно возросли темпы экономического развития Сибири после завершения строительства Транссибирской железнодорожной магистрали. И хотя Забайкальская область в уровне развития земледелия уступала ведущим производителям хлеба в Сибири, распространение капиталистических отношений благоприятно сказалось и здесь. В результате развития товарно-денежных отношений, роста рынка наемной рабочей силы, увеличения емкости рынков сбыта сельскохозяйственной продукции и ряда других причин в крае постоянно идет увеличение посевов зерновых и картофеля, рост посевных площадей. Так, например, по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., с 1897 по 1916 г. общее число хозяйств увеличилось на 29,1%, а посевная площадь за этот же период возросла на 34,2% [1]. Динамика роста посевных площадей в Сибири в целом и в Забайкалье в частности убедительно демонстрирует следующая таблица [2]:

Таблица 1

Динамика роста посевных площадей в Сибири

Годы	Общая посевная площадь в тысячах десятин							В % к 1901-1905
	Акмолинская	Тобольская	Томская	Енисейская	Иркутская	Забайкальская	Сибирь	
1897	158,7	1167,3	1356,5	304,5	347,2	327,6	2305,3	-
1901-05	266,8	1165,9	1455,0	411,3	360,5	327,6	3987,1	100
1906-10	336,5	1248,8	2095,4	455,4	363,0	343,0	4842,9	121
1911-15	945,3	1481,3	3344,4	556,9	421,8	347,0	7096,7	178
1911	667,3	415,4	2660,5	453,0	367,9	344,4	5908,5	148
1912	761,7	1156,0	3026,3	517,4	376,4	347,5	6185,2	155
1913	973,0	1532,7	544,1	614,5	392,5	357,9	7414,6	186
1914	1146,9	1631,5	3861,0	590,9	372,7	351,3	7954,5	200
1915	1178,0	1669,9	3629,8	609,7	324,9	333,8	7746,2	194

1916	1324,1	1702,1	3307,6	625,9	425,0	333,8	7718,5	193
1917	1528,3	1702,4	3894,7	706,7	410,4	457,7	8720,2	219

Необходимо сказать, что рост посевных площадей происходил не только в абсолютных числах, но и в расчете на душу населения. Например, в 1897 г. численность населения составляла 569 192 чел., засевали они 326 165,2 десятины посева. В 1916 г. численность населения увеличилась до 679 394 чел., а размер посевов составил 457 345,1 десятин. Таким образом, если в 1897 г. на одну душу населения приходилось примерно 0,57 десятин посева, то в 1916 г. было уже 0,67 десятин. Увеличивался в это время валовой сбор зерна и его чистый сбор. Например, в 1914 г. в области валовой сбор зерновых хлебов и картофеля составил 15 189 509 пудов хлеба и 4832460 пудов картофеля, а чистый сбор – 12 844 639 пудов и 4 872 840 пудов соответственно.

Важно отметить, что на рубеже двух веков значительно возрастает и товарность земледелия. По данным переписи 1897 г., чистый сбор с 326 277 десятин посева составил 11 028 115 пудов хлеба, из которых 5 892 204 пуда, или 53,4%

было товарным. Причем товаризация зернового хозяйства бурят была выше, чем у русских крестьян и казаков, несмотря на то, что в абсолютных цифрах бурятские хозяйства производили хлеба значительно меньше. В целом русские крестьяне, особенно старообрядческое население, были основными производителями хлеба и картофеля. А основными производителями товарного хлеба были зажиточные русские и бурятские хозяева. Примечательно, что хозяйства, имевшие в области запашку более чем 15 десятин, составляли всего 8% от всех хозяйств, но именно они производили около 60% всей массы товарного хлеба. В то же время огромная масса хозяйств (58,8%) вообще не принимала участия в товарном производстве хлеба. Представители этой группы закупали для своих нужд около трех млн пудов хлеба, что составляло более 50% всего товарного хлеба [3, с. 494]. Приводимая ниже таблица демонстрирует удельный вес товарного хлеба по отношению к его чистому сбору [4, с. 26].

Таблица 2

Соотношение товарного хлеба по отношению к чистому сбору

Периоды	Количество хлеба в пудах (в тысячах пудов)			
	Потребного на продовольственные и фуражные нужды	Продано на рынке	Всего	% проданного на рынке хлеба
1850-е	4 031,5	2 630	6 661,5	39,4
1860-е	4 487,8	3 488	7 975,8	43,7
1870-е	4 938,2	3 842	8 780,2	43,7
1880-е	5 534,2	4 575	10 109,2	45,2
1890-е	6 396,6	5 335	11 781,7	45,5

Проведение Транссибирской магистрали оказало огромное влияние на все стороны жизни населения Забайкальской области. Одним из результатов проведения магистрали было быстрое распространение в крае сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий труда.

Техническая оснащенность сельского хозяйства в этот период резко возрастает. Так, в 1904 г. в области было всего 432 косилки, 2 сноповязалки и др., т.е. всего 3 492 сельскохозяйственных машин. Показательно, что в 1911 г. количество одних только косилок увеличилось более чем в 10 раз, конных граблей в 6 раз, жнеек в 6 раз, сноповязалок в 22 раза, молотилок более чем в 5 раз. Через 10 лет после проведения железной дороги одни только бурятские хозяйства имели в своем распоряжении около одной тыс. сепараторов, полутора тыс. сенокосилок и много

другой техники. При этом они были по-прежнему хуже других категорий населения обеспечены машинами. Важно заметить, что, несмотря на проведение Транссибирской магистрали, цены на сельскохозяйственные машины все же были достаточно велики, и покупать их могли в основном крепкие хозяйства, занимавшиеся торговым земледелием и имевшие тесные связи с рынком [5, л. 77-78].

Таким образом, видим, что в земледелии в Забайкальской области в конце XIX – начале XX в. происходят значительные положительные изменения, которые были результатом развития капитализма в крае. Кроме роста посевных площадей, усиления товарной направленности русских и бурятских хозяйств, увеличения емкости рынков сбыта, начинается зарождение огородничества, садоводства, появляются новые лако-

вые культуры, внедряются иные технологии обработки земли. Подъем обрабатывающей промышленности также положительным образом сказывается на развитии земледелия. Так, уже в первой половине 90-х гг. XIX в. только в Западном Забайкалье винокуренные заводы закупают для своих нужд более 800 тыс. пудов хлеба.

В целом же, несмотря на быстрые темпы развития земледелия в крае, ввоз хлеба преобладал над вывозом. Область не могла полностью удовлетворить свои потребности в хлебе за счет местного производства. Например, в 1914-1915 гг. в Забайкалье было собрано 12 844 639 пудов хлеба и картофеля (чистый сбор). Если учесть, что на одну душу населения в год требовалось 18 пудов хлеба, то оказывается, что необходимо было 17 558 784 пуда, т.е. недоставало 4 714 145 пудов хлеба [6, с. 12]. Данные о недостаточности зерновых хлебов и картофеля встречаются и в «Обзорах Забайкальской области». И тем не менее можно утверждать, что во второй половине XIX – начале XX в. земледелие в крае успешно развивалось.

Скотоводство в конце XIX – начале XX в. наряду с земледелием являлось главной отраслью хозяйства Забайкальской области, а для некоторых групп населения (например, для большинства бурят и значительной части казачества) оно было единственным источником существования. Объяснялось это естественными, природно-климатическими условиями, наличием обширных пастбищ, способных прокормить большое количество скота, относительно малой заселенностью края, традициями коренного населения и т.д.

Скотоводство имело огромное значение в жизни населения области. По уровню обеспеченности скотом в расчете на душу населения Забайкалье занимало одно из первых мест в Российской империи. Сибирь, в состав которой входило Забайкалье, была обеспечена скотом значительно лучше, чем другие районы страны. Например, накануне первой мировой войны в Сибири было около 1/6 части всех лошадей и крупного рогатого скота и 1/9 часть всех овец, причем население составляло всего 1/14 часть общеимперского. Забайкальская область выгодно выделялась даже на фоне обеспеченной скотом Сибири. Так, в 1897 г. в Сибири было 5 млн голов лошадей, из них в Забайкалье – 628 тыс., или приблизительно 12,5% крупного рогатого скота. В Сибири насчитывалось 5 млн 681 тыс. голов, а в Забайкалье – 1 млн 405 тыс. голов, или 24,7%. Причем сельское население области в 1897 г. составляло всего 654 656 душ обоого по-

ла. Если сравнить количество населения края в 1897 г. и количество скота в том же 1897 г., то получится, что на каждого человека в Забайкальской области в среднем приходилось 5,4 голов скота. В конце XIX в. в Забайкалье на сто душ населения приходилось 49 десятин посева и 520 голов скота, что было значительно выше, чем в других районах Сибири и в целом по стране. Так, например, в соседней Иркутской губернии в 1898 г. на сто человек приходилось 67 десятин посева и всего 198 голов скота. И даже в Акмолинской области, населенной в основном казаками, эти показатели были значительно ниже: соответственно 11 десятин и 328 голов скота [2, с. 358]. Если же выделить из общего количества сельского населения Забайкалья бурят и казаков, которые и были основными скотоводами области, то получим следующие цифры. Так, в 1915 г. русские крестьяне имели в своем распоряжении 558 271 голову скота, казаки – 959 866 голов, а буряты и эвенки, составляющие незначительную часть коренного населения, – 1 568 610 голов скота. При этом в том же 1915 г. русских крестьян в области было 317 780 человек, казаков – 254 658 чел. и представителей коренного населения – 200 386 чел. [8, л. 140-156]. Таким образом, сравнивая численность каждой из этих групп населения и количество скота, находящегося в их использовании, получится, что среди крестьян на одного человека приходилось в среднем 1,7 голов скота, у казаков – 3,8 голов и у бурят – 7,7 голов скота. Необходимо также отметить, что не все казачество и не все буряты занимались исключительно скотоводством.

На основе приведенных данных, можно утверждать, что Забайкальская область занимала одно из первых мест по количеству скота на душу населения как в Сибири, так и в России в целом. При этом среди всех категорий населения особенно выделялись буряты. Так, в 1909 г. бурятам принадлежало 1 460 599 голов скота, а русским крестьянам – 575 934 головы. Буряты значительно превосходили русских крестьян по количеству скота в Читинском, Селенгинском и Баргузинском округах. Например, в Читинском округе коренное население имело в своем распоряжении 721 870 голов скота, а русское население всего 197 492 головы, в Селенгинском округе буряты владели 261 356 головами скота, а русские крестьяне – 64 267 головами. Верблюдов же бурятское население имело в своем пользовании в 20 раз больше, чем русское население.

В 1915 г. по соотношению количества скота у бурят, казаков и крестьян выявлено, что русские

крестьяне области имели в своем распоряжении 145 675 лошадей, 244 894 головы крупного рогатого скота, 167 702 головы мелкого рогатого скота. Казаки держали в своих хозяйствах 214 898 лошадей, 329 185 голов крупного рогатого скота, 413 570 голов мелкого скота, 2 119 верблюдов и 94 оленя. Буряты имели 221 669 лошадей, 629 929 голов крупного рогатого скота, 705 903 мелкого скота, 8 991 верблюда и 2 118 оленей [3, с. 188].

Важно заметить, что буряты Агинского ведомства в исследуемый период являлись чистыми скотоводами: 141,5 десятин зерновых и 32,5 десятин картофеля на все ведомство – это еще не земледелие. Всего в Агинском ведомстве числилось 38 584 человека. Они имели в своих хозяйствах 835 176 голов скота, т.е. на одну душу населения приходилось в среднем около 21,7 голов скота. А если учесть, что в среднем семья состояла из 5 человек, то буряты Агинского ведомства имели в среднем на одно хозяйство более ста голов скота. В целом же в 1917 г. буряты Забайкалья держали в своих хозяйствах 51,1% всего поголовья скота области. Скотоводство в области по-прежнему носило экстенсивный характер, поскольку возможности его еще не были исчерпаны. При этом огромный урон скотоводству области наносили эпизоотии и другие заболевания скота, ветеринарная служба была развита крайне плохо.

Во второй половине XIX в. бурятское население области завершило переход к оседлому или полукочевому способу ведения хозяйства. Перекочевки теперь совершались в основном по маршруту зимник – летник, иногда весенник – осенник. В результате вовлечения скотоводческих хозяйств в товарно-денежные, рыночные отношения происходит изменение видового состава стада. Так, если в предыдущие периоды основными породами скота были лошади и бараны, то в XIX в. под влиянием рынка крупный рогатый скот составлял уже более половины стада. В это время значительно возрастает роль сенокосения как одной из форм скотоводческого хозяйства. Об этом свидетельствуют следующие цифры: в 1902 г. было собрано 4999894 030 пудов сена, в 1906 г. – более 37 млн пудов, в 1905 г. – 15 млн пудов, в 1906 г. – свыше 51 млн пудов, в 1908 г. – 68 727 176 пудов и в 1909 г. – 55 666 414 пудов сена. Столь резкое колебание сбора сена в различные годы, например, в 1908 г. собрали более 68 млн пудов, а в 1905 г. всего 15 млн пудов, объясняется неурожайными засушливыми годами. Это подтверждается и данными о сборе хлебов в эти же годы – в 1908 г.

урожай составил «сам» 3,6, а в 1905 г. урожай зерновых был «сам» 2,9. Всего же в среднем за одиннадцать лет, в период с 1901 по 1911 гг. ежегодно собирали 42 274 890 пудов сена.

Закономерно, что буряты, являясь основными скотоводами области, были и главными заготовителями сена. Так, в 1911 г., в крае было собрано всего 39 708 874 пудов сена, а по категориям населения сбор сена был следующим: русские крестьяне собрали 7 967 981 пуд сена, казаки – 14 135 699 пудов и буряты – 17 605 194 пуда сена. Таким образом, наиболее обеспечены кормами были буряты: им принадлежало 44,4% всего собранного в области сена, соответственно казакам – 35,6% и русским крестьянам – 20% [8, л. 4-5].

В это время также значительно возросла товарная составляющая как русских, так и бурятских хозяйств. Процессу товаризации скотоводства способствовал тот факт, что в крае сложился довольно обширный внутренний рынок мяса, скота и других продуктов скотоводства. Скотоводы области поставляли большое количество своей продукции интендантству для нужд армии. В период русско-японской войны особенно много скота уходило в Амурскую область и на дальний Восток, крупными потребителями мяса были золотые прииски. Другими рынками сбыта продуктов скотоводства являлись промышленные предприятия, соседняя Иркутская губерния, а также городское население области. Так, например, только для нужд золотодобывающей промышленности ежегодно требовалось 75 тыс. пудов мяса [9, с. 10-11].

В рассматриваемый период формы и методы ведения скотоводческого хозяйства не претерпели принципиальных изменений. Вместе с тем необходимо заметить, что орошение, удобрение сенокосных угодий, утужное хозяйство получает значительное распространение. В целом скотоводческое хозяйство находилось на достаточно высоком уровне развития.

В результате развития капиталистических отношений в Забайкальской области в конце XIX – начале XX веков активно шел процесс имущественного расслоения крестьянства, складывались два новых типа населения: сельская буржуазия и сельский пролетариат. Так, В.Г. Тюкавкин отмечает, что «вопрос о социальной дифференциации сибирской деревни, о выделении небольшой зажиточной верхушки и группы обедневших крестьян не может считаться спорным уже для II половины XIX в.» [2, с. 285]. В архиве РБ сохранились материалы подворной переписи 1884 г., охватывающие 18

населенных пунктов Тункинской степной думы. Эти документы подтверждают, что процесс классового расслоения в Забайкальской области достиг значительной глубины уже в 80-е гг. XIX

в. [10, л.4-9]. Причем процесс имущественной дифференциации был характерен как для русских, так и для бурятских хозяйств и казаков (табл. 3).

Таблица 3

Распределение скота, пашни и утугов [11, л.62]

Разряды и группы хозяйств	В % к итогу							
	дворов	душ	лошадей	рог. скота	овец	коз	посев	утугов
Безлошадных	20,2	9,9	-	1,2	0,6		1,9	3,4
1-лошадных	20,2	16,9	5,8	5,8	7,3		7,8	8,7
2-лошадных	16,9	20,9	9,7	11,8	11,4		11,9	13,3
Бедная группа	57,3	46,8	15,5	18,8	19,3		21,6	25,4
3-лошадных	9,1	9,1	7,8	12,5	8,2		9,3	10,4
4-лошадных	11,7	13,6	13,5	15,9	22,3		14,3	13,3
5-9-лошадные	16,3	21,7	28,3	30,1	30,0		24,3	19,7
Средняя группа	37,1	44,4	49,6	58,5	60,5		49,0	43,4
10 и более лошадные	5,2	8,6	34,7	22,6	20,0		30,2	30,9
Итого	99,6	99,8	99,8	99,9	99,8		99,8	99,7

Капиталистический уклад стал возникать еще в I-й половине XIX в., а в конце столетия он уже играл огромную роль в сельскохозяйственном производстве Забайкалья. Капиталистические отношения в конце XIX – начале XX в. были широко распространены в экономической жизни области, капиталистический способ производства стал ведущим в сельскохозяйственном производстве. Развитие капитализма в области шло по фермерскому, американскому пути.

Большое значение для развития капитализма в Забайкальской области имело проведение Транссибирской железнодорожной магистрали. Она ускорила развитие капиталистических отношений, усилила классовое разложение крестьянства и создание новых типов сельского населения – сельской буржуазии и сельского про-

летариата, дала мощный толчок развитию промышленности и торговли, усилила переселенческий поток в области, способствовала расширению внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции. Транссибирская магистраль разделила историю Забайкалья периода капитализма на два временных отрезка: до и после проведения железной дороги. До ее проведения капиталистические отношения развивались не столь быстрыми темпами и не были определяющими в экономической жизни. После ее ввода развитие капиталистических отношений пошло более высокими темпами. Таким образом, получив повсеместное распространение, капиталистический способ производства стал ведущим в сельском хозяйстве области.

Литература

1. Пронин В.И. Динамика уровня земледельческого производства Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // История СССР. – 1977. №4. – С.82.
2. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. – Иркутск, 1966. – С.303.
3. Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. – Улан-Удэ: Бургиз, 1963. – С.494.
4. Санданов Ю.Б. Сельское хозяйство Забайкальской области в конце XIX – начале XX в. – Улан-Удэ, 2008. – С.26.
5. ГАЗК. Ф.189, Оп.1, Д.3, Л.77-78.
6. Соколов В.Н. Забайкальское хозяйство и рынок. – Чита, 1918. – С.12.
7. ГАЗК. Ф.19, Оп.1, Д.336, Л. 140-156.
8. ГАЗК. Ф. 19, Оп. 1, Д. 156, Л.4-5.
9. Обзор Забайкальской области за 1911 г. – Чита, 1915. – С.10-11.
10. ГАРБ. Ф. 337, Оп. 1, Д. 3029, Л.4-9.
11. ГАЗК. Ф.19, Оп. 1, Д. 293, Л. 62.

Санданов Юрий Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета. 670000 г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Sandanov Yury Borisovich, candidate of historical sciences, associate professor, department of history of Buryatia, Buryat State University. 670000 Ulan-Ude, Smolin str. 24a.

УДК 94(571.54)

© *Е.Е. Тармаханов, Г.Л. Санжиев,
К.Б.-М. Митупов, Е.Н. Палхаева*

К 90-летию образования республики

В статье рассмотрен процесс создания Бурят-Монгольской автономной республики, показаны принципы федеративных отношений между центром и республикой и разграничение полномочий между ними.

Ключевые слова: национальное движение, национальная политика, автономная область, автономная республика.

*Е.Е. Tarmakhanov, G.L. Sanzhiev,
K.B.-M. Mitupov, E.N. Palkhaeva*

To the 90-th anniversary of formation of the republic

In the article the process of establishing the Buryat-Mongolian autonomous republic has been considered, the principles of federal relations between the center and the republic and separation of powers between them have been shown.

Keywords: national movement, national policy, autonomous region, autonomous republic.

В 2013 г. Республика Бурятия отмечает 90-летний юбилей.

Советское правительство, предоставив народам право решать свою судьбу и избирать форму национального самоопределения, проводило политику объединения народов и создания федерации советских республик. На III Всероссийском съезде Советов (январь 1918 г.) была утверждена «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа». По итогам национально-государственного строительства декларация провозгласила: «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик» [1, с. 64].

Новое советское государство строилось по этническому принципу. Большевики твердо и неуклонно проводили линию на создание национальной государственности народов, хотя отдельные ученые и публицисты оценивали эту политику как ошибочную и опасную для интересов России.

Несмотря на сложности гражданской войны, бурятское национальное движение продолжало выдвигать требование о создании автономии бурят. 14 октября 1920 г. Политбюро ЦК РКП(б) по проекту В.И. Ленина приняло решение о предоставлении автономии бурятам и калмыкам. Политбюро ЦК РКП(б) поручило Народному комиссариату иностранных дел вести переговоры с правительством ДВР о предоставлении бурятам автономии. Днем раньше В.И. Лениным была принята делегация Бакинского съезда народов, в составе которой

находились представители бурят Э.-Д. Ринчино и Агван Доржиев, которые, безусловно, оказали влияние на принятие этого постановления. Доклад Э.Д. Ринчино произвел неизгладимое впечатление на В.И. Ленина, что и было фактически отражено в его статье.

В апреле 1921 г. в составе Дальневосточной республики была образована Бурят-Монгольская автономная область. 27 апреля 1921 г. Учредительное собрание ДВР приняло основной закон – Конституцию, в которой эта автономия была законодательно оформлена. Вся территория, населенная бурят-монгольским народом, выделялась в особую автономную область, в которую вошли четыре аймака: Агинский, Баргузинский, Хоринский и Чикойский с бурятским населением в 108,8 тыс. чел. Аймаки делились на хошуны, а те в свою очередь на сомоны. При организации области насчитывалось 23 хошуна и 230 сомонов.

7 июня 1921 г. на коллегии Наркомнаца РСФСР был принято решение «Об автономии бурят-монгольского народа», которое гласило:

«а) принципиально признать необходимым выделение бурят-монгольского народа, входящего в состав РСФСР, в автономную область.

б) составить проект декрета об автономной области и внести его на утверждение в СНК и Президиум ВЦИК» [1, с. 78].

1 сентября 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление, в котором признал необходимым выделить территорию с бурятским населением в пределах РСФСР в автономную область.

Учредительный съезд бурят Восточной Сибири, состоявшийся с 28 октября по 5 ноября

1921 г., с большим энтузиазмом и одобрением встретил постановление об образовании автономной области.

После проведения подготовительной работы и согласования проекта автообласти с Сибирским и Иркутским ревкомами вопрос был вынесен на рассмотрение ВЦИК и СНК РСФСР. 9 января 1922 г. ВЦИК принял постановление: «Образовать автономную Монголо-Бурятскую область в границах, определенных соглашением между Сибревкомом и представителями бурят-монгольской народности» [1, с. 84]. В нее вошли 5 аймаков: Аларский, Боханский, Эхирит-Булагатский, Селенгинский и Тункинский. Область была образована на принципах советской автономии путем обеспечения территориальной и экономической целостности. Она включала села и деревни с русским населением, исторически связанные с бурятскими улусами. Все население области составляло 185,2 тыс. чел. (30%), в том числе бурятское – 129 тыс. (70%). Вне пределов области остались бурятские улусы с 18-тысячным населением, вошедшие в состав русских уездов Иркутской губернии [1, с. 96].

Образование национальной республики необходимо рассматривать как длительный и противоречивый исторический процесс, включающий ряд последовательных и взаимообусловленных политических событий начала XX в.

20 ноября 1922 г. президиум Бурят-Монгольского обкома РКП(б), рассмотрев вопрос объединения автономных областей в единую автономную республику, принял решение:

«1) принципиально высказаться за объединение двух автономных областей;

2) предложить коммунистической фракции Бурят-Монгольского ревкома начать подготовительную работу к объединению ...» [2, л. 9-12].

4 декабря 1922 г. президиум сформулировал главные тезисы докладной записки в ЦК РКП(б), в которой всесторонне обосновывалась необходимость объединения Бурят-Монгольских автономных областей РСФСР и ДВР в единую Бурят-Монгольскую АССР [3, л. 4].

Почти одновременно этот вопрос был поставлен Бурят-Монгольским ревкомом автономной области ДВР. 23 декабря 1922 г. участники расширенного совещания Бурят-Монгольского ревкома высказались за объединение областей в единую автономную

республику с центром в Верхнеудинске. На заседании ревкома были сформулированы конкретные предложения, касающиеся формирования территории будущей автономной республики и определения ее границ. Участники заседания приняли постановление, в одном из пунктов которого говорилось: «а) возбудить перед надлежащими властями ходатайство о соединении обеих Буравтообластей с образованием Бурят-Монгольской республики с центром в г. Верхнеудинске...» [4, л. 4].

Идея объединения автономных областей вызвала категорические возражения Дальневосточного и Сибирского бюро ЦК РКП(б), выступавших против объединения автономных областей в Бурят-Монгольскую республику. Несмотря на позицию региональных партийных органов, лидеры бурятских коммунистов М.Н. Ербанов, М.И. Амагаев, В.И. Трубочеев, И.С. Архинчеев, А.А. Маркизов и др. убедили высшее руководство РСФСР в необходимости создания единой республики [5, л. 59].

Важную роль в положительном решении вопроса об объединении автономных областей сыграла позиция Наркомнаца РСФСР, который поддержал инициативу бурятских коммунистов. 20 декабря 1922 г. Малая коллегия Наркомнаца на основании ходатайств партийных органов Бурят-Монгольских автономных областей РСФСР и Дальнего Востока постановила: «Признать целесообразным объединение двух автономных областей при наличии согласия с мест. Вопросы территориальные и о формах объединения разработать комиссии в составе тт. Клингера, Павловича, Архинчеева и Ербанова при участии представителей Сибревкома и Дальревкома» [6, с. 417].

В январе 1923 г. комиссия Наркомнаца, созданная для изучения соответствующих документов и состояния дел на местах, пришла к заключению: «Признать целесообразным и необходимым объединение Бурят-Монгольских областей РСФСР и бывшей ДВР в одну административную единицу с одним центром...».

Инициаторами объединения до мая 1923 г. была проведена большая работа по согласованию этого вопроса в различных инстанциях и государственных органах. За объединение Бурят-Монгольских автономных областей РСФСР и Дальнего Востока последовательно высказались Оргбюро ЦК РКП(б), Наркомнац, Наркоминдел, а затем и президиум ВЦИК. В условиях централизованной системы управления решение вышестоящих органов оказалось определяющим.

30 мая 1923 г. президиум ВЦИК РСФСР, рассмотрев вопрос объединения Бурят-Монгольских автономных областей, принял постановление: «1) объединить в одну Бурят-Монгольскую Социалистическую Советскую Республику автономные области бурят-монгол Сибири и Дальнего Востока с центром в г. Верхнеудинске...» [7, с. 103-104].

13 июня 1923 г. решение о создании Бурят-Монгольской АССР было детализировано в постановлении президиума ВЦИК:

«1. Считать административным центром Автономной Социалистической Советской Республики бурят-монгол город Верхнеудинск.

2. Поручить специальной комиссии... определить точные границы образуемой республики бурят-монгол и представить проект этих границ на утверждение ВЦИК не позже 1 августа 1923 г.

3. Положить в основу работы, означенной в предыдущей статье, комиссии, проект границ, выработанный облисполкомом и областным ревкомом Бурят-Монгольских автономных областей.

4. Впредь до созыва I съезда Автономной Социалистической Советской Республики бурят-монгол всю полноту власти в объединенных автономных областях бурят-монгол представить революционному комитету Автономной Социалистической Советской Республики бурят-монгол, образуемому ВЦИК и непосредственно с ним связанному.

5. Возложить на ревком Автономной Социалистической Советской Республики бурят-монгол обязанность приступить к организации центральных органов управления республики и созвать I съезд Советов Автономной Социалистической Советской Республики бурят-монгол.

6. Поручить комиссии в составе тт. Сапронова, Белобородова, Клигера, Серафимова выработать проект положения по Автономной Социалистической Советской Республике бурят-монгол как составной части РСФСР в соответствии с постановлением ВЦИК 30 мая сего года и с настоящим постановлением и представить этот проект на утверждение Президиума ВЦИК» [8, с. 52].

Таким образом, постановление ВЦИК об объединении Бурят-Монгольских автономных областей явилось правовым актом, юридически закрепившим образование Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической республики и позволило начать практическое

осуществление объединения двух автономных областей в единую республику.

Основную практическую работу по организации республики взял на себя революционный комитет БМАССР, одобренный ЦК ВКП(б) и утвержденный 1 августа 1923 г. президиумом ВЦИК.

Революционный комитет БМАССР был создан на правах ЦИК БМАССР, а его президиум – на правах президиума ЦИК. В состав ревкома Бурят-Монгольской АССР вошли М.Н. Ербанов – председатель, М.И. Амагаев – зам. председателя, В.И. Трубачев, М.Д. Берман, Б.Б. Барадин – члены, И.А. Ильин и С.З. Зобдоев – кандидаты в члены ревкома [8, с. 52].

31 июля 1923 г. Ревком принял первое постановление, в котором было заявлено: «На основании постановлений ВЦИК от 30 мая и 13 июня 1923 г. Революционный комитет Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики впредь до созыва I съезда Советов автономной социалистической республики с 1 августа сего года принимает на себя всю полноту власти в объединенных автономных областях бурят-монголов Сибири и Дальнего Востока» [9, л. 69].

Бурревком постановлением от 31 июля 1923 г. распустил Бурисполком автономной области Сибири и Бурревком автономной области Дальнего Востока. Аймачные исполкомы и аймачные ревкомы бывших областей переходили в подчинение Бурревкому и наркоматам республики. Все прежде принятые постановления Сибирского и Дальневосточного революционных комитетов, а также органов автономных областей оставались в силе на территории Бурят-Монгольской АССР до пересмотра их Бурревкомом и отмены центральными органами по ходатайству последних.

1 августа 1923 г. Бурревком опубликовал свое обращение к населению, в котором изложил свою оценку факту образования республики и роли высших партийных и советских органов страны в этом деле, а также цели и задачи БМАССР в решении вопросов внутренней и внешней политики. В нем говорилось также о том, что территория автономных областей пересматривается, уничтожается чересполосица, создается экономически мощная административная единица. Революционный комитет республики выражал уверенность в том, что дружеское и братское сотрудничество скотовода-бурята и земледельца-великоросса

должно явиться важнейшим моментом в жизни республики.

В обращении подчеркивалось, что создание Бурят-Монгольской республики не является отделением ее от РСФСР и СССР, и, в частности, указывалось на то, что «трудящиеся массы молодой республики твердо знают, что дальнейшее процветание и даже существование самой Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Республики находится в тесной зависимости от судьбы трудящихся масс Советской Федерации. Поэтому трудящиеся массы Буреспублики должны самым тесным образом связаться с рабоче-крестьянской массой и правительством РСФСР в деле восстановления и укрепления своего хозяйства и защиты своих классовых интересов» [10, с. 171].

Как указывают официальные источники того времени, «...бурятское население отнеслось к образованию Буреспублики вполне сочувственно. Русское население встретило объявление Буреспублики сознательно, выразив полное сочувствие претворению в жизнь великого лозунга Советской власти: «Самоопределение национальных меньшинств». На всех сельских собраниях выносились резолюции, приветствовавшие Бурревком» [11, с. 36].

Благоприятная политическая ситуация во многом была связана с экономическими мерами Советского государства, отвечавшими интересам широких масс населения. Введение новой системы единого сельскохозяйственного налога, а также оказанные крестьянству семенная и продовольственная ссуды способствовали укреплению их симпатий к Советской власти.

Сложность создания единой унифицированной системы управления республикой заключалась в том, что органы управления и аппараты бывших автономных областей различались своей структурой и уровнем квалификации кадров. В бывшей автономной области РСФСР органы управления строились на советских принципах и за годы существования приобрели соответствующий опыт работы, развитую организационную структуру. Их повседневная деятельность строго регламентировалась нормами и директивами вышестоящих инстанций. В бывшей Прибайкальской губернии Советская власть просуществовала всего несколько месяцев, поэтому органы государственного управления бывшей автономной области ДВР имели иную основу, и это сказалось на особенностях

своеобразного государственного устройства Дальневосточной республики.

12 сентября 1923 г. специальным декретом ВЦИК было утверждено положение о государственном устройстве Бурят-Монгольской АССР, которое явилось первым законодательным актом, определившим и закрепившим правовой статус новой республики в качестве автономной единицы. В соответствии с этим декретом БМАССР становилась федеративной частью РСФСР с административным центром в городе Верхнеудинске (ныне – Улан-Удэ) [12, л. 70]. Это положение на переходный период временно заменило конституцию республики, регулирующее наряду с Конституциями СССР и РСФСР деятельность органов власти и управления на территории республики [13, с. 188].

В связи с завершением работы Комиссии ВЦИК по установлению границ республики возникла необходимость скорейшего решения вопроса о Прибайкальской губернии. 1 октября 1923 г. постановлением ВЦИК Прибайкальская губерния была упразднена. На основании этого постановления Прибайкальский губернский исполком объявил 21 октября 1923 г. о включении ее территории в состав Бурят-Монгольской АССР. Вся полнота власти на территории губернии была передана революционному комитету БМАССР.

Предварительные итоги своей работы административно-организационная комиссия подвела на своем заседании 5 сентября 1923 г., на котором было решено образовать на территории республики девять аймаков из 95 хошунов с населением 435 454 чел., в т. ч. 24 3391 бурят, 192 063 русских. План административного деления республики после его обсуждения был утвержден Бурятским ревкомом и одобрен центром.

В результате введения нового административно-территориального деления были упразднены Селенгинский и Чикойский аймаки, а также Баргузинский уезд, вошедший в состав Баргузинского аймака. В процессе нового административно-территориального деления в республике было создано 9 (вместо 12) аймаков (уездов) и 62 хошуна (волости) вместо 88.

К 1923 г. территория Бурят-Монгольской республики составляла 338 140 квадратных верст, численность населения – 450 675 чел. Численность бурятского населения составила 220 422 чел., или 49% общего числа жителей республики. На территории БМАССР насчитывалось 2 349 населенных пунктов, в т.ч.

3 города: Верхнеудинск, Троицкосавск и Баргузин.

С созданием республики начался процесс формирования системы государственных институтов.

Правовой основой для формирования системы органов государственной власти республики являлась Конституция РСФСР 1918 г. и положение о государственном устройстве БМАССР 1923 г.

Конституция РСФСР, принятая на V Всероссийском съезде Советов 10 июля 1918 г., законодательно закрепила основные принципы построения Советского федеративного государства. Ст. 10 Основного закона гласила: «Российская Республика есть свободное

социалистическое общество всех трудящихся России, вся власть в котором принадлежит трудящимся, объединенным в городские и сельские Советы».

На основании ст. 11 раздела 2 Конституции РСФСР Советы областей, отличающиеся особым бытом и национальным составом, могут объединяться в автономные областные союзы. Эти автономные областные союзы, основываясь на принципах федерации, входят в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику. Именно на таких условиях БМАССР входила в состав РСФСР.

Так было завершено становление национальной государственности бурятского народа.

Литература

1. Палхаева Е.Н. Трансформация государственности бурят в XX – начале XXI в. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. – 296 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 63.
3. Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ) Ф. 2. Оп. 1. Д. 99.
4. ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 309.
5. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 378.
6. Шулунов Н.Д. Становление советской национальной государственности в Бурятии (1919-1923 годы). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 492 с.
7. Санжиев Г.Л. В.И. Ленин и национально-государственное развитие в Сибири (1917-1937 гг.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. – 176 с.
8. БМАССР. Очерки и отчеты. 1923-1924. – Верхнеудинск: Издание Госплана БМАССР, 1925. – С. 52.
9. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 43.
10. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М.: Изд-во Рос. акад. госслужбы, 2000. – 349 с.
11. Конституционные акты РСФСР (1918-1937): сб. документов / ред. А.Я. Вышинского; Академия наук СССР, Институт права. – М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. – 300 с.
12. ГАРБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 43. Л. 70.
13. Второй съезд Советов Бурят-Монгольской АССР. – Верхнеудинск, 1925. – С. 188.

Тармаханов Ефрем Егорович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Отечества, Бурятский государственный университет. 670000 г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Санжиев Гармажап Лудупович, доктор исторических наук, профессор, Бурятский государственный университет. 670000 г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Митупов Константин Бато-Мункич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Отечества, Бурятский государственный университет. 670000 г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Палхаева Елизавета Николаевна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории Отечества, Бурятский государственный университет. 670000 г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Tarmakhanov Efrem Egorovich, doctor of historical sciences, professor, department of homeland history, Buryat State University. 670000 Ulan-Ude, Smolin str., 24a.

Sanzhiev Garmazhap Ludupovich, doctor of historical sciences, professor, Buryat State University. 670000 Ulan-Ude, Smolin str., 24a.

Mitupov Konstantin Bato-Munkich, doctor of historical sciences, professor, department of homeland history, Buryat State University. 670000 Ulan-Ude, Smolin str., 24a.

Palkhaeva Elizaveta Nikolaevna, doctor of historical sciences, associate professor, department of homeland history, Buryat State University. 670000 Ulan-Ude, Smolin str., 24a.

УДК930(571.54)

© *Е.Т. Протасов*

Проблемы становления и развития государственного аппарата власти Бурятии: историография вопроса

В статье анализируется степень изученности проблемы истории становления и развития государственного аппарата управления в Бурятии с момента образования республики и до сегодняшнего дня.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, Бурятия, государственный аппарат власти, образование республики

Е.Т. Protasov

Problems of formation and development of state branch of power of Buryatia: historiography of the issue

In the article the degree of study of a problem of history of formation and development of state branch of governance in Buryatia is analyzed from the moment of formation of the republic through nowadays.

Keywords: Buryat Mongolskaya ASSR, Buryatia, state branch of power, formation of the republic

Историография процесса становления и развития государственного аппарата власти в Бурятии объемна и разнообразна. Ее исследовательское поле увеличивается вслед за изменением территориальных и административных границ субъектов, сменой идеологических установок и методологии науки, увеличением объема знаний и расширением источниковой базы. Проблемы генезиса и эволюции органов власти привлекали многих исследователей. В той или иной степени они затрагивались в работах, посвященных вопросам советского, партийного и национально-государственного строительства в РСФСР, СССР в целом и в национальных регионах в частности.

К первым попыткам обобщения национально-государственного строительства и становления государственного аппарата в Бурятии этого процесса можно отнести приуроченные к юбилею республики статьи М.Н. Ербанова, опубликованные в журнале «Жизнь Бурятии» [1]. Их ценность состоит в том, что автор, будучи председателем ЦИК и СНК БМАССР, непосредственным участником событий, попытался дать собственную интерпретацию произошедшим историческим событиям и идеологически обосновать объективность создания автономии бурятского народа.

Первым научным опытом обобщения и анализа работы государственного аппарата нового типа стали небольшие исследования по этим проблемам, основанные на архивных документах [2,3,4]. Статьи содержали ряд актуальных для того времени оценок и выводов о специфике государственного строительства в Бурятии.

В 1950-х гг. были опубликованы статьи и монографии, освещавшие отдельные аспекты раз-

вития государственности Бурят-Монгольской АССР [5,6], специфику национально-государственного строительства Бурятии, роли парторганизаций в образовании республики, некоторые особенности формирования органов центрального и местного управления Бурятии [7,8,9].

С начала 1990-х гг. появляется значительное число работ по истории государственного строительства Бурятии, авторы которых пытаются проанализировать процесс создания госаппарата БМАССР с учетом новых подходов [10, 11, 12, 13]. В этот период происходит переосмысление ранее известных событий. В частности, В.В. Бабаков [14, 15] приходит к заключению, что территориальное объединение областей Бурятии – закономерный и логичный шаг, который негативно сказался на хозяйственном механизме, административном устройстве и системе управления Бурятии, т.к. буряты не составляли большинства и не занимали сплошной территории. Вместе с тем, за 1917-1919 гг. несмотря на сложную общественно-политическую ситуацию в регионе, была фактически создана и успешно развивалась система национальных органов самоуправления бурятского народа.

Ранний этап политической истории Бурятии представлен в докторской диссертации Г.Д. Бабаева [16], отразившей вопросы различных сфер жизни общества, включая деятельность органов власти. Используя значительное количество новых документальных источников, автор с современных позиций анализирует основные направления развития законодательных органов с персонификацией исторических личностей, характеризует вклад руководителей различного уровня, представителей интеллигенции в социально-экономическое развитие, национально-

государственное строительство в регионе.

Процесс возникновения, формирования и реорганизации государственного аппарата власти и управления Забайкалья, в том числе и Бурятии в первые годы Советской власти, изменение структуры, состава и деятельности изучен И.А. Перфильевой [17].

В вышеназванный период начался системный исторический анализ создания советского аппарата Сибири, проблем государственности Бурятии, следствием чего стало издание серьезных работ, определивших направление развития и оценочные позиции историков на десятилетие вперед. Исследователи, привлекая огромный фактический материал, изучали проведение выборных кампаний, состав, структуру и деятельность местных органов власти Сибири [18, 19, 20, 21, 22, 23], уделяли значительное внимание партийному руководству и работе Советов Сибири [24, 25, 26, 27, 28, 29], деятельности органов партийно-государственного контроля по улучшению состава аппарата [30, 31, 32, 33].

Сравнительно высокий правовой статус республик в составе Российской Федерации способствовал анализу этого феномена с нормативно-правовой точки зрения. Кардинальные вопросы российского федерализма и национально-государственного строительства в целом, а также проблемы правовой самостоятельности, равноправия субъектов федерации подняты в монографии «Конституционно-правовой статус Республики Бурятия» [34]. Правовой статус и правовые аспекты взаимодействия Республики Бурятия с федеральным центром анализируются Д.А. Ивайловским, Э.В. Доржиевой, К.А. Будаевым, Ю.Г. Хамнуевым [35, 36, 37]. Д.А. Ивайловский [38] и О.В. Хышиктуев [39] обратили внимание на возникшие в ходе принятия нормативно-правовых документов проблемы, касающиеся статуса республики, на распределение полномочий между органами государственной власти Бурятии, проанализированы взаимоотношения между ними.

Исследованием процессов государственного строительства в субъектах Российской Федерации Байкальского региона занималась и С.Д. Раднаева [40]. Автор определила несколько факторов влияния на процессы государственного строительства, к каковым отнесла политику федерального центра по отношению к субъектам федерации, социально-экономические и этнополитические особенности их развития. Нестабильность социально-экономической ситуации способствовала усилению в Республике Бурятия роли исполнительной власти в лице глав адми-

нистраций и президента [40, с. 26-27]. Следствием чего стало формирование президентско-парламентской модели государственного устройства с тенденцией доминирования исполнительной власти.

Специфика современного этапа бурятской историографии заключается в том, что ученых начинают интересовать вопросы государственности переломных моментов в истории страны. И это неслучайно. Ведь именно на переломе, на переходе из одного состояния в другое наиболее ярко проявляются все противоречия, негативные или положительные аспекты развития, именно кризис как наивысшая точка позволяет не только лучше осознать ретроспективы развития, но и определить его перспективы.

В этом ряду исследование Ц.Б. Батуева [41,42], в ходе которого автор, рассматривая исторические предпосылки формирования государственности в Бурятии, анализируя деятельность общественно-политических движений и объединений, в том числе, и национальных как носителей этнонациональных идей, приходит к выводу, что, во-первых, ряд принятых в 1994–1998 гг. законодательных актов существенно укрепил статус республики в составе Российской Федерации и, во-вторых, отмечает позитивный характер процесса демократизации и конституционализации для развития национально-государственного строительства в Бурятии.

В современной историографии Бурятии можно выделить работы, охватывающие весь процесс возникновения и трансформации национальной государственности бурят, отразившие и вопросы государственного аппарата власти.

Особое место, на наш взгляд, в современной историографии занимают монографические исследования А.А. Елаева [12, 43]. Новый подход к вопросам государственного строительства в Бурятии представлен автором в монографии 1994 г., где анализируется роль различных факторов в процессе государственного строительства. Наряду с современным видением проблем исторического развития бурятского народа, автором подробно рассматриваются вопросы эволюции автономии бурят, национально-государственного строительства, развития системы представительных органов власти в республике. А.А. Елаев подвергает сомнению решающую роль партийной организации на начальном этапе в создании государственного аппарата, т.к., по его мнению, в этот период партиорганизация сама находилась в стадии становления. В целом автор данной работы отмечает, что к концу 1930-х гг. государственное устрой-

ство Бурятии оформилось на принципах советской государственности.

С предшествующими публикациями перекликается увидевшая свет в начале 2000-х гг. книга «Бурятия: от степных дум к автономии» [11]. Уже в самом названии, звучащем столь определенно, авторы наметили направление своего исследования. Мы же отметим лишь грани наиболее нам интересные: на основе широкого привлечения документальных материалов освещен противоречивый ход формирования бурятской автономии и поиск эффективной модели национального самоопределения.

Основные этапы национально-государственного строительства, образования и функционирования автономных округов анализируются в новейшем трехтомном издании «Истории Бурятии» [44]. Авторами работы обобщен большой массив первоисточников и исторических трудов, что дает исследованию информационную насыщенность и тематическое разнообразие. Значительное внимание в издании уделено образованию и развитию национальных округов, что подчеркивает важность их дальнейшего комплексного изучения. Однако характерной чертой данной работы является преобладание фактологического содержания над его аналитической частью, что обусловлено энциклопедичностью подачи материала.

Еще одно исследование, посвященное государственности бурят в XX – начале XXI в., проведено Е.Н. Палхаевой [45]. Это исследование, с одной стороны, значительно в хронологическом аспекте, с другой, включено в группу работ, изучающих трансформационные процессы.

Как и в работах предшественников, в монографии Е.Н. Палхаевой описан процесс создания Бурят-Монгольской АССР, уделено внимание современному состоянию национально-государственного развития. Что еще раз подчеркивает, с одной стороны, неисчерпаемость данной темы, с другой, отвечает потребностям современного этапа развития отечественной исторической науки. А это, прежде всего, переосмысление некоторых аспектов истории нашей страны в советский и переходный периоды. Новшеством данной работы стало комплексное научно-историческое обобщение трансформации государственности бурят в XX – начале XXI в., которую автор вслед за И. Пригожиным понимает как «переход к качественно новому состоянию организации общества, осуществляющийся как результат нарастания удельного веса неравновесных и нелинейных отношений со своим окружением» [45, с.13].

Особо обращается внимание на процесс формирования и эволюции правовой базы национального строительства, а принятие Конституций России и Бурятии рассматривается как этап федеративного строительства и национально-государственного развития. В ходе изучения трансформации государственности бурят автор выделяет ряд периодов, несколько отличных от существующей традиционной периодизации: 1917-1922 гг. – «период революционного энтузиазма», 1923-1937 гг. – образование БМАССР, 1937-1977 гг. – раздел территории на три административных единицы, 1970-1980-е гг. – принятие основных законов, 1990-е гг. – приобретение нового статуса автономных образований бурят, 2000-е гг. – модернизация федеративного устройства.

О.Б. Дашинамжилов, задавшись целью изучить особенности трансформации территориальных властных структур Республики Бурятия и их степень эффективности в решении социальных проблем, повседневных задач развития территориального народнохозяйственного комплекса [46], определил довольно широкий круг задач. В ходе их решения автор приходит к выводу о том, что республиканская модернизация конца 1980-1990-х гг. выявила неэффективность органов управления Бурятии, которые оказались не в состоянии нейтрализовать отрицательное воздействие макроэкономической ситуации в стране и вынуждены были в обмен на федеральные дотации проявлять лояльность в отношении центра [46, с.23-24].

Среди новейших исследований проблем и перспектив национально-государственного строительства необходимо отметить историко-юридическое исследование «Республики Сибири – субъекты Российской Федерации» С.П. Будажапова [47], где, сравнивая процесс образования автономий, автор определяет особенности создания государственности каждого сибирского народа, в том числе и бурят. Второе исследование этого же ученого [48] посвящено вопросам национально-государственного строительства в эпоху проведения демократических преобразований. Его значение определяется тем, что С.П. Будажапов одним из первых обратился к проблеме реформирования административной структуры республики в период модернизационных процессов в Российской Федерации.

Объектом изучения стали деятельность партийных организаций по подбору, расстановке и воспитанию руководящих кадров [49, с. 13, 14], формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регио-

нах Сибири (1945-1991), влияние административно-командной системы на процессы подготовки и расстановки руководящих партийно-советских кадров в послевоенный период [51, 52, 53, 54], а также исторический опыт и эффективность управления региональными партийными элитами [55].

В 1960-1970-е гг. в сибирской историко-партийной историографии формируется направление, целью изучения которого является кадровая политика КПСС. В его рамках подготовлен и защищен ряд кандидатских диссертаций, в том числе по проблемам подбора и расстановки кадров [56, 57]. Диссертация В.Н. Барлукова представляла собой компаративный анализ деятельности Бурятской, Тувинской и Хакасской партийных организаций за одно десятилетие. Однако изучению и обобщению подвергся только опыт подбора номенклатурных кадров в трудовых коллективах, первичных партийных организациях, райкомах, горкомах и обкомах КПСС.

Особенности функционирования политической элиты Бурятии в контексте исторического развития бурятского народа рассмотрены в работе А.А. Елаева [58]. Проблемам активизации политической роли средств массовой информации посвящены работы Э.Д. Дагбаева [59, 60]. В них автор также касается вопросов жизнедеятельности властных структур республики. Интерес может представить работа Б.П. Крянева о Народном Хурале Республики Бурятия [61]. Объектом изучения бурятских историков и политологов стали политические партии, общественно-политические движения и общественные объединения, а также предвыборные блоки Республики Бурятия [62, 63]. Несмотря на то, что эти работы не преследовали цели прямого исследования политической элиты Бурятии, затрагивали лишь один из аспектов данной проблематики, тем не менее, информация и выводы, содержащиеся в них, представляют определенный интерес для раскрытия проблемы политической элиты современной Бурятии.

В определенной мере этот пробел восполняет работа В.Г. Жалсановой [64], предметом исследования которой стал процесс формирования и функционирования политической элиты Бурятии в современных условиях. Автор изучала особенности социальной трансформации политической элиты Республики Бурятия, определила ее место в социальной структуре общества и роль в процессе политической трансформации.

Среди работ представителей бурятской исторической науки можно выделить публикации, имеющие биографическую направленность [65,

66]. Характеризуя эти работы, отметим, что их, во-первых, крайне мало, и, во-вторых, они в основной своей массе воссоздали жизнь и деятельность политической элиты начального этапа формирования советской государственности в Бурятии [67, 68, 69, 70, 71, 72, 73]. Из политических деятелей советского периода интерес вызвала личность В.Б. Саганова, из постсоветских – С.М. Иванова [74, 75, 76]. Эти работы важны не только тем, что содержат конкретные материалы биографического свойства, но и дают возможность выявить тенденции политического развития республики того или иного периода, отражают проблемы становления государственного аппарата власти, поскольку представляют собой портрет политика на фоне политической истории республики.

К этой же группе примыкают и воспоминания непосредственных участников событий, в частности двух ведущих политических лидеров республики своего времени первого секретаря Бурятского обкома КПСС (1962-1984) А.У. Модогоева и первого президента Республики Бурятия (1994-2007), помощника руководителя Администрации Президента РФ (2007-2009) Л.В. Потапова [77].

Отдельные особенности постсоветского развития народного хозяйства Республики Бурятия в 1990-е гг. изучены в трудах Е.В. Атутова, В.П. Бартукова, А.Г. Бобкова, Н.Ж. Номшиевой, Л.В. Потапова, Д.Б. Рабданова, П.Ж. Хандуева [78, 79, 80, 81, 82, 83, 84].

Таким образом, проблема изучения государственного аппарата власти имеет длительную традицию, включает в себя значительный объем научной литературы теоретического и эмпирического плана. Как междисциплинарная проблема она исследовалась представителями различных гуманитарных специальностей от философов до историков, от социологов и политологов до экономистов, как многогранная тема охватывает большой круг вопросов, так или иначе соприкасающихся с исследовательским объектом. Весь историографический комплекс состоит из научных работ зарубежных, советских (российских), сибирских, бурятских ученых.

Анализ историографии данной проблемы позволяет заключить, что органы законодательной власти как часть и одна из ветвей единой системы государственных органов в качестве специального предмета научного изучения в литературе не выделялась. В научных исследованиях историков и правоведов, посвященных изучению органов государственной власти и истории их развития, в той или иной степени нашли от-

ражение отдельные вопросы деятельности законодательных органов, которые, преимущественно, рассматривались в общем историческом или правовом контексте.

Все вышесказанное позволяет заключить, что

проблема возникновения и становления государственного аппарата власти в Бурятии в период 1920 г. – первая четверть XXI в. требует своего дальнейшего углубленного исследования.

Литература

1. Ербанов М.Н. Строительство Красной Бурятии // Жизнь Бурятии. – Верхнеудинск, 1925; Ербанов М.Н. Пять лет автономии Бурятии (краткий очерк). – Верхнеудинск, 1926.
2. Самойлович П.А. Бурят-Монгольская АССР / под ред. С.Б. Диманштейна. – М., 1933.
3. Кудрявцев Ф.А., Гирченко В.П. От свержения царизма к автономной Бурят-Монгольской АССР // От царской колонии до советской республики / под ред. М.А. Гудопникова, А.И. Убугунэ. – Иркутск, 1933.
4. Помус М.И. Бурят-Монгольская АССР. – М., 1937.
5. Андрушайтис В. К истории образования Бурят-Монгольской АССР // Исторические записки. – М., 1952. – Вып. 39.
6. Хомхолов Б.Х. Торжество Ленинской национальной политики в БМАССР // Учен. зап. Бурят-Монгольского пед. ин-та им. Д. Банзарова. – Улан-Удэ, 1953. – Вып. 4. Тридцать лет Бурят-Монгольской АССР: сб. ст. – Улан-Удэ, 1953.
7. Кузнецкий Н. С. Борьба коммунистов Бурят-Монголии за проведение ленинской национальной политики в восстановительный период (1921-1925 гг.) – Улан-Удэ, 1957.
8. Бажеев Д.Г. Коммунисты Бурятии в борьбе за Советскую автономию. – Улан-Удэ, 1959.
9. Хаптаев П.Т., Цибилов Б.Д. Октябрьская революция и образование Бурятской АССР // 300 лет нерушимой дружбы. – Улан-Удэ, 1959.
10. Санжиев Г. Л. Образование и развитие Республики, ее значение // Республике Бурятия – 70 лет. – Улан-Удэ, 1993; Государственно-правовое положение бурятского народа (в историческом аспекте) // Современное положение бурятского народа и перспективы его развития: материалы науч.-практ. конф. – Вып. 3. – Улан-Удэ, 1996.
11. Демидов В.А. Бурятия: от степных дум к автономии / отв. ред. М. Н. Колоткин. – Новосибирск, 2001. – 162 с.
12. Елаев А. А. Бурятия: путь к автономии и государственности. – М., 1994.
13. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / отв. ред. Л. М. Дамешек. – М., 1995.
14. Бабаков В. В. Проблемы национально-государственного строительства в Бурятии (1917-1923) // Историческое, культурное и природное наследие: состояние, проблемы, трансляция. – Вып. 1. – Улан-Удэ, 1996.
15. Бабаков В.В. Национально-государственного строительства в Бурятии в. 1917-1919 гг. – Улан-Удэ: Изд-во ИПК ВСГАКИ, 2012. – 147 с.
16. Басаев Г.Д. Политическая история Республики Бурятия в 20-30-е годы и роль в ней М.Н. Ербанова: дис. ... д-ра ист. наук. – Иркутск, 1998.
17. Перфильева И.А. Становление и эволюция государственного аппарата власти и управления Забайкалья в 1922-1936 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2007.
18. Гагарин А.В. Перевыборы Советов в Западной Сибири в 1925-1926 гг. // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. – Вып. 3. – Томск, 1964; Его же. Советское строительство в Сибири 1920- 1925 гг. // Вопросы истории Сибири. – 1972. – Вып. 6.
19. Клименко Л.И. Из истории Советского строительства в Сибири в 1929-1932 гг. // Вопросы истории, социально-экономической и культурной жизни Сибири. – Новосибирск, 1971.
20. Введенская А.Г. Особенности перехода к НЭПу в Сибири (1921-1924 гг.) // Теорет. вопросы социалистического строительства. – Иркутск, 1973.
21. Шишкин В.И. Восстановление и начало деятельности городских Советов Сибири (февраль – сентябрь 1920) // Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. – Новосибирск, 1975.
22. Ковальчук Г.А. Вовлечение трудящихся масс Сибири в государственное управление в восстановительный период 1921-1925 гг. // Из истории общественно-политической жизни Сибири. – Томск, 1981.
23. Петрухина М.М. О некоторых направлениях демократизации городских Советов Сибири в восстановительный период (1921-1925 гг.) // Руководство партийных организаций Сибири совершенствованием государственного аппарата, деятельностью хозяйственных и общественных организаций в условиях социалистического и коммунистического строительства (1917-1977 гг.) – Томск, 1980.
24. Боброва К.И. Борьба партийных организаций Сибири за дальнейшее совершенствование Советского государственного аппарата в период с 1926 по 1930 г. (на материалах округов Западной Сибири) // Труды кафедр истории КПСС и философии и политэкономии электро-тех. ин-та. – Новосибирск, 1960. – Вып. 1.
25. Галкина Т.И. Работа Омской губернской партийной организации по укреплению Советов 1920-1925 гг. // Труды Омского сельскохозяйственного института. – 1961. – Вып. 62.
26. Андреев В.П. Партийное руководство выборами городских Советов Западной Сибири (1926-1932 гг.) // Руководство партийных организаций Сибири совершенствованием государственного аппарата, деятельностью хозяйственных и общественных организаций в условиях социалистического и коммунистического строительства (1917-1977 гг.) – Томск, 1980.
27. Андреев В.П., Петрухина М.М. Партийное руководство городскими Советами Сибири (1920-1932 гг.) – Томск, 1983.
28. Суверов В. М. Деятельность партийных организаций Сибири по укреплению союза рабочего класса с крестьянством (октябрь 1917–1925 гг.). – Томск, 1985.
29. Красинский С.Л. Деятельность парторганизаций горсоветов Сибири по руководству аппаратом в годы второй пятилетки // Материалы конференции молодых ученых. – Томск, 1985.
30. Пуустров В.А. Деятельность органов партийного и государственного контроля в Сибири по совершенствованию го-

- сударственного аппарата (1923-1925 гг.) // Вопросы истории Советской Сибири. – Новосибирск, 1967.
31. Горестов М.А. Осуществление в Сибири ленинских принципов организации государственного контроля в 1923 гг. – Красноярск, 1970.
 32. Шустров В.А. Деятельность органов партийного и государственного контроля по совершенствованию государственного аппарата с сер. 1930 до 1934 г. // Научные труды Новосибирского ун-та. – 1972. – Вып. 5.
 33. Воронин А.И. Роль органов партийно-государственного контроля Восточной Сибири в оживлении деятельности сельсоветов (1923-1925 гг.) // Организационная и идейно-воспитательная работа партийных организаций Восточной Сибири в условиях развитого социализма. – Иркутск, 1977; Воронин А. И. Роль органов партийно-государственного контроля в укреплении союза рабочего класса и крестьянства в Восточной Сибири (1924-1928 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1979; и др.
 34. Хышиктуев О.В. Конституционно-правовой статус Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 1996.
 35. Доржиева Э.В. Конституционно-правовое регулирование государственного управления в этногосударственных образованиях (на примере Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. юр. наук. – М., 2004.
 36. Будаев К.А. Взаимоотношения органов законодательной, исполнительной власти и судебных органов в субъектах Российской Федерации (на примере Республики Бурятия). – Улан-Удэ, 2006.
 37. Хамнуев Ю.Г. Теоретико-правовые основы формирования конституционного законодательства субъектов РФ (на примере Республики Бурятия). – Улан-Удэ, 2006.
 38. Ивайловский Д.А. Государственно-территориальное устройство Российской Федерации (особенности российского федерализма) // Развитие федеративных отношений на примере Республики Бурятия. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 1999. – 147 с.
 39. Хышиктуев О.В. Правовой статус республик в составе России. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1995. – 132 с.
 40. Раднаева С.Ц. Государственное строительство в субъектах Российской Федерации Байкальского региона в 1990-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009.
 41. Батуев Ц. Создание органов государственной власти в Бурят-Монгольской АССР // Власть. – М., 2010. – С. 119-122.
 42. Батуев Ц.Б. Национальная государственность в Республике Бурятия в период распада советской системы и становления российского федерализма (вторая половина 80-х – начало 90-х гг.). – Улан-Удэ, 2010. – 70 с.
 43. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – М., 2000.
 44. История Бурятии: в 3 т. Т. 3 – XX-XXI вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 464 с.
 45. Палхаева Е.Н. Трансформация государственности бурят в XX – начале XXI в. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2012.
 46. Дашинамжилов О.Б. Структура и деятельность органов управления республики Бурятия в 1990-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2008.
 47. Будажапов С.П. Республики Сибири – субъекты Федерации. – Улан-Удэ, 2007. – 102 с.
 48. Будажапов С.П. Национально-государственное строительство в Республике Бурятия во второй половине 1980-х – 1990-е гг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007.
 49. Керашев А.Т. Деятельность партийных организаций по подбору, расстановке и воспитанию руководящих кадров (1981-1987 гг.): на материалах Краснодар. краевой парт. организации : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988.
 50. Долженкова Е.В. Отечественный исторический опыт в области подбора и расстановки руководящих кадров в 1920-е годы (на материалах курского края): автореф. дис. канд. ист. наук. – Курск, 2012.
 51. Киселев А.К. Влияние административно-командной системы на процессы подготовки и расстановки руководящих партийно-советских кадров села в послевоенный период 194-1956 гг. (на материалах Ставропольского и Краснодарского краев, Кабардино-Балкарской АССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 1991.
 52. Караулов Ю.В. Исторический опыт подготовки региональных руководящих кадров Российской Федерации в 50-90-е гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1999.
 53. Коновалов А.Б. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири (1945-1991): дис. ... д-ра ист. наук. – Кемерово, 2006. – 744 с.
 54. Минаева Н.В. Подготовка управленческих кадров в Республике Коми (середина 1980-х – 1990-е гг.): исторический опыт: дис. ... канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2009; и др.
 55. Миронов Е.В. Региональные партийные элиты: исторический опыт и эффективность управления в 1956-1991 гг. (на примере Иркутской области): автореф. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2007.
 56. Сордохонов Н.Д. Деятельность Бурятской партийной организации по подбору, расстановке и воспитанию руководящих партийных кадров в период между XXIII и XXIV съездами КПСС: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1974.
 57. Бартуков В.П. Деятельность партийных организаций национальных районов Восточной Сибири по подбору, расстановке и воспитанию руководящих партийных кадров (1970-1980): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1988.
 58. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. – Улан-Удэ, 2007.
 59. Дагбаев Э.Д. Пресса и национально-политический процесс региона (опыт политологического и социологического анализа). – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 124 с.
 60. Дагбаев Э.Д. Средства массовой информации: динамические модели политической коммуникации. – Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госун-та, 2004. – 267 с.
 61. Крянев Б.П. Народный Хурал Республики Бурятия. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. госун-та, 1997. – 145 с.
 62. Крянев Б.П. Политические партии и предвыборные блоки Республики Бурятия. – Улан-Удэ, 2001. – 196 с.
 63. Курас Л.В., Базаров О.Д. Политические партии, общественно-политические движения и общественные объединения в Бурятии. – Улан-Удэ, 2003 – 167 с.
 64. Жалсанова В.Г. Политическая элита в социальной структуре общества переходного периода : на материалах Республики Бурятия : дис. ... канд. социол. наук. – Улан-Удэ, 2000. – 131 с.
 65. Василевский В. И. Революция и Гражданская война в Забайкалье : краткий биограф. указ. – Чита, 1989; Биографические данные руководителей Верховного Совета, Президиума Верховного Совета и Правительства Бурятии (1923-1966) : сб. /

сост. А.Х. Насыров. – Улан-Удэ, 1996. – 142 с.

66. Антонов В.И. Имена в мировой политике : мозаика портретов и образов (в 2 ч.). – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.

67. Сын народа: воспоминания о М.Н. Ербанове. – Улан-Удэ, 1971; Басаев Г.Д., Ербанова С.Я. М.Н. Ербанов. – Улан-Удэ, 1989; Санжиев Г.Д., Найдаков В.Ц. Эльбек-Доржи Ринчино // Национально-освободительное движение бурятского народа. – Улан-Удэ, 1989. – С. 47-54.

68. Туденов Г. О пятнах белых и темных... // Байкал. – 1989. – № 3. – С. 83-91.

69. Егунов Н.П. М.И. Амагаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 100 с.

70. Роштин С.К. М.И. Амагаев: годы в Монголии // Восток. – 1997. – № 6. – С. 43-52.

71. Жабаева Л.Б. Э.-Д. Ринчино и формирование государственности монгольских народов в первой четверти XX в.: дис. ... д-ра ист. наук – Улан-Удэ, 2001.

72. Амагаев Г.М. Матвей Иннокентьевич Амагаев : годы жизни и испытаний (1897-1944 гг.). – Улан-Удэ.

73. Эрдynesева Е.Д. К 115- летию со дня рождения известного общественно-политического деятеля Бурятии Трубачеева Василия Ильича: URL: <http://burarh.ru/news/133/>

74. Ангархаев А. Владимир Саганов: пттрихи к портрету. – Улан-Удэ : Буряад унэн, 2007. – 259 с.

75. Андреева. Иванов С.М. // Коммунист Бурятии. – 2012. – № 18. – С.8.

76. Баторова. Иванов С.М. // Бурятия. – 2012. – 30 окт. – С. 4.

77. Модогоев А.Ч. Годы и люди. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2004. – 221 с.; Потапов Л.В. Годы и судьбы. – Улан-Удэ : ОАО Республиканская типография, 2010. – 285 с.

78. Атутова Е.В. Государственное регулирование занятости населения региона (на примере Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М.: Изд-во Рос. экон. акад. им. Г.В. Плеханова, 1997. – 22 с.

79. Баргуков В.П. Внешнеэкономические связи России и ее субъекта – Республики Бурятия. 1946–2000 гг. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 148 с.

80. Бобков А.Г. Хозяйственный комплекс РБ и развитие его экспортоориентированных производств: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М.: Изд-во РАГС, 1996. – 22 с.

81. Номшиева Н.Ж. Стратегия устойчивого социально-экономического развития региона (на примере Республики Бурятия). – СПб.: Роза мира, 2003. – 142 с.

82. Потапов Л.В. Бурятия: саморазвитие региональной экономики. – М.: Гуманитарий, 2000. – 205 с.

83. Рабданова, Д.Б. Экономическое регулирование региональной системы здравоохранения: автореф. дис. ... канд. экон. наук. – Сочи: Изд-во Соч. гос. ун-та туризма и курорт. дела, 2004. – 25 с.

84. Хандуев П.Ж. Трансформация структуры хозяйства региона (управленческий аспект) / П.Ж. Хандуев, Т.Г. Думнова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 384 с.

Протасов Евгений Тарасович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» БГСХА им. В.Р. Филиппова. 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8.

Protasov Evgeny Tarasovich, candidate of historical sciences, associate professor, department of state and municipal governance. V.R.Filippov Buryat State Agricultural Academy. 670034, Ulan-Ude, Pushkin str., 8.

УДК 94(47)(571.54)

© *V.V. Babakov*

Политика Бурнацкома в Забайкалье в 1918 г.

В статье анализируются особенности национально-государственного строительства, осуществляемого Бурнацкомом (Бурнардумой) в Забайкалье в условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции, после временного падения Советской власти в 1918 г.

Ключевые слова: национально-государственное строительство, Бурнацком, Бурнардума, Забайкалье, гражданская война, интервенция.

V.V. Babakov

The Burnatskom policy in Transbaikalia in 1918

This article analyzes the features of national-state building, performed by Burnatskom (Burnarduma) in Transbaikalia in the conditions of the Civil war and foreign military intervention, following the temporary fall of the Soviet power in 1918.

Keywords: national-state building, Burnatskom, Burnarduma, Transbaikalia, the Civil war, intervention.

Исторический анализ развития национально-государственного движения в Бурятии в 1917-1919 гг. актуален не только в научном, но и в практическом плане. Он способствует определению перспектив и поиску конкретных путей дальнейшего развития национальных отношений в Российской Федерации.

Исследовательский интерес представляет практический опыт Бурнацкома (Бурнардумы) по национально-государственному строительству в условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции после временного падения Советской власти в Забайкалье в 1918 г.

Гражданская война в 1918 г. охватила почти

всю территорию России. В конце мая выступил чехословацкий корпус, части которого растянулись по всей Транссибирской магистрали. На Дальнем Востоке вели боевые действия против Советской власти войска интервентов. Франция, США, Япония, осуществляя интервенцию, решали свои геополитические задачи. Фактически происходил раздел Востока России, перераспределение сфер влияния между великими державами в Центральной Азии. В Забайкалье активизировал свои действия атаман Г. Семенов. Под ударами интервентов и белогвардейских войск Советская власть в Сибири пала.

28 августа 1918 г. на ст. Урульга в Забайкалье состоялась конференция представителей партийных, советских организаций и воинских частей. Ее участники, учитывая малочисленность советских войск и приближение противника с запада и востока, вынесли решение временно прекратить борьбу с врагом организованным фронтом.

После падения Советской власти на территории Сибири возникло несколько региональных буржуазных правительств, которые на совещании в сентябре 1918 г. в Уфе образовали так называемую Директорию, власть которой была непродолжительной. Она сменилась диктатурой адмирала А.В. Колчака. Атаман Г. Семенов при поддержке японских войск захватил власть в Забайкалье.

Общественно-политическая обстановка, сложившаяся в Восточной Сибири, была крайне сложной. В новых условиях Бурнацком вынужденно отказался от своей прежней политики формальной поддержки Советской власти. Он автоматически перешел к политике формальной поддержки А.В. Колчака и Г. Семенова, поскольку теперь образование бурятской национальной автономии зависело от них. Более того именно такая линия поведения Центрального комитета позволила избежать массовых репрессий со стороны военного режима широких бурятских масс во время смены власти.

Суть «политической мимикрии» Бурнацкома заключалась в использовании любых средств и любых правящих режимов для достижения главной цели – создания бурятской государственности.

Каждая из враждующих сил в борьбе за власть была заинтересована в привлечении на свою сторону коренного населения. Подавляющему большинству бурят, возглавляемых Нацкомом, были далеки цели борющихся сторон – как красных, так и белых, – поскольку эти цели были им не вполне понятны и во многом проти-

воречили их национальным интересам.

Частая смена власти, политических курсов и лозунгов негативно влияла на практическую работу по формированию национальной бурятской автономии. Многие члены Нацкома придерживались левых взглядов, критиковали его новую ориентацию «вправо», переход от политики несогласия с политикой атамана Г. Семенова на путь сотрудничества с ним.

Среди лидеров национального движения проходили споры и дискуссии по поводу дальнейшей ориентации Бурнацкома в сложившейся общественно-политической ситуации. Верх в этих спорах, по всей видимости, одержала фракция правой национально-демократической интеллигенции. К ним примкнули из чисто прагматических соображений колеблющиеся «центристы», т.к. опора на японцев и Г. Семенова объективно сулила дальнейшее развитие и укрепление бурятской национальной автономии.

Отголоски тех идейных споров нашли свое отражение в личном письме Э.-Д. Ринчино к Д. Сампилону. Письмо не датировано, очевидно, написано в конце 1918 г. в период работы Д. Сампилона председателем Бурятской Народной Думы, когда Э.-Д. Ринчино находился на нелегальном положении.

Прежний председатель Бурнацкома призывал нового (при Г. Семенове осенью 1918 г. Бурнацком был переименован в Бурнардуму) не колебаться в выборе тактики и стратегии для достижения высшей цели: «Все Ваши рассуждения по вопросам нашей, главным образом, внешней политики в основных чертах сходятся с моими. То же самое и по вопросам внутренней политики. Но только у Вас при основном правильном тоне есть какая-то путаница. Путаница вполне понятна, ибо разобраться тут сразу и поставить правильный диагноз при нынешней путанице взаимоотношений и соотношений сил чрезвычайно трудно. Вы вот говорили о какой-то правой ориентации. И это я считаю чистейшим недоразумением. Нет никакой правой ориентации...» [1, с. 121].

Э.-Д. Ринчино считал «правую ориентацию» Бурнардумы лишь временным тактическим шагом. Используя связи Д. Сампилона с Г. Семеновым, он выступал за гибкую тактику отношений с превосходящими в силе семеновцами и японцами. Эту тактику Э.-Д. Ринчино называл «нашим Брестом» по аналогии соглашения Советской России с Германией в 1918 г.

Далее в письме он пояснил свою позицию: «По моему мнению, вопросы внутренней политики – это вопросы, касающиеся устройства

жизни и быта бурят. Это наша политика в аймаках, наши чисто бурятские взаимоотношения. Все остальные вопросы – внешней политики. С этой точки зрения, Сибирское правительство, Семенов, японцы, большевики и т.д. – политика внешняя. Но такая постановка вопроса требует одной объективной предпосылки. Это именно – Центрнацком вполне автономен по вопросам, касающимся управления, суда и пр. бурят и работает лишь в контакте с органами русской власти. Все органы областной власти по вопросам, касающимся всей области и, в частности, бурятского населения, делают свои распоряжения с ведома и по отзыву Центрнацкома. Такое положение вещей существовало при большевиках... Мотивировать подобное положение особенно сейчас и отстоять его чрезвычайно легко» [2, с. 166].

Лидеры Бурнацкома в своей деятельности поступали предельно прагматично, они всегда исходили из сложившейся на данный момент общественно-политической обстановки в регионе и лишь затем проводили свою, порой противоречивую политику.

Часто случалось, что, с одной стороны, провозглашался нейтралитет и отказ от участия в вооруженной борьбе, с другой – осуществлялось лавирование, возникали постоянные компромиссы с находящимися у власти политическими силами, использовалась любая сложившаяся политическая ситуация для осуществления высшей цели – создания национальной автономии.

В новой общественно-политической обстановке Бурнацком пошел на вынужденное сотрудничество с пришедшим к власти в Забайкалье атаманом Г. Семеновым. Атаман был заинтересован в поддержке своей власти бурятским казачеством, в основном перешедшим в аймаки. Он предполагал использовать казаков-бурят как ударную силу в своих отрядах наряду с монголами, т.к. эта категория забайкальского населения из-за целенаправленной политики Бурнацкома была мало расположена к большевизму.

Дисциплинированные профессиональные военные, нередко имевшие фронтовой опыт, избежавшие искушений «стихийного большевизма», являлись прекрасным карательным средством для военной диктатуры.

Сотрудничая с Бурнацкомом (Бурнардумой), атаман Г. Семенов пытался получить поддержку у той части бурят, которая, вследствие ошибочной политики местных органов власти в 1917-1918 гг., санкционировавших захваты бурятских земель в пользу русских крестьян и переселенцев, эмигрировала в Монголию.

Для этого при «Правительстве Забайкальской области», сформированном в Маньчжурии, был учрежден «Бурятский национальный отдел». Предпринимая этот шаг, Г. Семенов рассчитывал объединить бурятских эмигрантов, проживавших на территории Барги и Халхи, и через них распространять свое влияние на бурят Забайкалья.

«Бурятский национальный отдел» был сформирован 13 июня 1918 г. в местности «Даши-мак» Хулун-Буирского округа Монголии на чрезвычайном собрании бурят-эмигрантов. На нем присутствовал 221 делегат, а также представитель Особого Маньчжурского отряда – начальник политотдела капитан Я.А. Файвусов.

Собравшиеся приветствовали цели и задачи создавшегося «Временного правительства Забайкальской области». В «Бурятский национальный отдел» при Гражданском управлении Временного правительства были избраны представители родовых верхов в лице: «бывшего тайши Намдак Дылыкова, Найдан Дамдинова и Хоринского аймака Цыден-Еши Цыбикова, а кандидатами к ним: Аюши Тугултурова, Бато-Цырен Цыденова и Сомая Санжиева. Председатель Чрезвычайного собрания Н. Дылыков, секретарь Н. Дамдинов» [3].

Одним из пунктов собрания было: «Просить Временное правительство Забайкальской области способствовать к возрождению национально-территориальной автономии бурятского народа» [3].

Выполнение этого пункта от лица атамана Г. Семенова гарантировал начальник его политического отдела капитан Я.А. Файвусов.

Таким образом, новая забайкальская власть была заинтересована в поддержке широких слоев бурятского населения. Ради достижения этой цели она готова была вести диалог с органами бурятского самоуправления.

Бурнацком стоял перед необходимостью упорочить свои позиции в новых общественно-политических условиях. Для этого его лидеры были готовы идти на компромиссы и сотрудничество с властью атамана Г. Семенова, на определенную реорганизацию структуры Нацкома, адаптируя ее к условиям военного режима.

19 сентября 1918 г. состоялось расширенное совещание представителей аймаков, Национального отдела при гражданском управлении Забайкальской области при штабе Особого Маньчжурского отряда и членов Центрального Бурятского Национального комитета [4].

Оно решило объединить Бурятский отдел Правительства Забайкальской области с Бурнац-

комом: «Национальный Маньчжурский отдел считать ликвидированным и все дела его принять к производству Центральным Бурятским Национальным Комитетом» [4]. Ввести в состав Бурнацкома члена Маньчжурского комитета Найдан Дамдинова [2, с. 141], придерживающегося правых взглядов».

Члены Бурнацкома левой ориентации Н.В. Преловский, Б.Р. Рабданов, Д.Б. Бадмажапов и М.Н. Богданов подали заявление о выходе из него [4].

Формально они мотивировали свой уход необходимостью экономии средств Нацкома. Сочленение сочло мотивы заявления уважительными и приняло их отставку. Фактически же эти действия были прямым несогласием с новой общественно-политической ориентацией бурятских национальных органов власти.

В новый состав Нацкома вошли Д. Сампилов (председатель), Н. Ирдынеев, И. Малков, Ж. Шойванов, Д. Дамдинов [2, с. 141].

Таким образом, выход левых членов комитета из его состава – это цена, которую заплатил Бурнацком военной диктатуре за право продолжить строительство бурятской национальной автономии.

24 сентября состоялось совещание обновленного Центрнацкома при участии Бандидо Хамбо-ламы Буддийского духовенства Восточной Сибири, представителей аймаков и гласных бурят Забайкальского областного земского собрания. Оно приняло решение созвать 5/18 ноября 1918 г. в г. Верхнеудинске Общебурятский съезд. Делегаты на съезд избирались прямым равным голосованием: 1 делегат от 1 500 избирателей [5].

20 октября Главному начальнику Приамурского военного округа было подано прошение: «Центральный Бурятский Национальный Комитет просит Вас разрешить съезд бурят Забайкальской области и Иркутской губернии в гор. Верхнеудинске...» На листе резолюция (карандашом): «Разрешаю, но будет мой представитель». Подпись: «Семенов» – неразборчива [6].

Атаман Г. Семенов, разрешая работать общественно-политическому органу бурят в условиях военной диктатуры, исходил из необходимой достаточности, а именно – его вполне устраивала лояльность бурятского населения к существующему режиму, которую был готов гарантировать новый состав Нацкома. В известном письме Э.-Д. Ринчино Д.С. Сампилову первый эту мысль высказал так: «Если земцы и т.п. зартачатся, мы должны опереться на японцев и Семенова. Для чего, конечно, мы должны пред-

варительно с ними столкнуться. С каждым отделенно. Семенову, конечно, нельзя доверяться вполне и раскрывать ему все карты. Для чего достаточно: особпоста казаков и бурят. В конечном итоге японцам и Семенову вполне достаточно сохранение порядка, спокойствия и т.д., а в этом всегда можем поручиться. Для них наши внутренние дела должны быть безразличны. Это их вовсе не касается. Вряд ли они этим заинтересуются...» [7].

Съезд бурят-монголов Забайкальской области и Иркутской губернии прошел 20-24 ноября 1918 г. Участники съезда обратились к Г. Семенову с телеграммой, в которой приветствовали его как стойкого борца с большевизмом и выразили уверенность, что в дальнейшем атаман не откажет в защите интересов бурят.

Такое поведение съезда было закономерным, оно вытекало из ряда причин:

1) на съезде присутствовали официальные представители атамана Г. Семенова;

2) многие делегаты поддерживали политику новой власти, видели в семеновцах освободителей.

Неслучайно 13-м вопросом повестки дня съезда, подлежащим обсуждению, значилось: «Последствия Советской власти: доклады местных представителей о погромах и убытках» [8].

3) атаман Семенов, одержав победу, действительно прекратил грабежи и насилия, неизбежные во время боевых действий. Это произошло на начальном этапе существования его режима, т.к. осенью 1918 г. он рядился в тогу либерала и заигрывал с Бурнацкомом.

На этом съезде Бурнацком был переименован в «Народную думу» бурят Восточной Сибири, председателем которой был избран Д. Сампилов.

Прежний председатель Э.-Д. Ринчино от имени прежнего состава сделал обстоятельный отчетный доклад. В нем он, основываясь на опыте практической работы, настойчиво рекомендовал организовать бурятские вооруженные силы исходя из того, «что вооруженная сила будет нужна народу до тех пор, пока в стране не установится прочный порядок и не будет царствовать право кулака и грубой силы» [9].

Поэтому Бурнардума расширила военный отдел, преобразовав его в отдел Национальной милиции [10], создала Даурскую школу прапорщиков для подготовки офицеров в формируемую отдельную монголо-бурятскую бригаду им. Зорикто-батара. Все прежние отделы Бурнацкома были сохранены, также был создан Промышленный отдел для сбора статистических

данных о полезных ископаемых.

Таким образом, в новых исторических условиях Бурнардума фактически явилась правопреемницей Бурнацкома.

Лидеры бурятского национального движения пытались воспользоваться старым проверенным приемом – изменив название общественно-политического органа, оставить в неприкосновенности его принципиальную политику. Понимая, что для достижения своей цели нужно идти на жертвы, Нардума отступила от некоторых, ранее провозглашенных Нацкомом принципов.

Так, с началом гражданской войны он провозгласил нейтралитет и отказ от вооруженной борьбы, с этой целью пытался не допустить мобилизации бурятского населения в Красную Армию, однако после падения Советской власти, учитывая опыт практической двухгодичной работы, Бурнардума сознательно нарушила провозглашенный нейтралитет, принудительно создала аймачные отряды «Улан-Цагда» для охраны и защиты бурятских земств.

Этой мобилизацией немедленно воспользовались семеновцы, они монополизировали верховное командование этими отрядами. Мобилизованные для самообороны с условием невмешательства в гражданскую войну, отряды военных милиционеров оказались формально в двойном подчинении – Бурнардуме и атаману Г. Семенову. Фактически же в чрезвычайных обстоятельствах они обязаны были выполнять только приказы атамана. Часть этих отрядов, созданных из сознательных сторонников семеновцев, выполняли карательные функции, как, например, отряд члена Бурнардумы Н. Дамдинова, созданный при участии Агинской аймач-

ной управы.

Справедливости ради надо указать, что Бурнацком старого состава сразу после падения Советской власти начал отходить от провозглашенных ранее им политических принципов. Мероприятия Бурнардумы стали логическим завершением этой тенденции.

Общественно-политическая обстановка, сложившаяся после падения Советской власти, отличалась крайней сложностью. В борьбе за власть враждующие силы пытались привлечь на свою сторону коренное население, но буряты были далеки от целей борющихся сторон, т.к. они не затрагивали их национальные интересы. Частая смена власти, политических курсов и лозунгов негативно влияла на практическую работу по созданию национальной автономии. Бурнацком, желавший упрочить свое положение и не хотевший конфронтации, пошел на компромисс и сотрудничество с новой властью – атаманом Г. Семеновым.

Правительство Г. Семенова, как и Советская власть в 1918 г., признало органы национального самоуправления бурят, тем самым цели национального движения – среди которых основной было обретение национальной автономии – к 1919 г. в основном формально были достигнуты.

Как показало дальнейшее историческое развитие, деструктивная, диктаторская, репрессивная, антинародная политика семеновцев в условиях ожесточенной гражданской войны в регионе фактически привела к самоликвидации Бурнардумы (Бурнацкома), а в конечном итоге, к свертыванию активной деятельности в области национально-государственного строительства в Бурятии.

Литература

1. Ринчино Э.-Д. Документы. Статьи. Письма [Текст]. – Улан-Удэ, 1994.
2. Национальное движение в Бурятии в 1917-1919 гг. [Текст]: документы и материалы. – Улан-Удэ, 1994.
3. ГАРБ. Ф.483. Оп.1. Д.18. Л.59.
4. ГАРБ. Ф. 483. Оп.1. Д.18. Л.58.
5. ГАРБ. Ф. 483. Оп.1. Д.27. Л.1.
6. ГАРБ. Ф. 483. Оп.1. Д.27. Л.2.
7. Архивный отдел НКВД БМАССР. Отд. НКВД БМАССР (Берлаев).
8. ГАРБ. Ф. 305. Оп.1. Д.6. Л.28.
9. ГАРБ.Ф. р-483. Д.1/71.
10. ГАРБ.Ф. р-483. Д.18. Л.50-51.

Бабаков Виктор Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств». Тел.: +79021672848. E-mail: viktor.babakov@mail.ru

Babakov Viktor Valerevich, candidate of historical sciences, associate professor, department of history, East-Siberian State Academy of Culture and Arts. Ph.: +79021672848. E-mail: viktor.babakov@mail.ru

УДК 316.343.725

© С.В. Балдано

Бурятская национальная интеллигенция: формирование и становление (XIX – первая треть XX в.)

В статье речь идет о формировании бурятской национальной интеллигенции – от ламаистского духовенства до первого поколения европейски образованных бурятских интеллектуалов и новой советской интеллигенции. Особое внимание уделено различным этапам деятельности бурятской интеллигенции – просветительскому, национально-патриотическому и советскому.

Ключевые слова: бурятская национальная интеллигенция, формирование, развитие, ламаистское духовенство, интеллектуалы, национальное самосознание, Бурнацком, репрессии.

S. V. Baldano

Buryat national intelligentsia: Formation and development (XIX – early XX cent.)

The article focuses on the formation of the Buryat national intelligentsia – from the Lamaist clergy to the first generation of European educated intellectuals among Buryats and the new Soviet intelligentsia. Special attention is paid to the various stages of the Buryat intellectuals activity – educational, national-patriotic and Soviet ones.

Keywords: Buryat national intelligentsia, formation, development, Lamaist clergy, intellectuals, national identity, Burnatskom, repressions.

Формирование бурятской интеллигенции происходило под влиянием общих культурно-исторических процессов и тех специфических условий, в которых шло развитие бурятского общества. Эти условия характеризовались прежде всего воздействием центрально-азиатской культуры, буддизма. Центрами буддизма были дацаны, осуществлявшие образовательные, воспитательные и другие функции, а наиболее активным проводником этой религии выступало ламаистское духовенство – самая образованная по тем временам часть бурятского общества.

В целом буряты стремились, чтобы число образованных людей в их среде росло. Бурятское общество определяло стипендии для обучения способных детей в средних и высших учебных заведениях, забайкальские буряты выделили 100 тыс. р. на строительство мужской гимназии в Чите, ходатайствовали об открытии сельскохозяйственного училища. Во всех проектах «даже в дискурсе национально-культурного возрождения образование не ограничивалось лишь национальным компонентом, неременным условием новых программ было обучение не только родной, но и русской грамоте, что соответствовало требованию модернизационного периода» [1].

Становлению и развитию национальной интеллигенции, безусловно, способствовал и тот факт, что в Предбайкалье и Забайкалье ссылались прогрессивные политические деятели, распространявшие здесь идеи борьбы за свободу народа. Конечно, не всегда сила идей, которые пытались донести политические ссыльные, про-

никала в сознание местного населения, однако число политически мыслящих бурят постепенно увеличивалось [2].

В этот период происходило формирование первого поколения европейски образованной бурятской интеллигенции. Этот немногочисленный, но чрезвычайно активный и обладающий большим интеллектуальным потенциалом слой внес огромный вклад в создание основ современной культуры и общественного сознания бурятского общества. Вряд ли этих людей можно рассматривать в категориях единой политической группы, идеологического движения. Это, скорее, была среда – сложная, неоднородная, внутренне противоречивая.

Малочисленность интеллигенции, сложившаяся политическая обстановка способствовали совмещению ее представителями различных видов деятельности: профессиональной, общественно-политической и творческой. Научные интересы бурятской интеллигенции распространялись на изучение различных сторон духовной и материальной культуры народов Центральной Азии, их верований, истории, семейного и общественного быта, европейскую теорию нациестроительства. Единственный выход из отсталости и темноты они видели в распространении европейского просвещения, их объединяло стремление взять лучшее из культур Востока и Запада.

Первый этап деятельности бурятской интеллигенции, безусловно, являлся просветительским, связанным с процессом формирования нации, ростом национального самосознания. В

годы революции 1905–1907 гг. бурятская интеллигенция не только с огромным интересом следила за ходом событий в России, но и активно включилась в общероссийское и общесибирское общественное движение. На почве совместной борьбы с существующим строем происходил взаимный процесс сближения бурятской и русской сибирской интеллигенции, выступившей в лице Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева в защиту коренного населения Сибири. Во многом этому процессу способствовало и то обстоятельство, что русский язык для бурятской интеллигенции являлся не только средством общения, но и языком литературы и науки.

Накануне Февральской революции бурятская национальная интеллигенция представляла собой вполне сложившуюся, хотя и немногочисленную (в 1917 г. насчитывалось около 200 учителей и работников просвещения, ученых и врачей; около 150 чел. обучалось в высших и средних учебных заведениях; к ним нужно прибавить некоторое количество служащих, миссионеров, лам) группу образованных людей, составлявшую элиту бурятского народа, осознававшую свое предназначение, выражавшую и отстаивавшую интересы своего народа.

Под влиянием революционных событий в деятельности бурятской интеллигенции наметился переход от просветительского этапа к национально-патриотической агитации. Этот период характеризовался стремлением интеллигенции к консолидации. Молодое поколение интеллигентов, часть которых ориентировалась на программу большевистской партии, активно включилось в политическое просвещение народа. Большинство же лидеров национального движения по-прежнему являлись приверженцами левоэсеровской политики.

Образование Бурятского национального комитета 25 апреля 1917 г., проведение общепурятских съездов сыграли значительную роль в развитии национально-освободительного движения бурятского народа и консолидации его интеллектуальных сил. На примере деятельности Бурнацкома четко прослеживается эволюция взглядов национальной интеллигенции. Начиная с чисто культурнической работы, с организации национального просвещения и подъема культурного уровня бурят, его члены подошли к решению политических задач, постановке вопроса о власти, к осознанию необходимости объединения народа для защиты своих интересов.

Период установления советской власти (март–май 1918 г.) характеризовался политическим и идейным размежеванием интеллигенции,

появлением в ее среде новой просоветской группировки, претендующей на руководство политико-культурными силами народа; наблюдался переход части интеллигенции от прямой оппозиции к сотрудничеству с советской властью и участию в ее социально-культурных преобразованиях, особенно в Прибайкалье; началась совместная работа Бурнацкома и Советов по созданию проекта автономии.

Сотрудничество было прервано начавшейся в Бурятии в июле – августе этого же года иностранной интервенцией и гражданской войной, установлением «нового порядка» атамана Семенова в Забайкалье и военной диктатуры адмирала Колчака в Сибири. Большая часть интеллигенции с самого начала составила оппозицию новой власти, отказавшись от участия в работе ее органов. Так, из состава Бурнацкома вышли Н.В. Преловский, Д.Б. Бадмажапов, Б.Р. Рабданов, М.Н. Богданов. Некоторые (Д. Сампилон, Э.-Д. Ринчино, Б. Вампилун) пошли на сотрудничество с семеновским режимом из стремления любыми способами сохранить бурятскую автономию.

Освобождение Прибайкалья и Забайкалья Красной Армией и партизанами, образование 6 апреля 1920 г. демократической Дальневосточной Республики (ДВР) создали условия для возвращения лидеров национальной интеллигенции к политической деятельности, нового подъема автономистского движения, активизации общественно-политической мысли. Усилия бурятских автономистов в ДВР увенчались образованием 12 февраля 1921 г. Бурят-Монгольской автономной области, состоявшей из чисто бурятских по этническому составу аймаков и хошунов, получившей самостоятельность в вопросах суда, административно-хозяйственной и культурно-национальной жизни.

За период с 1917 по 1923 г. бурятская национальная интеллигенция прошла сложный исторический путь. Являясь неотъемлемой частью народа, зная его нужды и чаяния, она выступила на защиту его интересов как наиболее прогрессивная и образованная часть бурятского общества. Взяв на себя ведущую роль, интеллигенция объединилась на основе национал-демократической идеологии и выработала программу национального движения, включавшую в себя образование национальной автономии, решение аграрного вопроса и культурное возрождение бурятского народа; возглавила борьбу масс за ее осуществление. Встречая на своем пути как объективные, так и субъективные трудности, вызванные особенностями исторического развития бурятского

народа, революционными и военными событиями, лидеры интеллигенции, составившие руководство национальными органами управления, стремились всеми возможными путями и способами достичь поставленных целей (взаимоотношения с Семеновым и Японией).

Процесс формирования и роста бурятской интеллигенции быстрыми темпами происходил после образования национальной государственности бурят. На работу в советские органы были привлечены учителя-просветители, общественные деятели, представители духовенства, чиновники старого аппарата управления, врачи, ученые и другие работники умственного труда. Коммунистический режим нуждался в расширении своей опоры среди непролетарских масс. В свою очередь, старые специалисты для развития своей профессиональной деятельности также нуждались в поддержке власти. Привлекаемая на сторону советской власти бурятская интеллигенция была представлена видными деятелями национальной культуры, просвещения и науки. К сотрудничеству с новой властью ее склоняло и то, что большевики фактически уравнивали национальную интеллигенцию в правах с русской, предложили не только молодым людям, но и представителям старшего и среднего поколения новые возможности. Именно поэтому они и пытались увидеть в советской власти гарантию своего дальнейшего развития.

Власти понимали возросшую актуальность интеллектуального труда и придавали особую значимость задаче «наведения мостов» во взаимоотношениях с интеллигенцией. В.И. Ленин выдвинул тезис, что «использование буржуазных специалистов является одной из форм классовой борьбы в эпоху диктатуры пролетариата» [3]. В эти годы на партийных и профсоюзных съездах довольно часто обсуждались вопросы о формах и методах привлечения интеллигенции к социалистическому строительству, развитию экономики и культуры, укреплению обороноспособности страны Советов. Формируя новую культурную элиту и привлекая на сторону советской власти немногих представителей старой, большевики сразу взяли курс на лишение их важной социальной функции – критики власти [4]. Это касалось не только проблем, относящихся к политике взаимоотношений центра и регионов, но и к вопросам, связанным с национальной политикой в целом.

Бурятия не унаследовала от старого строя ни одного высшего и среднего специального учебного заведения, которые могли бы стать основной базой подготовки интеллигенции. Поэтому

здесь гораздо дольше, чем в центральных регионах, использовалось выдвиженчество как один из путей ускоренного создания групп интеллигенции. Оно началось с первых же дней советской власти и особенно расширилось после образования бурятских областей и автономной республики в начале 1920-х гг., когда потребовались многочисленные руководящие и организаторские кадры аппаратов управления, в т. ч. из коренного населения.

Основной формой подготовки и переподготовки выдвиженцев являлась курсовая система. Различные курсы, сначала краткосрочные (1-2 месячные), а затем и с более продолжительными сроками обучения организовывались непосредственно при наркоматах и ведомствах, на предприятиях и в учреждениях, с отрывом и без отрыва от производства.

Начиная с 1928–1929 гг., в СССР постепенно сужались допустимые границы участия национальной составляющей в общественной жизни. Конец НЭПа совпал с борьбой, начатой старой дореволюционной интеллигенцией, за сохранение существовавшего ранее алфавита. Развернутая в 1926 г. дискуссия завершилась в 1929–1930 гг. поражением сторонников сохранения традиционных вариантов письменности, базирующейся на старомонгольском алфавите. Дискуссия по поводу алфавита была последней, в которой национальная интеллигенция принимала участие как социальная группа, пытавшаяся руководствоваться в своих действиях стремлением к достижению определенных национальных целей. Впрочем, данная дискуссия также стала последним публичным выражением коллективного сопротивления политике властей.

В 1930-е гг. в Бурят-Монгольской АССР ситуация круто изменилась. Органы НКВД выявили и уничтожили по обе стороны государственной границы так называемую «антисоветскую повстанческую панмонгольскую организацию». В результате репрессий пострадали тысячи граждан СССР и МНР. В историографии утвердилось определение «панмонголизм» = «буржуазный национализм», а слова «панмонголист» и «панмонгольский» стали одиозными политическими ярлыками.

Дальнейший процесс становления и формирования бурятской интеллигенции в условиях советской власти шел непросто, он встречал на своем пути немалые трудности, связанные с социально-экономической отсталостью региона, а также с воздействием утверждавшегося тоталитаризма. Массовые репрессии 1930-х гг. не оставили в стороне бурятскую национальную ин-

теллигенцию. Практически вся лучшая часть дооктябрьской интеллигенции, включая художественную и духовенство, была уничтожена. Заодно была уничтожена часть новой интеллиген-

ции, воспринявшей лучшие традиции прошлого. Но в это же время бурно шли процессы становления и развития бурятской советской интеллигенции.

Литература

1. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX - первая треть XX в.) / П.К. Варнавицкий, Г.А. Дырхеева, Т.Д. Скрынникова. – Иркутск: Отгиск, 2003. – С. 41.
2. А.В. Бильтрикова. Бурятская национальная интеллигенция на современном этапе. – Улан-Удэ, 2001. – С. 9.
3. Ленин В.И. О диктатуре пролетариата // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1954. Т. 39. – С. 264.
4. См.: Голанд Ю. Политика и экономика (очерки общественной борьбы 20-х годов) // Знамя. – 1990. – № 3. – С. 132-133.

Балдано Светлана Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМБТ СО РАН.

E-mail: l-a-n-a@mail.ru

Baldano Svetlana Viktorovna, candidate of historical sciences, senior research associate, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies. SB RAS. E-mail: l-a-n-a@mail.ru

УДК 342.25 (=512.31)

© *И.Н. Шагдурова*

Формирование и деятельность земских органов самоуправления бурят (1917–1920)

В статье рассматривается процесс формирования земских органов самоуправления бурят.

I.N. Shagdurova

Formation and activity of zemsky (local) boards of self-governance of Buryats (1917-1920)

In the article the process of formation of zemsky (local) boards of self-governance of Buryats is considered.

Земские органы самоуправления сыграли огромную роль в развитии России. Они возникли после введения земской реформы 1864 г. и состояли из распорядительных органов – губернские и уездные земские собрания, и исполнительных органов – губернские и уездные управы. Первые могли быть очередными и чрезвычайными или экстренными. Очередные уездные собрания созывались ежегодно не позднее октября на 10 дней, губернские – на 20 дней. Управы состояли из председателя и двух членов [1]. Функции земских органов были весьма обширны. В их компетенцию входило заведование земскими повинностями (денежными и натуральными); заведование капиталами и другим имуществом земств; борьба с дороговизной, содержание находящихся в их ведении дорог, пристаней, земской почты, телефонной связи, пароходных и иных сообщений; заведование лечебными и социальными учреждениями, пожарными командами, образованием; содействие развитию торговли, кустарным промыслам, создание кредитных учреждений; благоустройство селений, проведение статистических обследований; участие в организации переселений; поддержа-

ние личной и общественной безопасности, руководство милицией, организация борьбы с эпидемиями, сельскохозяйственными вредителями, открытие ярмарок, торгов, базаров и т.д. [2] Все земские органы избирались сроком на три года, дела в них решались простым большинством голосов. Управы были подотчетны земским собраниям.

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство обращается к этим органам. Наряду с созданием собственных органов местного управления, которое заключалось во введении 4 марта института комиссаров, сменивших губернаторов и исправников [3], 17 июня вводятся земские органы самоуправления в Архангельской губернии и в Сибири [4]. Введения земства в Сибири ждали с самого начала земской реформы 1864 г., за него на протяжении многих лет боролись областники. И, наконец, 6-7 марта 1918 г. в Иркутской губернии прошла первая сессия чрезвычайного губернского собрания. Избирается управа во главе с П.Д. Яковлевым и создаются секции: финансовая, организационная, агрономическая, врачебная, по народному образованию и др. [5], а во второй по-

ловине декабря 1917 – январе 1918 г. прошли уездные земские собрания [6].

В Забайкальской области функции исполнительной власти буржуазного Временного правительства приняли на себя Читинский городской голова Н.Н. Савич, в Верхнеудинском и Троицкосавском уездах – городские головы, в Селенгинском и Баргузинском уездах – городские старосты. В Верхнеудинске 6 марта 1917 г. был избран исполнительный комитет общественных организаций, который занимался организацией новой власти. Председателем становится Е.А. Петров, бывший член большевистской фракции 2-й Государственной думы [7]. Все они занимались организацией земского самоуправления в крае. М.Н. Богданов вошел в состав Комитета общественной безопасности в качестве представителя от бурят.

На земское самоуправление большие надежды возлагали и лидеры бурятского национального движения. После Февральской революции 1917 г. у бурят с новой силой развернулось национальное движение, которое делилось на два крыла: либерально-демократическое и революционно-демократическое. Лидеры первого направления (Ц. Жамцарано, М.Н. Богданов, Б. Барадин, А. Доржиев, Э.Д. Ринчино и др.) всецело поддерживали Временное правительство, идею созыва Учредительного собрания и особенно идеи введения земства в «неземских регионах» страны, к которым относилась Сибирь.

6 марта 1917 г. в Чите создается Временный организационный комитет, в состав которого вошли Ш.Б. Бадмаев, Ш.Б. Базаров, М.Н. Богданов, Н.Н. Намдаков, Э.-Д. Ринчино, С.С. Сампилов [8]. Комитет поставил задачу подготовки и созыва общенационального съезда бурят для обсуждения судьбы народа в новых условиях.

23-25 апреля в Чите состоялся первый съезд бурят Забайкальской области и Иркутской губернии. На этом съезде М.Н. Богданов представил проект бурятской национальной автономии, составленный на основе проектов бурятского национального самоуправления, принятых еще в начале века. В проекте были широко использованы земские идеи. Было предложено создание органов национального самоуправления по схеме сомон–хошун–аймак–Бурятская Национальная Дума в виде сомонных, хошунных, аймачных собраний, комитетов и управ, основанных на земских органах, которые становились низовыми звеньями, а высшими органами самоуправления бурят должны были стать общенациональные съезды, национальный совет и Центральный Национальный Комитет, который на-

зывался еще Бурятская Национальная Дума [9]. Проект содержал идею слияния земских органов управления традиционным национальным самоуправлением. На съезде был избран Бурятский Национальный Комитет (Бурнацком), который начал явочным порядком создавать земские органы самоуправления у бурят. В Иркутске был создан отдел Бурнацкома – Иркутский национальный комитет. Его активными деятелями были В.Л. Егоров, А.А. Убугунов, И.С. Дурхисанов, Ф.Р. Коняев, И.Г. Салтыков, И.И. Тунуханов [10].

Вопрос создания бурятских органов самоуправления, основанных на земстве, продолжал обсуждаться и на последующих бурятских съездах. Так, в октябре 1917 г. в Верхнеудинске состоялся III общепобурятский съезд, на котором окончательно был утвержден проект бурятской автономии, разработанный М.Н. Богдановым. Проект получил название «Статут о временных органах по управлению культурно-национальными делами бурят-монголов и тунгусов Забайкальской области и Иркутской губернии». Проект предусматривал объединение бурят Забайкальской области и Иркутской губернии в одно целое и выделение в самостоятельную административно-территориальную единицу. Были выдвинуты идеи создания аймаков, хошунов и сомонов в бурятских поселениях. Высшими органами управления, «ведущими культурно-национальную жизнь бурят-монголов... и выражающими волю всего народа», были объявлены общенациональный съезд, национальный совет и центральный национальный комитет [11]. Главной задачей формируемых органов являлась «организация и объединение народных масс на почве общенациональных интересов...» и «разработка вопросов, касающихся культурно-национального, правового и экономического возрождения народа», а также «представительство и защита национальных... интересов народа в... центральных правительственных и общественных учреждениях» [12].

В конце 1917 г. повсеместно были введены органы земского самоуправления по всей Бурятии. У бурят были созданы отдельные аймаки: Агинский – 5 хошунов, Баргузинский – 4 хошуна, Хоринский – 10 хошунов, Селенгинский – 6 хошунов. В Иркутской губернии среди бурят были образованы 3 аймака: Ангарский – 8 хошунов, 1 будук Эхирит-Булагатский – 10 хошунов, 1 будук Тункинский – 4 хошуна [13]. В аймаках были введены аймачные земские управы, а также Агинская, Аларская, Аргада-Мургунская, Булагатская, Гочитская, Дэдэголь-

ская, Гочитская, Капсальская, Койморская, Окинская, Оронгойская, Торская, Хамниган-Бурятская, Хоготовская хошунные земские управы [14]. Общее руководство этими органами управления находилось в руках Бурят-Монгольского Национального комитета (Бурнацкома).

Представители Бурнацкома резко отрицательно относились к смешанным уездным земским организациям, т. к. считали, что преобладающее большинство русских в этих органах не дадут бурятам возможности в полной мере отстаивать свои национальные интересы. Ринчино писал: «...при обособлении в аймаки контингент интеллигентных работников сможет вести земскую работу, не осложняемую и не затрудняемую национальной борьбой, которая неизбежна в смешанных уездных земствах» [15]. Но при этом буряты принимали активное участие в общесибирском земском движении. Так, И.Я. Дурхисанов являлся представителем от Бурнацкома в составе Сибирской Областной Думы, созданной сибирскими областниками. Он участвовал в работе всесибирского съезда земств и городов в Томске [16]. М.Н. Богданов являлся заместителем председателя Забайкальской областной земской управы.

Самостоятельная деятельность бурятских земских органов самоуправления развивалась вполне успешно. Так, например, в Баргузинской аймачной земской управе в 1920 г. председателем управы был В.И. Ирдыниев, членами управы являлись Х.В. Буянтуев, В.Ц. Сахаров, С.Р. Ринчинов, секретарем – Ч.О. Очиров. Баргузинская аймачная земская управа, как и все другие, была наделена всеми административными, финансовыми, хозяйственными полномочиями. На заседании управы 1 февраля 1920 г. было установлено собрать земские сборы на нужды аймака по хошунам: 1. Барагханский (664 души) – 63,080 р.; 2. Баянгольский (667 душ) – 63,365 р.; 3. Аргада-Мургунский (1 119 душ) – 106,305 р.; 4. Дэдэгольский (868 душ) – 82,460 р. [17].

Агинская земская хошунная управа включала в себя 17 сомонов. Хошунная земская управа состояла из трех членов, пяти канцелярских и других служащих. В ее ведении находилось 5 областных и 6 местных школ. В ведении управы находились также 61 дацан, 968 лам, всего медработников: врачей – 2, фельдшеров – 2, тибетских медиков – 20, а также учащихся в школах – 199 [18]. Первое хошунное земское собрание состоялось 18 декабря 1917 г. Членами управы были избраны: председатель Найдан Найданов, он же заведовал делами по продовольственной

части, хошунный зайсан – Базарсада Бадмаев, заведующий милицией – Сандан Сампилов и другие члены управы: заведующий статистическим отделением, заведующий земельными делами, казначей, члены ревизионной комиссии [19]. Как и все земские учреждения, управа сосредоточила в своих руках административные, хозяйственные и финансовые функции.

Хамниган-Бурятская земская управа была создана в январе 1919 г. Ее деятельность распространялась на территории 7 сомонов: Зубхалинского, Шандилинского, Улзыто-Ребекского, Амгаланского, Узонского, Гуновского, Токчинского [20].

Возникшие бурятские земские органы самоуправления ни у кого не встречали поддержки кроме сибирских областников. Бурнацком пытался легитимировать национальные земские органы самоуправления. Э.-Д. Ринчино, возглавивший позже Бурнацком, направил телеграмму Председателю Совета министров князю Львову с просьбой санкционировать бурятские земские органы самоуправления, но Временное правительство ответило отказом. Бурятам предлагалась только культурно-национальная автономия, которая не устраивала бурятскую интеллигенцию [21].

В этот период только областники оказывали им поддержку. Г.Н. Потанин, идеолог сибирских областников, в статье «К инородческому вопросу» писал: «Инородцы имеют право организовать свои инородческие комитеты, на которые будут возложены функции земских учреждений, т.е. заведование своими школами, больницами, сельскими дорогами и пр. Этим комитетам должна быть уступлена часть земских и других угодий края, чтобы они были в состоянии создать свои финансы, чтобы было на что содержать общественные учреждения и общественные организации. Кроме того, на эти комитеты должна быть возложена особая миссия – защита духовных нужд племен, защита его национальных и региональных особенностей» [22].

Не нашли поддержки органы бурятского земского самоуправления и у колчаковского правительства, поскольку вдвойне не устраивали его и как национальные, и как земские органы. Только угроза панмонгольской интеграции бурят заставляла правительство «сибирского правителя» считаться с ними. И потому земские бурятские органы самоуправления лишь полуофициально признавались властью и обществом.

Против бурятских земских органов самоуправления выступила группа бурятских большевиков, образовавшаяся в начале 1918 г. в Ир-

кутске при помощи Центросибири. Она возглавлялась М.М. Сахьяновой, в ее состав входили Г. Данчинов, Ф. Осодоева, С. Николаев, Е. Зонхов, В. Трубачев, М. Ербанов, И.В. Ченкиров и примкнувшие к ним левые эсеры Н.Н. Махочкев, Д. Убугунов, И. Рампилов, М. Забанов и др. [23]. Эта группа выступала за установление советской власти в Бурятии и развернула полемику с Иркутским отделом Бурнацкома, который возглавлял Даши Сампилон, по данному вопросу. В газете «Власть труда» (орган Иркутской организации РСДРП(б)) Сахьянова изложила взгляды бурятских большевиков на административно-политическое устройство бурят в статьях: «Национальный вопрос и русская революция», «К бурятскому съезду», «Итоги бурятского съезда». В них утверждалась идея о необходимости создания единых с русским населением Советов и об отказе бурят от обособленных органов самоуправления [24].

С падением советской власти летом 1918 г. Бурнацком перешел к политике формального признания Колчака и Семенова. Путем лавирования и компромиссов с новой властью он стремился форсировать создание национальной автономии [25]. В новых условиях Бурнацком был переименован в Бурнардуму на V общебурятском съезде в Верхнеудинске, который прохо-

дил с 20 ноября по 2 декабря 1918 г. На этом съезде Бурятский национальный комитет был переименован в Бурятскую народную думу. Председателем был избран Даши Сампилон [26]. При любых правящих режимах Бурнацком упорно добивался своей главной цели – создание бурятской автономии. Но когда атаман Г.М. Семенов в конце 1919 г. объявил о мобилизации бурятского населения и массового перевода бурят в казачье сословие, бурятские земства выступили против этого и объявили о самороспуске.

Таким образом, мы приходим к выводу, что лидеры бурятского национального движения, стоявшие на либерально-демократических позициях сумели очень точно интегрировать традиционную систему самоуправления бурят с российскими земскими органами самоуправления и создать новые органы самоуправления бурят, которые оказались весьма жизнеспособными и отвечающими требованиям времени. Национальные органы самоуправления остались непризнанными российским правительством официально, но местные власти вынуждены были с ними считаться и признавать их *de facto*, считая включенными в структуру земских организаций Забайкальской области. Забайкальское областное и уездные земства активно взаимодействовали с аймачными и хошунными управами.

Литература

1. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в. / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск, 2006. – С. 123.
2. Там же. – С. 130.
3. Там же. – С. 119.
4. Рынков В.М. Органы местного самоуправления в антибольшевистском лагере на востоке России (середина 1918 – конец 1922 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: сб. науч. ст. / науч. ред. В.И. Шипкин. – Новосибирск, 2012. – С. 145.
5. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в. / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск, 2006. – С. 134.
6. Там же. – С. 136.
7. Республика Бурятия: краткий энциклопедический справочник. – Улан-Удэ, 1998. – С.152.
8. История Бурятии XX в. – начало XXI в.- Улан-Удэ, 2012. – С. 37.
9. Шагдурова И.Н. Очерки из истории развития общественно-политической мысли бурят в первой четверти XX в. – Улан-Удэ, 1999. – С. 78.
10. История Бурятии XX в. – начало XXI в. – Улан-Удэ, 2012. – С. 37.
11. Национальное движение бурят в 1917-1919 гг.: документы и материалы / сост. и науч. ред. Б.Б. Батуев. – Улан-Удэ, 1994. – С. 15.
12. Там же. – С. 16.
13. Административное деление и сеть государственных учреждений Бурят-Монголии 1917-1923 гг.: архивный справочник. – Улан-Удэ, 1978. – С.137.
14. Там же. – С. 138.
15. Ринчино Э.-Д. Документы. Статьи. Письма. – Улан-Удэ, 1994. – С. 71.
16. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в. / отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск, 2006. – С. 111.
17. НАРБ. Ф.317. Оп.1. Д. 62. Л.1.
18. НАРБ. Ф. Р-324. Оп.1. Д.76. Л. 7-10.
19. НАРБ. Ф.Р-324. Оп.1. Д.14. Л.12.
20. НАРБ. Ф3-Р328. Оп.1. Д.45. Л.1.
21. Шагдурова И.Н. Очерки из истории развития общественно-политической мысли бурят в первой четверти XX в. –

Улан-Удэ, 1999. – С.38.

22. Потанин Г.Н. К инородческому вопросу // Сибирская газета. – 1917. – 14 мая.

25. Жаббаева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. – Улан-Удэ, 2001. – С. 124.

26. Шагдурова И.Н. Очерки из истории развития общественно-политической мысли бурят в первой четверти XX в. – Улан-Удэ, 1999. – С.78.

Шагдурова Ирина Никитична, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии. Бурятский госуниверситет. 670000 г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Shagdurova Irina Nikitichna, candidate of historical sciences, associate professor, department of history of Buryatia. 670000 Ulan-Ude, Smolin Str., 24a

УДК 329.051 (571.54)

© *А.Н. Балакирев*

Основные этапы детского движения в Бурятии (к 90-летию создания республиканской пионерской организации)

В статье, посвященной 90-летию юбилею создания пионерской организации в Бурятии, рассмотрены основные этапы становления и развития детского движения в республике в XX – начале XXI в.

Ключевые слова: детское движение, пионерская организация, комсомол (ВЛКСМ).

A.N. Balakirev

Basic stages of the children's movement in Buryatia (to the 90-th anniversary of the republican young pioneer organization)

In the article, that is dedicated to the 90-anniversary of the establishment of the pioneer organizations in Buryatia, the basic stages of formation and development of the children's movement in the republic in the 20th – early 21st centuries have been considered.

Keywords: children's movement, Young Pioneer Organization, the Komsomol (Communist Union of Youth).

Забота о преемственности поколений, воспитании детей и молодежи во все времена являлась неотъемлемой частью развития российского общества. Но именно XX в. стал временем становления новой объективной социальной реальности в мире и в России, такой как детское движение. В развитии отечественного детского движения чаще всего выделяются допионерский, пионерский и постпионерский периоды [1, с. 72].

Первый, «допионерский», этап был представлен возникновением и функционированием в России детских объединений самой разной направленности («Майские союзы», «Сетлемент» С.Т. Шацкого и др.) Наиболее широкую популярность завоевал скаутизм – движение детей и молодежи, распространившееся в начале XX в. по всему миру. После 1917 г. в рядах российских скаутов произошел раскол из-за неоднозначного отношения к советской власти. Их легальная деятельность продолжалась до 1919 г., но фактически скаутские объединения существовали в Советской России до 1926 г. [2, с.16]. На территории Бурятии, начиная с 1916 г., действовали как минимум два скаутских отряда – в Верхнеудинске и Троицкосавске [21]. Руководители этих отрядов, например, бывший скаут-

мастер Газис Урманчеев, сыграли значительную роль в создании республиканской пионерской организации.

В первые послереволюционные годы (1917–1922) в России постепенно оформлялась идеология детского коммунистического движения, а днем рождения Всесоюзной пионерской организации принято считать 19 мая 1922 г. Решающее значение в сплочении различных, разрозненных детских коммунистических групп принадлежит V Всероссийскому съезду РКСМ (октябрь, 1922 год), на котором впервые были определены цели и задачи детского движения в Советской России, а также намечены формы, содержание и методика работы. С этого момента начинается новый – «пионерский» – этап в развитии отечественного детского движения. Именно пионерская организация становится первым опытом по созданию массовых детских общественных объединений для большинства регионов СССР, в т.ч. и для Бурятии. В марте 1923 г. по специальной программе, присланной из Москвы, начались занятия первого отряда инструкторов юных пионеров в г. Верхнеудинске. 27 апреля 1923 г. в Бурятии был создан первый пионерский отряд, организатором которого стала инструктор Губкома комсомола Мила Славнина, первыми вожатыми

были назначены Газис Урманчиев и Феня Ершова [3, с.16]. Для работы первого отряда была отведена комната в здании Комсомольского клуба (ныне здание на ул. Каландарашвили). Процесс возникновения и становления детского движения в нашей республике имел ряд особенностей и проходил в более сложных условиях, чем в целом по стране. Причины возникших трудностей – это и военное положение, и отсутствие необходимого опыта руководства у местных партийных и комсомольских органов, и удаленность от центра. Серьезной проблемой было отсутствие квалифицированных специалистов, особенно национальных кадров. В западных аймаках, где население в целом вело оседлый образ жизни, условия для создания пионерских отрядов были более благоприятными, чем на востоке республики, гораздо опытнее был и местный комсомол. Деятельность первых пионеров Бурятии была представлена участием в общегосударственном деле борьбы с беспризорностью, проведением Международных детских недель, в дни которых устраивались массовые демонстрации, спектакли, выставки, а также работой при сельских клубах и избах-читальнях. Уже летом 1923 г. в пригороде Верхнеудинска был организован первый в республике детский оздоровительный лагерь [3, с. 33-34]. С конца 1924 г. дети младшего возраста стали вовлекаться в октябрятские группы, создававшиеся при пионерских отрядах. К концу 1925 г. в пионерской организации Бурятии состояло более 6 000 детей и подростков, пионерия показала свою жизнеспособность и актуальность, окончательно оформилась и значительно укрепила свои ряды [4].

Вторая половина 1920-х – начала 1930-х гг. является одним из наиболее плодотворных периодов в развитии Всесоюзной пионерской организации. Были предприняты шаги в направлении активизации самостоятельности детей, появился целый ряд новых, интересных форм деятельности, существенно изменились методы работы. Главная установка этого периода – «строить работу организации руками самих детей». В Бурятии детское движение особенно успешно распространяется в сельской местности, значительно увеличивается количество детей-бурят, вступающих в пионеры. Если в 1928 г. в пионерской организации республики состояло 9 113 пионеров и 1 532 октябренка, объединенных в 288 отрядах, то уже в 1932 г. в 516 отрядах находилось 22 216 пионеров, 3 739 октябрят и 75 комсомольцев [5]. Однако, как и в целом по стране, деятельность бурятской пионерии не

обходилась без недостатков, главным из которых стала попытка решения грандиозных задач построения народного хозяйства (коллективизация, индустриализация) руками детей.

После решений ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (1931 г.) и «О работе пионерской организации» (1932) школа постепенно превращается в основную базу детского движения, однако самостоятельный характер пионерии не вписывается в общую государственную структуру. В 1930-е гг., как и по всей стране, в работе республиканской пионерской организации утверждаются командно-приказная система, администрирование, наблюдается увлечение цифрами-результатами, сводками, рапортами, ничемными парадными мероприятиями – одним словом, «барабаномания». Решения X съезда ВЛКСМ (1936 г.) определили главной задачей пионеров «борьбу за глубокие знания и твердую сознательную дисциплину» [6]. Содержание и формы пионерской работы в Бурятии в 1930-е гг. развивались в русле всесоюзного пионерского движения, но были и некоторые характерные особенности. Получают существенное развитие разнообразные технические кружки: авиамодельные, радио- и фотокружки, физические и химические. Стали регулярно проводиться вечера технической смекалки, конкурсы, технические слеты и конференции, организовывались музеи детского технического творчества. На основании решений X пленума Бурят-Монгольского обкома ВЛКСМ с 1 января 1935 г. на базе городской детской технической станции были основаны Республиканская детская техническая станция и Республиканская детская сельскохозяйственная станция. Летом 1936 г. впервые в республике была проведена детская Олимпиада художественной самостоятельности, в которой приняло участие более 300 победителей школьных и районных олимпиад. С августа 1938 г. в республике начала выходить пионерская газета «Костер», и уже в 1939 г. в ней сотрудничало 776 юных корреспондентов. С целью организации систематической помощи вожакам и повышения качества работы пионерской организации 3 июня 1933 г. в Верхнеудинске был открыт областной Дом деткомдвижения, где впервые стали заниматься разработкой методики пионерской работы в условиях Бурятии, проводились регулярные семинары, консультации и специальные занятия не только с вожаками, но и с пионерско-комсомольским активом [2, с. 20-21]. Таким образом, внедрение пионерской организации в школу способствовало расширению социальной базы, привлечению к пио-

нерской работе педагогов-профессионалов, резкому увеличению по всей стране количества детей, охваченных пионерским движением. В 1940 г. численность республиканской пионерской организации превышала 42 000 чел. [7].

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период на первый план выступила общественно полезная направленность пионерской работы. Как и для всей страны, для пионеров главным стал лозунг «Все для фронта! Все для Победы!». Уже в 1941 г. на средства, собранные пионерами республики, был построен танк «Юный патриот Бурят-Монголии». К концу 1942 г. силами пионеров Бурятии было собрано в фонд обороны 250 000 р., на строительство военной техники 120 000 р., а также 5 786 ц золы, 2 929 ц птичьего помета, 71 344 возов навоза для удобрения полей в колхозах и совхозах, проведено снегозадержание на площади в 1 550 га [8]. Особенно широкое распространение в годы войны получило тимуровское движение, удачно сочетавшее элементы игры и романтики с настоящей заботой о людях и ставшее замечательной пионерской традицией. В Бурятии тимуровские команды были созданы во всех пионерских дружинах и почти во всех школах республики и охватывали главным образом учащихся 4-6 классов. При этом с каждым годом число ребят, занятых в тимуровском движении, возрастало. Если в 1942 г. в 1 100 тимуровских командах республики насчитывалось 8 284 ребят, то к концу войны тимуровцев было уже около 25 000 [2, с. 21]. Одной из важных и серьезных проблем военного времени применительно к детскому движению стало участие пионеров и школьников в осуществлении Закона о всеобщем обучении. Как и во многих регионах страны, в нашей республике во время войны этот закон полностью не выполнялся. Сохранение Всеобща становится важнейшей задачей детского движения Бурятии. Пионеры принимали активное участие в создании Фонда всеобща, проводили регулярные Недели помощи школе и учителю, устраивали комсомольско-пионерские рейды по выявлению причин отсева учащихся, с помощью общественности организовывали школьные буфеты, в которых нуждающиеся учащиеся получали горячие завтраки и обеды [9]. В годы войны многократно возросло значение внешкольных и внеклассных учреждений, прежде всего Домов пионеров. Так, например, Улан-Удэнский городской дом пионеров под руководством директора Ветлужского в условиях 2-3-сменных занятий в школах всю войну работал в 6 смен – с 9 до 21 часа, без выходных.

Большое внимание уделялось и кружковой внеклассной работе. Далеко за пределами республики был известен исторический кружок Кударинской средней школы Кабанского района, которым руководил выдающийся бурятский ученый, доктор исторических наук, профессор Н.П. Егунов [10]. Характерным для военного периода является бурное развитие производительного труда. Пионеры Бурятии участвовали прежде всего в сельскохозяйственных работах, помогали на фермах, в значительной степени возместив нехватку рабочей силы. Сбор одежды для эвакуированных детей, организация агитбригад, шефство над госпиталями, сбор средств на вооружение, теплой одежды и подарков бойцам действующей армии, сбор лекарственных растений, участие в пушном промысле и золотодобыче – вот далеко неполный перечень той работы, которую бурятская пионерия проводила в годы войны.

Не менее сложным в истории детского движения в Бурятии был и послевоенный период. Засилье командно-административной системы привело к полной утрате самостоятельности в работе пионерской организации, вся ее деятельность была сведена к «учению и послушанию». Практически не использовались лучшие традиции пионерии, расцвели догматизм, формализм и слепое копирование «взрослых» форм работы без учета местных условий, пола и возраста. Положение с кадрами пионерских работников в республике также было неудовлетворительно – усилилась текучесть вожатых, профессиональная подготовка была крайне слабой. Примитивность и однообразность форм и методов отрядной работы, неглубокое содержание, скука приводили к потере у ребят интереса к пионерской организации. Сократившийся за годы войны количественный состав республиканской пионерской организации восстанавливался медленно и к концу 1949 г. составлял 35 640 чел. [11].

Изменение социально-политической обстановки в стране в середине 1950-х гг., наступление «оттепели» решающим образом повлияли на состояние пионерской организации. В деятельности дружин и отрядов появились элементы демократизма, большая свобода выбора видов деятельности. Пионерская работа в Бурятии, как и по всей стране, оживилась и обогатилась. Гораздо интереснее и содержательнее стали проходить отрядные и дружинные сборы, вошли в практику пионерские костры. Свообразным новшеством в этот период явилось создание Штабов пионерских патрулей. Усилилась переписка многих отрядов и дружин с зарубежными

друзьями, стали организовываться Клубы интернациональной дружбы. Огромную популярность в республике завоевали производственные ученические бригады. В 1961 г. в Бурятии было 498 таких бригад, в них работало 15 393 чел. [3, с. 184]. В 1956-1962 гг. были проведены три поисковые Всесоюзные экспедиции пионеров и школьников. Во время походов по родному краю ребята вели поиск лекарственных растений и определяли ареал их произрастания, искали залежи строительных материалов – гравия, песка, мела, глины – и пути подъезда к ним. Тысячи заявок приняли от ребят геологические управления страны [12]. В Бурятии только в 1961/1962 г. в геологических и туристических походах приняло участие более 6 000 пионеров. В годы Пионерской двухлетки (1960–1962) дети Бурятии принимали активное участие во Всесоюзном движении за сбор металлолома для «Стройки дружбы», традиционной в республике стала «Неделя леса», когда на улицах, в скверах высаживалось большое количество деревьев, кустарников, цветов. По инициативе ульдургинских пионеров Еравнинского района в Бурятии начался сбор книг для создания малых библиотечек. Каждая из 588 дружин республики собрала от 300 до 500 книг [13]. Во многих школах, Домах пионеров были созданы Театры кукол, пионерские ансамбли, которые выступали перед населением республики со спектаклями и концертами. Всего к концу 1961 г. работало 68 пионерских ансамблей, 48 кукольных театров. Пионерская организация Бурятии шефствовала над 88 детскими садами [14]. Существенно выросла пионерская организация Бурятии и в количественном отношении. Так, если в 1958 г. она насчитывала в своих рядах более 45 000 человек, то на 1 января 1962 г. в Бурятии было уже 71 040 пионеров [15].

Во второй половине 1960-х гг. победила точка зрения, что только участие ребят в единых массовых мероприятиях способно сформировать правильную и нужную позицию. С этого времени пионерия Бурятии вместе со всей страной шагала маршрутами Всесоюзного пионерского марша под девизом «Всегда готов!». Республиканская пионерская организация в эти годы работала под руководством Республиканского Совета пионерской организации (РСПО), который совместно с Обкомом ВЛКСМ, Министерством Просвещения Бурятской АССР, Институтом усовершенствования учителей организовывал всю работу на Марше. Главным из всех маршрутов программы вплоть до середины 1980-х годов считался маршрут «В страну знаний!», и если в

конце 1960-х гг. успеваемость в школах республики не превышала 90%, то уже в 1975 г. этот показатель составлял 98,6%, а в 1980-х гг. многие школы Бурятии могли похвастаться 100%-й успеваемостью [16]. В работе на маршрутах «Моя Родина – СССР!» и «Равнение на пионерское знамя!» пионеры Бурятии отличались проведением глубоких и планомерных краеведческих исследований. К 1987 г. в республике действовало более 900 поисковых отрядов, 119 школьных музеев, комнат и уголков боевой славы. Под пионерскую опеку было взято 415 памятников героям войны [17]. Каждый отряд имел свою Зону пионерского действия (ЗПД) по месту жительства, где следопыты находили участников войны, записывали ценные воспоминания, оказывали необходимую помощь ветеранам. Отличительной особенностью работы пионерской организации Бурятии стало широкое экологическое движение. В 1970/1980-х гг. в республике активно работали школьные лесничества, «Зеленые патрули», «Заставы Берендея». В 1982 г. Бурятский обком ВЛКСМ принял постановление «Юные защитники седого Байкала», в ходе выполнения которого были взяты под пионерскую охрану многие водоемы и нерестилища. Особенно плодотворно работали юные экологи Еравнинского и Баргузинского районов. Всего же к 1983 г. в Бурятии действовало 107 «Голубых патрулей» с охватом более 2 500 чел. [18]. Во многих дружинах Бурятии были организованы отряды Юных инспекторов движения (ЮИД), Юных друзей милиции (ЮДМ) и Юных добровольных пожарных дружинников (ЮДПД). Огромным успехом среди пионеров и школьников республики пользовалась военно-спортивная игра «Зарница». Руководил игрой Республиканский штаб, командующим республиканской «Зарницей» долгие годы был полковник Ф.Т. Будажабэ. Уже в 1973 г. в республике было 77 244 юнармейца, объединенных в 2 710 отрядах и 453 батальонах. В этом же году юнармейцы школы №40 г. Улан-Удэ под руководством учителя физкультуры А.А. Попова стали призерами Всесоюзного финала «Зарницы». В 1986 г. 30 213 юнармейцев Бурятии являлись значкистами ГТО, 11 028 были спортсменами-разрядниками [19]. Из наиболее интересных форм работы можно выделить ежегодные месячники оборонно-массовой работы, операции «Память», «Фронтное письмо», «Долг», «Ветеран живет рядом». Большое внимание уделялось в этот период спортивной и физкультурно-массовой работе. Юные спортсмены республики являлись постоянными участниками Все-

союзных и Всероссийских турниров на призы клубов «Кожаный мяч» и «Золотая шайба», принимали участие в лыжных соревнованиях на призы газеты «Пионерская правда», в пионерском легкоатлетическом четырехборье «Дружба». Количество участников этих соревнований исчисляется десятками тысяч, так, только в соревнованиях по футболу на приз клуба ЦК ВЛКСМ «Кожаный мяч» в Бурятии ежегодно участвовало более 10 000 чел. Всего же в 1980 г. республиканская пионерская организация насчитывала 134 272 чел. [20].

Кризис детского движения в СССР конца 1980 – начала 1990-х гг. был связан с деструктивным воздействием разнородных и конфликтующих политических сил, с обострением взаимоотношений между детскими и другими общественными организациями, расколом по политическим и национальным признакам, ослаблением финансовой и материальной базы, обострением кадровой проблемы. В годы «перестройки» на базе Всесоюзной пионерской организации и отдельно от нее были созданы совершенно новые, независимые детские общественные организации и объединения. Состоявшийся осенью 1990 г. X Всесоюзный слет пионеров от-

крыл новую, «постпионерскую» страницу в отечественном детском движении. К сожалению, в Бурятии после распада СССР развитие детского движения приостановилось, заметной альтернативы пионерской организации так и не возникло. Лишь в конце 1990 – начале 2000-х гг. наметились конкретные шаги в области детского движения, предпринимаемые государственными и общественными организациями. По данным Министерства образования и науки Республики Бурятия, в 2005 г. в 460 детских объединениях и организациях занималось чуть более 60 000 ребят. Среди основных направлений детского движения в Бурятии – экологическое, туристско-краеведческое, нравственно-эстетическое, военно-патриотическое, спортивное. Есть в современной Бурятии пионеры, юнкоры и волонтеры, есть тимуровцы, скауты, эмо и готы. В год 90-летнего юбилея республиканской пионерской организации хотелось бы пожелать ветеранам пионерского движения здоровья и оптимизма, а руководителям и организаторам детской и молодежной политики – внимательно изучать, учитывать и применять богатейший опыт, накопленный в Бурятии в области детского движения.

Литература

1. Детское движение: словарь-справочник / под ред. Т.В. Трухачевой – М.; Минск, 1998.
2. Балакирев А.Н. Становление и развитие детского движения в Бурятии (1923–1991 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2006.
3. Дуринова Г.А. Пионерское движение в Бурятии. – Улан-Удэ, 1962.
4. ГАРБ. Ф.36. Оп.2. Д.336. Л.32; Д.106. Л.6; Д.145. Л.5.
5. ГАРБ. Ф.36. Оп.2. Д.800. Л.76.
6. X съезд ВЛКСМ: Стенографический отчет. – Ч. I, II. – М., 1936.
7. ГАРБ. Ф. 36. Оп.2. Д. 800. Л. 1, 76; Д. 1239. Л. 22; Д. 1687. Л. 15.
8. ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 1775. Л. 15.
9. Дуринов А.А. Очерки истории школ и педагогического образования в Бурят-Монголии. – Улан-Удэ, 1948.
10. ГАРБ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 1775. Л. 1-5, 13.
11. ГАРБ. Ф. 36. Оп.2. Д. 2322.
12. Криворученко В.К. История ВПО им. Ленина в хронике дат и событий. – М., 1985. Ч.2.
13. Гольшквин В.С. Пионерская двухлетка. – М., 1961.
14. РГАСПИ. Ф.М-2. Оп.2. Д.700. Л.154.
15. РГАСПИ. Ф.М-2. Оп. 1. Д. 74. Л. 11; Д.170. Л.5.
16. РГАСПИ. Ф.М-2, Оп.2. Д.895. Л.3; ГАРБ. Ф.36. Оп.7. Д.18. Л.2.
17. РГАСПИ. Ф.М-2. Оп. 3/2. Д.773. Л.20.
18. РГАСПИ. Ф.М-2. Оп.3/1. Д.573. Л.27.
19. РГАСПИ. Ф.М-2. Оп.2. Д.723. Л.29; Д.796. Л.141; Оп.3/2. Д.773. Л.20.
20. РГАСПИ. Ф.М-2. Оп.3/1. Д.216. Л.99.
21. ГАРБ. Ф.36. Оп.1. Д.36. Л.43.

Балакирев Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества Бурятского государственного университета. 670000 г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а.

Balakirev Alexey Nikolaevich, candidate of historical sciences, senior lecturer, department of homeland history. Buryat State University, 670000 Ulan-Ude, Smolin str., 24 a.

УДК 94(571.54)

© М.Н. Балдано, О.В. Бураева

Республике Бурятия – 90 лет

В информационной статье представлен обзор мероприятий научной конференции, посвященной 90-летию юбилею Республики Бурятия. Особое внимание уделено проблемам, обсуждавшимся во время работы секций и круглых столов.

Ключевые слова: Бурятия, республика, государство, национально-государственное строительство, этнокультурные процессы, модернизация.

M.N. Baldano, O.V. Buraeva

90 years to the Republic of Buryatia

The informational article consists of the review of activities of the scientific conference, devoted to the 90th anniversary of the Republic of Buryatia. Special attention is paid to the problems, discussed in the sections and round-tables.

Keywords: Buryatia, republic, state, national-state, building, ethnocultural processes, modernization.

23-24 мая 2013 г. в г. Улан-Удэ состоялась научная конференция, посвященная 90-летию Республики Бурятия. Организаторы конференции – правительство Республики Бурятия, Народный Хурал РБ и Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

На конференции были представлены восемь регионов России, научные учреждения Монголии и Китая. Приняли участие руководители учреждений науки, сферы экономики и культуры; научные и научно-педагогические кадры академических и высших учебных заведений, докторанты и аспиранты из различных регионов России (Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Якутск, Абакан, Кызыл, Уфа, Элиста, Минусинск, Чита, Улан-Удэ), Монголии (Улан-Батор, Дархан) и Китая (Пекин, Хух-Хото).

Работу конференции освещали представители средств массовой информации: телеканалы «Ариг Ус», «Тивиком», ВГТРК-Бурятия, бурятское радио, газеты «Бурятия», «Информ полис».

Участники конференции имели возможность ознакомиться с тематической выставкой «Республике Бурятия – 90 лет (1923-2013)», подготовленной музеем Бурятского научного центра СО РАН (директор, д-р ист. наук, доц. С.В. Бураева). В десяти разделах выставки представлена экономическая, общественно-политическая и социокультурная жизнь региона в исторической динамике – от образования республики в 1923 г. до сегодняшних дней. В материалах выставки – редкие фотографии из архивных фондов (ГАРБ и ЦВРК), документы, материалы газет Бурятии разных лет.

На торжественном открытии конференции в зале заседаний правительства Республики Бурятия с приветственными словами к участникам конференции обратились Глава – председатель правительства республики В.В. Наговицын,

председатель Народного Хурала РБ М.М. Гершевич, вице-президент Академии Наук Монголии Т. Дорж.

Затем прошла церемония награждения юбилейными медалями к 90-летию Республики Бурятия крупных специалистов в области монголоведения, внесших значительный вклад в изучение истории Бурятии, ее политической, социально-экономической и культурной роли в мировой истории – директора Института истории СО РАН, член-кор. РАН В.А. Ламина; главного научного сотрудника-консультанта отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, д-ра ист. наук, проф. М.И. Гольмана; ректора Иркутского института повышения квалификации работников образования, д-р ист. наук, проф. Л.М. Дамешека; президента Академии наук Монголии, академика Батболдийн Энхтувшина; вице-президента Академии наук Монголии, академика Тувдийн Доржа; советника Главного архивного управления Монголии, профессора Чулууний Дашдаваа; ученого секретаря Института истории АН Монголии, д-ра Норовсамбуугийн Хишигт; председателя Бурятского научного центра, директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, член-кор. РАН Б.В. Базарова.

Работа конференции началась с пленарного заседания, на котором выступил доктор исторических наук, член-корреспондент РАН Б.В. Базаров с докладом «Республике Бурятия – 90 лет». Затем были заслушаны доклады председателя Комитета по делам архивов РБ, д-ра ист. наук А.А. Елаева «Трансформация бурятской национальной автономии в субъект федерации в XXI веке»; ректора ИПКРО (Иркутск), д-ра ист. наук, проф. Л.М. Дамешека «Агинский и Усть-Ордынский бурятские округа как составная часть этнической Бурятии»; проф. Ч. Дашдаваа

(Улан-Батор, Монголия) «Роль бурятских национальных демократов в становлении государственности монгольских народов»; д-ра ист. наук, проф. Бурятского государственного университета К.Б.-М. Митупова «Моделирование государственности во Внутренней Азии: к 90-летию со дня образования Республики Бурятия» и д-ра экон. наук, проф. Н.И. Атанова «Социально-экономическое развитие Бурятии».

Докладчики подняли актуальные для современной России вопросы государственного строительства, модернизационного развития, выявили факторы социально-экономического развития российских регионов.

Заседания прошли в пяти секциях. В рамках конференции состоялось два круглых стола. На конференции выступили 111 участников, 18 приняли участие в работе круглых столов. Кроме того, было представлено 60 стендовых докладов.

В секции «Национально-государственное строительство» (рук.: д-р ист. наук, проф. Л.В. Курас, д-р ист. наук, проф. В.Н. Тугужекова; секретарь канд. ист. наук. В.Ю. Башкуев) были представлены доклады, хронологически относящиеся к трем периодам: дореволюционному, советскому и постсоветскому. В ходе дискуссий были обсуждены проблемы постсоветского развития государственности Бурятии, Хакасии и Тывы, межнациональных отношений в субъектах РФ, формирования региональной политики, политических и социально-экономических отношений центра и регионов. В работе секции приняли участие первый президент РБ, доверенное лицо Президента РФ В.В. Путина, д-р экон. наук Л.В. Потапов и д-р полит. наук, проф., доверенное лицо Президента РФ В.В. Путина Э.Д. Дагбаев.

Некоторые из вопросов касались проблем национальной кадровой политики, свободных выборов и назначения глав субъектов регионов, политической традиции смены власти в республике. Прения развернулись вокруг докладов д-ра ист. наук, проф. В.Н. Тугужековой о национально-государственном строительстве в Хакасии, а также докладов канд. ист. наук В.П. Барабаш и д-ра ист. наук, проф. В.Д. Дугарова.

В секции «Социально-экономическая и культурная модернизация национальных районов Сибири: исторический опыт и современные проблемы» (рук.: д-р ист. наук, проф. М.Н. Балдано, д-р ист. наук, проф. К. Б.-М. Митупов; секретарь канд. ист. наук С.В. Балдано) были рассмотрены основные проблемы социально-экономической и культурной модернизации национальных районов Сибири – Бурятии, Тывы,

Хакасии – в исторической ретроспективе. Участники отметили необходимость расширения методологической базы исследований, усиления антропологических и социологических подходов, что позволит связать концептуальные разработки с повседневной жизнью реальных людей.

В секции «Этнокультурные процессы в Бурятии», подсекции 1 (рук.: д-р ист. наук, доц. О.В. Бураева, д-р ф. наук, доц. Л.С. Дампилова; секретарь канд. ист. наук Б.З. Нанзатов) тематика представленных докладов была разнообразной – этнография бурят, эвенков, старообрядцев, сойотов, якутов; лексикология и фольклор монголоязычных народов, русского населения региона, этносоциология, социолингвистика. Были рассмотрены такие проблемы, как диалог культур в полиэтничном обществе, национальная политика, культурные связи монгольских народов, современное развитие этносов Сибири, Монголии и Китая, существование, развитие и диалектные особенности бурятского языка, мотивы дружбы народов в фольклоре. Особый интерес вызвали доклады канд. ист. наук В.Б. Игнатъевой, д-ра О. Самбуудоржа, Г.А. Дырхеевой, Б.С. Дугарова, Б.З. Нанзатова.

В секции «Этнокультурные процессы в Бурятии», подсекции 2 (рук.: д-р филос. наук, проф. С.Ю. Лепехов, секретарь канд. филос. наук Д.В. Аюшева) доклады были посвящены современным верованиям монголов, традиционным и нетрадиционным религиям Бурятии и Монголии, религиозным буддийским деятелям, современной религиозной ситуации в Монголии и Бурятии.

Интерес участников вызвала дискуссия о методологических подходах к изучению философии буддизма, в частности, о соотношении конфессиональных и светских подходов. Были рассмотрены проблемы о месте и значимости философии в религиозной системе буддизма. Пришли к выводу, что философия является неотъемлемой и необходимой частью этой системы. Среди обсуждаемых тем большое внимание было уделено религиозным представлениям в современной Монголии и Бурятии, проблемам веры и религиозности, деятельности религиозных объединений в Бурятии и Монголии, межконфессиональным взаимодействиям, взаимоотношению церкви и государства. Были также рассмотрены вопросы буддийского медицинского образования, формирования монастырского образования в Бурятии.

Тематика представленных докладов в секции «Современная Бурятия в стране и мире» (рук.:

д-р ист. наук, доц. Л.В. Кальмина; д-р полит. наук, проф. Э.Д. Дагбаев; секретарь канд. соц. наук В.Г. Жалсанова) была довольно широка: социальная структура современной Бурятии, духовно-нравственное состояние общества, особенности самоорганизации общества, в том числе общественного самоуправления. Были обсуждены следующие проблемы: развитие этносов в условиях модернизации и глобализации, проблема идентичности, патриотизм в современном обществе. Состоялась развернутая дискуссия о том, насколько возможно сохранение этничности в условиях глобализации.

В рамках конференции состоялись два круглых стола «Базар Барадин – выдающийся политический и общественный деятель бурятского народа» (рук. д-р ист. наук, проф. Ц.П. Ванчикова; секретарь канд. ист. наук Б.Д. Цыбенков) и «Элбек-Доржи Ринчино в истории национально-демократического движения монгольских народов» (рук. д-р ист. наук, проф. Л.Б. Жабаева; секретарь канд. ист. наук Д.В. Цыбикдоржиев).

На заседании первого круглого стола обсуждались проблемы исторического опыта социально-культурной модернизации, просвещения и культуры Бурятии в 1920-1930-е гг., роли Б. Барадина в общественно-политической жизни республики и становлении академической науки Бурятии. Живую дискуссию вызвали вопросы о времени встречи Хори Бабучи-баатара и Тойн-Гуши; о государственности Республики Бурятия; о позиции дацанского духовенства по от-

ношению к бурятской автономии; о грифе секретности на письмах бурятских деятелей первой половины XX в. Был поднят вопрос о необходимости продолжения работы по созданию электронного персонального указателя «Базар Барадин».

На втором круглом столе были рассмотрены такие проблемы, как роль Э.-Д. Ринчино в становлении бурятской и монгольской государственности, государство и национальная государственность в общественном дискурсе современной Бурятии, терминология бурятского автономистского движения 1917-1919 гг. и вопрос о фактическом существовании бурятской национальной государственности.

Вниманию участников круглого стола была представлена электронная презентация «Документы о деятельности Э.-Д. Ринчино из фондов ГАРБ» (д-р ист. наук В.Ц. Лыксокова).

В целом участники научной конференции и круглых столов приняли решение продолжать работу по изучению различных аспектов национально-государственного строительства в контексте социальной модернизации, глобализации, евразийской интеграции. Была отмечена необходимость расширения методологической базы, усиления антропологических и социологических подходов, междисциплинарности интеграционных исследований, углубления изучения источников по истории и культуре народов Центральной и Восточной Азии.

Балдано Марина Намжиловна, доктор исторических наук, проф., зав. отделом истории, этнологии и социологии ИМБТ СО РАН. E-mail: histmar@mail.ru

Бураева Ольга Владимировна, доктор исторических наук, доц., ведущий научный сотрудник, зав. тематической группой этнологов ИМБТ СО РАН. E-mail: olgaburaeva@mail.ru

УДК 281.9(571.54)

© Г.С. Митыпова

Православное духовенство Бурятии в условиях постсоветской России

В статье рассматривается сформировавшийся кадровый состав региональной единицы Русской православной церкви – Улан-Удэнской и Бурятской епархии – в условиях постсоветской России, когда несмотря на последствия советской секуляризации (в контексте теории «Path Dependence», которое исследователи именуют «зависимость от предшествующего развития»), осуществилось религиозное возрождение в ее институциональных формах.

Ключевые слова: священнослужитель, епископство, институциональные формы, духовенство, православие.

G.S. Mityпова

The Orthodox clergy of Buryatia in the conditions of post-Soviet Russia

The article considers the staff of the regional unit of the Russian Orthodox Church – Ulan-Ude and Buryat diocese – in the conditions of post-Soviet Russia. At a time when, in spite of the consequences of the Soviet secularization (in the context of the «Path Dependence» theory, which is named among researchers as “dependency on preceding development”), the religious revival in its institutional forms has been performed.

Keywords: priest, episcopacy, institutional forms, clergy, Orthodoxy.

В условиях постсоветской России институциональная структура церкви – это вполне определенные, имеющие упорядоченный набор институты, создающие матрицы религиозного содержания, определяющие особые формы и правила для субъектов, которые формируются в рамках Концепции православия в России с координацией всей церковно-организационной деятельности. Если рассматривать региональные церковные структуры в новейшей истории, относящиеся к Московскому Патриархату, то можно с полной уверенностью сказать, что формирующиеся структуры имеют централизованное подчинение, от Патриархата к епархиям, затем благочиниям или благочинническим округам, в низовом уровне находятся приходы в более свободном или автономном состоянии, в соответствии с церковно-административной структурой находятся монастыри как особые формы бытования церкви.

К формированию и развитию региональных структур Русской православной церкви (РПЦ) в условиях постсоветской России, на наш взгляд, можно применить теоретические положения «Path Dependence»*, которое исследователи именуют «зависимость от предшествующего развития». В этом ключе предшествующее развитие православия в регионе имеет достаточно богатую и разностороннюю традицию, когда были сформированы практически многие институциональные формы бытования церкви в XVIII – нач. XX в.

Сегодня, когда возрождаются духовные свя-

тыни, традиции православия, созданы и развиваются церковные институты, канонизируются имена православных мучеников, святых, мы понимаем, что за всеми делами организационными, административно-церковными мероприятиями по возрождению многовековой традиции православия стоит православное духовенство.

Изменение иерархии ценностей в разных поколениях современного общества ставит перед православным духовенством особые задачи. Необходимо согласиться с мнением многих исследователей, что реальную опасность в духовном возрождении общества и дальнейшем его развитии представляет явно наметившийся процесс «американизации» русской (российской) культуры.

Многое зависит от того, как будет развиваться русская культура, как русские будут восстанавливать и утверждать свою самобытность, которая выражается и в православии. Станет ли реальностью сегодняшнего дня православный храм и православная вера, станет ли священнослужитель духовником для верующего человека? Это и есть непростые вопросы жизни современного общества, общества постсоветской России.

Прежде чем обратиться к вопросу о кадровом состоянии духовенства на территории Бурятии в новейшее время, хотелось бы затронуть вопрос, каков был состав священников в советское время? Здесь приведем некоторые материалы архива уполномоченных по делам религии государственных органов**.

Государственными органами отслеживались кадровые передвижения РПЦ Иркутской епархии (в тот период единственная Свято-Вознесенская церковь относилась к Иркутской епархии. – прим. авт.): «В настоящее время в Вознесенской церкви служат два священника – Похожай Дмитрий Михайлович и Черняк Леонид Иосифович /переводом из диакона/. По своим личным качествам верующих прихода они не удовлетворяют. В связи с чем церковный Совет ходатайствует о посылке к ним нового настоятеля». Фиксировались автобиографические данные священнослужителей. Например, в сведениях о возрасте и образовании зарегистрированных служителей культа по БурАССР на 1 января 1981 г. отмечалось, что на тот период было всего 3 священника – все по возрасту до 40 лет, образовательный уровень был невысок. В основном среднее, духовное имел только 1, а остальные имели только посвящение в духовный сан. В отчете за 1961 г. по храму «Вознесение» отмечаются данные о настоятеле – Сельчуке Н.Н., 1922 г. р., временном священнике Б.Н. Хршаловском, 1923 г. р. – оба из Западной Украины и в г. Кяхта по храму «Успенский» о священнике Шарунове В.М., 1932 г. р., уроженце г. Иркутска.

Настоятель церкви с марта 1978 г. – протоиерей Василий Яковлевич Романов, 1946 г. р., уроженец с. Тельма Иркутской области, имеет общее среднее образование и высшее духовное. Женат, жена работает в церкви регентом, у них двое детей, учащиеся, активен, фанатик. Вторым священником, ведущим службу, Гонтор Феофан Федорович – 1954 г.р., уроженец с. Столпин Корецкого района Ровенской области, украинец, имеет общее среднее образование, окончил совхоз-техникум, мастер-наладчик. Духовного образования не имеет, женат. Двое малолетних детей. Прибыл в июне 1981 года с г. Свободный, где был настоятелем Свято-Никольского храма. Он работает мало, изучить хорошо не представляется возможным.

Священническую службу исполняют – Рачок Василий Иванович, 1958 г. р., уроженец с. Сокирница Хустского района Закарпатской области, украинец, общее среднее образование, духовного образования нет, женат и Макарчук Владимир Артемович – 1955 г. р. уроженец с. Сенное Гошанского района Ровенской области, украинец по национальности, образование – общее среднее. Прибыл в 1981 г. в январе из г. Благовещенска, где служил в церкви дьяконом. Вакантными остаются должности дьякона и псаломщика.

За 1981 г. прочитано всех проповедей 60, из

них связано с призывом поддержки советского правительства за мир и разоружение – 35, чисто евангельские – 10. 19 августа 1981 г. в Преображение призывал к бережному отношению к хлебу, экономии хлеба и других продуктов.

Из отчета уполномоченного по делам религии: «Архиепископ Иркутский и Читинский Вениамин всячески старается насадить в церковь своих приближенных – выходцев из западных областей Украины, бывших пособников немецких фашистов, отбывших наказание в концлагерях и скомпрометированных перед Советской властью за другие махинации. Таковыми были здесь бывший настоятель церкви Герус, священник Лабюк. В силу этих обстоятельств архиепископ Вениамин предупрежден о том, что он впредь не может посылать в республику служителей культа без предварительных согласований кандидатур. Из таких в последнее время отказано в регистрации священника Хршаловского и Стрельникова. Таким образом, в настоящее время церковь возглавляет один священник Сельчук, ибо другие кандидатуры Вениамин подобрать пока не может. Эти выводы также из документов уполномоченного по делам религии по Бур.АССР: три служителя являются выходцами из западных областей Украинской ССР, молодые по возрасту и службе, не имеют духовного образования. Они службу ведут по календарю, пользуясь журналом Московской патриархии, и совершают обряды крещения и отпевания.

Проповеди в основном читает протоиерей о празднике и призывает верующих моральным совершенством активно включаться в защиту мира и т.д.» [1].

Это был период, когда действовал на территории Бурятии один храм, было три священника, а по всей Бурятии где-то «зияли» окна церквей и монастырей, многие здания использовались под гаражи и психиатрические лечебницы, конторы. О.Е. Казьмина через призму связи религии и этничности пишет, что кажущийся парадокс религиозной ситуации, когда на протяжении многих лет, по результатам социологических опросов, православных оказывалось больше, чем верующих. Такая особенность отражает не иллюзорность религиозного роста, а свидетельствует о том, что из разных граней религии грань «идентичность» особенно важна в российском контексте. Это связано не только с последствиями советской секуляризации, но и с исторически сложившейся тесной связью православия с национальной культурой. Эта связь была очень характерна для дореволюционной России. Она же помогла православию сохраниться в период атеи-

стической пропаганды и упростила религиозное возрождение в 1990-е гг. Таким образом, «кажущийся парадокс» показывает наличие резерва у Церкви [2, с. 6]. Этот резерв, мы считаем, и сработал уже в Новой России.

В контексте процессов, сопряженных с формированием православного духовенства в условиях Новой России на территории Бурятии, хотелось бы затронуть статистический портрет духовенства за последние десятилетия, который и составил основное ядро институциональной формы православия – церковного прихода со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Процесс формирования православного духовенства в регионе можно разделить на три стадийных периода:

1. 1990–1999 гг. – начальный период формирования в составе Читинской и Забайкальской епархии; характеризующийся появлением первых священников, многие из которых практически не имели специального религиозного образования или же прошли краткосрочные курсы катехизации.

2. 2000–2009 гг. – развитие данного процесса связано прежде всего с увеличением количества священников и их уровнем религиозного образования.

3. С 2010 г. по настоящее время характеризуется образованием самостоятельной церковной структуры – Улан-Удэнской и Бурятской епархии в составе Русской православной церкви (Московский Патриархат).

Что касается первого периода: «Прошедший 1995 г. явил численный рост новых общин и положительное качественное изменение деятельности уже имеющихся приходов. Если на 1 января 1995 г. у нас было зарегистрированных приходов, которые окормлялись 7 иереями и 1 диаконом, то на 1996 г. Вашими Архипастырскими трудами, в Бурятии действует 29 православных общин, окормляемых 17 священнослужителями и 1 диаконом..... клир принял активное участие в обсуждении 3 вариантов «Республиканской концепции государственно-церковных взаимоотношений в Республике Бурятия» и проекта Закона «О свободе совести и религиозных объединениях в Республике Бурятия» (от 27. 09. 95), подготовленных Аппаратом Президента и Правительства РБ в сентябре-декабре 1995 г.» [3].

Второй период характерен тем (В.Л. Некрасов), что в истории развития институтов проявление зависимости от предшествующего развития можно проследить на двух уровнях: во-первых, на уровне отдельных институтов (пра-

вовых, организационных, политических), а во-вторых, на уровне институциональных систем [4]. До образования современной епархии предпринималось формирование приходов, проявлялись территориальные очертания, административно-церковные, организационно-правовые, начат процесс реставрации зданий церквей и монастырей, правда, не в таком масштабе, но можно утверждать, что на уровне институциональных систем в православной церкви на региональном уровне начинался активный процесс формирования церковного института.

Если проанализировать пошаговые ступени развития церковных структур, то можно сравнить с сооружением и строительством железнодорожных путей, когда не останавливается движение по магистрали идет эффективная замена, улучшение той или иной составной части железнодорожного полотна. Английский ученый Д. Пуфферт прямо заявил, что «зависимость от предшествующего развития для институтов, вероятно, будет вполне подобна зависимости от предшествующего развития для технологий, поскольку обе основаны на высокой ценности адаптации к некоей общей практике (какой-либо технике или правилам), так что отклонения от нее становятся слишком дорогостоящими» [5].

В 20 районах Республики Бурятия и г. Улан-Удэ действовало 65 приходов, где ощущалась острая нехватка священнослужителей, всего священников было 25. Если рассмотреть некоторые позиции, то одному священнику Михаилу Елагину приходилось проводить богослужбные обряды по всему Кяхтинскому району – по всем селам и деревням и по г. Кяхте, такая же ситуация была и в ряде других районов: Северобайкальском и Селенгинском районах было прикреплено по одному священнику В ряде районов: Закаменском, Заиграевском, Баунтовском, Джидинском, Еравнинском, Хоринском, Тункинском, Муйском, Бичурском, Джидинском районах вообще отсутствовал священник, функции организации регистрации религиозной общины, прихода взяли на себя верующие жители в качестве церковных старост, которые занимались организационно-церковными вопросами: приглашение священников на православные праздники, устройство домовых церквей, приобретение икон, богослужбной литературы, церковные старосты собирали пожертвования на строительство или же реставрацию зданий церквей, если сохранились фундамент, стены, заказывали колокола для храма.

Учитывая отдаленность населенных пунктов друг от друга, бездорожье, отсутствие транспор-

та вполне можно понять неустроенность церковной жизни, но вместе с тем этот период можно охарактеризовать как возрожденческий, когда «во священники» шли по велению души, времени. Это было все-таки непростое время служения, многие «уходили в мир», не все выдерживали строгие церковные правила, неустроенность церковного быта, если можно так определить несформированность приходов, нехватку финансирования на ремонт и реставрацию, сложности и проблемы во взаимодействиях с государственными и общественными структурами.

Третий период: его отличительная особенность по сравнению с предыдущими – это упрочение позиций РПЦ, статистические характеристики дают нам динамику развития церковных структур, так, по состоянию на 2013 г. юридически зарегистрированных приходов – 74, а всего с приписными храмами, часовнями, молебными комнатами, домами – около 100. Священнослужителей – 54. Во исполнение постановления Святейшего Патриарха все священнослужители или имеют духовное образование или обучаются на заочном отделении духовных школ (преимущественно в Хабаровской православной духовной семинарии), часть из них уже имеют светское высшее образование. Некоторые обучаются в БГУ. Два клирика епархии обучаются в общецерковной аспирантуре и докторантуре им. Святых Кирилла и Мефодия. Несколько бакалавров, два магистра, один кандидат богословия.

И в заключение, исследуя процесс изменения институциональной структуры религии, появление религиозных сетей и релятивизации религиозного авторитета РПЦ на традиционных территориях, в т.ч. и на территории Бурятии, мы затронули еще один аспект. Православное духовенство современности – это одна из тенденций

развития православия в «глобальную эпоху» – возникновения нового православного миссионерства. «Распространение Священного писания» всегда было традиционным дискурсом в истории православия, однако никогда не существовало сколько-нибудь систематического, нацеленного миссионерства, а тем более прозелитизма.

Таким образом, формирование православного священства в Бурятии решает наиболее актуальные проблемы современности и занимает ключевые позиции РПЦ в современном мире: это и альтернатива глобализму. Приложение к православию ряда глобальных тенденций, характеризующих современные религиозные процессы, такие как, прежде всего, рост значения публичных религиозных дискурсов, где духовенство играет ведущую роль, уровень и степень образованности священства – яркое свидетельство данного процесса. Складывание свободного рынка религий, функционирующего на принципе индивидуального спроса и выбора, также налагает ответственность православное духовенство; Если говорить о реакции РПЦ на «состояние глобальности» усилиями в т.ч. и регионального священства – это профессиональное ведение сайтов, публичные выступления в средствах массовой информации, взаимодействие с государственными и общественными организациями, это локальный ответ на глобализацию. Представленный статистический портрет Улан-Удэнской и Бурятской епархии Русской православной церкви в области кадров в количественном и профессиональном составе позволяет сделать вывод, что процесс включения в глобальный контекст здесь очевиден, процессы оформления институтов православной церкви в регионе налицо.

Примечания

* Теория Path Dependence появилась в 1985 г., когда американский экономист Пол Дэвид опубликовал небольшую статью, посвященную такому, казалось бы, маловажному вопросу, как формирование стандарта клавиатур печатающих устройств. цит. по кн.: David Paul A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. Vol. 75.

** Здесь мы не касаемся вопросов, связанных с положением церкви в Советском Союзе в XX в. поскольку в научной литературе об этих процессах имеется целостный массив материалов, касающихся и законодательной сферы и противостояния Церкви и Государства.

Литература

1. ГАРБ. ФР-1857, Оп.1, Д.78, Л.12; Д. 218 а, Л. 2,1980 г.; Д. 33, Л. 10. 1961 г.; Д. 124, Л.2. 1981 г.; Д.83, Л.5).
2. Некрасов В.Л. Path Dependence и ее возможности в объяснении социально-экономической эволюции регионов. Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-384363.html>
3. Рапорт иерея Игоря Арзуманова на имя Паллады, епископа Читинского и Забайкальского 12 февраля 1996 г. Личный архив И.А. Арзуманова. Извлечения.
4. Puffert D.J. Path Dependence, Network Form and technological Change // History Matters: Essays on Economic Growth, Technology and Demographic Change / T. Guinnane, W. Sundstrom, W. Whatle (eds.) Stanford, 2003. (www.vwl.unimuenchen.de/ls_kolmos/nettech.pdf).
5. Текущий архив Улан-Удэнской и Бурятской епархии. – Улан-Удэ, 2013.

Митыпова Гунсема Сандаковна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Бурятии. Бурятский госуниверситет. 670000. г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Mitypova Gunsema Sandakovna, doctor of historical sciences, professor, department of history of Buryatia. 670000. Ulan-Ude, Smolin str., 24 a.

УДК 281.9(510)

© *Е.В. Дроботушенко*

Православие в Маньчжурии во второй половине 40-х гг. XX в.*

* Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.2.2., гуманитарные науки, проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук, проект «Роль православия в формировании культурного пространства Приграничья России, Северного Китая и Монголии».

В статье характеризуется история православия на севере Китая во второй половине 40-х гг. XX в. Проводится анализ имеющихся научных и научно-популярных публикаций по поднимаемой проблематике. На основе архивных данных выделяются направления деятельности православной церкви, дается общая характеристика имущественному состоянию, количеству священнослужителей, имеющимся постройкам культового назначения. Делается вывод о двойственности в развитии православия на севере и северо-востоке Китая: наличие определенной деятельности по его популяризации и незначительные объемы миссионерства и хозяйствования.

Ключевые слова: Северный Китай, Маньчжурия, православие, церковь, Московский Патриархат, епархия, прихожане, священнослужители.

E. V. Drobotushenko

Orthodoxy in Manchuria in the second half of the 40s of the XX-th century

The article characterizes the history of Orthodoxy in the Northern China in the second half of the 40s of the XX-th century. The analysis of the available scientific and popular publications on the raised issue is made. Based on archival data the directions of the Orthodox Church activities are highlighted, the general characteristics on wealth, a number of priests and existing buildings for religious services are given. The conclusion of the duality in the development of Orthodoxy in northern China is drawn: the presence of some activity on its popularization, and minor amounts of missionary work and economic activity.

Keywords: Northern China, Manchuria, Orthodoxy, Church, Moscow Patriarchate, diocese, parishioners, clergy.

История православия, став предметом активного изучения в последнем десятилетии XX – начале XXI в., имеет еще немало неисследованных или малоисследованных аспектов. Одним из них является история развития православной церкви в Северном и Северо-Восточном Китае в XX в. Данная проблематика особенно актуальна для изучения в связи с постоянно расширяющимся российско-китайским взаимодействием, как на межгосударственном, так и на межрегиональном уровнях. Интересно изучение православия на севере Китая в связи с тем, что его немногочисленные современные последователи являются потомками российских мигрантов, приехавших в Китай в конце XIX – первой половине XX в.

Научной, научно-популярной и публицистической литературы по истории православия в Маньчжурии в названное время немного. Это разрозненные работы самого разного плана, которые не дают общего представления об особенностях существования православной церкви

в регионе. Для серьезного исследователя многие из них дают скорее дополнительный иллюстративный материал. Несомненно, это работы одного из главных специалистов по истории православия в Китае протоиерея Дионисия (Поздняяева). Это известнейший труд «Православие в Китае», который дает общее представление о развитии данной религии в стране и анализирует особенности деятельности православной церкви в разных регионах. В контексте же данной работы особый интерес вызывает публикация «Церковная жизнь в Маньчжурии в начале XX в.». Хронологически она заканчивается 1922 г. Это начало формирования того института православной церкви, который мы увидим в 40-е гг. Особенность работ Дионисия (Поздняяева) в том, что написанные научным стилем они часто не содержат ссылок на источники. Серьезный исследователь сразу определит, что, к примеру, в основе главы по православию в Синьцзяне работы «Православие в Китае» лежит доклад о состоянии православия в провинции одного из по-

следних православных священников региона игумена Софрония (Иогеля), написанный им в Отдел внешних сношений Московской Патриархии 30 сентября 1960 г. Однако некоторые факты, вызывающие особый интерес, без ссылок трудно находят подтверждение или более подробное раскрытие [17; 19; 20].

Общая характеристика православия в Китае с упором на отдельные аспекты делается в объемной работе «Христианство в Китае: история и современность» В.Г. Дацышена. Особенность работы в том, что история православия представлена отрывочно, не создана целостная картина его развития с момента появления и до современности, без выделения каких-либо этапов и аспектов [Дацышен].

Можно назвать некоторые работы С.Н. Бакониной, которые анализируют развитие православия на Дальнем Востоке и в Китае в 20-е гг. XX в. Хронологически данное время не относится к рассматриваемому в данной статье, однако по данным публикациям можно проследить начало складывания общих тенденций развития православия, которые найдут развитие в дальнейшем. Интересной для нашего исследования могла бы стать работа с замечаниями по биографии будущего митрополита Харбинского и Маньчжурского Нестора (Анисимова), однако она заканчивается 1919 г. и может дать материал о духовных основах личности Нестора [5; 6; 7 и др.].

Отдельные аспекты православной истории рассматриваемого региона, несомненно, затрагиваются, в исследованиях по истории российской эмиграции в Китае. Здесь одними из ведущих специалистов являются Н.Е. Аблова, Ю.В. Аргудяева, Е.В. Аурелене и др. В работах характеризуется социальный состав российской эмиграции в Китае, а одной из характеристик социального пространства является конфессиональная принадлежность. Основную массу эмигрантов составляли православные. На фоне общей характеристики особенностей жизни в эмиграции исторически оцениваются некоторые аспекты, связанные с православием [1; 2; 3; 4 и др.].

Среди других авторов, в разной степени посвятивших себя изучению православия в Северном и Северо-Восточном Китае, можно назвать В.С. Русак, Ю.С. Федорову, А.С. Панкова и др. Однако здесь остается та же проблема, что отмечена нами выше. Авторы в основном рассматривают период 20-30-х гг. XX в. [24; 28; 30 и др.].

Во всемирной сети можно встретить незначительное количество публикаций в контексте

проблематики нашего исследования, не несущих в себе авторства, но содержащих богатый материал. Примером может служить статья «Последний архипастырь Маньчжурии». Она характеризует православное служение, в частности, в Китае будущего архиепископа Константинопольского Никандра (Викторова). В Китае он некоторое время занимал кафедру епископа Цикарского [23; 26 и др.].

Отдельная информация, носящая дополнительный, иллюстративный характер представлена в различных интервью. Примером может служить интервью Советника по культуре посольства Российской Федерации в Пекине, данное им газете «Русская мысль» в 2001 г. [29 и др.].

Особенность имеющихся научных и научно-популярных публикаций, интервью, биографий в том, что в них часто повторяются основные вехи развития православия в Северном и Северо-Восточном Китае, данные, которые относительно широко известны.

Оговоримся также, что имеющиеся обобщающие работы по истории Северо-Восточного Китая практически не содержат информацию по истории развития на данной территории православия или же представленные данные отрывочны и общей картины не дают [21; 22 и др.].

Основой исследования по поднимаемой проблематике являются документы, хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Пожалуй, главным источником информации по истории православия на территории Маньчжурии являются наблюдательные дела Отдела по делам центрального управления церковью Совета по делам Русской православной церкви. Причем в названии значительной части отчетов территориально звучит именно Маньчжурия. Также выделим дела, озаглавленные «Материалы по православию в Китае». Следует сказать, что отдельных специальных дел, посвященных названной территории Северного Китая, нет. Вероятно, это связано с незначительными объемами деятельности православной церкви в данном регионе. Наблюдательные дела относятся к Маньчжурии и некоторым иным близлежащим территориям, Корею или Японии [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15 и др.].

Наблюдательные дела дают исследователю самую разнообразную информацию. Это основные аспекты деятельности за определенный период времени, количество церквей, монастырей, финансовое состояние церкви. Данные дела содержат переписку руководства Московского Патриархата с китайскими иерархами право-

славной церкви, с Экзархом Восточной Азии.

Следует отметить, что наблюдательные дела по Маньчжурии территориально охватывают Северный и Северо-Восточный Китай. По некоторым данным, на всей территории страны после революционных события 1917 г. оказалось до 300 тыс. российских мигрантов. Только в 20-30-е гг. XX в., опять же, по некоторым данным, в три страны – Китай, Монголию и Персию – эмигрировало около 500 тыс. чел. [27, с. 30]. Четкие цифры по Китаю исследователями не приводятся, однако на основе имеющихся сведений можно выделить районы расселения российских мигрантов. Это Западный Китай с центром в Кульдже, Восточный Китай с центром в Шанхае и Северный, Северо-Восточный Китай с центром в Харбине. Главным объектом нашего интереса является последний. Помимо него – это территория вокруг КВЖД.

Хронологические рамки исследования определены следующими размышлениями. Несмотря на определенное потепление отношения светских властей к православной церкви после 1943 г., создание Совета по делам Русской православной церкви, начало процесса открытия церквей, часовен и молитвенных домов на территории СССР, позитивные изменения в деятельности православной церкви в Китае не происходят. В истории развития православия в Китае в 30-40-е гг. XX в. сложно выделить какую-либо временную границу, которая серьезными событиями изменила бы положение православия. Однако одно событие даже не всекитайского, а регионального масштаба в рамках Азиатско-Тихоокеанского региона произошло. Это переход православной церкви в ведение Московского Патриархата и создание Восточноазиатского Экзархата Русской православной церкви. Его возглавил митрополит Нестор (Анисимов). Важным стал и переход Российской духовной миссии в Китае под руководство Московского Патриарха. Это положило конец тем распрям, которые раздирали православную церковь в Китае. В их основе – противоречия между сторонниками перехода к Московской патриархии и сторонниками подчинения заграничному Синоду, возглавляемому Анастасием (Грибановским). Это, в частности, отмечается и в некоторых архивных документах [9, л. 2].

За основу выделения первой хронологической границы можно взять и еще один критерий – появление первых отчетов о состоянии православия в Маньчжурии. Серьезного объемного блока фактографических данных по поднимаемой проблеме не было вплоть до 1948 г. В од-

ном из писем митрополита Нестора на имя Патриарха Алексия отмечается, что тогда только приступили к формированию данных по Харбинской епархии. Одной из причин, почему это не было сделано ранее, называют особые условия жизни в Маньчжурии [12, л. 14].

Вторая граница определяется нами, исходя из последнего формального года нахождения у правления Харбинской епархией первого экзарха Восточноазиатского Экзархата Нестора (Анисимова) – 1950 г. Хотя оговоримся, что с августа 1948 г. временным управляющим епархии был Никандр (Викторов). Названные годы – это время оттока российских мигрантов с территории Северного Китая, сложное время для выживания православия в регионе. Отметим, что 1950 г. – это также время появления предложения советского консула в Китае тов. Тихвинского об объединении Духовной миссии в Пекине и Восточноазиатского Экзархата в Маньчжурии в единый церковный центр с нахождением в Пекине [16, л. 28].

Методология работы строится на использовании методов сбора и анализа архивного материала, а также историографического анализа имеющихся научных и научно-популярных публикаций.

Главной мыслью, возникшей после изучения значительного количества архивных источников и определившей дальнейшую исследовательскую работу, стал вывод о том, что православная церковь в Китае во второй четверти XX в. не получила должного, активного развития. Причина этого, на наш взгляд, во многом лежит во внутреннем разладе в среде китайских иерархов православной церкви, в отсутствии общей позиции по вопросу развития православия, в наличии разногласий по поводу вопросов руководства православием на Севере Китая. Однако, несмотря на это, по нашему мнению, говорить о том, что православная церковь в рассматриваемое время на северных территориях Китая находилась в состоянии стагнации, будет несправедливым. В отдельные периоды времени, по отдельным направлениям движение в сторону развития было.

Одно из направлений деятельности православной церкви на территории Северного и Северо-Восточного Китая – это поддержание в действующем состоянии имеющихся построек культового назначения, а так же строительство и освящение новых. Примером такого вида деятельности является проявленная инициатива митрополита Харбинского и Маньчжурского Нестора о постройке в г. Дальнем собора Алексан-

дра Невского [12, л. 9].

В связи с тем, что финансовое состояние православной церкви на севере Китая, мягко говоря, оставляло желать лучшего, церковным иерархам, возглавлявшим православие в Китае, приходилось изыскивать дополнительные средства. В отдельные годы значительную поддержку оказывал Московский Патриархат при содействии Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР (с 1946 г., до того – при Совете Народных Комиссаров).

Так, на нужды по поддержанию православия на севере Китая московским Патриархатом Русской православной церкви при поддержке главы Совета по делам РПЦ в 1948 г. было выделено около 9 500 долл. [д. 434, л. 7]. В то же время следует отметить, что существовали определенные сложности с переводом денег в Китай. Об этом говорится в одном из секретных писем Председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР. Г. Карпова в Министерство иностранных дел. Однако как руководство Московской Патриархии, так и светские власти делали все возможное для поддержки православия в Китае, изыскивая пути предоставления средств иерархам православной церкви. В 1946 г. была выделена значительная сумма в 55 000 дол. на выкуп храма в Шанхае [13, л. 7; 14, л. 14]. Территориально данный факт не относится к рассмотрению в рамках данной статьи, однако он характеризует политику советских властей и Московской Патриархии по поддержанию православия в Китае.

Бедственное финансовое положение институтов православной церкви в Китае можно проследить по просьбам о денежной поддержке, в которых прописывается постоянная нехватка средств [14, л. 1].

Финансовое состояние постепенно ухудшалось, начиная с 20-х гг. XX в. То же происходило и с имущественной составляющей православной церкви. Причем касается это не только Северного Китая. Так, только в Пекине к началу 20-х гг. XX в. православной церкви принадлежали: мыловаренный завод, кузнечно-слесарная мастерская, бумажная и кожевенная фабрики, ковровая мастерская, прачечная и шелковое производство, гальванопластическая и живописная мастерские. Согласно Справки Министерства иностранных дел об имуществе православной церкви за границей, к середине 40-х гг. XX в. ничего этого не осталось. Имущество постепенно было передано в ведение «белоэмигрантского» «заграничного архиерейского Синода» [8, л. 34; 16, л. 25]

Продолжалось в рассматриваемый период времени развитие миссионерской деятельности. В одном из писем митрополита Нестора на имя Патриарха Алексия отмечалось, что в целях развития миссионерства в Харбине бывшее Пекинское подворье – Св. Благовещенский храм переименован в миссионерскую Благовещенскую церковь. Тогда же сделана попытка открытия миссионерской школы-приюта для китайских детей. Начальником китайской Духовной миссии протоиреем Даниилом (Хэ) по данному вопросу подавалось ходатайство в муниципалитет г. Харбин, которое было отклонено [12, л. 1].

Несмотря на отказ в открытии миссионерской школы, такое значимое направление деятельности православной церкви на севере Китая как образование нашло свое определенное развитие. Действовал лицей князя Александра Невского, в котором обучалось около 170-180 чел., основная масса проживала в действующем при нем интернате. Только преподавателей работало одновременно до 19 чел. Содержание лицей осуществлялось частично за счет Общества Красного Креста и Красного Полумесяца – около 1 000 000 юаней в месяц, за счет отдела народного образования – более 390 000 юаней в месяц за счет некоторых обучающихся. Сама православная церковь тратила на содержание лицей, несмотря на сложное финансовое положение, около 1 500 000 юаней в месяц [12, л. 13].

Установившиеся постоянные связи православной церкви в Китае с Московской Патриархией, помимо прочего, привели к поступлению в Китай православной печатной продукции. Во многих архивных делах можно встретить упоминания о посылке из Москвы в Харбин на имя митрополита Нестора (Анисимова) и на имя епископа Цицикарского Никандра (Викторова) журналов Московской Патриархии [12, л. 10].

Наряду с характеристикой материальной составляющей деятельности православной церкви на севере Китая, остановимся и на ином аспекте. Это характеристика священнослужителей. В отдельных архивных документах встречаются данные о злоупотреблениях православных священников, неполном и некачественном исполнении ими своих обязанностей [10, л. 3]. Данные факты, на наш взгляд, не способствовали активному развитию православия в регионе.

Важным является и то, что православная церковь в Китае носила разрозненный характер. К концу 40-х гг. XX в., по сути, самостоятельное руководство осуществляли на части территории Китая три церковных иерарха: экзарх Никандр – в Харбине, архиепископ Виктор – в Пекине,

протоиерей Д. Млодзяновский – в Кульдже [14, л. 14]

Отдельно следует сказать о политике китайских властей. Она постепенно менялась от принятия православия, как и иных религий, через появление конфликтов, к запрету религиозных учений. На протяжении достаточно длительного времени второй половины 40-х гг. XX в. появлялась информация о нежелании китайских властей идти на контакт с православным духовенством. Помимо этого в архивных документах встречаются сведения о существовании разговоров, в контексте которых обсуждался вопрос передачи строений православной церкви, в частности, культового назначения, в пользование китайским гражданам. В одном из номеров газеты «Вечерняя Москва» опубликовано Заявление представителя генерального штаба китайской Народно-освободительной армии об убийстве в Китае двух американских миссионеров. Шла речь о наличии слухов о том, что Народно-освободительная армия «...хочет уничтожить католическую церковь в Северном Китае». Несмотря на то, что речь шла о католической церкви, общая ситуация в отношении власти и религиозных организаций была далека от идеальной [12, л. 13, 29].

Сложности в осуществлении деятельности православной церкви в Китае привели к появлению в 1950 г. упомянутого выше предложения об объединении Духовной миссии в Пекине и Восточноазиатского Экзархата в единый церковный центр православия с руководством из Пекина [16, л. 28]. Начинается новый этап существования православия в Китае в целом и на севере страны, в частности.

Таким образом, развитие православия в Маньчжурии во второй четверти XX в. носило

двойственный характер. С одной стороны, внутренние противоречия, противоборство разных сторон, значительный возраст иерархов, малое количество священнослужителей, незначительное число среди них местного происхождения, политика китайских властей, отток российских мигрантов с территории Северного Китая (основы социальной общности прихожан православной церкви) делали серьезное развитие православия в регионе невозможным. С другой стороны, несмотря на отмеченные негативные составляющие, православие на севере Китая развивалось. В рабочем состоянии поддерживались сохраненные за православной церковью храмы, велось преподавание в церковных учебных заведениях. Однако общая тенденция, наметившаяся в 20–30 гг. XX в. продолжилась в 40-е гг. Это постепенный упадок православия, который со временем приведет к практически полному его исчезновению в регионе. Оно останется на бытовом уровне в семьях потомков русских по происхождению мигрантов и потомков крещеных китайцев.

При характеристике православия в Китае будут интересны данные по развитию в стране католицизма и протестантизма. В развернутом виде они приводятся в статье для журнала Московской Патриархии «Работа католиков и протестантов в Китае» от 1950 г. Помимо прочего, в ней даются данные за 30-е гг. XX в., которые позволяют говорить о значительных объемах деятельности католических и протестантских миссионеров. Из материалов статьи складывается представление о том, что деятельность православной церкви носила не просто значительно менее активный характер, она выглядела испытывающей большие трудности.

Литература

1. Аблова Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). – Минск: Изд-во БГУ, 1999. – 316 с.
2. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). – М.: Русская панорама, 2005. – 432 с.
3. Аргудяева Ю. В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. – Владивосток: ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2008. – 400 с.
4. Аурелене Е. Е. Особенности адаптации эмигрантов в 1920-1950-е годы // Россия и АТР. – 2004. – Вып. 3. – С. 94-101.
5. Баконина С. Н. Конфликт на КВЖД и церковная жизнь Маньчжурии в 1929 году // Усиление Китая: внутренние и международные аспекты // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: тезисы докладов XV Междунар. науч. конф. (Москва, 27-29 сентября 2005 г.). – М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2005. – Ч. 2. – С. 55-58.
6. Баконина С. Н. Русская православная церковь на Дальнем Востоке. Организация церковного управления за границей в 1921-1922 гг. // Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Благовещенск–Хайхэ, 17–18 мая 2012 г.). – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2012. – С. 3-9.
7. Баконина С. Н. «Церковник, а не политик...»: несколько замечаний о биографии митрополита Нестора (Анисимова) // Седмица.ру URL: http://www.sedmitza.ru/data/033/997/1234/99_108.pdf (дата посещения: 24.03.2013).
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-6991, Оп. 1, Д. 146.
9. ГАРФ. Ф. Р-6991, Оп. 1, Д. 276.
10. ГАРФ. Р-6991, Оп. 1, Д. 434.

11. ГАРФ. Р-6991, Оп. 1, Д. 277.
12. ГАРФ. Р-6991, Оп. 1, Д. 433.
13. ГАРФ. Р-6991, Оп. 1, Д. 570.
14. ГАРФ. Р-6991, Оп. 1, Д. 588.
15. ГАРФ. Р-6991, Оп. 1, Д. 589.
16. ГАРФ. Р-6991, Оп. 1, Д. 604.
17. ГАРФ. Ф. Р-6991, Оп. 2, Д. 300.
18. Дацшпен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 240 с.
19. Дионисий (Поздняев). Православие в Китае (1900-1997) // Русское небо. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/pozdyaev/> (дата посещения: 24.03.2013).
20. Дионисий (Поздняев) Церковная жизнь в Маньчжурии в начале XX века // Китайский благовестник. – 1999. – № 2. URL: <http://www.chinese.orthodoxy.ru/russian/kb2/History1.html> (дата обращения: 24.03.2013)
21. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.). – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1986. – Кн. I. – 424 с.
22. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Северо-Восточный Китай в 1945-1978 гг. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – Кн. 3. – 343 с.
23. Наши харбинские пастыри // Сибирская православная газета. – 2003. – № 3. URL: <http://www.ihst.ru/92003/hi2.shtml> (дата обращения: 25.03.2013)
24. Панков А.С. Православие в Маньчжурии в 1920-1950-е годы: к постановке проблемы // Молодежь и наука: материалы VI Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. URL: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/section7.html> (дата обращения: 24.03.2013)
25. Дионисий (Поздняев) Православные духовные школы Маньчжоу-Го // Пу И: Жизнь императора. URL: <http://pu-yi.narod.ru/pravoslavie.html> (дата обращения: 25.03.2013)
26. Последний архипастырь Маньчжурии // Архангельская и Холмогорская епархия. URL: http://www.arh-eparhia.ru/history/lost_relics/index.php?ELEMENT_ID=67 (дата обращения: 24.03.2013)
27. Пеньковский Д. Д. Предпосылки эмиграции казачества на завершающем этапе гражданской войны // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2006. – № 4. – С.29-32.
28. Русак В. С. Православие в Китае в XX веке // Макарьевские чтения: материалы VIII Междунар. конф. (21–23 ноября 2009 г.). – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. – С. 294-319.
29. Русские в Китае // Русская мысль. – Париж. – 2001. 13 сентября // Библиотека RIN.RU URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/73362p1.html> (дата обращения: 25.03.2013)
30. Федорова Ю.С. Русская православная церковь в Северо-Восточном Китае. 20-30-е годы XX в. // Федеральный портал Protown.ru URL: http://r2russia.far.ru/page/stu2_85.html (дата обращения: 24.03.2013)

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, декан исторического факультета Забайкальского государственного университета. 672007. Забайкальский край, г. Чита ул. Чкалова, д. 154.

Drobotushenko Evgeny Victorovich, candidate of historical sciences, associate professor, department of political science, Dean of the historical faculty, Zabaikalsky State University. 672007. Zabaikalsky territory, Chita, Chkalov str., 154.

УДК 2-63(571.54)

© С.З. Ахмадулина

Миграция религий: новые религиозные объединения в постсоветской Бурятии

Статья посвящена вопросу появления и распространения новых религиозных организаций в Республике Бурятия. Особое внимание уделяется анализу сопоставительной характеристики современной религиозной ситуации в республике на основе включенного наблюдения автора.

Ключевые слова: нетрадиционные религии, новые религиозные организации, миграция религий, Республика Бурятия.

C.Z. Akhmadulina

Migration of religions: new religious organization in the post-Soviet Buryatia

The article is devoted to the issue of appearance and dissemination of unconventional religions in the Republic of Buryatia. The special attention is paid to the analysis of the comparative characteristic of modern religious situation in the republic on the basis of the author's involved observation.

Keywords: unconventional religions, new religious organizations, migration of religions, Republic of Buryatia.

В современном мире важную роль в жизни общества играет религия. Религиозные предпочтения определяют не только мировоззренческую позицию, но и поведенческие характеристики

людей. Известный американский политолог С. Хантингтон в своей работе «Столкновение цивилизаций» обосновал идею «третьей волны» демократии в мире, где предположил, что 21-е

столетие станет ареной для мировых конфликтов между цивилизациями, определяющим признаком которых является религиозная принадлежность людей [16].

В условиях глобализации расширение контактов в разных уголках мира, стремление к «стиранию границ» сопровождается религиозной экспансией отдельных регионов. Геополитическое миссионерство предполагает инокультурное воздействие на регион, подверженный территориальной и религиозной экспансии [8, с.35]. Миссионеры вне зависимости от идеологических и политических предпочтений представляют интересы того государства, гражданами которого являются. Деятельность представителей иностранных религиозных объединений направлена на стирание географических, общественно-политических и религиозных границ.

В периоды личных и общественных потрясений, когда возникает чувство отчаяния, незащищенности, неуверенности в завтрашнем дне, человек обращается за помощью к религии. В ней он видит своего рода убежище, утешение и надежду на лучшее. В мировой истории были периоды, когда всплеск массовых религиозных исканий охватывал страны и континенты. Новые религии появлялись, как грибы после дождя, а всевозможные гуру и наставники вели за собой миллионы людей.

Под новыми религиозными объединениями (НРО) понимаются религиозные объединения, которые получили распространение в 50–80-х гг. 20-го столетия в США, в ряде стран Азии (Республика Корея, Япония, Индия), в странах Западной Европы (Германия, Франция, Англия, Швеция и др.), с 1990-х гг. – в российском государстве [13, с. 224].

Статья основана на личных впечатлениях автора, полученных в ходе включенного наблюдения, а также на работах историков, религиоведов, богословов, психологов и публицистов. Рассматривая процесс миграции религий, автор уделяет внимание прежде всего тем религиозным объединениям, которые были импортированы в нашу страну из других стран и получили распространение в России.

История 20-го столетия не раз демонстрировала общественно-политическую активность людей, которая обличалась в религиозную форму. Ярким примером подобного явления выступают молодежные движения контркультуры 1960–1970-х гг. возникшие и получившие широкое распространение в странах Запада и США («Движение людей Иисуса», «Дети Бога», «Международное общество сознания Кришны» и мн.

др.), а в 1990-е гг. и в России. Распространение восточных религиозных культов, увлечение раннехристианской мистикой, оккультизмом особенно среди молодежи стало беспрецедентным явлением в мировой истории, что выразилось в появлении специальной терминологии «молодежные религии», «религиозные культы молодежи» [4, с. 6].

Советские исследователи связывали рождение и распространение новых религиозных течений и групп на Западе с общим кризисом религии и капитализма, утверждая тезис о невозможности подобного явления в советской России. Однако история показала, что и в нашей стране стало возможным появление множества новых религиозных течений и групп как из-за рубежа, так и возникших на российской почве («Церковь Последнего Завета Виссариона Христа», «Богородничный центр», Культ П.К. Иванова и др.).

Системный кризис, возникший в российском государстве, привел не только к отходу от политики атеизма, что привело к массовому всплеску религиозно-мистических настроений россиян, к возрождению традиционных духовных ценностей, но и создало определенную почву для появления и активизации деятельности нетрадиционных для страны новых религий.

Появление НРО часто вызывает настороженность, недоверие и воспринимается в одном случае как результат «тлетворного влияния Запада», в другом – как «новое веяние» последних десятилетий, связанных с глобализацией, политическим плюрализмом и демократическими ценностями.

Эта проблема стала особенно актуальной для Республики Бурятия в связи с ее пограничным положением. Уникальность нашего региона заключается в особой заинтересованности зарубежных миссий в его духовной колонизации.

Бурятия как сегмент Внутренней Азии успешно синтезирует традиционные и нетрадиционные религиозные комплексы, не вызывая конфликтов и противоречий. К началу 1990-х гг. в Бурятии активно развернули свою деятельность проповедники из зарубежных стран. В большинстве случаев возглавляли эти миссии граждане США, Германии, Швеции, Кореи и других стран. При этом в большинстве случаев миссионеры были представителями различных течений протестантизма – это лютеране, евангелисты, пресвитериане, адвентисты и др. [5, с. 77, 78]. В начале 2000-х гг. в столице республики был создан Союз христианских протестантских церквей в Бурятии, куда не вошли Свидетели

Иеговы и Церковь Иисуса Христа Святых последних дней [5, с. 78], которые причисляются к позднепротестантским конфессиям.

Одним из самых ранних направлений протестантизма, известного на территории республики, было лютеранство. Так, например, в 1861 г. на территории г. Верхнеудинск проживал 1 лютеранин, а в 1916 г. их численность достигла 86 чел. [6].

В конце 1990-х гг. финская лютеранская миссия организовала свой филиал в г. Улан-Удэ. Благодаря активной социальной работе общины, зарегистрированной как «Христианская евангельская церковь Иисуса Христа» (Сибирская евангелическо-лютеранская церковь) в с. Петропавловка Джидинского района, местные власти помогли общине построить свое здание для богослужений [1, с. 83, 84].

МРО «Евангелическо-лютеранский приход Благодати Христовой» входит в «Евангелическо-лютеранскую Церковь Ингрии на территории России». Количество прихожан – около 30 чел. Основной формой миссионерской деятельности является проведение служб как на русском, так и на бурятском, языках, а также распространение вероучительной литературы. Приход имеет детскую воскресную школу.

Одна из самых крупных протестантских деноминаций, получивших распространение в России – баптизм. Относительно нашего региона известно, что последователи баптизма действовали в г. Улан-Удэ в начале 1960-х гг. В отчете уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете министров Бурятской АССР Д.Б. Очиржапова находим свидетельство: «В течение отчетного периода (1961) в пригороде Улан-Удэ, так называемой Лысой горе, выявлена полулегальная группа евангельских христиан-баптистов, которая регулярно (по воскресеньям) собирается у своего руководителя Меркулова Петра Дорофеевича (85 лет, глухой) по ул. 2-й Лысогорской, д. 78. Группа состоит из 15 чел., в основном преклонного возраста и женщины-домохозяйки». [9, с. 171, 172] Община действовала незаконно до 1978 г., когда эта группа решением Совета была зарегистрирована. В их распоряжении имелся молитвенный дом для проведения религиозных собраний и служб. Эта община поддерживала контакты с баптистским центром в Москве и напрямую была связана с баптистами Иркутска, которые оказывали патронажную помощь в совершении обрядов [3, с. 71].

В настоящее время в Бурятии насчитывается пять церквей и около 30 групп российского

Союза евангельских христиан-баптистов (РСЕХБ), которые действуют в г. Улан-Удэ, Закаменске, п. Усть-Баргузине, Баргузине и других населенных пунктах. Работу среди местного населения проводит Совет Церквей ЕХБ.

Определенных успехов достиг адвентизм. Незарегистрированная группа адвентистов седьмого дня существовала в Бурятской АССР с 1970 г. В одном из отчетов М. Мулонова, уполномоченного по делам религий при Совмине Бурятской АССР за 1987 г., упоминается небольшая по численности (8 чел.) община адвентистов седьмого дня, которые проводили свои молитвенные встречи на частных квартирах единоверцев. В 1986 г. в связи с их обращением в Октябрьский райисполком г. Улан-Удэ с просьбой официальной регистрации, им был дан отказ в связи с неполным признанием руководителем общины Д.Г. Арндтом советского законодательства о религиозных культах [10, л. 70-73].

Религиозная организация адвентистов седьмого дня в постперестроечный период значительно выросла, насчитывает более 300 членов (из них ок. 40 чел. – буряты) и является довольно заметным явлением среди протестантских деноминаций [3, с. 124].

Более 30 церквей и религиозных групп церкви христиан веры евангельской, которые входят в Ассоциацию независимых церквей христиан Веры Евангельской, действуют на территории современной Бурятии. География распространения достаточно обширна: г. Улан-Удэ, Северобайкальск; Баргузинский, Хоринский, Кабанский, Кяхтинский, Прибайкальский, Тарбагатайский, Мухоршибирский, Селенгинский, Муйский, Кижингинский, Окинский, Джидинский районы [12]. Руководство ЦХВЕ в Бурятии состоит из епископа (Боярчук Анатолий Леонидович) и пресвитерского совета (8 чел.).

Общность целей и задач протестантских организаций Бурятии обуславливает схожесть их практик в области миссионерства и социальной активности. Почти все они занимаются довольно активной миссионерской деятельностью, которая осуществляется чаще всего в виде распространения христианской литературы и реже в виде всем нам известного «хождения по домам». Многие общины имеют также религиозно-образовательные структуры. Например, у Союза ЦХВЕП Бурятии имеется собственное учреждение профессионального религиозного образования – «Байкальский Библейский Колледж» (директор – Михалева Светлана Петровна) [2, с. 149-152], обучаются в котором, впрочем, отнюдь не только пятидесятники, но и представи-

тели других протестантских деноминаций. Имеются также детские воскресные школы. Например, в МРО «Вифлеем» (г. Улан-Удэ) посещают школу 45 детей.

23 февраля 2013 г. в г. Улан-Удэ, на площади Революции 1905 г. прошел первый в истории города митинг пятидесятников. Всего в нем приняло участие более тридцати человек. По словам одной из верующих, это выступление было направлено на борьбу с одной из главных проблем современного общества – суицидом. Приведем некоторые выдержки из содержания демонстрационных материалов: «Покайтесь! Скоро суд Божий!», «Смерть и что потом?», «Бурятия, прославь Христа», «У Бога для тебя есть жизнь с избытком», «Бог есть любовь», «Не делай себе никакого зла», «Иисус умер за твои грехи», «Мужья любите своих жен», «Приди к Иисусу, и он спасет тебя», «Почитай отца и мать», «Иисус, благослови Бурятию», «Аборт – это убийство» и др.

Демонстранты раздавали газеты и приглашения на молодежную встречу «Суицид среди молодежи», которая состоялась 2 марта в стенах Дома культуры по ул. Смолина, 30 а. Вход на встречу был свободный, программа была насыщенной, с участием шоу-театра «Тринити», с современной музыкой и реальными историями из жизни людей. Организатором этой встречи выступила региональная общественная благотворительная организация «Источник жизни».

Типичным примером новых религиозных объединений в России является Церковь Иисуса Христа Святых последних дней, (последователи более известны как мормоны). В Бурятии проповедники Церкви появились в 1990-е гг. В настоящее время в столице проводят активную миссионерскую деятельность американские проповедники в возрасте 20-30 лет. Актив церкви постоянно обновляется [5, с. 82].

Долгое время мормоны действовали в столице республики, не имея собственного культового здания. Однако в 2012 г. улан-удэнские мормоны на месте бывшего кинотеатра «Восток» недалеко от школы №48 в районе Шишковки построили первый в Бурятии храм. Большое внимание община уделяет работе с молодежью, наверное, поэтому бесплатные курсы английского языка, организованные под эгидой церкви, имеют определенную популярность [5, с. 82, 83]. Однако возрастной состав достаточно разнообразен, на молитвенные собрания приходят семьями (дети и их родители, молодые супружеские пары), можно встретить и людей преклонного возраста.

К одному из поздних течений протестантизма относится религиозная организация Свидетелей Иеговы, как и многие другие, она обязана своим возникновением США.

С начала 1960-х гг. иеговисты функционировали в п. Онохой Заиграевского аймака Бурятской АССР. Религиозные собрания проводились в домах верующих, численность приверженцев составляла 10-15 чел. [7, л. 34, 35]. Официальную регистрацию Свидетели прошли лишь в 1990-е гг. На сегодняшний день официально зарегистрированы две общины иеговистов – в г. Гусиноозерск Селенгинского района и в г. Улан-Удэ. Отдельные группы иеговистов функционируют в Усть-Баргузине, Селенгинске, Кабанске, таким образом, география движения постоянно расширяется.

Культовое здание иеговистов – «Зал Царства» – было построено в 2001 г. Учсть точное количество членов организации довольно сложно, по словам лидеров, приверженцами церкви являются около 500 чел. [1, с. 149-152]. Встречи проходят несколько раз в неделю.

26 марта 2013 г. Свидетели Иеговы Улан-Удэ отметили годовщину смерти Иисуса Христа. Единственный праздник, который разрешено праздновать верующим – Вечеря Господня. Последователи в специальном буклете приглашали присоединиться к ним в этот день и узнать больше о том, почему жизнь и смерть Иисуса имеют такое значение. Более 500 человек присутствовали на празднестве – это молодежь, молодые семьи с детьми, люди преклонного возраста. Организационными вопросами занимаются в основном мужчины. После окончания встречи все присутствующие были приглашены на специальную библейскую речь «Заканчивается ли все со смертью?», которая состоялась 6-7 апреля 2013 г. в Зале Царства Свидетелей Иеговы. В целом необходимо отметить, что Свидетели уделяют особое внимание миссионерской деятельности.

Действуют и новые религиозные движения, которые не имеют официальной регистрации. К примеру, последователи российской церкви Последнего завета Виссариона Христа, американского учения Рона Хаббарда (Церковь саентологии), японского религиозного лидера Секо Асахары (Аум Синрике), южно-корейской церкви Объединения, китайского учения Ли Хунчжи (Фалуьгун) и др. Многие из существующих религиозных общин проводят активную пропагандистскую работу, распространяют вероучительную литературу, приглашают всех желающих на молитвенные встречи, участвуют в благотворительных акциях.

Важной особенностью республики как региона, где встречаются западная и восточная традиции, является открытость и восприимчивость к различным религиозным культурам. Сегодня мы наблюдаем различные формы религиозного синкретизма в обычаях и верованиях местного населения, которые являются результатом длительного исторического сосуществования и взаимопроникновения разных культур.

На протяжении двух последних десятилетий

наша страна стала ареной для возникновения и динамичного развития неорелигиозного творчества. Складывается уникальная религиозная ситуация в регионе. Серьезные позиции занимают зарубежные миссионеры из США, Германии, Южной Кореи, Швеции и др. страны, что определяется прежде всего заинтересованностью ведущих европейских держав и геополитической привлекательностью региона.

Литература

1. Атлас современной религиозной жизни России. / отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. – М.; СПб., 2005. Т. 1.
2. Ахмадулина С.З., Варнавский П.К. Христиане веры евангельской (пятидесятники) // Религиозные организации Республики Бурятия: словарь-справочник. – Улан-Удэ, 2011.
3. Бадмаев А.А. Протестантизм и народы Южной Сибири: история и современность / А.А. Бадмаев, Ч.О. Адыгбай, В.А. Буринаков, Д.М. Манпеев. – Новосибирск, 2006.
4. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в капиталистических странах Запада и их влияние на молодежь / Е.Г. Балагушкин. – М., 1980.
5. Баторова Е.Б., Ахмадулина С.З. Нетрадиционные религии в Бурятии (1990-2000-е годы). – Улан-Удэ, 2010.
6. Государственный архив республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 11, Оп. 10, Д. 88, Л.50,63; ф. 11, Оп. 10, Д. 90, Л. 71,79; ф. 10, Оп. 1, Д. 260, Л. 4.; ф. 10, Оп. 1, Д. 1171, Л.5; ф. 337, Оп. 2, Д. 1108, 70 Л.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Р-6991, Оп.4, Д.30, Л.34-35.
8. Дударенок С.М. Причины распространения нетрадиционных религий в постсоветской России // Культура и культурология на Дальнем Востоке: материалы регион. науч. семинара. (19 ноября 2004 г.). – Владивосток, 2004.
9. Из истории религиозных конфессий Бурятии. XX век: сб. документов. – Улан-Удэ, 2001.
10. Из информации уполномоченного по делам религий при Совмине БУРАССР М. Мулонова председателю Совета по делам религий при Совмине СССР К.М. Хачееву «О деятельности религиозных организаций в республике, 10 декабря 1987 г». ГАРБ. Ф. Р-2028, Оп. 1, Д. 1270, Л. 70-73.
11. Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность / Л.Н. Митрохин. – СПб, 1997.
12. Официальный сайт церкви христиан веры евангельской в Бурятии. Доступ: <http://www.hve-bur.ru/main/index.php>. Дата обращения: 17.03.2013 г.
13. Религиозные организации Приморского края: словарь-справочник / С.М. Дударенок, М.Б. Сердюк, Д.А. Владимиров. – Владивосток, 2007.
14. Свидетели Иеговы в России. – СПб.: Изд-во Общество Сторожевой башни, Библий и трактатов, 1995.
15. Таевский Д.А. Христианские ереси и секты I –XXI вв.: словарь. – М., 2003.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.

Ахмадулина Светлана Зинатовна, канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества, Бурятский государственный университет, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24 а.

Ahmadulina Svetlana Zinnatovna, candidate of historical sciences, senior lecturer, department of homeland history, Buryat State University, 670000 Ulan-Ude, Smolin str., 24 a

УДК 070(091)(571.54)

© С.В. Пономаренко, М.М. Боронова

Становление и развитие телевидения в Бурятии

В статье рассматривается процесс становления и развития регулярного телевидения в Бурятии, формирования кадрового потенциала и материально-технического обеспечения, анализируются особенности работы регионального телевидения в советский период.

Ключевые слова: телевидение, трансляция, информация, кадры, материально-техническая база, идеологизация.

S. V. Ponomarenko, M. M. Boronova

TV formation and its development in the Republic of Buryatia

This article describes the process of formation and development of regular television broadcasting in the Republic of Buryatia, formation its professional potential and material-technical provision, the features of the work of regional television in the Soviet period are analyzed.

Keywords: television, broadcasting, information, personnel, material-technical base, ideologization.

Одним из знаменательных событий истории XX в. явилось появление телевидения. За годы своего развития оно превратилось в многоплановое социокультурное явление, влияющее на все стороны общественной жизни. Образы, созданные электронными СМИ, по справедливому замечанию американского ученого, знатока коммуникационного и информационного права М. Прайса, помогают определить природу национальной принадлежности, отношения к семье, правительству, государству и стране в целом [1].

В полной мере заявив о себе в нашей стране лишь в начале второй половины 20-го столетия, телевидение прошло сложный исторический путь: от любительства к профессионализму, от простого средства ретрансляции изображения до мощного средства воздействия на сознание людей.

Период становления телевидения в Бурятии приходится на время хрущевской «оттепели». Частичная демократизация общественно-политической жизни в стране создавала благоприятные условия для развития нового средства массовой информации в Бурятии. Являясь частью единой системы всесоюзного телевидения, Бурятское телевидение в основных своих чертах повторяло общие закономерности становления и развития телевидения в стране. Вместе с тем в его развитии имелись свои специфические особенности, обусловленные различными факторами социально-экономического и культурного развития региона.

Телефикация республики началась позже, чем в европейской части страны. Статус ее автономности, отдаленность от центра не позволяли в полной мере рассчитывать на крупные финансовые дотации, которые позволили бы в кратчайшие сроки увеличить зону охвата населения телевидением. Сложный характер рельефа местности, наличие значительного количества естественных преград создавали немалые трудности в передаче телевизионного сигнала по территории. Однако при поддержке связистов и ученых республики удавалось успешно решать многие технические проблемы организации местного телевидения.

Важную роль в процессе телефикации Бурятии имело строительство Байкало-Амурской магистрали. В середине 1970-гг. на участке строительства БАМа была проложена трасса всесоюзной радиорелейной линии (РРЛ), которая привела телевидение в северные районы республики. Знаменательным событием в развитии теле-

видения в Бурятии стал запуск первой наземной станции «Орбита», позволившей жителям смотреть передачи Центрального телевидения. Дальнейшее развитие телевизионной техники и спутниковых систем привело к переходу телевидения на работу в цветном изображении и расширению телевизионных каналов вещания.

У истоков телевидения в Бурятии стояли люди разных профессий и рода деятельности. Первоначально основу, «ядро» технических кадров Бурятского телевидения составляли специалисты, пришедшие из Радиокomiteта и министерства связи. Именно они стали профессиональным «костяком» коллектива и успешно решали многие технические проблемы на местном телевидении, обеспечивая бесперебойную работу телевизионного центра.

Первым директором Улан-Удэнской СТВ стал Анатолий Васильевич Александров. Первоначально творческое ядро Улан-Удэнской СТВ составляли участники комсомольско-молодежного художественно-агитационного ансамбля «Привет», который впоследствии был переименован в Телевизионный агитколлектив (ТАК). В состав коллектива входили Валентина Самойлова, Виктор Измайлов, Геннадий Шипоенко, Анатолий Кривогорнищев, Павел Баталов, Владимир Коренев, Юрий Дементьев, Светлана Смирнова, Валерий Хацанов и другие [2]. Руководил молодежным коллективом талантливый человек Сергей Владимирович Каллиоппи. Именно С.В. Каллиоппи стал основоположником творческого начала на Улан-Удэнской студии ТВ. Вот как вспоминает о Сергее Владимировиче один из его учеников, ветеран Бурятского телевидения В. Измайлов: «Это целая эпоха на Бурятском ТВ. Это был телевизионный «гуру» в самом высоком значении данного слова». Под руководством С.В. Каллиоппи на Улан-Удэнской телестудии сложился молодой творческий коллектив. Многие из тех, кто начинал работать вместе с ним в 1960-е гг., стали знаковыми фигурами Бурятского телевидения.

Среди множества проблем, которые пришлось решать в первые годы работы местной телестудии, одной из самых важных была проблема подбора дикторского состава для работы на телевидении. Театральное или педагогическое образование, хорошее знание литературного бурятского языка, приятная внешность, хорошая дикция, человеческое обаяние – вот те требования, которые предъявлялись к дикторам на Бурятском телевидении. Как вспоминают ветераны, в 1960-е гг. специально ходили по ин-

ститутам и отбирали молодых людей со знанием бурятского языка, у которых голос хорошо «ложился» на микрофон. За год до открытия студии телевидения в г. Улан-Удэ был объявлен конкурс дикторов ТВ. Этот конкурс прошли две женщины: для телевидения на бурятском языке – Валентина Жалсараева, на русском языке – Алла Болдогоева.

Дольше всех на телевидении (33 года) проработала первоклассный диктор Софья Жимбиевна Гончикова. Каждый день на голубом экране появлялась симпатичная темноволосая женщина, которая рассказывала о трудовых успехах земляков, выполнении и перевыполнении планов пятилетки, беседовала с передовиками производства, вела новости, программы о сельской жизни, концерты и множество других передач. Десять с лишним лет Софья Жимбиевна дублировала российские фильмы – переводила их на бурятский язык. Ее голосом говорили Л. Гурченко, Л. Лузина, В. Алентова.

Спустя многие годы, вспоминая нелегкие будни работы на ТВ, ветеран и первый диктор Бурятского телевидения, отличник радио и телевидения СССР Валентина Зондуевна Жалсараева отмечала: «... Было трудно. Мы с Аллой Болдогоевой были первопроходцами. Диктором я проработала год, затем ушла на радио, которому отдала 25 лет. Уходя, передала эстафету Софье Гончиковой. В студии мы буквально изнывали от жары. Инженеры по свету, тоже новички, не знали, как направить свет. Надо было сбоку или издали, а они всю мощь прожекторов направляли на дикторов, чуть ли не ослепляя нас. Со временем, правда, научились делать подсветку. Спины наши были мокрые, т.к. температура в студии поднималась до 50°C и выше. Это была техническая сторона нашей работы на ТВ.

В творческом, профессиональном процессе также было немало трудностей и проблем. Достаточно сказать, что новости до того, как дойти до зрителя, проходили долгий путь: текст писал корреспондент, его печатала машинистка, затем материал относили к дежурному по эфиру, показывали редактору, после главному редактору. Порой новости с мест событий запаздывали и были случаи, когда текст мы читали «с колес». Исписанные листочки нам подавались слева, мы должны были, прочитав, передать направо, где их быстро подхватывали. С левой стороны опять протягивали листок, на экране мелькали наши руки, порой происходили заминки, паузы... Ритм работы мог ускоряться, при этом надо было умудриться «попасть в строчку». Это сейчас

появились специальные мониторы с текстом...» [3].

Особенностью кадрового обеспечения местного телевидения на протяжении длительного времени являлась нехватка значительного числа сотрудников, имевших специальное, журналистское образование. Однако это нисколько не умаляло профессиональные достоинства персонала Улан-Удэнской студии ТВ. Участь на собственных ошибках, получая бесценный опыт повседневного творчества, некогда бывшие любители-энтузиасты становились крепкими профессионалами своего дела. Благодаря их ежедневному нелегкому труду Бурятское ТВ добилось многих успехов и приобрело имидж профессионального телевидения, которому по плечу решение самых сложных творческих задач.

На начальном этапе своего развития телевидение Бурятии в основном было трансляционно-художественным, т.к. большую часть телевизионного времени занимали трансляции кинофильмов, спектаклей, концертов профессиональных и самодеятельных коллективов. Телевидение постепенно вошло в каждый дом и стало неотъемлемой частью досуга жителей республики.

До прихода в республику центрального ТВ Бурятское телевидение имело относительную свободу деятельности и определенное преимущество в плане воздействия на местную зрительскую аудиторию. Это предоставляло местным телевизионщикам возможность творить и создавать передачи различной жанровой и тематической направленности. С приходом в республику ЦТ происходит стремительное увеличение объемов телевидения и одновременно уменьшается количество времени, предоставляемого для передач местной студии ТВ. Сокращается производство собственных телепрограмм (документальных, научно-популярных, художественных и др.), уменьшается объем вещания на бурятском языке.

С начала 1970-х гг., когда в стране начала формироваться единая общесоюзная система телевидения, местное телевидение фактически было оттеснено на второй план. Объемы вещания Улан-Удэнской телестудии существенно сократились, что накладывало свой отпечаток на возможности свободного творчества местных тележурналистов. Республиканское телевидение вынуждено было подчиняться директивам и указаниям из центра.

Однако, несмотря на диктат центра, жесткую регламентацию работы телевизионных служб, зависимость от административно-командной

системы, Бурятское телевидение не «застыло» на месте, а по-прежнему развивалось. Усилиями и талантом местных тележурналистов, режиссеров, ведущих, операторов и сценаристов создавались образцы подлинного телевизионного творчества, отмеченные наградами самого высокого уровня.

Если в передачах общественно-политической и экономической тематики свобода творческого поиска местных журналистов была ограничена жесткими рамками государственной политики в сфере телевидения, то в создании программ литературно-художественной направленности они имели больше возможностей для творчества. Неслучайно им удавалось создавать телевизионные постановки высокой художественно-эстетической ценности.

Вместе с тем следует отметить, что в советский период телевидение являлось мощнейшим орудием идеологического воздействия на массы, и вся его деятельность была направлена на пропаганду и реализацию партийных решений. Являясь частью единого телерадиовещательного комплекса, телевидение Бурятии в основных чертах воспроизводило все те противоречия, которые были характерны для телевизионного вещания в стране в целом. В их числе – противоречие между реальной действительностью и ее отражением на экранах телевизоров, апологетика «развитого социализма», идеализация, приукрашивание многих сторон общественной жизни при одновременном существовании так называемых «закрытых» тем и замалчивании многих острых, злободневных проблем.

Централизованное регламентирование деятельности Бурятского телевидения, диктат местного партийного руководства негативно отражались на специфике республиканского телевидения. Излишняя идеологизация распространялась на информационные, развлекательные и культурно-просветительные передачи. Национальный колорит зачастую «растворялся» в социалистическом содержании телевизионных программ. В творческом аспекте появление студийных видеомэгнитофонов и цензура привели к формированию абсолютно «стерильного» телевидения, т.к. подавляющее большинство передач транслировалось в записи, а живой эфир практически отсутствовал.

Новые веяния в общественно-политической жизни страны в период «перестройки» привели к изменению системы телевидения как в центре, так и на местах. Провозглашенная деидеологизация и избавление от монополизма КПСС коренным образом изменили стиль работы на телевидении, превратив его в важнейший инструмент общественных преобразований. В работе Бурятского телевидения во второй половине 1980-х гг. появились качественно новые черты, связанные с преодолением одномерного подхода в освещении событий общественной жизни, усилением публицистичности, распространением новых форм информационного вещания, появлением первых элементов коммерциализации. Происходит процесс развенчивания идеологических мифов, отказ от привычных стереотипов общественного мышления. Региональное телевидение вступает в новый этап своего развития.

Литература

1. Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность / под ред. Я. Н. Засурского / Монро Прайс. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 336 с.
2. Никитина Т. Диктор ТВ шестидесятых: если сравнить с современностью... // Бурятия. – 1999. – 27 мая – С.6.
3. Нас смотрят и слушают // Правда Бурятии. – 2001. – 7 декаб. – № 233.

Пономаренко Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, ст. преподаватель ФГБОУ ВПО «Бурятская сельскохозяйственная академия» им. В.Р. Филиппова. 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8. E-mail.ru mboronova@yandex.ru

Ponomarenko Sergey Vladimirovich, candidate of historical sciences, senior lecturer, V.R. Filippov Buryat State Agricultural Academy. 670034, Ulan-Ude, Pushkin str., 8. E-mail.ru mboronova@yandex.ru

Боронова Маргарита Максимовна, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». 670000, Улан-Удэ, Смолина 24 а. E-mail.ru mboronova@yandex.ru

Boronova Margarita Maksimovna, doctor of historical sciences, professor, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24 a. E-mail.ru mboronova@yandex.ru

УДК 334 (571.54)

© В.А. Гельман

Современное состояние и перспективы развития бизнеса Бурятии

В статье рассматривается современное состояние деятельности предпринимателей, их место и роль в развитии региона. С помощью предпринимательской активности республиканская власть может решить местные проблемы по насыщению потребительского рынка и обеспечить занятость населения, провести необходимые социально-экономические преобразования в регионе. От их целенаправленного сотрудничества, поддержки среднего и малого бизнеса напрямую зависят успешность и дальнейшие перспективы развития предпринимательства в республике.

Ключевые слова: предпринимательство; государственная поддержка предпринимательства; динамика развития.

V.A. Gelman

Current state of business of Buryatia and prospects of its development

The article considers a current state of businessmen, their place and role in the development of the region. By means of entrepreneurs activity the republican power can solve local problems on the consumer market saturation and provide population employment, carry out necessary social and economic transformations in the region. Success and further prospects of development of business directly depends on their purposeful cooperation, support of medium and small business in the republic.

Keywords: business; state support of business; dynamics of development.

Рассматривая предпринимательство в республике на современном этапе, можно проследить основные тенденции в развитии бизнеса Бурятии. С изменением условий ведения бизнеса, увеличивающейся регламентацией деятельности и создания правовых рамок для бизнеса, возрастает роль государственных структур. С одной стороны, провозглашается всесторонняя поддержка малого и среднего бизнеса государством, а с другой – усиление налогового бремени, бюрократизация и формализация взаимоотношений между бизнесом и чиновникам не способствуют нормализации их отношений. Предприниматели по-прежнему с настороженностью смотрят на инициативы государственной власти, предпочитая надеяться на собственные силы. Установившиеся за 1990-е гг. связи бизнеса и власти, открывшиеся возможности договориться на выгодных условиях, будут еще долгое время препятствовать возникновению законопослушного бизнеса. В регионах данный процесс в большей степени виден и закономерен. В Республике Бурятия с наличием сильных кровнородственных связей и ограниченным рынком сбыта, формирование современного бизнеса напрямую связано с существующей властью.

В 2012 г. на реализацию мероприятий программы государственной поддержки, развития малого и среднего предпринимательства направлено 639,6 млн р., в т.ч. 192,6 млн р. выделено из республиканского бюджета; 424,5 млн р. – из федерального и 22,5 млн р. – из средств местных бюджетов. В 2013 г. программой государственной поддержки, развития малого и среднего предпринимательства планируется привлечь 214,4 млн р. из республиканского бюджета и

691,3 млн р. – из федерального бюджета. В этом году господдержку получили 750 субъектов малого и среднего предпринимательства. Особый акцент в 2012 г. был сделан на государственную поддержку развития малого и среднего бизнеса в научно-технической сфере и инновациях, который реализует предпринимательские проекты путем внедрения инновационных разработок и технологий. Принят республиканский закон о технопарках [1].

Развитие Республики Бурятия строится на основе долгосрочного стратегического планирования. В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. N 2094-р, принята «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.». В связи с утверждением Стратегии, важнейшим инструментом ее реализации является федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года», с продлением ее срока действия до 2018 г.

Разработчики программы основной целью в Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона видели реализацию геополитической задачи – сохранение численности населения на Дальнем Востоке и в Байкальском регионе за счет формирования развитой экономики и инфраструктуры для создания комфортных условий обитания человека в данных регионах Российской Федерации, расположенных на этой территории. Предусматривается программой и выравнивание регионов к средним российским показателям социально-экономического развития [2].

Для достижения данной цели было необходимо обеспечить сравнительный анализ со средними российскими показателями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, расположенных, в том числе и на территории Республика Бурятия.

Первоочередными задачами в данной программе являются:

- создание условий для развития перспективной экономической специализации Дальнего Востока, Забайкалья и Республики Бурятия на основе природно-ресурсного, индустриального, кадрового и научного потенциала в рамках федеральных стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации;

- формирование благоприятных условий для комфортного обитания населения в зависимости от экономического развития региона;

- снижение экономических и административных барьеров для экономической и социальной интеграции на территории Республика Бурятия с остальными регионами России и повышение конкурентоспособности продукции, товаров и услуг в соответствии с экономической специализацией региона;

- сохранение численности экономически активного населения и трудовых ресурсов в количестве, необходимом для решения экономических задач, стоящих перед республикой, с повышением качества уровня жизни;

- сохранение и поддержка традиционных форм жизни коренных и малочисленных народов Российской Федерации [2].

В республике в соответствии с принятым распоряжением Правительства РФ разработана своя Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия до 2025 г., постановление Правительства Республики Бурятия от 15.12.2007 г. за № 410. В 2011 г. приняты среднесрочная Программа социально-экономического развития на 2011-2015 гг., утвержденная Законом РБ от 14.03.2011 № 1907-IV, и долгосрочная Программа социально-экономического развития на период до 2020 г., утвержденная Законом РБ от 14.03.2011 № 1903-IV, в которых определены приоритетные направления социально-экономического развития:

1. Развитие предпринимательства в сфере туризма.

2. Развитие предпринимательства в сфере ЖКХ.

3. Развитие предпринимательства в сфере глубокой переработки продукции лесопользования.

4. Развитие добывающей промышленности,

добыча полезных ископаемых и минералов.

5. Развитие производства местных строительных материалов.

6. Развитие предпринимательства в АПК [3].

В то же время, несмотря на принятые программы государственной поддержки малого и среднего бизнеса с целью его расширения, даже выделенные средства не могут компенсировать объективные трудности как экономического, так и психологического плана. Расширение малого и среднего бизнеса за счет поддержки безработных для решения проблемы занятости не дает положительного эффекта. Вовлечение населения по региональным программам в сферу предпринимательства не способствует качественным изменениям на рынке труда, т.к. по сравнению с предыдущим десятилетием произошло насыщение рынка услугами и товарами. Существенно уменьшились возможности занятия отдельными видами бизнеса, происходит выдавливание мелкого и среднего бизнеса Бурятии крупными игроками российских и международных компаний. А принимаемые федеральные законы и решения зачастую сводят многие региональные проекты к нулю. Увеличение выплат в Пенсионный фонд в два раза с 17 000 р. до 32 000 р. для индивидуальных предпринимателей привело к их массовой ликвидации. По данным только Федеральной налоговой службы по Бурятии, с 1 декабря 2012 г. по 20 февраля 2013 г. прекратили свое существование 4 433 индивидуальных предпринимателей. И это уже вызывает озабоченность и у самих властей, которые начинают предлагать пути выхода из данной ситуации, т.к., с одной стороны, заявляют о поддержке бизнеса, о предоставлении различных преференсов, а с другой – попытки закрыть социально принятые проекты за счет тех же предпринимателей.

На современном этапе бурятские компании разделили республиканский рынок на отдельные сегменты, где происходит жесточайшая конкуренция, и слабые, мелкие игроки уходят с него. В Республике Бурятия и особенно в ее столице Улан-Удэ сосредоточена основная доля малого и среднего бизнеса, в основном направленная на развитие торговли и оказание бытовых услуг, а не на развитие производства. На 1 января 2013 г. в Улан-Удэ осуществляют деятельность 3 777 предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Происходит рост развлекательных центров широкого формата, к уже имеющимся торгово-развлекательным комплексам «Пиплс парк» и «Еврозона» присоединились «Пионер» и «Капитал Молл», которые составили существенную конкуренцию дейст-

вующим кинотеатрам. Продолжается строительство и введение в эксплуатацию торговых комплексов, которые не могут похвастаться высокой эффективностью, т.к. высокие арендные условия не способствуют привлечению предпринимателей, примером может служить открывшийся центр «Гэлакси».

В целом, рассматривая динамику развития республиканского бизнеса, мы можем наблюдать качественные изменения в структуре и целевой направленности бурятских компаний. С одной стороны, поступательное движение вперед сформировавшихся в начале 1990-х гг. компаний, сумевших закрепиться в непростое время перемен и нашедших новые возможности для развития, такие как компании «Титан», «Дарханинвестстрой», «Байкалфарм», «БИН», «Икат-плюс», «Оптика-Сэсэг» и многих других. С другой стороны, пришедшие в 2000-х гг. компании, стремительно развивающиеся и охватывающие новые сферы рынка – «Вегос-М», «Стамстрой», «Белая юрта», столовые «Аппетит», «Нова Принт» и другие составили серьезную конкуренцию на рынке торговли и услуг. На современном этапе рынок уже поделен и приход новых компаний возможен лишь при разорении основных конкурентов и то при условии больших финансовых вливаний, например, крупных российских компаний. Малому бизнесу в данных условиях при недостатке опыта, финансов и многого другого необходим поиск новых идей, т.е. формирование инновационного предпринимательства. На данном этапе многие компании ищут новые подходы для дальнейшего освоения рынка, а с учетом ограниченности республиканского рынка сбыта – выход в сопредельные регионы и страны. Монголия – вполне динамично развивающийся рынок, но российские и бурятские компании за последнее время растеряли свое преимущество перед другими зарубежными производителями из Китая, Европы и США. Не хватает именно новых идей, продуманной маркетинговой стратегии и отсутствуют знания национальных традиций и обычаев сопредельной страны.

Не менее важной задачей предприниматель-

ства является расширение реального производства, выпуск качественной и востребованной местной продукции. Среди местных товаропроизводителей выделяются следующие – ОАО «Бурятмясопром» (официальный поставщик Минобороны РФ), ООО «Байкальская мясоперерабатывающая компания» БМПК (колбасные изделия, полуфабрикаты), АО «Бурятхлебпром» (хлебобулочные, кондитерские изделия, пиво), ОАО «Байкалфарм» (водка, ликеры, бальзамы, чай-таны), ЗАО «Кондитерская фабрика «Амта», ОАО «Аквабур» (безалкогольные напитки), Пивоваренная компания «Сибирь», ОАО «Молоко», ООО «Верхнеудинское пиво», ИП Козлова (пиво «Даринское»), ИП Кунгурова (растительные и сливочное масла, майонез), ООО «Эко-Фуд» (мясные полуфабрикаты), мясоперерабатывающая фабрика «Селенга» и рыбзавод «Байкал» компании «Титан», СП «Байкальская лесная компания» и другие. Главная проблема многих производств – это недостаточность финансовых ресурсов, местного сырья и серьезная конкуренция с мировыми и российскими товаропроизводителями. Высокие цены на энергоносители серьезно отражаются на конечной цене местного продукта. Так, в Иркутской области выпускаемая продукция значительно дешевле, даже с учетом транспортных издержек, чем у местных производителей. В итоге многие сельскохозяйственные продукты выгоднее перерабатывать в Иркутской области и привозить для продажи в Бурятию.

Таким образом, рассматривая современное состояние бизнеса и перспективы развития Республики Бурятия, можно сделать вывод о тесной взаимосвязи предпринимательства с социально-экономическими процессами, протекающими в республике. Предприниматели на современном этапе становятся локомотивом дальнейшего развития, но при этом необходима эффективная, выверенная политика местных и федеральных властей. Поддержка на государственном уровне предпринимательских инициатив позволит сделать необходимые шаги в сторону дальнейшего развития в Республике Бурятия.

Литература

1. Правительство введет новые меры поддержки малого и среднего бизнеса // Новая Бурятия. – 2013. – 9 янв.
2. О стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. N 2094-р // Собрание законодательства РФ. – 2010. № 4. 25.01. ст. 421.
3. О стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия до 2025 года. Постановление Правительства РБ от 15.12.2007 г. №410. <http://egov-buryatia.ru/minpromtorg>

Гельман Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, доцент кафедры «Культурология и социокультурная антропология» Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. E-mail: wigdan@mail.ru Тел.: 8(9021)603746.

Gelman Vyacheslav Aleksandrovich, doctor of historical sciences, associate professor, department of cultural science and sociocultural anthropology, East Siberian State University of Technologies and Management. E-mail: wigdan@mail.ru Тел.: 8(9021)603746.

УДК 93/99

© *В.В. Доржиева*

Культурно-просветительская работа среди женщин коренных народов Северо-Востока России (1920-1941 гг.)

В статье рассмотрены вопросы организации системы просвещения на Северо-Востоке России. Изучена проблема неграмотности и малограмотности среди женщин коренных малочисленных народов региона в довоенный период.

Ключевые слова: Северо-Восток, неграмотность, образование, кочевые народы, культурные базы, красные яранги, школы-интернаты, женщины.

V. V. Dorzheeva

Cultural and educational work among women of indigeneous peoples in North-East of Russia (1920-1941)

In the article the issues of arrangement of educational system in the North-East of Russia have been considered. The problem of illiteracy and semiliteracy among women of indigeneous scanty peoples of the region during pre-war period has been studied.

Keywords: the North-East, illiteracy, education, nomadic nations, cultural background, red yarangas, boarding schools, women.

В первое послереволюционное десятилетие советское правительство, проводя политику женской эмансипации, обращало серьезное внимание на проблему женской неграмотности и малограмотности. Проходили съезды по ликвидации неграмотности, принимались постановления партии об усилении работы по советскому и коммунистическому просвещению работниц и крестьянок [1]. Был взят курс на привлечение женщин в педагогические учебные заведения.

Эти процессы практически не затронули Северо-Восток советской республики, территория которого охватывает территорию Камчатки, Чукотки, Магаданской области, северо-восточной части Якутии.

По данным переписи 1926-1927 гг., грамотными среди коренного населения региона были: у оседлых чукчей- 4% мужчин и 0,6 % женщин; у кочевников-чукчей – 0,3 % мужчин и 0% женщин. У оседлых эскимосов знали грамоту – 17% мужчин и 2% женщин, у кочевых – 0,3% мужчин и 0% женщин. У кочевых чуванцев и юкагиров все женщины были поголовно неграмотны [2]. Аборигены Охотского побережья также были практически неграмотными. По сведениям 1925 г., среди кочующих тунгусов Ямского района (Охотское побережье) неграмотными были все женщины все мужчины в возрасте от 8 до 17 и старше лет [3].

Вектор государственной политики – ликвидация неграмотности среди взрослого населения – отразился в решениях IX съезда Советов РСФСР (1924 г.) и в декрете ВЦИК от 10. 03. 1924 «О ликвидации неграмотности среди взрослого населения». На местах власти пытались организовать систему образования, однако на Северо-Востоке страны дело двигалось крайне медленно. В отчете Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1925-1926 гг. приводятся данные: в Камчатском округе действовало 14 школ, в которых насчитывалось 18 учителей и 430 учеников, в Николаевском округе – 4 школы, 4 учителя и 100 учеников [4]. Школы в крае посещали в этот период 206 коряков, 71 чукча, 50 эскимосов, 40 тунгусов, 34 якута, 12 ламутов [5]. При этом 23 учителя из 25 не владели туземными языками, преподавание велось на русском языке.

Образование женщин являлось важным фактором в формировании кадрового резерва в социалистическом строительстве. В Постановлении ЦК ВКП(б) «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок» (1929 г.) рекомендовалось при разработке вопросов труда, культуры и быта выдвигать женский актив на руководящую работу, организовывать в республиках в более широких масштабах женские ликпункты (пункты ликвидации неграмот-

ности), женские школы [6].

На Северо-Востоке в силу специфики территории и образа жизни коренного населения осуществлялись поиски форм и методов народного образования и просвещения. Особой организационной формой стали комплексные учреждения – культурные базы (культбазы). Культбазы должны были содействовать культурному подъему, развитию самодеятельности, формированию основ национального самоопределения туземных народов [7]. Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. на территории Северо-Востока были открыты пять культбаз. Помимо культбаз, развивалась школьная сеть и особый вид школ – кочевые школы для обучения кочующего населения.

Особой формой культурно-просветительской работы в среде кочевого населения являлась деятельность красных яранг. Красные яранги создавались при культбазах по подобию красных юрт, хорошо зарекомендовавших себя форм работы в других национальных районах страны (особенно в Казахстане). Красные яранги вели политико-массовую, культурно-воспитательную, просветительскую и оздоровительную работу среди кочевых народов в удаленных поселениях. В 1929 г. советским правительством было утверждено Положение о красной яранге как наиболее удобном культурно-просветительском учреждении для местных условий. Первая красная яранга на Дальнем Востоке была создана в 1929 г. [9]. На III съезде Советов Чукотского района (1932) был поставлен вопрос о приближении работы культбазы к туземному населению, главным образом к кочевникам. С этой целью в марте 1933 г. было разработано типовое положение о красной яранге – передвижном политико-просветительском учреждении [10]. Формой работы среди женщин должны были стать передвижные женские красные чумы [11]. Однако в фондах ГАМО и РГИА ДВ мы не нашли сведений о массовой практике подобных организаций. Вероятно, создание и деятельность передвижных женских красных чумов (яранг) предполагалось и планировалось, однако их организация так и не была осуществлена в силу различных причин, прежде всего финансовых и кадровых. Также сказывался дисперсный характер проживания населения и сложности с передвижением по территории.

Государство проблему женской неграмотности решало в рамках кампаний, приуроченных к знаменательным датам и государственным праздникам. Характерным примером может служить циркуляр Дальневосточного отдела на-

родного образования (г. Хабаровск) «О задачах по народному образованию в связи с проведением дня 8 Марта» (1925). В циркуляре отмечалось, что причиной тяжелого положения женщины «как в моральном, так и в материальном положении является народная темнота» и в связи с этим первоочередной задачей должна быть агитация и практические мероприятия по вовлечению женщины в работу по ликвидации неграмотности. Местным органам власти предлагалось вовлекать женщин в работу изб-читален, в кружковую работу, устраивать в избах-читальнях «трудовые вечера», на которые «собираются крестьянки с домашней работой (пряжей, шитьем), здесь же читаются газеты, ведутся о прочитанном беседы» [12]. В работе по ликвидации женской неграмотности должны были участвовать библиотеки, организуя справочную работу по информированию о «правовом и экономическом положении женщины, по охране материнства и младенчества, гигиене и физиологии женщины и ребенка» [13]. Очевидно, что подобные методические рекомендации мало подходили для реализации на Северо – Востоке, где публичных библиотек не было в данный период, а избы-читальни только начинали свою деятельность.

Основную нагрузку по обучению взрослого населения несли пункты ликвидации неграмотности (ликпункты). В 1925/26 учеб. г. на ликпунктах при школах Камчатки обучались 42 коряка, при школе в Уэлене – 10 чукчей, при Науканской и Уныинской школах – 36 эскимосов. Всего представителей коренных народов обучалось 88 человек. Как отмечал Камчатский окружной ревком в Справке о ликвидации неграмотности среди народов Севера, «женщины на ликпункты почти не привлечены» [14]. В докладе на съезде ликпунктов Ольской волости Охотского уезда Камчатской губернии в 1924 г. был очерчен круг проблем, с которыми столкнулась власть при ликвидации неграмотности населения. Среди прочего указывалось, что местное оседлое население не осознало значения и необходимости грамотности и относится к обучению «как к отбыванию очередной повинности, ...ликпункты посещают весьма неохотно. ...Процент неграмотности среди женщин доходит до 50» [15].

Ликвидация неграмотности среди взрослых женщин шла с большим трудом. Первоначально ставились простые задачи – заинтересовать женщин и объяснить им значимость обучения и просвещения. В решениях Гижигинского сельсовета (Охотское побережье) в 1930 г. предлага-

лось принимать меры по вовлечению «бедноты и женщин» в работу кружков избы-читальни [16]. Вопросы посещаемости курсов ликбеза женщинами даже ставили в повестку дня общих собраний женщин селений. Особой активности женщины не проявляли. Основной причиной не посещения занятий, на которую ссылались женщины – «не с кем оставить детей» [17].

Аяно-Майской красной юртой (Якутия) в 1931/32 гг. на стойбищах проводились занятия по ликвидации неграмотности, которые посещали: эвенки – 35 мужчин, 16 женщин, якуты – 7 мужчин, 3 женщины. Занятия по ликвидации неграмотности проводились на русском языке, сопровождалась докладами о конституции, о национальном районировании, колхозном строительстве, международном дне работницы, революционном движении в капиталистических странах. Посещение женщинами занятий в этой красной юрте объяснялось тем, что при ней были открыты детские ясли [18]. В 1933 г., констатируя «отсутствие какой бы то ни было работы с женщинами-туземками», Чукотский окружком ВКП(б) постановил «вменить в обязанность учителям проведение работы по ликвидации неграмотности среди женщин» [19].

Большой проблемой для органов власти было нежелание коренного населения обучать своих детей, особенно девочек, в школе. Одна их главных причин слабого стремления к знаниям – крайняя бедность населения. Бедность была причиной и того, что кочевое население было не в состоянии оплачивать жилье и питание своих детей, оставленных учиться в стационарной школе и жить в поселениях.

Для обучения детей кочевников была избрана форма школы-интерната с бесплатным обучением, проживанием и питанием детей. Несмотря на все минусы, проявившиеся позднее (оторванность от семьи и связанная с этим утрата национальных традиций, навыков и проч.), школы-интернаты стали единственной формой, в которой было возможно обучение детей из семей кочевого населения в данный период. Однако и из интернатов родители часто забирали детей, поскольку с 10-12 лет дети в традиционной якутской семье выполняли хозяйственные функции, включались в хозяйственную деятельность, были помощниками родителям. В первой половине 1929 г. в Ольском интернате обучались всего 8 детей – 5 девочек и 3 мальчика [20]. Родители не видели в обучении детей жизненной и практической необходимости: «Учитель не нужен, школа тоже: грамота нам ни к чему. У нас одна школа: мальчика сделать хорошим

оленоводом, девочку – хозяйкой яранги» [21]. Девочек особенно неохотно отдавали учиться в школу – они были главными помощницами своим матерям в ведении домашнего хозяйства и уходе за младшими детьми.

В 1931 г. в Ольской школе обучалось 69 человек, из которых только 28 девочек разных возрастов. По национальности учащиеся в основном были русскими и камчадалами, тунгусов (эвенгов) – только 1 ребенок [22].

Усилия властных органов по развитию школьной сети на Охотском побережье и в районах Колымы были явно недостаточными, что было отмечено в «Постановлении по реализации Закона о всеобщем на Колыме» накануне 1931/32 учебного года. В Постановлении было указано, что «в некоторых районах почти полностью отсутствуют в школах первой ступени дети из основной массы кочующего тунгусского населения» [23]. В 1931 г. в Ольско-Сеймчанском районе все дети кочевых тунгусов (эвенгов) – и мальчики, и девочки не обучались в школе, а у оседлых тунгусов в школу ходили только 19 детей – 1,19% [24]. В Пенжинском районе в 1932 г. обучались в школе 140 детей, из которых было всего 40 коряков [25].

Для привлечения коренного населения к школьному образованию, подъема авторитета школы были жизненно необходимы педагогические кадры из представителей коренного населения – знающие родной язык, традиции, культуру, менталитет местных жителей.

Летом 1926 г. в Ленинградский рабфак при Институте живых восточных языков были направлены на учебу 1 чукча, 1 юкагир, 3 камчадала, а на туземное отделение при Хабаровском педагогическом техникуме поступили 1 самагир, 1 эскимос, 1 алеут, 9 камчадалов [26]. Иногда студентов приходилось уговаривать продолжить обучение. Уже в 1928 г. на туземном отделении Хабаровского педтехникума и Северного факультета Ленинградского института живых восточных языков обучалось уже около 200 дальневосточных туземцев [27]. В 1931 г. в Институте народов Севера в Ленинграде обучались 195 мужчин и 58 женщин – представители всех народов Севера [28]. Была заложена основа формирования кадров национальной интеллигенции народностей Севера, давшей впоследствии толчок развитию национальной культуры, языка в новых исторических условиях.

В декабре 1930 г. были сформированы национальные округа. В 1931 г. был создан государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районах Верхней Ко-

лымы «Дальстрой». С конца 1932 – начала 1933 г. социальная сфера – народное образование, здравоохранение и культурно-просветительные учреждения – начинают работать в системе Дальстроя [29].

Новой формой работы среди коренных народов становятся т. н. «наццентры» – национальные центры, организуемые в местах наибольшего тяготения отдельных групп кочевого населения. Организация национальных центров в колымских районах началась в 1932 г. В национальных центрах строились школы и фельдшерские пункты, общественные бани. Основной проблемой в первые годы существования национальных центров была нехватка квалифицированных кадров врачей, учителей, незнание персоналом языка коренных народов, недостаток национальных профессиональных кадров [30].

Тем не менее предпринятые усилия давали свои результаты. Постепенно ситуация с женским образованием и просвещением начала улучшаться. Увеличивался объем государственного финансирования народного образования малых народов Дальнего Востока. В 1932 г. на эти цели было выделено около 6 млн р. [31]. В Охотско-Эвенском национальном округе сеть школ возросла с 16 (1931) до 27 единиц в 1932 г. Было положено начало эвенской письменности и созданию букваря на эвенском языке, в национальных школах округа начало внедряться частичное преподавание на родном языке. Школы округа в 1932 г. были полностью укомплектованы преподавательским составом [32]. В 1932/33 учебном году планировалось снабдить все школы округа букварями на ороченском языке, форсировать выпуск букваря на эвенском языке [33].

XVII съезд ВКП(б), проходивший в 1934 г., отметил успехи в деле повышения культурного уровня женщин. На съезде было подчеркнуто, что десятки миллионов рабочих, работниц, крестьян и крестьянок ликвидировали свою неграмотность. В качестве дальнейших задач было предложено поднять уровень культуры женского населения сел до культурного уровня горожанок, а также культурный уровень жительниц Крайнего Севера, Средней Азии, Казахстана [34]. Н.К. Крупская в предисловии к сборнику «Заветы Ленина о раскрепощении женщин» писала: «...Нужно развернуть громадную работу по вооружению трудящихся женщин знаниями, по вовлечению ее в общественную и политическую работу, по культурно-массовому обслуживанию широчайших слоев работниц, колхозниц,

особенно нацменок...» [35].

Развивая культурное строительство, советское государство к середине 1930-х гг. добилось определенных успехов. Впервые в своей истории малые народы получили свою письменность, была развернута подготовка национальных кадров в вузах и училищах Ленинграда, Хабаровска, Петропавловска. Возрастали культурные запросы населения. Изменился диапазон и формы работ культурных учреждений, стали массово проводиться политико-просветительная работа с национальным населением, читки художественной литературы, литературные вечера [36].

Тем не менее разбросанность населения по огромным территориям, кочевой образ жизни, слабая разъяснительная работа, крайне недостаточное количество подготовленных кадров сказывались на темпах ликвидации неграмотности на Северо-Востоке. В 1936 г. Чукотский окружком ВКП (б) отмечал: «Дело ликвидации неграмотности и малограмотности в округе находится под угрозой срыва. В навигацию 1936 г. учебники на чукотском языке для ликбезов не завезены. В 1936 г. штатных ликвидаторов – 18 чел., требуется дополнительно 130 ликвидаторов» [37]. Продолжала ощущаться нехватка педагогических кадров, не удавалось охватить всеобщим все кочевое население. На Чукотке в 1940 г. количество неграмотных составляло 33% населения [38].

Выстраивая систему образования и определяя направления культурно-просветительской работы, государство обращало внимание не только на детей и подростков, но и на женское население. В декабре 1933 г. Чукотским окружным комитетом ВКП(б) было принято решение о работе с женщинами коренных национальностей в стойбищах и кочевьях [39]. Агитация была необходима, поскольку в общественном сознании многие преобразования до сих пор не находили должного отклика. Работник красной яранги в 1941 г. отмечал, что в беседе на тему «Какие права предоставляет Сталинская конституция всем гражданам СССР?», чукчи одобрительно отзывались о праве на труд, отдых, социальном обеспечении нетрудоспособных граждан. Слушатели соглашались с провозглашенными принципами равноправия граждан, свободы совести. Однако неодобрение вызвало провозглашенное равноправие женщин, а так же право на образование [40]. В 1941 г. на Чукотке было вновь организовано 12 красных яранг. Однако с началом Великой Отечественной войны красным ярангам были присвоены новые функции –

сбор военного налога, государственные поставки. Осуществление этих функций привело к тому, что кочевое население стало неохотно обращаться в красные яранги.

Таким образом, в довоенный период ликвидация женской неграмотности и малограмотности в районах Колымы и Чукотки сталкивалась с проблемами организационного характера. Не удалось полностью преодолеть массовую неграмотность взрослого женского населения, охва-

тить школьным обучением всех детей, создать разветвленную школьную сеть. Эти вопросы постепенно разрешались в послевоенный период. В изучаемый период была заложена организационная и кадровая база дальнейших преобразований в этой сфере. Был получен опыт и определены формы и методы работы с женским населением, достигнуты первые положительные результаты в культурно-просветительской работе среди женщин коренных народов региона.

Литература

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 3. – С. 152.
2. Нефедова С.П. Культурное строительство на Чукотке (1917-1958 гг.) // Из истории промышленного и культурного строительства Чукотки / отв. ред. А.И. Крушанов, В.А. Ежов / АН СССР, ДВ центр // Труды СВКНИИ. – Магадан, 1971. – С.94.
3. Государственный архив Магаданской области (ГАМО). Ф. Р- 39. Оп. 1. Д. 38. Л. 49.
4. Отчет Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1925-26 г. / под ред. М. П. Копытина, П. Е. Терлецкого. – Хабаровск, 1927. – С. 411.
5. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р- 2411. Оп. 1. Д. 74. Л. 6. Доклад «Национальный вопрос в Дальневосточном крае. О работе среди туземцев». 1925-26 гг.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 4. – С. 271, 272, 275, 277, 279.
7. Цит. по: Чикин С.Я., Чекнев Б.М. Охрана здоровья народностей Севера. 2-е изд. – М.: Медицина, 1978. – С. 58.
8. Нефедова С.П. Кочевые школы Чукотки (1931-1950 годы) // История и культура народов Севера Дальнего Востока: сб. ст. / отв. ред. А.И. Крушанов. – М.: Наука, 1967. – С. 137-142.
9. Дубинина Н.И. Дальневосточницы в борьбе и труде. Исторический очерк. 1917-1941. – Хабаровск: Хабаров. кн. изд-во, 1982. – С. 143.
10. Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока: сб. ст. / АН СССР, ДВНЦ, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Мин-во культуры РСФСР, Дальневост. пед. ин-т искусств [редкол.: Н.К. Старкова (отв. ред.) и др.]. – Владивосток: Изд-во ДВНЦ АН СССР, 1983. – С. 136.
11. Там же. – С. 137.
12. РГИА ДВ. Ф. Р- 2422. Оп. 1. Д. 538. Л. 3.
13. РГИА ДВ. Ф. Р- 2422. Оп. 1. Д. 538. Л. 3 об.
14. Летопись жизни и творчества народов Северо-Востока РСФСР. 1917-1985: сб. / сост. Л.И. Сачкова, И.А. Яровикова. – Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во. Камчатское отделение, 1986. – С. 61.
15. ГАМО. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 38. Л. 69.
16. ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 17. Л. 6.
17. ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 44. Л. 15 об., 16.
18. РГИА ДВ. Ф. Р-2411. Оп. 1. Д. 46. Л. 114 об., 115.
19. Центр хранения современной документации Магаданской области (ЦХСДМО). Ф. 22. Оп. 1. Д. 3. Л. 155, 155 об.
20. ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 36. Л. 291.
21. Вдовин. И.С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л.: Наука, 1965. – С. 324.
22. ГАМО Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 248. Л. 16.
23. ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 170. Л. 56.
24. ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 236. Л. 22.
25. ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 42. Л. 13.
26. Отчет Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1925/26 год / под ред. М.П. Копытина, П.Е. Терлецкого. – Хабаровск, 1927. – С. 13.
27. Отчет Дальневосточного крайисполкома за 1927-1928 гг. Издательство Президиума Далькрайисполкома. 1928 г. – Хабаровск, 1928. – С. 45.
28. Балицкий В. Г. Мероприятия партии по формированию национальной интеллигенции на Крайнем Северо-Востоке СССР // История и культура народов Севера Дальнего Востока: сб. ст. / отв. ред. А.И. Крушанов. – М.: Наука, 1967. – С. 133.
29. Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, колымский Гулаг: сб. ст. / РАН, Дальневост. отделение, СВКНИИ / сост. В.Ф. Лесняков. – Магадан: СВКНИИ, 1996. – С. 29.
30. Колымская правда. 1934. 6 июля.
31. Дубинина Н. И. Указ. соч. – С. 157.
32. ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 242. Л. 39. Отчет за 1932 г. 1 окружного съезда Советов Охотско-Эвенского национального округа.
33. ГАМО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 242. Л. 67. Из решения 1 окружного съезда Советов Охотско-Эвенского национального округа. 1932 г.
34. Материалы XVII съезда ВКП (б)/Исторические источники [Эл. ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrono.info>.
35. Цит. по: Шакулова В.С. Культурная революция и женский вопрос // Опыт КПСС в решении женского вопроса. – М.: Мысль, 1981. – С. 77-102 [Эл. ресурс] // Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women>.
36. ЦХСДМО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 22. Л. 163. Резолюция бюро Чукотского окружного ВКП (б) о работе Анадырского клуба.

37. ЦХСД МО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 22. Л. 158. Резолюция бюро Чукотского окружкома ВКП (б) «О ходе ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения округа».

38. Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Н.Н. Диков. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 233.

39. История и культура чукчей: историко-этнографические очерки. – Л., 1987. – С. 221.

40. ЦХСД МО. Ф. 22. Оп. 1. Д. 241. Л. 7. Отчет о работе Амгуэмской красной яранги. 1941 г.

Доржиева Виктория Владимировна, кандидат ист. наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права Северо-Восточного государственного университета. E-mail dorvic68@mail.ru

Dorzheeva Victoria Vladimirovna, candidate of historical sciences, associate professor, head of the department of theory and history of state and law, North-Eastern State University. E-mail dorvic68@mail.ru

УДК 332:94 (571.54)

© *Т.В. Будаева*

Осуществление земельной реформы в конце 1920–1930-х гг. в Бурятии

В данной работе рассматриваются земельные отношения в республике, разные формы коллективных объединений, цели и задачи земельной реформы, оседание кочевых и полукочевых хозяйств Бурятии, вопросы переселения и землеустройства.

Ключевые слова: земля, коллективные хозяйства, землеустройство, оседлость, сельское население, кочевое и полукочевое хозяйство, переселение, кулачество.

T. V. Budaeva

The effectuation of the land reform in Buryatia in the end of 1920-1930s

Land relations in the republic and different forms of collective associations are discussed in the article. The aims and objectives of the land reform, sedentarization of nomadic and seminomadic population of Buryatia, as well as issues of resettlement and land planning are also in the focus of the study.

Keywords: land, collective farms, land management, sedentism, rural population, nomadic and seminomadic economy, resettlement, kulaks.

Земельные отношения в Бурятии в 1920-е гг. по-прежнему оставались дореволюционными, несмотря на появившиеся еще в начале 1920-х гг., первые коллективные объединения. В республике были разные формы коллективных объединений. Самой популярной формой были коммуны. Обобществлению в них подвергалось почти все, исключение составляли лишь предметы личного потребления. Каждый, кто трудился в коммуне, получал по своим потребностям и нуждам, если оставались излишки продуктов, то они считались общественными, наемный труд исключался. В итоге такое распределение не стимулировало высокой производительности труда. Коммуны могли вести разного типа хозяйства, как зерновое, так и животноводческое, преимущественно туда входили батраки и бедняки. Оплата зависела от возраста и пола, например, мужчина трудоспособного возраста получал от 75 к. до 1 р. в месяц, взрослая женщина от 40 до 80 к., подросток от 25 до 50 к., у них также учитывался пол: юношам оплата была больше, чем девушкам, дети (ученики) получали оплату от 4 до 7 р. в месяц [3].

Характерной формой хозяйствования для республики были также товарищества по совместной обработке земли или общественной за-

пашке (ТОЗы). Члены ТОЗов работали на земельных участках, обобществлению в них подлежали только землепользование и труд при обработке земли, а средства производства оставались в личной собственности крестьянского двора, все хозяйство велось отдельно. Распределение доходов было по количеству затраченного труда каждым членом, а также учитывались орудия труда, представленные в товарищество для коллективного использования, распределение могло быть и по едокам. Товарищества по совместной обработке земли находились в основном в сельскохозяйственных районах, где занимались скотоводством, – это были товарищества по общественному улучшению скота (ТОУСы).

В сельскохозяйственной артели обобществлялись земля, сельскохозяйственные машины, если они имелись, семенные запасы, рабочий скот и хозяйственные постройки. Обобществлению не подлежали приусадебная земля, дом и хозяйственные постройки, мелкий скот и птица, инвентарь для работ на приусадебном участке. Примерный Устав сельскохозяйственной артели, опубликованный 2 марта 1930 г., закреплял принцип добровольности, уточнял правила обобществления и ведения коллективного хозяйства, условия сохранения личного подсобно-

го хозяйства членов артели и т.п. [9]

По числу коллективных хозяйств в Бурятии на первом месте был Верхнеудинский уезд, где насчитывалось 2 сельскохозяйственные коммуны, 20 трудовых сельхозартелей и 4 товарищества по совместной обработке земли. На втором месте стоял Аларский аймак, здесь было 9 сельскохозяйственных артелей, одно товарищество по совместной обработке земли. На третьем месте – Агинский аймак, три сельскохозяйственные артели. В целом по республике имелось 20 коммун, 37 артелей, 8 товариществ по совместной обработке земли [13].

В 1928–1929 гг. работы по сплошному землеустройству национальных районов страны начали проводиться в больших масштабах. В национальных республиках, таких как Бурятия, реформирование в области земельных отношений существенно отставало от центральных регионов страны, поскольку здесь имелись свои специфические черты, особенности, и это затрудняло проведение земельной реформы. Сплошное землеустройство должно было создать предпосылки для последующего перехода к коллективным формам ведения хозяйства.

Принятый первый пятилетний план носил название земельной реформы. Он включал в себя комплекс мероприятий по землеустройству в республике, а также существенно менял быт, хозяйство и образ жизни местного населения.

В начале 1930-х гг. сельскохозяйственная территория Бурятии составляла около 8 млн га, и всю ее необходимо было землеустроить. Все землеустроительные мероприятия должны были завершиться в течение пяти лет. Основными задачами земельной реформы в республике были: ликвидация дореволюционных земельных отношений как между отдельными группами населения различными по хозяйственному укладу, так и внутри земельных обществ; реорганизация территории с выделением максимального количества земель для совхозного строительства; создание предпосылок для реконструкции сельского хозяйства на более совершенной технической и социальной базе; оседание кочевого и полукочевого населения на базе обобществленного труда и средств производства; переселение населения внутри республики для сельскохозяйственного освоения территории [15].

Наряду с землеустройством самой территории целью земельной реформы было создать такие условия, которые обеспечивали бы переход кочевого и полукочевого хозяйства на оседлость. В условиях пастбищно-скотоводческого хозяйства кочевой и полукочевой быт обуслов-

ливался естественными (природными) факторами. Скотоводческое хозяйство часто страдало от засухи, особенно в степных районах, недостатка кормов и воды. Для решения этой задачи необходимо было изучить естественные условия районов кочевания, ареалы кочевого хозяйства, возможной мелиорации земель, изучение животноводческих районов и образа жизни бурятского населения (жилище, быт) [12]. Помимо перечисленных задач необходимо было выявить земли свободного государственного земельного фонда, отграничить земли государственного земельного имущества (ГЗИ).

При землеустройстве учитывался отвод земель для образования колонизационных и переселенческих фондов. Для этого в хозяйственный оборот вовлекались пустующие земли в необжитых и малообжитых районах. В перенаселенных районах, где имелось малоземелье, путем выселения из них избыточного населения на переселенческий фонд создавались более благоприятные условия для ведения хозяйства. Изначально планировалось при проведении земельной реформы переселить в республику население, проживающее в центральных регионах России, а для этого было необходимо провести землеустройство территории, поскольку без перемещения населения решить задачи, стоящие перед землеустройством, было невозможно.

Первое всероссийское совещание по переселенческому делу созвано в марте 1927 г., на нем обсуждался вопрос «О сплошном землеустройстве». По итогам совещания было принято решение о необходимости внутреннего и общесоюзного переселения, которое должно было облегчить организацию сплошного землеустройства в стране [14].

Следующей важной задачей пятилетки была заготовка колонизационного фонда. Считалось, что республика заселена довольно слабо и для устранения этого явления предполагалось земельные излишки изъять в колонизационный фонд (колфонд). Предлагалось в целях заселения свободных неосвоенных пространств, в т.ч. и в северных аймаках республики, провести заготовку земель колонизационного фонда. Заготовка колфонда в «обжитой полосе» производилась в результате работ по землеустройству населения, при этом коренному населению земли должны были оставлять по особым нормам, обеспечивающим рациональное ведение сельского хозяйства и все насущные потребности.

Земельные излишки, выявленные при землеустройстве местного населения, были в Боханском аймаке – 125 532 га, в Еравнинском и Хо-

ринском аймаках – 119 229 га и 105 149 га соответственно. Земельные излишки в Эхирит-Булагатском, Аларском и Селенгинском аймаках уступали вышеперечисленным и вместе взятые составляли примерно чуть больше 170 тыс. га [1]. Излишки земли имелись и в других аймаках, так, в Аларском было отдано под совхозы около 80 тыс. га, в Эхирит-Булагатском, Хоринском, Еравнинском, Селенгинском аймаках по 62 тыс. га, 49 715, 331 081 и 90 тыс. га соответственно [2].

Постановлением ВЦИК и СНК Бурят-Монгольской АССР от 15 июня 1931 г. процесс изъятия кулацких земель резко активизировался. Например, в Мухоршибирском аймаке в 1931 г. изъято 210 887 га земли, из них: пашни – 55 тыс. га и сенокосов чуть более 50 тыс. га., прочих удобных земельных угодий – 95 594 га [7]. По Селенгинскому аймаку в 1931 г. было изъято пашенных и покосных угодий 2323, 45 га [8]. По Эхирит-Булагатскому аймаку в 1931 г. всего было передано в общий земельный фонд республики – 710,64 га. Всего в аймаке к началу 1930-х гг. насчитывалось 148 земельных обществ, изъятие земель было произведено в 62 обществах, кулацких хозяйств в аймаке было 223. К середине 1931 г. у них было изъято пашен и покосов – 1334,35 га [10]. Уже в начале 1930-х гг. изъятые земли по республике составили более 90% предусмотренных планом. Такие земли в первую очередь передавались колхозам и сельскому населению, нуждающемуся в земле и др. Например, в Селенгинском аймаке изъятые земли – около 2 тыс. га – передано коллективным хозяйствам, около 100 тыс. га – государственным предприятиям и учреждениям, более 200 тыс. га – беднейшему сельскому населению и около 37 тыс. га – малоземельным середнякам [11].

Одним из первых шагов землеустройства в республике явилось «Положение о сплошном и обязательном землеустройстве Бурят-Монгольской АССР» утвержденное постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 января 1928 г. [16]. По «Положению о сплошном и обязательном землеустройстве Бурят-Монгольской АССР» сплошное межселенное землеустройство было основной целью. Внутриселенное землеустройство допускалось только по инициативе заинтересованного в нем населения.

Внутриселенному землеустройству в конце 1920-х гг. стало уделяться гораздо больше внимания, в целом по стране предполагалось выполнить на 70% работ от всей площади, тогда как межселенное землеустройство, которому в предыдущие годы придавалось большее значе-

ние, составило всего 30%. В 1927-1928 гг. на землеустроительные работы по Советскому Союзу было отпущено 39 700 р. [6]. В конце 1920-х гг. внутриселенное землеустройство увеличилось по сравнению с 1924 г. на 21,1%, а межселенное землеустройство понизилось на такое же количество.

При проведении землеустроительных работ ВЦИК и СНК РСФСР 28 августа 1928 г. утвердил следующие земельные нормы: в западной части республики полевых угодий (на одного едока) приходилось – в скотоводческо-земледельческих хозяйствах от 8 до 10 га, в земледельческо-скотоводческих – от 5 до 8 га, в промысловых – от 3,5 до 7 га; в восточной части – в скотоводческих хозяйствах – от 14 до 25 га, в скотоводческо-земледельческих – от 9 до 14 га, в земледельческо-скотоводческих – от 5 до 9 га, а в промысловых районах была та же норма, что и в западной части [18].

Внутриселенным землеустройством предусматривалось: раздел селений на части и выдел земли частям селений; переход на широкие полосы и разбивка на севооборотные поля; содействие земельным объединениям или их отдельным членам переходу к коллективным формам землепользования, созданию наиболее благоприятных условий для поднятия производства сельского хозяйства; отвод или выдел земли колхозам; уничтожение или уменьшение дальнотемья, узко и мелкополосицы. Мелкие и узкие полосы предлагалось свести в широкие удобные для обработки и доступные для сообщения, т.е. произвести комассацию полос и образовать товарищества (ТОЗы).

Государственные ассигнования для землеустроительных работ с 1928 по 1934 г. составили: на организацию территории – 1 млн 441 тыс. р., на мелиорацию – 450 тыс. р. и на кредитную помощь населению – около 800 тыс. р. [4]. Как видно, самые крупные суммы выделялись на землеустроительную организацию территорий. Первые три года пятилетки государственные ассигнования были значительно больше, чем в четвертый и пятый годы, это было связано с начальным этапом коллективизации. Например, 1928/29 гг. – первый год пятилетки. На организацию территории, мелиорацию и кредитную помощь населению было выделено всего 551 тыс. 90 р., а в последний год пятилетки – 1932/33 гг. сумма составила 380 тыс. р. [5].

Основное внимание в плане Наркомата земледелия СССР о землеустроительных работах на 1929-1930 гг. уделялось переводу на оседлость кочевого и полукочевого населения, борьбе с

кулачеством и ноенатством, мелиорации, и самое главное – это землеустройству социалистического сектора. Переход хозяйств на оседлость проводился одновременно с созданием кооперативов и коллективных хозяйств, а также выделением под них земель; мероприятия по мелиорации заключались в реконструкции существовавших оросительных систем и сооружении новых, осушении заболоченной земельной площади, организации опытно-мелиоративных учреждений и пр. Организация животноводческих колхозов – овцеводческих, скотоводческих и коневодческих – более соответствовала природным условиям республики, благоприятствующим занятию животноводством. Районы, в которых намечалась организация таких колхозов: Еравнинский, Баунтовский, Эхирит-Булагатский, Хоринский, Селенгинский, Агинский и др.

Таким образом, земельная реформа, которая планировалась как подготовительный этап

«сплошной коллективизации», на деле проходила одновременно с последней. Короткие временные сроки не дали возможность провести подготовительную работу с населением. Для столь крупного землеустройства не было создано базы, не хватало средств, несмотря на довольно внушительные государственные вливания; население колхозов было разбросано по мелким улусам, медленно возводились жилые дома и хозяйственные постройки для оседающего населения, не хватало квалифицированных кадров для организации устройства коллективных хозяйств.

К концу 1934 г. земельная реформа в Бурятии завершилась, было решено, что она выполнила поставленные перед ней задачи. Реформа повлияла не только на земельные отношения в республике, но и на образ жизни местного населения, ее последствием были как положительные, так и негативные результаты.

Литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 248. Оп. 1. Д. 117, Л. 4.
2. Там же, Л. 42.
3. ГАРБ. Ф. р-248. Оп. 1. Д. 237. Л. 58.
4. ГАРБ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 344. Л. 21.
5. Там же.
6. ГАРБ. Ф. 248, Оп. 1. Д. 602. Л. 12.
7. ГАРБ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 602. Л. 12.
8. Там же.
9. ГАРБ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 602. Л. 15.
10. Там же. Л. 17.
11. Там же.
12. ГАРБ. Ф. 248, Оп. 1. Д. 819. Л. 13.
13. ГАРБ. Ф. 248, Оп. 1. Д. 819. Л. 172.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 16. Д. 15. Л. 26.
15. Земельная реформа в Бурятии. – Верхнеудинск, 1931. – С. 7.
16. Подсчитано по: ГАРБ. Ф. 281. Оп. 1. Д. 4а. Л. 168.
17. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР 1917-1954 гг. – М., 1954. – С. 58.

Будаева Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России БГСХА им. В.Р. Филиппова. 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8.

Budaeva Tatyana Vladimirovna, candidate of historical sciences, associate professor, department of history of Russia, V.R.Filippov Buryat State Agricultural Academy. 670034, Ulan-Ude, Pushkin str., 8.

УДК 947 (571.5)

© *Д.Ц. Будаева*

Взаимодействие землепашенного и скотоводческого населения Байкальского региона в XVII-XVIII вв.

В статье говорится об истории взаимообмена трудовыми навыками, об истоках межнациональной толерантности.

Ключевые слова: адаптация к иной социокультурной среде, заимствование трудовых навыков, традиции ведения хозяйства, буряты, русские.

Interaction of husbandry and cattle breeding population of the Baikal region in the XVII – XX centuries

The article reveals the history of the labor skills interchange that laid the foundations of ethnic tolerance.

Keywords: adaptation to different social and cultural environment, borrowing of labor skills, traditions of farming, Buryats, Russians.

В настоящее время представители многих гуманитарных наук (особенно политологи, историки и социологи) едины в том, что как современное состояние, так и перспективы развития различных процессов и явлений во многом зависят от характера истоков их формирования. Неслучайно поэтому при изучении различных аспектов современной жизни общества осуществляется реконструкция уроков прошлого путем применения методики междисциплинарного исследования, именуемой «расширение масштаба».

К данной методике часто обращаются демографы для выявления закономерностей изменения процессов рождаемости и смертности, а также в целях уточнения моделей их развития. Эту методику применяют этнополитологи и этносоциологи, например Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева и другие ученые, занимающиеся анализом современных этнополитических и этносоциальных процессов и явлений. Применение данной методики исследования позволяет углубить познание многогранных проблем, к числу которых относится проблема взаимообмена трудовыми навыками русских и бурят, находящихся в условиях пространственного и социокультурного пограничья уже более трех веков.

На этапе первоначальных контактов европейских первопроходцев с сибирскими аборигенами к числу насущных, безусловно, относилась задача выживания русских в суровых природно-климатических условиях. Данная задача особенно остро стояла перед теми мигрантами, которые не пользовались государственной поддержкой. Их прибытие в Сибирь началось в XVIII в. Первыми ссыльными были стрельцы, поднявшие в 1698 г. бунт в Москве. В 1729 г. правительство России издало Указ о ссылке в Сибирь бродяг и беглых людей, в 1733 г. – о ссылке за подделку золотых и серебряных изделий, в 1737 г. – о ссылке помещиков, виновных в отдаче в рекруты чужих людей, в 1739 г. – о ссылке заводских рабочих за пьянство и азартные игры. В 1753–1754 гг. появились указы о замене смертной казни ссылкой в Сибирь. В 1799 г. вышел

указ «О заселении земель между Байкалом, рекою Верхнею Ангарою, Нерчинском и Кяхтою отставными солдатами, ссыльными и помещичьими крепостными людьми, отдаваемыми в зачет рекрутов» [1]. Эти и другие категории граждан (например, стихийные мигранты, численность которых начала увеличиваться после урегулирования территориальных отношений между Россией и Китаем в соответствии с Нерчинским, Буринским и Кяхтинским договорами [2]) вынуждены были без существенной государственной поддержки адаптироваться к иному растительному и животному миру, низкоплодородной почве, иным климатическим условиям (ранним осенним заморозкам, частым и сильным ветрам, продолжительной зиме со жгучими морозами). Даже те мигранты, которые пользовались государственной поддержкой, в силу ее нерегулярности нередко испытывали нужду в продуктах питания и в своих донесениях писали: «государеву службу служили и ясак собирали, но рыбу ловили, и сосну, и корень, и траву ели» [3]. Поэтому практически все группы мигрантов вынуждены были самостоятельно адаптироваться к экстремальным природно-климатическим условиям. И для того чтобы выжить в этих условиях, активно заимствовали методы жизнеобеспечивающей деятельности местного населения. Об этом неоднократно писали исследователи и путешественники императорской России, посетившие Сибирь, в том числе и Байкальский регион. Так, П.С. Паллас, обобщая материалы комплексного исследования Байкальского региона, проведенного под его руководством в XVIII в., писал, что «русские старожилы держат овец из монгольского рода, держат также коз, коих шкуры употребляют на шубы» [4]. О заимствовании русскими структуры питания и технологии приготовления пищи бурят указывали С.П. Крашенинников, морской капитан Михаил Татаринов и другие исследователи региона, изучившие особенности быта русских, проживавших в Байкальском регионе. Из их работ мы узнаем, что основным напитком русских был чай, а не квас, как на их исторической родине. Чай они варили из различных трав, на-

пример брусничника, но преимущественно пили кирпичный («карымский») чай, который варили в больших котлах и именовали его «затураном». В состав такого чая входили поджаренная на масле мука, соль и молоко [5]. Татаринцов, сравнивая значимость для здешних русских чая и хлеба, писал что «легче терпят голод в хлебе, нежели без чаю день пробить» [6].

Важную роль в выживании русских путем самостоятельной добычи продуктов питания сыграли освоение ими способов добычи и переработки даров природы. М. Татаринцов по поводу применения продуктов растительного мира писал следующее: «весною питаются сараном» [7]. Однако исключительно большую роль сыграло освоение ими методов охотничье-промысловой деятельности: умение различать следы и навыки наблюдения за повадками диких зверей, способы охоты, в том числе и облавной [8]. Охотничье-промысловые навыки и умения как аборигенов, так и мигрантов были значительно усовершенствованы в связи с расширением применения огнестрельного оружия. Как сказано в «Бурятских летописях», примерно в 1760-х гг. из России поступило в продажу небольшое количество винтовок, пороха и свинца [9]. С этого времени в охотничье-промысловой деятельности стали использовать огнестрельное оружие, что произвело переворот в сфере промысла.

Ученые как советской, так и постсоветской России, интересующиеся историей взаимосвязи европейских первопроходцев и сибиряков, в том числе и народов Байкальского региона, подтверждают масштабность заимствования первопроходцами жизнеобеспечивающих видов деятельности местного населения. По мнению А.А. Макаренко, русские чтобы отстоять собственное существование, на первых порах брались за испытанные сибирскими инородцами средства: перенимались отчасти техника звероловства и охоты, способы рыбной ловли, за образцы построек брались инородческие юрты, скотные дворы (многоугольной формы) [10]. О.В. Бураева, подробно исследовавшая хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков [11], Ф.А. Кудрявцев, изучавший историю бурят-монгольского народа [12], и многие другие ученые говорят о том, что русские не только освоили навыки разведения домашних животных, но и заимствовали технологию переработки мясо-молочных продуктов, активно занимались скорняжным делом, шили меховую и прочую одежду по образу одежды аборигенного населения, а также активно перенимали опыт охотни-

чье-промысловой деятельности.

Итак, европейские первопроходцы в целях собственного выживания в непростых природно-климатических условиях Байкальского региона начали заимствовать у аборигенного населения навыки разведения домашних животных, способы охотничье-промысловой деятельности, методы переработки продуктов питания, фасон одежды, технологию его пошива и т.д. Эти процессы привели к:

- созданию устойчивой продовольственной базы, обеспечивавшей сохранение самой жизни;
- положительному восприятию русскими трудовых навыков бурят и ослаблению широко известного психологического закона первичности, в соответствии с которым то, что хорошо усвоено – комфортнее и привычнее [13];
- формированию толерантного отношения русских к бурятам, то есть принятию русскими своих новых соседей такими, какие они есть;
- ослаблению морально-психологического стресса первопроходцев (особенно вынужденных мигрантов), связанного с изменением социального и экологического окружения.

Названные и другие процессы в конечном счете и привели к «осибиричиванию» русских, т.е. к формированию у русских сибирского менталитета. А.П. Шапов – известный сибирский историк – процесс «осибиричивания» русских охарактеризовал следующими словами: «Занимаясь, по примеру бурят, больше скотоводством, чем хлебопашеством, русские и в умонастроении во многих отношениях более походят на бурят, чем на русских, много усвоено бурятских понятий, суеверий, примет и привычек» [14]. Сибирский менталитет, истоки которого уходят в историческое прошлое, передаваясь из поколения в поколение, превратился к настоящему времени в важный фактор сохранения и развития межнациональной толерантности народов, проживающих в полиэтничной Бурятии.

В ходе общения русских и бурят, оказавшихся в условиях пространственного и социокультурного пограничья, большую роль в формировании позитивного отношения бурят к трудовым навыкам русского населения сыграло освоение ими навыков земледелия. До прихода русских в Бурятию практиковался лишь посев крупяных культур. Если кто-нибудь и занимался посевом крупяных культур, то в основном это были малообеспеченные слои населения. Начиная с XVIII в. буряты стали практиковать посев новых культур, семена которых привезли русские первопроходцы (рожь, пшеница, овес и т.д.). К концу XVIII в. у бурят земледелие игра-

ло несравненно большую роль, чем сто лет назад [15]. Этому способствовало два фактора. Во-первых, государственная политика, направленная на привлечение бурят к земледелию. Так, в 1792 г. по настоянию императрицы Екатерины II к хоринским бурятам для обучения ведению хозяйства прибыли наставники земледельческих видов деятельности [16]. Инициирование царской властью перехода бурят к земледелию привело к тому, что земледелием чаще других стала заниматься социальная верхушка бурят. Это было обусловлено еще и тем, что именно эта часть общества имела достаточные средства для приобретения семян, располагала экономическими возможностями для привлечения людей на уборку урожая и имела тягловую силу, необходимую для запашки полей. Далее, важной причиной инициирования царской властью перехода бурят к земледелию послужил дефицит хлеба в Восточной Сибири. Таким образом, к концу XVIII в. земледелием занимались 1200 хоринцев. В 1802 г. объем муки, привезенной хоринцами на продажу в Иркутск, составил 15 000 пудов [17]. В 1782 г. главному хоринскому тайше Дамбе Дугару Иринцееву был выдан правительственный аттестат, было сказано, что он старался «подчиненных своих вводить в обряды, в сходность российским народам, во всей домашней экономии, в постройке домов, в упражнении в хлебопашестве» [18].

Во-вторых, в заимствовании бурятами навыков земледелия большую роль сыграла меньшая зависимость растениеводства от погодных условий, нежели номанного животноводства. Буряты в ходе приобщения к земледелию убедились в том, что в основе урожая лежат важные правила агротехники, поэтому ими успешно осваивались приемы обработки земли, выработанные многовековой практикой народной агрономии русских. Они, постепенно усваивая навыки возделывания земли, заимствовали у русских опыт всего производственного цикла (навыки посева и молотбы, способы переработки пшеницы, ржи, ячменя, овса и т.д.), а также земледельческие орудия труда: соха, серп и др. Однако широкомасштабному развитию земледелия среди бурят препятствовало несколько факторов. А именно, часть бурятского населения под давлением царской администрации достаточно часто стала покидать плодородные земли, перекочевывать в места, «единственно для скота пригодные» [19]. К тому же царская администрация бурят, занимавшихся земледелием, стала облагать оброком [20]. Далее, в Бурятии значительная часть территории – гористая, песчаная и

низкоплодородная, что в сочетании с ранними осенними морозами, поздней весной и засушливым летом делало невыгодным занятие земледельческими видами деятельности. Следует отметить, что многие буряты, особенно забайкальские, владели значительным поголовьем скота, находившим сбыт на местном рынке. Поэтому они без ломки хозяйственного уклада имели возможность удовлетворять свои нужды в денежных средствах. И, наконец, в рационе питания бурят значительное место занимала продукция животноводства, поэтому они не видели большой пользы от занятия земледельческим трудом, ибо не испытывали потребности в хлебе. Тем не менее в течение многих веков земледелие постепенно вошло в образ жизни значительной части бурят.

Определенную роль в развитии земледелия среди бурят сыграло принятие ими православной религии. Семьи крещеных бурят, пусть даже мононациональные, оседали в русских селениях, особенно в монастырских вотчинах, и там занимались земледельческим трудом. Например, в 50–70-х гг. XVIII в. в вотчинах трех монастырей (Хилокской, Тимлюйской, Кударинской) насчитывалось 529 душ крестьян, среди которых 22 человека относились к категории крещеных бурят [21]. Они и занимались земледелием, так как монастырские вотчины играли ведущую роль в хлебопашестве.

Заимствование бурятами земледелия привело к изменению типа жилья – «второй природы» – и к изменению их образа жизни в целом. Взаимовыгодный обмен русских и бурят основными видами хозяйственно-бытовой деятельности привел к консолидации местного сообщества, снятию межэтнического напряжения, которое по различным причинам иногда возникало, и, соответственно, к формированию основ толерантности на основе взаимобмена трудовыми навыками. Это обусловлено идентичностью человеческих потребностей, независимо от их национальной принадлежности. Поэтому люди, оказавшиеся в одинаковых экологических условиях, в целях выживания вынуждены опираться на все возможные методы хозяйствования, адаптированные именно к данному природному окружению, независимо от того, каким народом они (способы ведения хозяйства) открыты и практикуются.

Эффективность взаимобмена жизнеобеспечивающими видами деятельности была обусловлена не только важностью выживания в непростых природно-климатических условиях, но и тем, что в момент заселения Байкальского ре-

гиона первопроходцами буряты, как и многие другие аборигены Сибири, не имели принципиального культурно-цивилизационного отличия от русских. Этот факт был подмечен еще в условиях императорской России. Н.М. Ядринцев писал, что в момент освоения Сибири русские и аборигены края «стояли на довольно близком уровне культуры и развития» [22]. Именно это культурно-цивилизационное сходство привело к

ослаблению социального беспокойства по поводу изменения социального и экологического окружения, спокойному восприятию дихотомии «мы-они», росту стремления понять и сохранить трудовые навыки и умения своих соседей и в итоге к развитию территориальной консолидации, формированию интегрирующей идентификации «мы-сибиряки».

Литература

1. Евдокимова С.В. Из истории заселения русскими Прибайкалья и Забайкалья // Русские в Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002.
2. Нерчинский договор (27 августа 1689 г.), Буринский трактат (20 августа 1727 г.), Кяхтинский трактат (21 октября 1727 г.) // Сборник договоров России с Китаем (1669–1881 гг.). – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1889.
3. Евдокимова С.В. Указ. соч. С. 57.
4. Паллас П.С. Путешествие по Сибири к востоку лежащей даже и до самой Даурии // Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1788. – Ч. III, пол. I. – С. 227.
5. Крашенинников С.П. В Сибири. Неопубликованные материалы. – М.; Л., 1966. – С. 159; Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым. – Улан-Удэ, 1958.
6. Описание о братских татарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым. – Улан-Удэ, 1958. – С. 40.
7. Там же. С. 41.
8. Этнография русского крестьянства в Сибири. XVII в. – середина XIX в. – М.: Наука, 1981; Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа (от XVII в. до 60-х годов XIX в.). Очерки. – М.; Л., 1940; Бураева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII в. – середине XIX в. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
9. Бурятские летописи. – Улан-Удэ, 1995. – С. 83.
10. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. – Новосибирск, 1993. – С. 16.
11. Бураева О.В. Указ. соч.
12. Кудрявцев Ф.А. Указ. соч. С. 104.
13. Гатанов Ю. Цивилизационный выбор. Группообразование: свои и чужие. Позитивное пограничье культур // ДЕБАТУ ІВІ АІ – Цивилизационный выбор и пограничье. – Warszawa, 2011. – Т. IV. – С. 85.
14. Щапов А.П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении: собр. соч. – Иркутск, 1937 – С. 119.
15. Бураева О.В. Указ. соч. С. 60.
16. Бурятские летописи. – Улан-Удэ, 1995. – С. 83.
17. Бураева О.В. Указ. соч. С. 57.
18. Кудрявцев Ф.А. Указ. соч. С. 104.
19. Бураева О.В. Указ. соч. С. 55.
20. Там же. С. 60.
21. Там же. С. 58.
22. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб., 1891. – С. 90.

Бураева Дарима Цырендоржиевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Бурятского государственного университета, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а. E-mail: darb@rambler.ru.

Budaeva Darima Tsyrendorzhiyevna, candidate of political science, senior lecturer, department of state and municipal governance, Buryat State University, 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24 a. E-mail: darb@rambler.ru.

УДК 639.102.1 (=51)

© *И.В. Рассадин*

Трансформация традиционной пушной охоты у саянских оленеводов тофаларов

В статье автор, используя сведения из литературы, а также свой полевой материал, дает подробное описание способов охоты на различных пушных зверей: соболя, белку, выдру, рысь, росомаху, колонка и горностая, а также на медведя и волка. Статья содержит также описание различных орудий и приспособлений для охоты, используемых саянскими оленеводами в зависимости от сезона и вида животного.

Ключевые слова: охотпромысел, способы охоты.

Transformation of traditional fur hunting in Tofalars, the Sayan reindeer breeders

In the article, based on scholarly literature as well as the fieldwork materials, the author gives a detailed description of means and methods of hunting for different kinds of fur animals: sable, squirrel, otter, lynx, wolverine, kolinsky and ermine, as well as bear and wolf. The article also contains the description of different means and tools for hunting used by the Sayans reindeer breeders depending on hunting season and animal species.

Keywords: hunting activity, means of hunting.

У тюркских и монгольских народов, обитающих в Центральной Азии, к которым относятся и народы Саяно-Алтайского нагорья, сформировались специфические черты хозяйствования, материальной и духовной культуры, а также бытового уклада. Это было обусловлено взаимодействием разных этносов и их культур, возникновением и распадом этнических союзов, ранних государств, объединявших многочисленные этнические группы. В разных географических зонах возникали и развивались различные хозяйственно-культурные типы, причем в условиях одного типа могли формироваться различные этносы.

В Центральной Азии наряду со степными и горно-степными ландшафтами (где традиционно кочевое (номадное) скотоводство у монгольских и тюркских народов) имеются обширные горно-таежные массивы. Одним из них является зона Саян, древнейший геологический горный район, покрытый сплошной тайгой и содержащий на высокогорных плато (так называемом Белогорье), территории тундр, сплошь покрытые ягелем – оленьим мхом (место, идеальное для обитания северных оленей). Дикий северный олень сохранился здесь и поныне.

Тофалары – один из самых малочисленных тюркоязычных народов Российской Федерации, официально отнесенных к коренным малочисленным народам Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Тофалары – один из древнейших народов Саян, занимающийся охотой и оленеводством. До конца 20-х гг. XX в. они вели кочевой образ жизни. В процессе своего исторического развития этот народ не только освоил суровую горную Саянскую тайгу, но и создал уникальную материальную и духовную культуру, позволившую им максимально приспособиться к суровой таежной кочевой жизни.

Охотпромысел был весьма значимой отраслью хозяйства саянских оленеводов, служившей источником их существования. Охота давала пушнину для уплаты ясака и закупки различных товаров и мяса для основного питания.

Обучение охотничьему искусству начиналось

еще в раннем детстве, а подростки уже участвовали в промысле. Пушную подать царской казне, ясак (тоф. *албан*), тофалары платили (начиная с 16 лет) соболиными шкурками. Каждый охотник уплачивал этот ежегодный ясак до 60 лет. После того как ему исполнялось 60 лет, с него снимали эту повинность. Регулярно проводились переписи населения с целью установить число платежеспособных охотников. Но чаще бывало так, что люди гибли в условиях суровой тайги или умирали от болезней, а за тем или иным родом числилось определенное когда-то переписью число охотников, за которое род должен платить в казну подать. Это приводило к разорению таких родов, ибо платить приходилось за тех, кого уже не было. В сборах податей казна была неумолима.

Поскольку вся земля тофаларов была разделена между родами, а каждый род кочевал и охотился в определенных местах, то и семьи имели каждая свои охотничьи угодья, передаваемые по наследству по мужской линии [п.м.а. В.В. Адамова, Г.И. Адамова]. В этих угодьях семья могла свободно промысливать. В случае неурожая в тайге просились к соседям. Очень хорошо все эти территориальные отношения, сохранявшиеся у тофаларов еще в 1920-е гг., описал в одной из своих работ профессор Б.Э. Петри [Петри, 1927, с. 23-27], которую он посвятил охотничьим угодьям и расселению тофаларов.

Охотничьему промыслу тофаларов профессор Б.Э. Петри посвятил также другую специальную работу [Петри, 1928], в которой он рассмотрел подробно не только пушных и копытных зверей и способы охоты на них, применяемые в разное время года, но и особенности собак, используемых при охоте, различные поверья и обряды охотников, моления перед охотой.

Ниже мы постараемся по возможности подробно рассмотреть, учитывая сведения из литературы, а также наши материалы, как происходила охота у тофаларов на различных зверей.

К пушным зверям, на которые осуществлялась раньше и продолжается и ныне основная охота, относятся в условиях Тофаларии соболь

(алды) и белка (диши). Это основные, так сказать, объекты пушной охоты, шкурки которых давали основной доход и являлись товарной продукцией охотпромысла. Шкурками соболей тофалары в прошлом платили албан – подать царской казне. Кроме соболя и белки, добывали (но уже попутно) колонка и горностаю, редко – рысь и росомуху. На всех пушных зверей охотились в основном с собакой. Собаки у тофаларов – породы восточносибирских лаек. По своей специализации они делятся на зверовых, соболятниц и собак по белке. Из-за такой узкой специализации тофалары вынуждены были держать много собак. Зато они могли добывать на промысле в осеннее и зимнее время не только белок и соболей, но и медведей, изюбров и сохатых, кабаргу. Кормят собак в основном болтушкой из ржаной муки, запас которой специально для собак доставляется в места промысла [п.м.а. Н.Е. Кангараев, С.Н. Арактаев, В.Н. Баканаев].

Собака обеспечивала успех промысла, поэтому хороших собак всегда высоко ценили, не продавали. Карагасские собаки жили в тесном общении с человеком. Они бегали по аалу, свободно заходя в чум и ложась там, где им захочется, для них не было запретов. Щенки были лучшими друзьями детей. Учили собак промышлять обычно на втором году жизни. Но учили главным образом белковать, потому что молодая собака, увидев белку, просто сидит и смотрит на нее, если собака на промысле одна. В таком случае охотник убивал белку, тут же обдирал и давал собаке тушку, чтобы почувствовала вкус беличьего мяса, которым ее будут подкармливать на промысле. Найдя и съев вторую и третью белку, собака обычно понимала, что от нее хочет хозяин, и потом, уже опять найдя белку, начинала ее облаивать. Как только она начинала лаять на найденную белку, охотники считали, что обучение собаки состоялось. Когда находили след соболя, то молодую собаку науськивали на этот след. Если она по природе своей соболятница, то сразу шла по этому следу, иногда даже совсем игнорируя беличьи следы. Такая собака оставалась на всю жизнь только соболятницей. Бывало иногда так, что собака одинаково хорошо работала как по белке, так и по соболю. Такую собаку очень ценили. Но чаще бывало так, что собака не признавала соболиного или иного следа и оставалась только бельчатницей. С такими собаками отправляли на беличий промысел подростков для обучения [п.м.а. В.Н. Шибкеев, А.Н. Баканаев, Р.А. Киштеева].

Самоловы типа черканов тофалары не ис-

пользовали. В традиции тофаларов не было также применения ловчих ям. По свидетельству тофаларских стариков, в прошлом они широко пользовались различными петлями (*тузак*) для добывания мелких зверей и птиц.

С ружьями тофалары познакомились давно, несколько сот лет назад, когда их край вошел в состав Российской империи. Казна снабжала их порохом и свинцом. До революции ружья у тофаларов были самые разнообразные. Были шомпольные пистонные, шомпольные кремневые ружья, но не в диковинку тофаларам были и современные винтовки, охотничьи дробовики. Сейчас на промысле применяют карабины и малокалиберные винтовки, охотничьи дробовики [п.м.а. И.Г. Шибкеев].

Хотя в этнографической литературе есть утверждение, что тофалары не пользовались ловушками, как например у Ю.П. Штубендорфа: «Они охотятся винтовками и собаками, а не плашками и ловушками, которые более в употреблении у русских промышленников» [Штубендорф, 1854, с. 238], а также у М.А. Сергеева, который писал буквально следующее: «Характерной чертой охотничьей техники тофаларов было полное отсутствие у них всяких ловушек (самоловов), столь распространенных у других народов Сибири» [Сергеев, 1956, с.531]. С этим нельзя согласиться, поскольку старики свидетельствовали, что их отцы и они сами часто использовали различные ловушки, плашки (*басьыткы*) там, где невозможно было охотиться даже пешком с собакой, а тем более проехать на олене. В таких труднодоступных местах, особенно если они изобиловали пушными зверями или кабаргой, обязательно устанавливали плашки. Причем их ставили еще летом, чтобы, во-первых, выветрился человеческий дух, а во-вторых, чтобы звери привыкли к этим плашкам, как будто бы они часть привычного для них места в тайге. Потом осенью и зимой эти плашки настораживали с приманкой, и зверьки в них попадались. Были при этом некоторые места, где зверя невозможно было добыть иным путем, выручали только плашки, ловушки, петли и т.п. [п.м.а. С.Н. Кангараев, С.Н. Баканаев].

Ниже рассмотрим способы добычи пушных зверей в разное время года (как нам это удалось восстановить по литературе, но главным образом – путем расспроса стариков).

Соболя добывали различными способами, смотря по обстановке и характеру местности. Добывать его начинали осенью в октябре и охотились на него всю зиму обычно до 1 марта. Охотились прежде всего с собакой, которая

отыскивала соболя по следу и загоняла его на дерево. Охотник стрелял в него из ружья, стараясь попасть в голову, чтобы не испортить шкурку. Если соболь, убегая от собаки, прятался в каменной россыпи («шерлопе» по-местному), то охотник привязывал собаку за слабый сухой сучок к дереву, а сам раскладывал в той щели, куда залез соболь, костер, а потом, когда прогорит, на угли насыпал опавшей хвои, чтобы повалил дым. Тогда охотник снимал свою куртку и махал ею над дымящим костром так, чтобы дым шел внутрь в расщелину. Соболь не выносит дыма и поэтому быстро выскакивает из своего убежища. Собака же, увидев соболя, рвется за ним и легко отламывает сухой сучок [п.м.а. В.О. Адамов, Т.Н. Кангараева, Е.Н. Филатова]. Тогда она быстро догоняет соболя. При этом она может даже поймать зверька. В таком случае охотнику нужно быстро его отнять. Если она загонит соболя на дерево, то нужно сразу стрелять, чтобы он не убежал дальше и не скрылся где-нибудь снова. Если он залезет в дупло дерева, то дупло затыкали, а дерево срубали, иногда выгоняли соболя дымом и оттуда. Сети для ловли соболей тофалары никогда не применяли. Раньше в труднодоступных местах, где зимой не пройти, делали ловушки на соболя. Такая ловушка была устроена следующим образом. Брели две толстые жерди длиной не менее 2,5 м, клали их на землю друг на друга, а с боков вбивали колья так, чтобы жерди не болтались из стороны в сторону. Сбоку возле нижней жерди устраивали нечто наподобие будочки из кольев, которые вбивали в землю вплотную друг к другу, чтобы между ними не было щелей, иначе соболь через эти щели вытащит приманку сбоку. Сверху эта будочка чем-либо плотно закрывалась и придавливалась, чтобы соболь не вытащил приманку сверху. В общем, устраивалась эта будочка так, что соболь, чтобы достать укрепленную там приманку в виде мяса глухаря, рябчика, коня, рыбы, лез за ней сбоку через жердь. Поднятая верхняя жердь с одного конца поднималась и настораживалась специальным сторожком, закрепленным веткой дерева. Когда соболь лез за приманкой, то он страгивал ветку, а сторожок в этот момент падал и освобождал верхнюю жердь, которая его придавливала. Для тяжести на эту верхнюю жердь сверху поперек клали еще одну длинную жердь, чтобы пойманный соболь не вырвался [п.м.а. С.Н. Арактаев, А.Н.

Баканаев].

Белка по значимости является вторым после соболя пушным зверьком, который составляет объект специального промысла. Белку тоже добывали преимущественно с собакой при помощи ружья. Но и на белку существовали плашки, как и на соболя, устанавливаемые в труднодоступных местах. Для приготовления плашки на белку брали толстую чурку длиной метр или полтора. Аккуратно раскалывали ее вдоль, чтобы получить две половинки. Их укладывали на землю и закрепляли с боков кольями, вбитыми крепко в землю, чтобы верхняя часть плашки не сдвигалась в сторону, а ложилась точно на нижнюю. Для насторожки приподнимали один конец верхней части расколота чурки и подпирали ее особым срезом. Этот сторожок фиксировался особой поперечной палочкой с вырезом, в который вставлялось соединение сторожка. На эту палочку накалывалась приманка, если это было мясо, до которого белки тоже охочи. В том случае, если в качестве приманки использовались кедровые орехи, то вместо заостренной палочки, скрепляющей место соединения элементов сторожка, применяли ветку, а вокруг плашки и в ней самой рассыпали орехи. Когда белка тянула мясо с палочки или собирала орехи, она страгивала с места сторожок, и ее сверху придавливала чурка. А чтобы все сооружение было устойчивее, на верхнюю часть плашки поперек укладывали толстую сырую жердь. Беличью плашку тоже устраивали летом и держали ее крепко подпертой раскрытой [п.м.а. Ю.И. Анциферов, Т.Н. Кангараева, В.Н. Баканаев, А.Н. Баканаев], чтобы зверьки привыкли к ней и бегали внутри. Иногда туда и летом подсыпали орехи, чтобы приучить белок к плашке. В некоторых местах охотники белку добывали преимущественно плашками.

Выдру обычно добывали попутно, если видели следы. Тогда ее караулили возле той полыньи, куда она ныряла. При появлении выдры ее стреляли из ружья. мех ее весьма ценился, так как шел на отделку воротников национальных тофаларских зимних меховых кафтанов, шел также на оторочку шапок. мех выдры ценился за особую носкость.

Рысь тоже считалась желанной добычей. Ее добывали попутно во время зимней охоты. Собаки обычно загоняли рысь на дерево, где ее и находил охотник. Ловушек на рысь не делали.

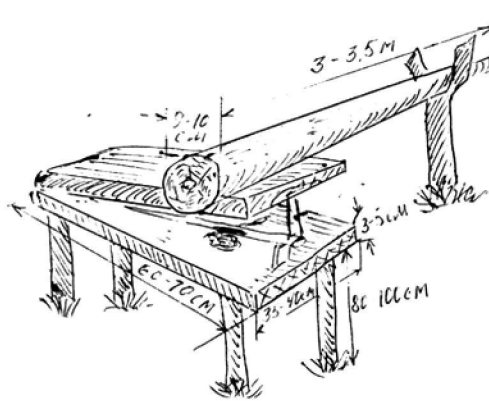

Рис. 1. Плашка на белку и соболя

Росомаха в прошлом была весьма распространена в Тофаларии. Поскольку этот зверь таскал у охотников добычу из ловушек, разорял их запасы на лабазах, то его убивали, как только увидят. Существовали даже специальные плашки на росомаху. В принципе ее устройство напоминало конструкцию беличьей плашки, только нижние и верхние элементы состояли из нескольких бревнышек средней толщины, соединенных вместе специальными клиньями. Их тоже устанавливали один на другой, а с боков ук-

репляли колыями, чтобы не сдвигались вбок. При настораживании этой плашки поднимали один конец верхней части и подпирали сторожком. Сторожок фиксировали особой заостренной палочкой, на которую накальвали приманку в виде мяса. Когда росомаха заходила внутрь ловушки и тащила приманку, то сторожок срабатывал и плашка захлопывалась. Сверху на нее укладывали поперек небольшое бревнышко для тяжести, чтобы пойманная росомаха не выбралась.

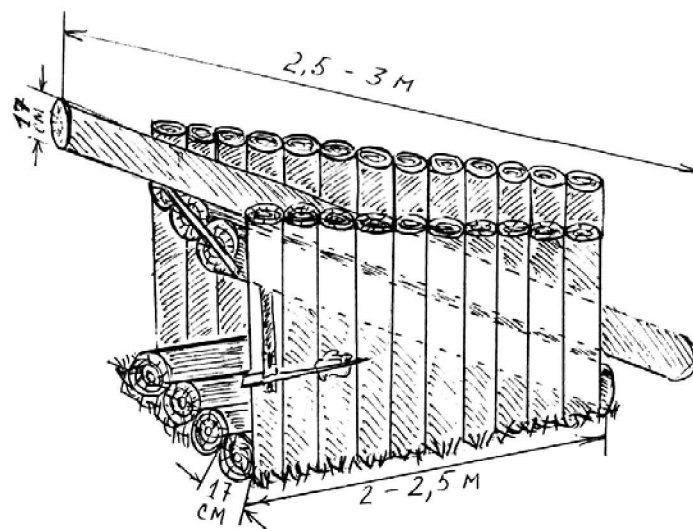

Рис. 2. Плашка на росомаху

На лису (в горной тайге она большая редкость) и зайца специально не охотились, добывали попутно.

Колонка и горностаю тоже добывали случайно, если их найдет собака и загонит на дерево. Иногда они попадали в плашки, расставленные на соболя или на белку. Специальной охоты на них тофалары не устраивали.

К пушным зверям мы условно отнесем здесь медведя и волка, от них получали хорошие теплые шкуры. На этих зверей тоже существовали различные способы охоты [п.м.а. С.Н. Баканаев, В.В. Адамова].

На медведя тофалары охотились весной, его караулили на южных безлесных склонах гор, которые рано покрывались свежей травой. Кро-

ме того, на этих полянах паслись и изюбры. Медведи скрадывали изюбрей. Хотя весной мясо медведя не жирное, но особую ценность для охотников представляла шкура и медвежья желчь, служившая ценным лекарством. Шкуру и желчь охотники обычно продавали. Особым спросом пользовалась медвежья желчь, которую продавали главным образом окинским бурятам. С ними у тофаларов были тесные торговые связи. Летом медведей добывали в белогорье, где они паслись у гольцовых ручьев. Искали их и там, где много муравейников. Самым же распространенным способом была все же добыча на берлоге, куда медведь залегал в конце октября. Когда кто-нибудь находил берлогу, то собирал артель из 5-6 человек. Вдвоем на берлогу обычно не ходили. Объясняли это тем, что ружья ненадежны. Артель подходила к берлоге и делала сразу же особую затычку из жердей, которой блокировали вход в берлогу. Потом один из охотников длинной жердью начинал шуровать в берлоге через чело, чтобы разбудить медведя. Когда он начнет выталкивать эту жердь или тянуть ее к себе, то самый смелый охотник подходил к входу в берлогу и стрелял внутрь, перевернув ружье затвором вниз. Так он попадал в зверя. При необходимости он повторял выстрел. Если же затычка из жердей оказывалась слабой и раненый медведь вырывался наружу, то его останавливали собаки, и все охотники стреляли. Убитого медведя выволакивали веревками из берлоги и укладывали вверх лапами на особой подстилке из кедровых ветвей. Перед тем, как убивали медведя, все присутствовавшие кричали: «Киик! Киик! Киик!». Этим они имитировали крик ворона и как бы говорили духу медведя, что убили его не они, а люди ворона. Самый старший из охотников обычно произносил молитву хозяину тайги, в которой благодарил за добычу. Убитого медведя обколачивали веником из кедровых ветвей. Считалось, что охотники выколачивали вшей из его «шу-

бы». Потом уже снимали шкуру. Разрубали тушу на части и везли в стойбище. Шкуру получал охотник, нашедший берлогу. Интересно отметить одну характерную деталь. Когда тофалары снимают медвежью шкуру, то когти они никогда не оставляют на шкуре. Когти остаются на подошве лап. Эти лапы потом высушивают и вешают над входом в чум. Сейчас их прибивают гвоздями над входом в избу. Считается, что медвежья лапа с когтями служит как бы талисманом-оберегом.

После того как мясо привезут в стойбище, ребра и часть мяса, сердце, почки, печень варили и потом съедали всем стойбищем. Это было своеобразное ритуальное коллективное поедание мяса медведя. Остальное мясо и сало медведя делили поровну на каждую семью, входившую в аал. Видимо, все это остатки древнего культа медведя. Характерно, что весь этот ритуал соблюдался только тогда, когда медведя добывали на берлоге. При прочей охоте этот обряд не соблюдался. Голову медведя тоже варили. Но при этом отделяли лишь нижнюю челюсть, не нарушая черепной коробки и не трогая мозг. После того как очистили череп от мяса, нижнюю челюсть привязывали к черепу кедровыми корешками, разрисовывали его углем, а пустоты в черепе затыкали кедровыми веточками. Затем череп подавали наружу чума через откинутую крышку напротив входа. А снаружи череп принимал человек, специально для этого вышедший из чума. Череп вешали на дерево, и считалось, что медведя похоронили. Медведь в преданиях тофаларов считается родственником [п.м.а. Г.И. Адамова, Н.Е. Кангараев, В.Н. Шибкеев, В.Н. Баканаевы и А.Н. Баканаевы].

Волк у тофаларов был в прошлом на особом положении. В речи его название табуировали и называли «кудуруктук» – «хвостатый». При появлении волков возле оленьего стада их не убивали. Видимо, это отголоски влияния какого-то древнего запрета.

Список информаторов

Адамова Варвара Васильевна, 1917 г. р., тофа, род чогду
Адамова Галина Иннокентьевна, 1923 г. р., тофа, род чогду
Адамов Виктор Олегович, 1960 г. р., тофа, род чогду
Анциферов Юрий Иванович, 1940 г. р., местный русский
Арактаев Степан Николаевич, 1932 г. р., тофа, род кара-чогду
Баканаев Александр Николаевич, 1960 г. р., метис
Баканаев Владимир Николаевич, 1954 г. р., тофа, род кара-чогду
Кангараев Николай Ермолаевич, 1925 г. р., тофа, род кара-чогду
Кангараев Сергей Николаевич, 1953 г. р., тофа, род кара-чогду
Кангараева Татьяна Николаевна, 1959 г. р., тофа, род кара-чогду
Кишгеева Раиса Александровна, 1956 г. р., тофа, род кара-чогду
Марущенко Анастасия Александровна, 1961 г. р., тофа, род кара-чогду

Филатова Елена Николаевна, 1957 г. р., метиска
 Шибкеев Вадим Николаевич, 1941 г. р., тофа, род чогду
 Шибкеев Иван Григорьевич, 1960 г. р., тофа, род не знает

Литература

1. Жаров В. Плашка – беличий самоллов // Сельское хозяйство Сибири. 1960. № 2.
2. Петри Б.Э. Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927.
3. Петри Б.Э. Промыслы карагас. Иркутск, 1928.
4. Рассадин И.В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ, 2005.
5. Сергеев М.А. Тофалары // Народы Сибири / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.;Л., 1956; Народы мира. Этнографические очерки / под общ. ред. С.П. Толстова. С. 530-539.
6. Штубендорф Ю.П. О карагассах // Вестник ИРГО. Ч.12. Отд.2. 1854. С. 229-246

Рассадин Игорь Валентинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. 670047. г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. E-mail: imbt@bsc.buryatia.ru; agri79@mail.ru (301-2) 43-35-51; (301-2) 43-78-81

Rassadin Igor Valentinovich, candidate of historical sciences, research associate, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS. 670047. Ulan-Ude, Sakhyanova Str., 6. E-mail: imbt@bsc.buryatia.ru; agri79@mail.ru (301-2) 43-35-51; (301-2) 43-78-81

УДК321 (510)

© П.Н. Дудин

Государственность Мэнцзяна: хронология становления

В статье описывается процесс развития государственности во Внутренней Монголии на примере Мэнцзяна. Дается политическая характеристика государства, которое в период японской оккупации Китая претендовало на лидерство в мире монголоязычных народов.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, Мэнцзян, автономия, независимость, марионеточное государство, государственность.

P.N. Dudin

The statehood of Mengjiang: the chronology of establishment

The article describes the process of state development in Inner Mongolia on the example of Mengjiang. There is a political characteristic of state that during the Japanese occupation of China had a claim on leadership in the world of Mongolian speaking peoples.

Keywords: Inner Mongolia, Mengjiang, autonomy, independence, a puppet state, statehood.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью пересмотра роли и места монгольского национального движения за независимость (автономистов) в процессе становления государственности. Научная новизна определяется тем, что последние крупные исследования по представленной проблеме осуществлялись около 30 лет назад.

Материалов, посвященных изучению и описанию событий, происходивших в 1930-1940-х гг. во Внутренней Монголии, достаточно много, однако процесс государственностроительства изучен недостаточно. Условно можно выделить несколько категорий работ, так или иначе освещающих описываемые события во Внутренней Монголии. Прежде всего это труды исследователей советской эпохи, издававшиеся в Советском Союзе в 1930-1990-х гг.: В.А. Богословского и А.А. Москалева [2], Н.И. Влади́нец [3], Вэй

Цзы-чу [4], Д.И. Гольдберга [5], Г.Ф. Захаровой [6], М.И. Сладковского [9], А.С. Титова [11]. Среди современных изданий, которые затрагивают процесс автономизации монгольских земель, следует упомянуть о книге «История Монголии. XX век» 2007 г. под редакцией Г.С. Яскиной [7], где фрагментарно присутствует описание событий начала-середины 1930-х гг. во Внутренней Монголии. Среди трудов зарубежных авторов прежде всего можно выделить работы У. Бизли [22], Дж. Бойда [23], Т. Брука и Б.Т. Вакабаяши [24], П. Кобла [28], Сяо-тин Лина [41, 42, 43], Сяюань Лю [44], С.К.М. Пэйн [52], Ч. Пэттибона [54], Дж. Тая [60], Дж. Фрайтерса [31], М. Элиота [29] и др. Среди монгольских и китайских ученых можно отметить труды таких авторов, как Ц. Батбаяр [1], Д. Зоригта «Дэ Ван» [12], Лю Шулина [17] и др.

Источниковую базу исследования составили

материалы средств массовой информации Северо-Американского континента (журнал «Тайм», газеты США «Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Пост», «Вашингтон Пост», «Чикаго Дэйли Трибьюн»), Европы (британские газеты «Манчестер Гардиан», «Обзервер» и «Таймс») и Азии (малайские газеты «Сингапур Фри Пресс» и «Стрейтс Таймс»), воспоминания участников описываемых событий – Дэ Вана, Сичина Чжачида (на китайском и английском языках), Николая Рериха.

Первая половина XX в. для стран Внутренней Азии явилась судьбоносной в силу того, что на огромном пространстве после распада крупных империй возникали новые государственные образования, меняя политическую картину региона. В связи с этим можно выделять несколько групп, схожих по ряду характеристик государственных образований монголоязычных народов, которые назовем моделями: Халхасскую в качестве политического образования, постепенно следующего от автономного статуса к независимому государству, а также «альтернативные» ей модели, не получившие государственный суверенитет и не добившиеся широкого международного признания. Так, можно выделить модели государственности в пределах отечественного пространства: «советскую» модель республиканской автономии (Бурятия) и «урянской» модель независимого государства (Тыва); постимперские модели государственности в Восточной Сибири: «даурскую» модель «Великого Монгольского государства» и «хоринскую» модель теократического государства (Кодунай Эрхидж Балгасан); модели государственности в пределах японского влияния: «маньчжурскую» имперскую модель (Маньчжоу-го), «мэнцзянскую» модель автономного государства во Внутренней Монголии и «алашаньскую».

Мэнцзян интересен тем, что он задал одну из интереснейших государственных структур: автономное образование под двойным (японским и китайским) протекторатом. Мэнцзян иногда ассоциируют с Маньчжоу-го – другим политическим феноменом китайской истории периода японской оккупации. Однако при их строгом сравнении обнаруживается больше различий, нежели сходных черт. Начав свой путь с двух съездов монгольских князей, которые воспроизвели традицию созыва курултаев, Мэнцзян и в дальнейшем избрал в качестве социальной опоры аристократию. В июле 1933 г. состоялся первый съезд, на котором присутствовали 70 делегатов [58, р. 1], а на втором съезде монгольской знати (170 чел.) [39, р. 1] 29 октября объя-

вили о создании автономного правительства [47, р. 1]. Князь Юньдуан Вангчук [10, с. 156] был избран его председателем [41, р. 49-50]. Он сохранил за собой статус политического лидера и после образования Политического комитета монгольской автономии [46], созданного в результате визита Хуан Шаохуна, уполномоченного представителя Нанкинского правительства. Небезосновательно опасаясь, что Внутренняя Монголия выступит на стороне Японии, Хуан Шаохун обещал инициаторам объявления автономии, что они смогут установить собственные органы самоуправления, открыть прямую линию связи с Нанкином [41, р. 43], а также осуществлять самостоятельное управление собственными землями, включая сбор налогов [21, р. Е8]. В комитет входил 41 представитель монгольских земель [17], а в структуре предусматривались должности председателя, заместителя председателя, генерального секретаря. Комитет включал ряд комиссий: образования, охраны общественного порядка, торговли и промышленности, финансов, а также институт постоянного представителя в Пекине. Комитет был официально создан на церемонии в Байлиньмяо 24 апреля 1934 г. [49, р. Е2], а административным центром, который стали именовать столицей, стал древний монастырь [48, р. Е2]. Таким образом, на первоначальном этапе борьбы за автономию ее участникам удалось добиться признания со стороны китайского правительства, сформировать полноценные органы управления и закрепить за собой ряд важных полномочий.

Часть аристократии, в том числе и Дэ Ван, не были удовлетворены достигнутым, ратуя за полную независимость. Они пошли на сближение с руководством Квантунской армии и в дальнейшем использовали японские ресурсы для достижения своей цели. Заискивание перед Японией вызывало протесты части князей, что привело к раздорам внутри комитета [45, р. 1]. Эти разногласия в итоге и положили конец относительной самостоятельности монгольской автономии, которая в дальнейшем вынуждена будет опираться не на собственные ресурсы и авторитет, а на японское присутствие. Вместе с тем японцы, не стремясь «складывать все яйца в одну корзину», поддерживали автономистов в другой части монгольских земель – на востоке, на границе с Хэбэем. Здесь 18 декабря 1935 г. создается еще одна полуавтономная политическая структура: Хэбэй-Чахарский политический совет [38, р. 1] в составе 16 членов [17, с.864], который формально подчинялся непосредственно Исполнительному Юаню, на деле же нахо-

дился под японским влиянием [34, р. 21].

25 января 1936 г. при подаче центрального правительства в Политическом комитете монгольской автономии происходит раскол: территория, подконтрольная комитету, разделяется на земли, включающие Суйюань (где на лидерские позиции претендует князь Шагдуржав, представитель местной родовой аристократии, потомок Даян-хана) и на земли Чахара. Политический комитет тут же провозглашает независимость, но часть князей (28 человек) телеграммой извещают Чан Кайши о своей лояльности Нанкину [55, р. 11].

Руководивший ранее монгольской автономией престарелый князь Юнь в марте того же года вынужден был уйти в отставку под предлогом достижения им преклонного возраста [53, р. 9]. Его преемником становится Содномравдан (формально с 8 января по 30 апреля). В конце апреля 1936 г. деятельность Политического комитета монгольской автономии фактически была прекращена, а 27 июля правительство специальным декретом объявило о его ликвидации. В результате заранее продуманных и выверенных действий Нанкина, излишней лояльности части аристократии по отношению к японской стороне, а также из-за внутривластных распрей Политический комитет монгольской автономии был ослаблен. Этим воспользовался Гоминьдан, который расколол монгольскую элиту и вывел из-под контроля комитета значительную часть подчиненных ему земель, отдав их в управление лояльным центральному правительству силам. Реализовать в полной мере свой потенциал Политический комитет так и не сумел.

Однако действия Нанкина по установлению контроля над монгольскими территориями привели еще к одному результату: они спровоцировали скорейший переход автономистов под защиту Японии. В апреле-мае 1936 г. происходит официальное создание и оформление новой политической структуры – Монгольского военного правительства. 12 мая Юнь Ванг возвращается на пост руководителя, но лишь номинально. Основные рычаги управления сосредоточены в руках Дэ Вана. А после того, как ряд средств массовой информации в июле 1936 г. распространяет сведения о том, что князь Юнь был арестован во время визита в Байлинмяо по подозрению в государственной измене [59, р. 9], однако вскоре был освобожден, а обвинения сняты, позиции Дэ Вана окончательно окрепли. От имени нового государственного образования он заключает договор о взаимопомощи с Маньчжоу-го. Это соглашение оказалось весьма своевременным, по-

скольку события конца лета–осень 1936 г. про- веряли на прочность армию Мэнцзяна.

29 июня 1936 г. военное правительство провозглашает независимость Внутренней Монголии от Китая. В состав правительства входят председатель, его заместитель, руководитель аппарата, председатель парламента, начальник штаба, а его структуру составили военное министерство, министерство внутренних дел, иностранных дел, образования, промышленности, связи, финансов, юстиции, а также управление делами правительства и институт японских советников по военным, дипломатическим, образовательным и финансовым вопросам [17, с. 1225]. Утверждается новый флаг, принимается решение о выпуске собственных денежных знаков, марок и другой атрибутики [27]. Тогда же впервые появляется новое название самопровозглашенного политического образования: Мен- гоу-Го (Mengkukuo) [56, р. 5] или Монгол-Го (Mongokuo) [33, р. 1] – страна монголов. Созвучное с «Manchukuo» – Маньчжоу-го, новое политическое образование, по мнению современных ему экспертов [57, р. 9], выстраивалось аналогично схеме становления северного соседа. Вслед за этим новое государство выпускает облигационные займы на общую сумму 30 млн дол. США для покупки японского оружия и боеприпасов [37, р. 11]. Таким образом, вскоре после ликвидации Политического комитета монгольские лидеры вновь предпринимают попытку провозглашения независимости, на этот раз с помощью японских вооруженных сил.

Уже к осени иностранным миссионерам и путешественникам – гражданам государств, имеющим дипломатические отношения с Китаем, включая и Японию [30, р. 6], – Нанкинским правительством было предписано покинуть районы Внутренней Монголии и Цинхая в целях их безопасности [26]. В августе армия генерала Фу Цзои оказала ожесточенное сопротивление японским войскам, вторгшимся в провинцию Суйюань. Суйюаньская кампания, первое крупное военное предприятие молодого Монгольского государства, завершилась поражением. После этого поражения Мэнцзян вынужден был приступить к восстановлению армии, которая без участия японцев к июлю 1937 г. достигла 20 тыс. чел. Цель – захват Суйюаня – реализовалась через год, когда провинция перешла под власть монгольского военного режима.

На созванной после этих событий конференции 28 сентября 1937 г. государственная структура Мэнцзяна была изменена. Во-первых, власть предприняла попытку легализации: при-

нимается меморандум автономного правительства Внутренней Монголии и временный органический закон [20, с. 151]. Во-вторых, после объявления независимости [36, р. 1; 50, р. 11] и включения в зону влияния Мэнцзяна полуавтономных территорий Южного Чахара и Северной Шэньси образуется коалиция «Объединенный комитет Мэнцзяна», который 22 ноября преобразуется в Союз объединенных автономных монгольских аймаков – конфедеративное образование с центром в Калгане [18, р. 2]. В-третьих, помимо традиционных правительственных учреждений, создается Административный совет, в состав которого входят представители монгольских знамен. Юнь Ванг занимает пост президента Мэнцзяна [40, р. 9], но пребывает на нем всего 9 месяцев – в июле 1938 г. он умирает от отравления [35, р. 2]. Президентом становится Дэ Ван, который 1 сентября 1939 г. провозглашает Объединенное автономное правительство Мэнцзяна. Тогда же была установлена федеративная структура административного деления [25, р. 4]. В результате осуществленных действий и при поддержке японского военного командования монгольским князьям к 1939 г. удается создать полноценную государственную систему, включающую правительственные учреждения, административно-территориальную федеративную структуру, собственные вооруженные силы и объединить значительную часть монгольских земель.

4 августа 1941 г. Дэ Ван объявляет Внутреннюю Монголию Монгольской автономной фе-

дерацией. После создания в марте 1940 г. про-японского правительства под руководством Ван Цзинвэя Мэнцзян перешел под его номинальную юрисдикцию, сохранив относительную самостоятельность. В соответствии с заключенными в августе 1943 г. соглашениями между властями Японии и правительства Ван Цзинвэя Япония получила право на размещение своих войск в пределах Монгольской автономной федерации, политическая роль которой после ноября 1943 г. постепенно сходит на нет. На данном этапе государственность Мэнцзяна завершает свое развитие, не получая окончательной независимости. Напротив – страна включена в состав Китая, что сводило на нет все попытки обретения самостоятельности.

Вслед за поражением Японии в августе 1945 г. большинство режимов, созданных при поддержке Квантунской армии, прекратили свое существование. Эта же участь постигла и Мэнцзян, хотя очередная попытка формирования автономной политической власти в границах западной части Внутренней Монголии была предпринята спустя 4 года и вылилась в провозглашение Алашаньской республики. История государственностроительства и относительной независимости Внутренней Монголии закончилась, завершив пусть и непродолжительный, но важный этап возрождения идеи о собственной государственности среди монгольских народов, лелеявших идею о самостоятельности со времен Чифынского съезда 1638 г., но так и не сумевших в полной мере ее реализовать.

Литература

1. Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002.
2. Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949). М.: Наука, 1984.
3. Владинец Н.И. Филателистическая география. Страны Азии. М.: Радио и связь, 1982.
4. Вэй Цзы-чу. Капиталовложения империалистов в Китае (1902-1945) / пер. М.А. Киселева; отв. ред. Г.В. Астафьев. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
5. Гольдберг Д.И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 – декабрь 1941). М.: Издательство восточной литературы, 1959.
6. Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945. М.: Наука, 1990.
7. История Монголии. XX век. / под ред. Г.С. Яскиной. М.: Институт востоковедения РАН, 2007.
8. Михалев А.В. Монголия как национализирующееся государство: опыт постсоветских трансформаций // Политическая наука. – М.: Изд-во РАН ИНИОН, 2011. №2.
9. Новейшая история Китая. 1928-1949. / под ред. М.И. Сладковского. М.: Наука, 1984.
10. Рерих Н. Врата в будущее. Рига.: Угунс, 1936.
11. Титов А.С. Борьба за единый национальный фронт в Китае 1935–1937 гг. М.: Наука, 1981.
12. Зоригт Доржийн. Дэ Ван. «АДМОН» компанид хоер дахь удаа хэвлэв: Улаанбатаар, 2011.
13. Ван Сюсин, Го Дэхон. История борьбы китайской нации против японских захватчиков (1931-1945). Пекин: ИД истории Коммунистической партии Китая, 1995. (王秀鑫、郭德宏主编, 中华民族抗日战争史 (1931-1945), 北京: 中共党史出版社, 1995年).
14. Воспоминания Дэ Вана. Культурные и исторические данные / материалы Китайской народной политической консультативной конференции Национального комитета истории культуры. 1990. (中国人民政治协商会议全国委员会文史资料研究委员会编, 德王回忆, 文史资料出版社, 1990年).

15. Воспоминания Дэмчиг Донрова. Культурные и исторические данные Внутренней Монголии. Т. 13. 1984 (《德穆楚克栋普自述-内蒙古文史资料第十三辑》1984).
16. Лю Гомин. К столетию со дня основания партии Гоминьдан. Издательство «Туаньцзе», 2005. (刘国铭等编. 中国国民党百年人物全书下). 团结出版社. 2005年).
17. Лю Шулин. Хронология и должностные лица Китайской республики. Пекин: Чжонхуа, 1995. (刘寿林等编, 民国职官年表, 北京: 中华书局, 1995年.).
18. Роль японской армии в создании марионеточного режима во Внутренней Монголии. История сопротивления японский захватчикам, 2002. (祁建民, 日本陆军与「蒙疆联合委员会」, 抗日战争研究2002).
19. Сичин Чжачид. Воспоминания о Дэ Ване и Внутренней Монголии. Издательство Токийского университета иностранных языков, Научно-исследовательский институт языка и культуры Африки и Азия. Токио, 1985. (札奇斯钦《我所知道的德王和当时的内蒙古》, 日本东京外国语大学, 1985年).
20. Сэй Хан, Чжин Хай, Судэ Бэлиг. История Внутренней Монголии периода Китайской Республики. Издательство Университета Внутренней Монголии, 2007. (航, 金海, 苏德毕力格, 民国内蒙古史, 内蒙古大学出版社, 2007年).
21. Autonomy granted to Inner Mongolians ends move for annexation to Manchukuo // The New York Times. April 22, 1934.
22. Beasley, W. G. Japanese imperialism 1894-1945. Oxford: Oxford University Press, 1987.
23. Boyd, James. Japanese-Mongolian Relations, 1873-1945: Faith, Race and Strategy. BA (Hons) Adelaid, 2008.
24. Brook, Timothy; Wakabayashi, Bob Tadashi. Opium Regimes. China, Britain, and Japan, 1839-1952. University of California Press, 2000.
25. Celebration in Mongolia // The New York Times. September 2, 1940.
26. China: jokes on Japan // The Time. November 23, 1936.
27. China: Mongokuo // The Time. March 29, 1937.
28. Coble, Parks M. Facing Japan: Chinese Politics and Japanese Imperialism, 1931 – 1937. Cambridge, MA and London: Harvard University Press, 1991.
29. Elliott, Mark C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies. The Journal of Asian Studies. Vol. 59, No. 3, Aug., 2000.
30. Fighting in North-West China // The Manchester Guardian. November 12, 1936.
31. Friters, Gerard M. Outer Mongolia and its international position. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1951.
32. Jagchid, Sechin. The Last Mongol Prince: The Life and Times of Demchugdongrob, 1902-1966. Bellingham, Washington: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1999.
33. Japan Creates Of Mongokuo Puppet State // The Washington Post. March 17, 1937.
34. Japan in North China // The Observer. February 2, 1936.
35. Japanese halt advance on the Yangtse // The Singapore Free Press, August 2, 1938.
36. Japanese set up regime in Chahar // The New York Times. September 4, 1937.
37. Japanese troops for Mongolia? // The Straits Times, July 8, 1936.
38. Hopei-Chahar regime installed // The New York Times. December 18, 1935.
39. Inner Mongolian Autonomy Near // The New York Times. October 30, 1933.
40. Inner Mongolians set up new regime; break from Nanking // Chicago Daily Tribune. October 20, 1937.
41. Lin, Hsiao-ting. Modern China's ethnic frontiers: a journey to the West. Taylor and Francis, 2010.
42. Lin, Hsiao-ting. Modern China's ethnic frontiers : a journey to the west. London; New York : Routledge, 2011.
43. Lin, Hsiao-ting. Tibet and Nationalist China's Frontier: Intrigues and Ethnopolitics, 1928-49 (Contemporary Chinese Studies). University of British Columbia Press, 2007.
44. Liu, Xiaoyuan. A Partnership for Disorder: China, the United States, and Their Policies for the Postwar Disposition of the Japanese Empire, 1941-1945. Cambridge University Press, 2002 г.
45. Manchoukuans push far into Mongolia // New York Post. March 10, 1936.
46. Mongolian autonomy movement // The Times. April 24, 1934.
47. Mongolians Form Autonomous State // The Washington Post. October 30, 1933.
48. Mongolia sets up its new capital // The New York Times. July 29, 1934.
49. Mongols get autonomy: self-rule is inaugurated in ceremony at Pailingmiao // The New York Times. April 25, 1934.
50. New Puppet State. Inner Mongol Allies Of Japan // The Straits Times, October 20, 1937.
51. North China «Autonomy» // The Washington Post. February 28, 1936.
52. Paine, S. C. M. The Wars for Asia, 1911–1949. Cambridge University Press, 2012.
53. Peilingmiao council reorganized // The Straits Times. March 23, 1936.
54. Pettibone, Charles D. The Organization and Order or Battle of Militaries in World War II: Volume VII: Germany's and Imperial Japan's Allies & Puppet States. Trafford Publishing, 2012.
55. Prompted by Japan // The Straits Times. January 20, 1936.
56. Puppet state in Mongolia? // The Straits Times, June 30, 1936.
57. Second Manchoukuo . . . // New York Post. June 4, 1936.
58. Self-rule sought by Inner Mongolia // The New York Times. October 16, 1933.
59. Serious developments in Mongolia // The Singapore Free Press, July 2, 1936.
60. Tighe, Justin. Constructing Suiyuan: The Politics Of Northwestern Territory And Development in Early Twentieth-Century China (Brill's Inner Asian Library). Brill Academic Pub, 1St Edition, 2005.

Дудин Павел Николаевич, кандидат политических наук, Бурятский государственный университет. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а.

Dudin Pavel Nikolaevich, candidate of political science, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24 a.

УДК378:316.723 (571.54)

© В.В. Калашникова

Студенческая субкультура Бурятии на современном этапе

Статья посвящена изучению особенностей формирования студенческих субкультур в Бурятии в постсоветский период.
Ключевые слова: молодежные субкультуры, студенческая культура, культура, субкультура, сознание, ценности.

V. V. Kalashnikova

Students subculture of Buryatia at modern stage

The article is devoted to studying the features of formation of students subcultures in Buryatia during the post-Soviet period.
Keywords: youth subcultures, students culture, culture, subculture, consciousness, values.

Понятие «молодежь» многозначно. Возрастные границы молодежной группы не строго очерчены, что может быть обусловлено особенностями данного общества, а также исследовательскими целями. Одни исследователи определяют молодежный возраст с 11 до 25 лет, другие – с 14 до 28 (30). Обычно социальные группы определяются по их отношению к собственности, уровню дохода и соответствующей властной позиции в социальной иерархии. Поэтому выделить молодежную группу по возрасту можно только в узкодемографическом смысле. Оставаясь несомненным критерием, возраст мало что дает для понимания различий в образе мыслей, поведении и «практиках» современной российской молодежи. Для этой группы характерен ограниченный доступ к значимым экономическим, социальным и культурным ресурсам.

Молодость, с одной стороны, – фаза психологического развития, в течение которой развивается и изменяется тело подростка. С другой стороны, – это период психологического становления, проходящего через фазы ранней и поздней подростковости. Понятие «студенчество» определяется легче, чем «молодежь». Во-первых, это учащаяся молодежь в ПТУ, вузе, ССУЗе и др. Во-вторых, эта группа определяется возрастными границами от 15 (16) до 28 лет.

Доминирующая роль межгрупповых, межклассовых интересов в молодежной среде особенно заметна на примере студенчества. Однако пребывание в одной аудитории, совместное изучение наук, дискуссии, сопоставления наследия великих мыслителей прошлого с реалиями современной жизни сплавивает, цементирует студенчество, по крайней мере – на время совмест-

ной учебы.

Очевидно, что внутри выделенной по возрасту группы следует различать социально-слоевые, профессиональные и иные образования, такие как молодые «новые русские», «бедные», студенты престижных университетов и безработные, лидеры молодежных объединений и члены криминальных группировок.

Студенчество, являясь источником пополнения числа работников умственного труда – интеллигенции, – может рассматриваться инициатором нововведений, ценностные ориентации которого коренным образом влияют на перспективы развития общества в целом.

Как уже было отмечено, современная молодежь включает в себя различные социальные группы, в том числе и студенчество. Выбор студенчества в качестве объекта нашего исследования объясняется тем, что указанная социальная группа является своего рода индикатором в отношении изменений, происходящих в стране. Кроме того, студенчеству присущи такие особенности личностной идентификации, как неустойчивость, отсутствие окончательной сформированности, нестабильность, более высокая по сравнению со старшими возрастными группами реактивность в отношении перемен, происходящих в социокультурной среде. При этом именно студенчество обладает целым набором социальных ресурсов, способствующих более высокой адаптивности и инновативности данной социальной группы в условиях трансформаций: молодой возраст, образованность, социальная активность, проживание в больших городах, а также сравнительно высокая материальная обеспеченность и т.п. Следовательно, можно

говорить о студенческой субкультуре, для которой характерны общие ценности, понятия, деятельность и т.д.

В нашей стране с 60-х гг. XX в. студенчество стало изучаться как специфическая социальная группа. По данной проблеме в это время было написано много работ, в основном в них присутствовал ориентир на коммунистическое развитие общества в целом. Немного позже этот ориентир сменился задачей формирования в Советском Союзе общества с развитым социализмом. Главная роль отводилась студенчеству как реализатору коммунистических идей.

В настоящее время проводится множество социологических исследований студенческой молодежи, что естественным образом создает предпосылки для более конкретных теоретических обобщений. Тем не менее и в настоящее время в социологической науке вопрос синтеза теории и эмпирики по проблеме студенчества является весьма актуальным, поскольку это обеспечит уточнение дефиниции «студенчество», выявление его сущности, определение его места и роли в современном российском обществе.

В существующих социологических работах, посвященных студенчеству, преимущественно дается определение данной совокупности индивидов как социальной группы. В работах В.Т. Лисовского, посвященных изучению феномена советского студента, отмечается, что «советское студенчество будоражило общественную мысль, оно тревожило правительство, постоянно напоминало самодержавной бюрократии, что она не сможет задушить всю страну» [1], и дается определение студенчества как группы в социальной структуре общества, которая по общественному положению относится к интеллигенции, является ее резервом, предназначенным для занятий высококвалифицированным трудом в различных областях науки, техники, культуры и др. [2]

По определению О.В. Лармина, студенческая молодежь – это специфическая, социально-профессиональная группа людей молодого поколения, объединенная выполнением специальных учебных и социальных функций, характеризующаяся общностью быта, ценностных ориентаций и образа жизни. [3]

Характерным для студенческой молодежи является стремление к личной независимости, к свободе в принятии решений, престижности получаемого образования. Именно молодежь является инициатором нетрадиционного и прогрессивного подхода к сложившимся обстоя-

вам, выступает критиком накопленного исторического опыта и является объектом для подражания.

Необходимо отметить, что для студенческой субкультуры характерны явления девиантного поведения. Особенно острой является проблема детской и юношеской наркомании. Уровень заболеваемости наркоманией среди подростков в 1,5 раза выше, чем среди взрослых. Наркотики получают все более широкое распространение в учебных заведениях, в том числе в начальной, средней и высшей школах, становясь частью субкультуры. Ежегодно в Республике Бурятия количество людей, употребляющих наркотики увеличивается на 28–30%. Одной из острейших является проблема разводов. В Бурятии ежегодно более 4,5 тыс. детей остаются с одним из родителей. Это предпосылка для появления социальных сирот, детской преступности, бродяжничества [4].

Молодежь начала 90-х гг. XX в. представлялась как потерянная. Государство, отказываясь от своих обязанностей, бросило молодых людей на периферии общества, где они стали маргиналами, неспособными вписаться в нормальную жизнь.

Субкультуры – это яркое «открытие» молодежи. В классических теориях они представлялись культурами различных молодежных меньшинств в пределах плюралистических обществ, аутентичными формами независимых идентичностей, отражавшими новые измерения послевоенной классовой структуры, стилистические различия которых объяснялись разрывом преемственности в воспроизводстве классовых культур. Внимание уделялось раскодированию значений различных стилей одежды, музыки, территориальности и других языков взаимодействия внутри групп сверстников.

П.С. Гуревич считает, что «субкультурные отсеки культуры в известной мере автономны, закрыты и не претендуют на то, чтобы заместить собою господствующую культуру, вытеснить ее как данность. Мы можем говорить об особом кодексе правил и моральных норм внутри этноса» [5].

«Молодежная субкультура» – культурное пространство и круг общения подростковых и молодежных сообществ, помогающие им адаптироваться в социуме и создавать свои, автономные формы культурной активности. Основной фактор, привлекающий молодежь в субкультуры, – стремление приобрести внешние, формальные характеристики, позволяющие выделяться из общей обезличенной массы населе-

ния мегаполиса. Поэтому, несмотря на декларирование представителями субкультур своей приверженности каким-либо идеологическим, религиозным, политическим концепциям, обычно они не особо вникают в них и в основном объединяются по внешним характеристикам – одежда, причёски, музыка, места общения» [7].

Отсюда видно, что понятие «субкультура» первоначально обозначало явления, воспринимавшиеся как *вне*-культурные. Со временем оно получило иной смысл, – теперь оно прочитывается как обозначение «подсистемы» культуры, указывая на мультикультурный характер современного общества [8].

В работах С. Фриса «субкультура – это социальная, этническая или экономическая группа с особым собственным характером в пределах общей культуры общества» [9].

«Если под культурой понимать специфический человеческий способ жизнедеятельности, обеспечивающий социальное наследование, а под образом жизни – относительно устойчивые, типичные для конкретного общества (группы, класса) формы жизнедеятельности, – пишет Я. Ильинский, – то сообщества с преобладанием ценностей, норм, образцов поведения, отличных от господствующих в обществе, образуют ценностно-нормативные субкультуры» [10].

В соответствии с субкультурной теорией формы проявления молодых людей являются протестом не потому, что они сознательно желают нанести урон «буржуазной идеологии», а потому, что использование социальных знаков наделяет чувством контроля над своей жизнью, через свой стиль они привлекают внимание не только к себе, но и к противоречиям в доминирующей идеологии.

Следовательно, субкультуры типологизируются в соответствии с типом общности их носителей. В частности, выделяются следующие типы:

- половозрастные (детская, молодежная, субкультуры матерей);
- социально-профессиональные (рабочие и интеллигенция, студенческая, армейская);
- досуговые;
- религиозные;
- этнические;

«Само понятие «субкультура» сформировалось в результате осознания неоднородности культурного пространства, ставшей особенно очевидной в урбанизированном обществе» [11].

Студенчество необходимо рассматривать как один из сегментов молодежной субкультуры. Проблема регионального студенчества в том,

что оно остается во многом пассивным, в Бурятии действует очень мало студенческих организаций, клубов. И это особенности нашей студенческой субкультуры. В толпе мы не сможем отличить, кто перед нами – студент или работающий молодой человек, у нас отсутствует «маркер», который бы выделял студентов. Может, это боязнь выделиться из общей обезличенной массы? В отличие от России на Западе существует определенный стиль студенческой субкультуры: в США – это малиновые пиджаки, которые носят студенты колледжей, в Прибалтике – восьмиугольные шапки с помпонами и перчатки и т.д. Так, все студенты идентифицируют себя со студенческой субкультурой и с определенным социальным статусом.

Студенческая субкультура могла бы выполнять не только социализирующие функции, но и конструктивно-творческие, поскольку она непосредственно включена в жизнь общества и определяет некоторые формы его развития. Поэтому так важно, чтобы студенческие субкультуры осваивали городское пространство, общество, т.к. они являются позитивными формами социального развития.

Следовательно, необходимо направлять студенческую субкультуру для того, чтобы студенчество в полной мере развивалось, занимало активную общественную позицию и объединялось по интересам, видам деятельности.

Определены следующие специфические характеристики студенческой молодежи как объекта исследования:

- студенчество – самая значительная по численности и по роли в системе общественного воспроизводства социальная группа;
- главная функция студенчества – пополнение рядов квалифицированных кадров интеллигенции;
- студенческая молодежь является особенной переходной социальной группой, в рамках которой осуществляется личностное и социальное становление;
- отличительная особенность студенчества – стремление ко всему новому;
- студенческая молодежь наиболее чувствительна к общественным трансформациям и открыта для восприятия любых инноваций;
- студенчество Республики Бурятия остается пассивным и инертным.

Студенчество, не являясь особым классом и не занимая самостоятельного положения в системе материального производства и производственных отношений, в то же время выступает

неотъемлемой частью социально-классовой структуры общества.

В результате вышеизложенного можно сделать вывод, что студенчество – это не только передовой отряд молодежи, но являясь высокообразованной и высококультурной частью об-

щества, оно выступает как инновационный резерв и потенциальная элита, которая концентрирует в своих взглядах и идеях зачатки будущих политических, культурных и экономических преобразований в обществе.

Литература

1. Лисовский В.Т. Советское студенчество // Советское студенчество: социологические очерки. – М., 1990. – С. 54.
2. Лисовский В.Т. Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) // Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи) – Социологические исследования. 1998. – № 5. – С. 102.
3. Лармин О.В. Эстетическое воспитание и развитие молодежи // Эстетическое воспитание и развитие молодежи – М., 1978. – С. 96.
4. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ) Ф. 2028. Оп. 1, Д. 1279. С.31, НАРБ. Ф. 2028. Оп. 1. Д. 1279. С.36.
5. Гуревич П.С. Культурология. – М.: Гардарики, 2001. – С. 178.
6. Неформальные молодежные объединения: информационный бюллетень. – М.: Изд-во МВД России, 2003. – С. 15.
7. Щепанская Т.Б. Традиция городских субкультур // Современный городской фольклор – М.: Изд-во РГГУ, 2003 г., [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.poechali.narod.ru/subcult>. – СПб., 1993. – С.2.
8. Косарецкая С.В., Синягина Н.Ю. О неформальных объединениях молодежи. – М.: Владос, 2004. – С. 9.
9. Там же. С.10.
10. Там же. С. 10.
11. Щепанская Т.Б. Традиция городских субкультур // Современный городской фольклор. – М.: Изд-во РГГУ, 2003 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.poechali.narod.ru/subcult>. – СПб., 1993. С.3.

Калашникова Вера Викторовна, кандидат исторических наук, преподаватель Улан-Удэнского института железнодорожного транспорта – филиала ГОУ ВПО «ИрГУПС» в г.Улан-Удэ, пр. 50 лет Октября, 58.

Kalashnikova Vera Victorovna, candidate of historical sciences, lecturer, Ulan-Ude Institute of Railway Transport – Branch of Irkutsk State University of Railway Transport in Ulan-Ude, 50 anniversary of October, 58.

УДК 94 (571.54)

© **Б.Б. Зандараев**

Дореволюционная историография земледелия бурят

Статья посвящена анализу дореволюционных источников XVIII–XX вв. о состоянии земледелия у бурят. Рассматриваются обзоры, отчеты, статистические данные, нормативные акты и исследования ученых.

Ключевые слова: коренной сибирский народ, буряты, традиционное хозяйство земледелие, хлебопашество, Сибирь.

B.B. Zandaraev

Pre-revolutionary historiography of the development of Buryat's agriculture

The article is devoted to the analysis of pre-revolutionary sources of the XVIII–XXth centuries on state of farming in the Buryats. The reviews, reports, statistical data, normative acts and scientific researches are studied.

Keywords: indigenous Siberian people, Buryats, traditional agriculture, husbandry, Siberia.

В XVIII в. исследованием Сибири занимались академические экспедиции. Начало исследований этнографического характера с определенными оговорками можно связать с Первой академической экспедицией (1733–1743), возглавляемой Г.Ф. Миллером; в состав отряда входили также И.Г. Гмелин и С.П. Крашенинников. Ими оставлен богатый материал по описанию хозяйства и опыта коренных народов XVIII в., в частности о земледелии бурят.

Еще в первой половине XVIII в. И. Гмелин, путешествовавший по Сибири в составе Вели-

кой Камчатской экспедиции и близко наблюдавший жизнь коренных народов, отмечал земледелие у бурят и переход к нему объяснял имущественным неравенством, разделением людей на богатых и бедных. Последние, не имея возможности прокормиться исключительно за счет скотоводства, крестились в православие, что освобождало их на несколько лет от уплаты ясачной подати, и брались за пашню как за важный дополнительный источник существования [1].

Во второй половине XVIII в. подобную картину наблюдал участник другой большой ака-

демической экспедиции в Сибири И. Георги. Он посетил районы Предбайкалья и Забайкалья в начале 1770-х гг. и результаты своих наблюдений изложил в «Описании всех обитающих в Российском государстве народов», он привел немало интересных сведений о бурятах, в частности об их занятии земледелием, о площади посевов в отдельных хозяйствах, засеваемых злаковых культурах, орудиях и приемах обработки почвы. По его наблюдениям, в окрестностях Иркутска и вниз по течению Ангары посевы имелись примерно в каждом третьем-четвертом семействе бурят [2]. Любопытно отметить, что спутник Георги по научной экспедиции П. Паласс, также побывавший в Предбайкалье и Забайкалье, категорически отрицал существование среди бурят земледельцев. По его мнению, иркутские, балаганские, верхоленские и ольхонские буряты «не меняют еще скотоводства и охоты на земледелие» [3].

Как и Гмелин, Георги считал, что в основе происходящих перемен в хозяйственной жизни бурят лежит бедность, слабая обеспеченность части улусного населения скотом. Но бедность являлась, по мнению И. Георги, следствием не социально-экономических факторов, а результатом воздействия географической среды, суровых для скотоводства климатических условий Восточной Сибири. «Многие из сих бурят, – писал он об иркутских бурятах, – по причине разных препятствий в скотоводстве от суровости климата и местоположений совокупили оное с земледелием, хотя их пристрастие к кочевой жизни осталось неизменным» [4].

Во второй половине XVIII в. появились труды М. Татарникова и Ф. Ланганса, в которых отмечается наличие земледелия у бурят [5]. Лангансу удалось собрать и систематизировать новый фактический материал о народах Сибири и на этой основе создать оригинальный труд, отличающийся от работ его предшественников.

К числу немногих работ XVIII в., в которых в той или иной мере нашло отражение бурятское земледелие, относится малоизвестное сочинение Егора Пестерева «Примечания о прикосновенных около Китайской границы жителях, как Российских ясашных татарах и соютах, так и китайских мунгалах» [6]. Будучи пограничным комиссаром, Е. Пестерев по долгу службы бывал в различных районах Восточной Сибири, соприкасался с бытом бурят и хорошо понимал происходящие в их жизни перемены. Благодаря ему мы достоверно знаем, что во второй половине XVIII в., наряду с другими территориальными группами бурят, земледелием стали заниматься

и нижнеудинские буряты. Он, как и другие авторы того периода, пишет о бурятах-земледельцах весьма лаконично, ограничиваясь лишь беглыми этнографическими штрихами, но при этом материалы, собранные им и его современниками, дают возможность хотя бы частично описать состояние земледелия того периода.

Известный ученый О.М. Ковалевский, осуществивший научную поездку в конце 20-х гг. XIX в., отметил, что некоторые группы бурят, например, «балаганские и идинские занимаются более земледелием, нежели скотоводством» [7].

Об этом же свидетельствуют и другие авторы. Бывший верхнеудинский земский исправник М.М. Геденштром в книге «Отрывки о Сибири», изданной в 1830 г., пишет, что «балаганские буряты имеют обширное хлебопашество» [8]. Факт весьма примечательный, если даже считать оценку наших авторов несколько преувеличенной. Достаточно вспомнить, что еще полвека назад П.С. Паласс отрицал существование земледелия. Изменилась внутренняя экономическая политика государства и, соответственно, обстановка в улусах. Прогресс бурятского земледелия был на лицо, и об этом шла речь в литературе того периода. В целом она сыграла большую роль в изучении бурятского земледелия XVIII в., если учитывать, что основная масса архивных документов того периода была повреждена хоринским пожаром в 1849 г. и особенно иркутским пожаром 1879 г.

В XIX в. история народов Сибири привлекала внимание авторов различных идейных течений. Интересы правящих кругов к Сибири, практические задачи по организации управления краем породили официальное направление в историографии. Так, большой и интересный фактический материал о бурятах-хлебопашцах собрали в 1840-1850-е гг. Л. Львов и Ю. Гагемейстер. Чиновник Министерства государственных имуществ Л. Львов, будучи с ревизией в Забайкалье и имея свободный доступ во все местные архивы, составил обстоятельное описание хозяйства русских и бурятских крестьян, их поземельного устройства, социального и экономического положения. Несомненную ценность представляют материалы о посевах у бурят, способах ведения земледелия, в частности об устройстве оросительных каналов для полива посевов [9]. По обилию фактического материала «Общее обозрение Забайкальского края» Л. Львова является одной из лучших работ в литературе первой половины XIX в.

С ним может поспорить лишь труд другого чиновника того же министерства Ю.А. Гагейме-

стера «Статистическое обозрение Сибири» [10]. Свой фундаментальный двухтомный труд автор создал на основе литературных данных и обширного круга документальных источников, хранившихся в архивах министерств и центральных ведомств, в частности Первого и Второго Сибирских комитетов. Этот труд создавался по заказу правительства и, естественно, был выдержан в форме официального документа. Поэтому ценность в нем представляют лишь конкретные материалы о динамике развития земледелия у различных территориально-родовых групп бурят, об их связи с рынком, о бытовых переменах, обусловленных земледелием, – изменения пищевого рациона, строительство изб, амбаров и др. Хотя большая часть статистического материала относится к 1840-1851 гг., эти сведения имеют значение как «отправные точки» для изучения последующих изменений, в частности экономики и других сторон быта коренных народов.

Гораздо менее удачное издание подобного же рода было осуществлено правительством к 300-летнему юбилею дома Романовых. Преследуя цель прославления политики самодержавия в Сибири, трехтомная «Азиатская Россия» содержала более скромные по сравнению с трудом Гагеймстера статистические материалы, заимствованные из отчетов губернаторов и царских министров о поездках в Сибирь. В первом томе приводятся статистические материалы по бурятским ведомствам о количестве населения, рождаемости, смертности, роде занятий, посевных площадях [11].

В первой половине XIX в. активно издавался в столичных периодических изданиях (особенно в «Журнале Министерства внутренних дел») сибирский краевед Н.С. Щукин. Его перу принадлежит серия статей, посвященных различным вопросам экономики и быта восточно-сибирского крестьянства [12]. Немало места отведено в них бурятскому крестьянству, характеристике скотоводства и земледелия в различных ведомствах, землевладения и землепользования, системе полеводства и др.

В 1843 г. в том же «Журнале Министерства внутренних дел» (Ч. 25, 26) увидел свет труд другого сибирского краеведа В. Паршина «Поездка в Забайкальский край», он вышел через год в Москве отдельным изданием [13]. В нем нет сколько-нибудь полных данных о состоянии земледелия у бурят. Приводимые сведения разбросаны по различным главам и носят чисто описательный характер. Автор не делает попытки разобраться в них, вникнуть в причинно-

следственные связи такого интересного явления, как развитие земледелия в условиях кочевой жизни бурят. Но и этот небольшой материал представляет известную ценность, так как он исходит от очевидца, который помимо своих наблюдений пользовался документами, несохранившимися до наших дней.

Отрывочные сведения о бурятском земледелии содержатся в различного рода обширных обзорах Иркутской губернии [14]. Как правило, статистические материалы подобраны в них тенденциозно и преследуют цель – показать рост благосостояния бурятских крестьян под управлением сибирской администрации. Реальная картина в них растворилась в усредненных цифрах.

Таким образом, в первой половине XIX в. Восточная Сибирь уже не знала академических экспедиций. На смену им пришли исследователи-одиночки, люди с разными судьбами, взглядами и жизненными интересами. Среди них были ученые, чиновники всех рангов, представители местной сибирской интеллигенции и политические ссыльные. Каждый из них по-своему подходил к проблеме Сибири, к оценке исторического прошлого, настоящего и будущего коренных народов этого края. В. Паршин, например, писал о бурятах, что они вносят бытие свое в дикой простоте, не сохранили ни памятников, ни сказаний о днях своего прошлого [15].

По утверждению М. Геденштрама, «история Сибири начинается с покорения ее россиянами» [16]. Отсюда следовал верноподданический вывод о цивилизаторской миссии царизма среди народов Сибири. Конкретным ее проявлением считалось развитие земледелия у бурят, которое якобы стало возможным, благодаря «заботам и вниманию» к нуждам кочевников скотоводов со стороны губернских властей, в частности иркутского губернатора Н. Трескина, который в 1812 г. издал «Положение о распространении хлебопашества среди инородцев». Версия о том, что Н. Трескин положил начало земледелию у бурят, была довольно широко распространена и поддерживалась в сибирской литературе длительное время. В начале 70-х гг. XIX в. эту версию опроверг сибирский писатель и общественный деятель В.И. Вагин. В своей книге «Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского с 1819 по 1822 г.» он писал: «Обыкновенно думают, что хлебопашество у иркутских бурят введено только при Трескине. Это мнение совершенно ошибочно. Некоторые роды инородцев, кочующих по сию сторону Байкала, занимались хлебопашеством еще в

конце прошедшего столетия» [17].

Официальное направление в историографии особенно оживилось на рубеже XIX и XX столетий в связи с началом массового переселения и землеустройства в Сибири, когда значительная часть земель коренных народов, в том числе и бурятского, отошла в колонизационный фонд. Эти события вызвали острую дискуссию на страницах газет и журналов, в научных и общественных кругах, породили немало общих и частных исследований по истории землевладения и землепользования у сибирских народов, в частности у бурят [18]. В этих исследованиях затрагивались земельные отношения между русским и бурятским крестьянством феодальной эпохи, между отдельными территориальными группами бурят, юридическое право и фактические формы землепользования, влияние земледелия на кочевой быт, политика царизма по отношению к бурятскому крестьянству.

Авторы официального направления, проповедуя тезис о монархической власти как основе исторического прогресса Сибири, активно защищали переселенческую политику царизма и земельный грабёж местного населения. Они надеялись за счет обезземеливания сибирских народов создать необходимый переселенческий земельный фонд и тем самым сохранить помещичье землевладение в Европейской России.

В отличие от официальной историографии, история народов у А.П. Шапова выступала не статистическим объектом изучения, а средством борьбы за улучшение его положения. Он одним из первых обратил внимание на прямую связь масштабов и темпов колонизации с изменениями в хозяйстве у коренных жителей, положительно оценил взаимовлияние русского и коренных народов Сибири [19].

Наиболее весомые достижения в изучении национальной политики связаны с именем Н.М. Ядринцева. Его подход к «инородческому вопросу» характеризуется наличием разоблачительной правды о государственной политике, страстной защитой прав коренных народов на самостоятельное существование. Рассматривая процесс заселения и освоения Сибири, Н.М. Ядринцев в работе «Сибирь как колония» писал: «Процесс оттеснения инородцев и ограничение их района продолжается вместе с успехом колонизации» [20]. С этим обстоятельством он связывал прогресс бурятского земледелия. В условиях общественно-политического подъема и нарастания революционного движения в стране старая идея, наполненная новым содержанием, была направлена против колонизационной по-

литики царизма в Сибири, и в этом смысле она сыграла положительную роль. Но с научной точки зрения, она давала одностороннюю и поэтому неверную оценку событиям. Вступая в противоречие с тезисом о вовлечении коренных народов в систему общесибирских хозяйственных связей и положительным влиянием народной колонизации на этот процесс, Н.М. Ядринцев в то же время не понял исторического прогрессивного значения присоединения народов Сибири к России.

И.И. Серебренников также доказывал сокращение численности коренных народов, объемов посевных площадей [21]. Примерно такой же подход к исследованию истории коренных народов Сибири прослеживается в трудах П.М. Головачева. Он признавал, что «степень прогрессивного влияния русских на коренное население зависит немало от того, с кем именно – русским трудовым народом или торговцами и промышленниками – сталкивались аборигены» [22]. В качестве положительных примеров влияния русского крестьянства П.М. Головачев отмечал факты развития у коренных народов земледелия и оседлости.

В истории Сибири конца XIX – начала XX в. видное место занимало народническое течение. С позиций левонароднического толка оценивал политику царизма в отношении народов Сибири Д.А. Клеменц. В серии статей «Заметки о кочевом быте» ученый резко выступал против землеустроительной политики самодержавия, прикрывающейся демагогическими заявлениями о необходимости перевода кочевников в оседлое состояние [23]. Рассматривая проблему взаимовлияния русского и коренного народов, он разграничивал политику царского правительства и воздействие русского трудового населения на хозяйство и быт аборигенов. Применительно к местным народам в качестве положительного результата такого влияния Д.А. Клеменц отмечал развитие земледелия, оседлости, рост общей культуры.

Важное значение для понимания сущности политики самодержавия в отношении коренных народов Сибири, уяснения их правового положения в составе Российской империи имеют нормативные акты царского правительства, юридически определяющие сословное положение аборигенов. К ним относится «Устав управления инородцев» 1822 г., вошедший в Полное собрание законов Российской империи [24]. По нему все проживавшие в Сибири инородческие племена делились на три разряда в зависимости «от степени гражданского образования и по на-

стоящему образу жизни». Устав регулировал все стороны жизни и хозяйственной деятельности инородцев, давая большую внутреннюю свободу. Его рассмотрение позволяет выявить разницу между бурятскими родами в хозяйственной деятельности. Также положения о правах бурят зафиксированы в Своде законов [25].

К другой группе нормативных актов относятся указы о поощрении бурят за большие успехи в земледелии, благотворительность, охрану и защиту Родины. Эти документы отражают деловые и нравственные качества бурятского народа, способность к самопожертвованию. Следующую группу использованных нормативных актов представляют указы царского правительства, связанные с заселением и освоением Сибири. Они показывают, каких трудов и усилий стоило переселение в далекий край большой массы русских крестьян, как непросто складывалась их жизнь в новых местах. Следует, однако, иметь в виду, что подчас трудно выявить причины происхождения законов, характер обсуждения законопроектов в правительственных инстанциях. Законы лишь фиксируют конечный результат этой деятельности и не выявляют различные тенденции в правительственной политике. Некоторые нормативные акты неточно отражали фактическое положение дел, так как в силу длительной процедуры разработки и принятия уже не отвечали требованиям времени и являлись устаревшими. Ряд законов или их отдельные положения никогда не были претворены в жизнь. Поэтому необходима проверка и дополнение нормативных источников другими, в первую очередь архивными, материалами.

Динамику развития, состояние хозяйства, количество населения, его национальный состав показывают различные статистические источники. Разнообразные сведения о сословном составе и половозрастной структуре народонаселения, образованности, развитии хозяйства, доходности угодий, ценах, промыслах и о многом другом содержатся в статистических отчетах, материалах различных комиссий, переписи на-

селения. Они дают большой статистический материал, сравнивая и анализируя который можно выявить реальную картину по интересующему вопросу. К ним можно отнести материалы «Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года» [26]. Тогда впервые было предпринято столь крупномасштабное статистическое исследование населения страны. На его основе С. Патканов отразил национальный состав Сибири, язык и роды инородцев. К сожалению, эти материалы по различным причинам показывают разные данные, но их сравнение позволяет определить наиболее оптимальный вариант. Указанные статистические источники создают лишь приблизительную картину динамики хозяйства и народонаселения, поэтому их применение возможно лишь при условии критического анализа. Также интересующие нас сведения по некоторым годам являются неполными или вообще отсутствуют.

Таким образом, хотя в дореволюционной историографии Сибири был накоплен немалый фактический материал о бурятском земледелии, но объективной научной оценки ему так и не было дано. Выводы носят односторонний и упрощенный характер. В дореволюционный период бурятскому крестьянству, его земледельческой деятельности не было посвящено специальных работ. Одни исследователи, рассматривая историю Сибири как последовательные этапы ее завоевания, само земледелие считали чуждым для бурят-скотоводов, навязанным им правительством и его чиновниками на местах, не говоря уже о разработке проблемы дорусского земледелия. Другие, акцентируя основное внимание на том, что с началом русской крестьянской колонизации Предбайкалья и Забайкалья сократились пастбища и изменились характер и масштабы скотоводства у бурят, не хотели признавать, что земледелие означало новый, более прогрессивный, этап в развитии производительных сил края и что это обстоятельство повлекло за собой ряд других важных и благотворных перемен в жизни бурятского народа.

Литература

1. Гирченко В.П. Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и I половины XIX о бурят-монголах. Улан-Удэ, 1939. С.18.
2. Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. СПб., 1799. Ч.3-4. С.29.
3. Там же.
4. Там же.
5. Ланганс Ф. Собрания известий о начале и происхождении разных племен иноверцев в Иркутской губернии обитающих, о преданиях между ними сохранившихся, о достопамятных происшествиях и о законе и обрядах их // РГИА. Ф. 1264. Оп.1. Д.300.
6. Примечания о прикосновенных около Китайской границы жителях, как Российских ясапных татарях и сойтах, так и китайских мунгалах, деланные Егором Пестеревым с 1772 и 1781 года // Новые ежемесячные сочинения. 1793. Январь.

Ч.ХХІХ. С.68.

7. Ковалевский О.М. О забайкальских бурятах // Казанский вестник. 1829. Кн. 9-10, 11-12. С. 176.
8. Геденштром М.М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830.
9. Львов Л. Общее собрание Забайкальского края // Русский вестник. 1842. №9,10.
10. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч.ІІ.
11. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т.І.
12. Пукин Н.С. Исследование о народах, обитающих в Восточной Сибири // ЖМВД. 1849. Ч.27; Очерк Забайкальской области // ЖМВД. 1852. Ч.37; Пукин Н.С. Очерк земледелия и промыслов в Восточной Сибири // ЖМВД. 1853. Ч.42.
13. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. М., 1844.
14. Межов В.М. Сибирская библиография: указатель книг и статей о Сибири на русском языке и одних только книг на иностранных языках за весь период книгопечатания. СПб., 1892. Т.3
15. Паршин В. Поездка в Забайкальский край. М., 1844. С.15.
16. Геденштром М.М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830. С.10.
17. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.И. Сперанского с 1819 по 1822 годы. СПб., 1872. – С.284.
18. Дубров Я.П. О земледелии у бурят и его влиянии на их быт // Известия ВСОРГО. 1896. № 1-2; Серебренников И.К. К истории землепользования у бурят Иркутской губернии // Известия Иркутского отделения Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Иркутск. 1917. Т.1.
19. Щапов А.П. Собрание сочинений. Дополнительный том. Иркутск, 1937. С.239.
20. Ядринцев Н.Я. Сибирь как колония. СПб., 1882. С.99.
21. Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Верхнеудинск, 1926. Т.1.
22. Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902. С.136.
23. Клеменц Д.А. Заметки о кочевом быте // Сибирские вопросы. 1908. № 49-52.
24. Устав об управлении инородцев. ПСЗ. Т.38.
25. Свод законов. 1834. Т.2. § 497; Там же. 1842. Т.9. § 1102, 1103, 1109, 1128.
26. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897. Т.74; Забайкальская область. СПб., 1904; Иркутская губерния. СПб., 1904.

Зандараев Батор Баясхаланович, кандидат исторических наук. Бурятский государственный университет. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24 а.

Zandaraev Bator Bayashkhalanovich, candidate of historical sciences. Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24 a.

УДК 930+001(09)(470)

© *О.Н. Полянская*

Монголоведческие направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии

Статья посвящена научным востоковедным обществам России начала XX в. Важную роль в развитии монголоведческих исследований сыграл Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, деятельность которого была связана с работой ученых с мировым именем: А. Позднеева, В. Котвича, Б. Владимирцова, А. Руднева, Ц. Жамсарано.

Ключевые слова: научная школа монголоведения, монголоведение в России в начале XX в., востоковедение, Русский комитет.

O.N. Polyanskaya

Mongolian studies trends in the researches of the Russian Committee for study of Middle and Eastern Asia

The article is devoted to the scientific oriental societies in Russia at the beginning of the XXth century. The Russian Committee for study the Middle and Eastern Asia played the important rule in the development of the Mongolian studies. Its activity was connected with the activity of the world known scientists: A. Pozdneev, V. Kotvich, B. Vladimirtsov, A. Rudnev, Ts. Zhamsarano.

Keywords: scientific school of Mongolian Studies, the Mongolian studies in Russia at the beginning of the XXth century, Oriental studies, the Russian Committee.

В XIX в. наряду с уже известными центрами по изучению стран и народов Востока – университетами и учреждениями Академии наук – создаются научные общества, целью которых было всестороннее изучение какого-либо восточного региона или отдельного направления (археологии, этнографии, географии). Изначально эти общества не создавались как востоковедные,

однако с течением времени востоковедная тематика в них стала приоритетной. Здесь назовем лишь те из них, которые сыграли важную роль в изучении монгольских народов. Императорское русское археологическое общество, учрежденное в 1846 г., изучало археологию и нумизматику западных и восточных стран. В 1851 г. при нем было открыто восточное отделение, члена-

ми которого в разные годы были известные востоковеды: И.Н. Березин, А.К. Казем-Бек, Н.И. Ильминский и др. Началось издание «Специальных записок восточного отделения». Особую роль в изучении стран Востока сыграло Русское географическое общество (1845) со своими отделами, основанными в разных регионах России, которые занимались изучением восточных народов, проживавших на ее окраинах: ВСОИРГО¹ в Иркутске, ЗаБОИРГО² в Чите, ТКОПОРГО³ в Троицкосавске и др.

В начале XX в. в России было создано два первых объединения специального востоковедного профиля: Императорское общество востоковедения (1900) и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (1903). Цель Общества востоковедения определялась уставом: «взаимное ознакомление народов России и Востока с их материальной и духовной жизнью» [1]. Для ее реализации в Обществе был создан ряд отделов: торгово-промышленный, образовательный, научно-культурный. В 1901 г. открылись его региональные отделения как в Средней Азии, так и на российском Дальнем Востоке: в Благовещенске под председательством губернатора Амурской области Д.В. Путяты, а в 1911 г. – в Хабаровске; а также за рубежом – в Харбине (1908). За время своего существования (до 1918 г.) Общество стало центром, призванным решать насущные проблемы, связанные с политикой России в указанных регионах. В октябре 1909 г. по инициативе монголоведа Алексея Матвеевича Позднеева при Обществе была создана Практическая восточная академия, чтобы готовить кадры для службы «на восточных окраинах и сопредельных с ними странами», которые бы хорошо владели восточными языками и вопросами, связанными с современным состоянием государств. Поэтому в учебную программу Академии наряду с китайским, монгольским, японским, персидским, тюркским языками были включены исторические, экономические и политические дисциплины [2]. В работе Общества и Практической академии самое активное участие принимали востоковеды, среди монголоведов особая роль принадлежит А.М. Позднееву, который после возвращения из Владивостока, где был директором Восточного института [3], убедил правительство о создании центра «практического востоковедения» и в Санкт-Петербурге. Кроме этого, он являлся автором учебных программ и пособий по монгольскому языку, а также преподавателем в этой Академии. Читал лекции по политической ситуации в Монголии начала XX в. дипломат и востоковед Н.Я. Коро-

стовец [4].

Созданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКСВА) предшествовал ряд событий международного характера: съезды востоковедов мира в Риме (1899) и Гамбурге (1902). На первом из них выступил В.В. Радлов с докладом о значимых археологических находках в Восточном Туркестане, что показало важность дальнейшего изучения региона – обширных территорий Азиатской части России, включая Туркестанский край, Казахстан, Сибирь и Дальний Восток и ее ближайших восточных соседей, прежде всего Китая и Монголии [5]. Стало необходимым учреждение в большинстве стран Европы специальных комитетов по археологическому обследованию этого ключевого региона Центральной Азии, сулящего значительные открытия. Участники конгресса приняли решение о создании «Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях». Ведущим подразделением этой организации должен был стать Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, учрежденный в 1903 г. в Санкт-Петербурге после утверждения в Гамбурге Устава, подготовленного российскими учеными [6]. Таким образом, Русский комитет был создан в составе этого «международного союза» и не входил ни в какие российские министерства и ведомства, связанные с наукой и образованием. Единственное министерство, перед которым комитет отчитывался (и то преимущественно о заграничных командировках своих членов), это Министерство иностранных дел, которое в свою очередь способствовало оперативной организации научно-исследовательских экспедиций в зарубежные страны Востока. Главой Русского комитета был утвержден директор Музея антропологии и этнографии (МАЭ) академик Василий Васильевич Радлов. Секретарями РКСВА были избраны Василий Владимирович Бартольд, Лев Яковлевич Штернберг. В основном членами Комитета были востоковеды: уже названные В. Радлов, В. Бартольд, Л. Штернберг, а также Ф.И. Щербатской, П.С. Попов, И.Я. Коростовец, В.Л. Котвич, позднее вошли монголоведы А.Д. Руднев, Б.Я. Владимирцов, А.М. Позднеев. Все ученые являлись представителями разных организаций: Академии наук, Петербургского университета, его восточного факультета и ряда министерств: народного просвещения, финансов, иностранных дел, военного, а также научных обществ: Русского географического, Археологического обществ и Археологической комиссии.

Согласно уставу, Русский комитет был призван «всячески содействовать изучению сохранившихся памятников как вещественных, так и духовных в соответствующих странах» [7]. «Путем постоянных сношений с местными деятелями и учреждениями выяснить, какие памятники подлежат скорейшему изучению и какие народности должны быть в ближайшем будущем исследованы в лингвистическом и этнографическом отношениях, и, таким образом, спасены для науки... Облегчить всем ученым, без различия национальности, участие в предстоящей научной работе в районе действия комитета» [8]. Эти пункты устава способствовали привлечению к исследовательской работе представителей национальной интеллигенции, которые помогали обеспечивать успех многих экспедиционных работ. Ярким примером плодотворного сотрудничества является взаимодействие монголоведов – членов комитета: В.Л. Котвича, А.Д. Руднева, Б.Я. Владимирцова и бурят Базара Барадийна, Цыбена Жамсарано, калмыка Ноха Очинова и других, совершивших не одну экспедицию для сбора рукописей и фольклорного материала.

Русский комитет за короткий период времени завоевал авторитет мирового научного сообщества. Это стало возможным благодаря его внушительному ученому составу, который представляли выдающиеся востоковеды, признанные во всем мире. Кроме того, нахождение комитета в ведении МИД способствовало «постоянным отношениям с иностранными представительствами», позволяло осуществлять «необходимую постоянную непосредственную связь комитета с соответствующими русскими посольствами и консульствами» в зарубежных странах.

Играя роль Центрального комитета Международного ученого союза, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии должен был оставаться в научном отношении совершенно независимым от каких бы то ни было других научных учреждений. Тесная связь комитета с МИДом оказалась крайне полезной, и только благодаря ей деятельность организации могла беспрепятственно развиваться и заслужить доверие иностранных национальных комитетов, открытых во Франции, Испании, Германии, Венгрии, Голландии, Дании и Швеции [9]. Все эти доводы В. Бартольд приводил в письме к министру МИДа А.П. Иволевскому, обращаясь «с покорнейшей просьбой об оставлении Русского комитета в ведении вверенного вам Министерства», когда встал вопрос о передаче комитета Академии наук или Министерству на-

родного просвещения в 1908 г. «Передача комитета в ведение другого учреждения могла бы только повредить дальнейшему развитию его деятельности, лишив комитет нынешнего его авторитета самостоятельного и независимого в научном отношении учреждения» [10].

С первых дней своей деятельности комитет развернул ширококомасштабную работу по изучению восточных народов в историческом, этнографическом, лингвистическом аспектах, и основным способом достижения этих целей были избраны экспедиции, которые позволяли, как показало время, изучать восточные языки и добывать достоверные сведения, найти и сохранить бесценные экземпляры восточных рукописей, записать фольклорный материал. И в этом комитет был продолжателем традиций российской научной школы востоковедения. Наибольшее значение имели организованные им экспедиции в Тибет, Монголию, Восточный Туркестан, Индию, Китай, Корею, Японию, а также Сибирь и Среднюю Азию [11]. Результаты этих поездок публиковались в виде отчетов в печатном органе РКСВА – «Известиях». В 1903-1911 гг. помимо «Известий Русского комитета...» выходил «Bulletin de l'Association internationale pour l'exploration historique... de l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient, publié par le Comité russe», в котором на французском языке печатались материалы из «Известий Русского комитета...». С 1912 г. «Известия» и «Bulletin» слились в одно издание в виде «Серии II». Одновременно с 1903 по 1914 г. печатались «Протоколы заседаний Русского комитета...».

РКСВА взаимодействовал с разными востоковедными учреждениями, используя их потенциал. Как правило, это заключалось в привлечении к своей работе ведущих специалистов востоковедения. Благодаря этому обогащались интересными и ценными экспонатами запасники музеев, архивов, рукописных фондов. В частности, собранные коллекции значительно обогатили фонды Музея антропологии и этнографии (МАЭ). Большая их часть хранится в МАЭ и сегодня. Однако коллекции средневековых памятников культуры Восточного Туркестана и Средней Азии (керамика, фрагменты настенных фресок и пр.) в 1930–1931 гг. по решению Президиума АН СССР были переданы из МАЭ в Государственный Эрмитаж, в организованный там отдел Востока [12]. В результате научных экспедиций К.Г. Залемана 1908 г. в Туркестан, Ц. Жамсарано к хори-бурятам в 1908 и 1909 гг. и Монголию в 1910 г., организованных Русским комитетом, пополнились коллекции Азиатского

музея АН [13].

Тесное сотрудничество РКСВА осуществлял не только с центральными научными учреждениями, но и региональными, особенно это проявлялось во взаимодействии с региональными отделами Русского географического общества. Это взаимодействие осуществлялось на протяжении всего периода существования комитета вплоть до 1921 г., когда он вошел в состав Коллегии востоковедов, а в 1923 г. окончательно прекратил свое существование.

Монголия и сопредельные с ней районы занимали в исследованиях Русского комитета одно из важных мест. Это было обусловлено многочисленными политическими процессами, происходящими на ее территориях. События начала XX в. могли способствовать утрате исторических ценностей, их потере для науки. В то же время 1911 и 1912 годы были связаны с приобретением государственного суверенитета Халхи, что способствовало работе российских экспедиций. Россия стала для независимой Северной Монголии дружественным государством, и эти обстоятельства активизировали экспедиционные исследования.

Период с 1908 по 1912 г. связан с активной работой монголоведов Русского комитета (В. Котвича, А. Руднева, Б. Владимирцова), которые плодотворно сотрудничали, направляли деятельность бурятских исследователей (Цыбена Жамсарано и Базара Барадийна), ставших также признанными специалистами-монголоведами. Ц. Жамсарано и Б. Барадийн при поддержке Комитета совершили неоднократные поездки к забайкальским бурятам, а также в Монголию и Тибет. В 1910 г. Б. Барадийн продолжил изучать жизнь буддийских монастырей в Забайкалье, а Ц. Жамсарано – изучать народную литературу у бурят-хоринцев. В конце 1909 г. Ц. Жамсарано был командирован из Забайкалья в Юго-Восточную Монголию «для собирания образцов народной литературы и материалов по диалектологии» [14]. Во время пребывания в Южной Монголии им было заказано изготовление копий с некоторых редких рукописей, они стали поступать в Петербург, благодаря чему был получен новый список летописи Санань-Сэцэна; в связи с чем В. Котвич просил выделить «для вознаграждения переписчиков 100 рублей» [15]. «Собранные материалы в Монголии и Забайкалье он обрабатывал в Санкт-Петербурге, куда прибыл в начале 1911 г. В столице были собраны его рукописи, записки и из предыдущих поездок в указанные регионы, все хранилось в собраниях Азиатского музея⁴, куда материалы бы-

ли переданы комитетом: «1. образцы монгольской народной словесности, записанные г. Жамсарано с декабря 1909 г. по окт. 1910 г.; 2. собрание монгольских книг и рукописей, приобретенных Жамсарано во время той же экспедиции (9 тюков) и 3. разные издания на русском языке и пр.». Кроме этого, в последующие поездки Ц. Жамсарано также удалось собрать интересные сведения: описание «современного состояния Мангутской пещеры и находящихся там надписей, описание писаниц на хребте Бичикту, а равно довольно обширный материал по языку и фольклору некоторых родов олонских тунгусов, которые ныне совершенно обурятились, а отчасти и хоринских бурят (6 былин, 66 загадок, шаманские тексты, рассказы, предания, всего 40 отдельных номеров на 350 страницах» [16].

В связи с работой Ц. Жамсарано в Санкт-Петербурге В. Котвич и А. Руднев просили комитет выделить ему на текущий 1911 г. сумму в 900 рублей (считая по 75 рублей в месяц с 1 минувшего января), которая бы дала ему возможность жить в Петербурге и сосредоточить свою деятельность на интенсивной обработке вышеуказанных материалов и подготовке их к печати» [17]. Ученые дали высокую оценку научной деятельности Ц. Жамсарано: «Ряд командировок Ц. Жамсарано в Иркутскую губернию и Забайкальскую область дали возможность подробно обследовать в лингвистическом и этнографическом отношении некоторые бурятские племена (особенно эхиридь и булагадь в Иркутской губернии и хоринцев в Забайкалье), выявить «необыкновенное богатство народного творчества бурят», что подтвердило необходимость дальнейших исследований, но в других районах проживания бурятского населения, а «именно [необходимость] собрать данные о языке и фольклоре бурят Баргузинского округа, которые в этом отношении почти совершенно не изучены» [18]. К этой работе монголоведы привлекли студента Санкт-Петербургского университета бурята Д. Ринчино и просили комитет поддержать их просьбу – выделить Д. Ринчино «на работы ... летом 100 рублей» [19]. В виду успешности полевых работ, проведенных в разное время среди монгольских народов Б. Барадийным и Ц. Жамсарано, в секретариат комитета поступило предложение от В. Котвича и А. Руднева о командировании Ц. Жамсарано вновь в Монголию, чтобы «получить разъяснения и справки для разработки материалов», собранных им ранее и «попутного сбора новых материалов по эпосу, добыть сведения об археологических памятниках и местных книгохранилищах (у кня-

зей, в монастырях» [20]. По предложению С. Ольденбурга⁵ было принято решение организовать командировку в Забайкалье Б. Барадийна [21]. Судя по всему, это предложение поступило на основании ходатайства самого Б. Барадийна: «... Общая часть работы в одном самостоятельном томе под заглавием «Амдо. Монголия» – готова к печати. Сейчас работаю над специальной частью своей работы, посвященной описанию монастыря Лаврана⁶, размером около 60 печатных листов. Летом прошлого года, благодаря пособию (150 руб.) от Русского Комитета, мне удалось быть в Забайкалье и довести свою работу до половины. Ввиду того, что в интересах лучшего выполнения специальной части моей работы мне необходимо близкое общение с практическими знатоками Тибета, бурятскими монахами Забайкалья, я просил бы Русский комитет и на этот год дать мне летнюю командировку в Забайкалье с пособием в размере 150 руб. и снабдить меня открытым листом» [22]. В итоге в начале 1912 г. Б.Б. Барадийным было доставлено несколько глав его труда о Лавране, где приводились сведения о монастыре в переводе с тибетского; одну из этих глав «Описание храма Майтрейя» предполагалось напечатать в журнале «Живая старина» [23]. В сентябре 1912 г. Б. Барадийным в комитет было доложено, что им представлены «в готовом для печати виде, два других тома, являющиеся результатом того же путешествия в Амдо», выполненного в 1905-1907 гг., и что издание этих трудов приняла на себя Академия наук» [24].

Ученые комитета использовали любую возможность, чтобы собрать разнообразный по содержанию материал по истории и этнографии монгольских племен. В 1909 г. на В.Л. Котвича через переписку в поисках научного руководителя вышел «представитель русского купечества в Северо-Западной Монголии Алексей Васильевич Бурдуков, торгующий в стране дэрбэтов, и в частности, среди малоисследованного поколения байтов. Г[осподин] Бурдуков, благодаря продолжительному пребыванию среди дэрбэтов, хорошо усвоил себе их язык, изучил местные условия и завязал там прочные связи, что дает ему возможность легче, чем кому-нибудь другому, выполнять определенные поручения по собиранию материалов. Он охотно и бескорыстно откликнулся на мою просьбу доставить мне некоторые данные, и в результате я получил следующее: 1) ряд рукописей на калмыцком и монгольском языках; 2) обширную былинку (4 тетради), записанную по поручению А.В. Бурдукова одним монгольским бичечи со слов из-

вестного среди байтов сказителя былин; 3) некоторые записи самого г. Бурдукова, фотографические снимки и др.», – такую информацию доложил В. Котвич Русскому комитету. На основании изложенного просил поддержать Алексея Васильевича в дальнейших его изысканиях по «ближайшим указаниям» Владислава Людвиговича [25]. С этого момента фактически началось становление А.В. Бурдукова⁷ как ученого-монголоведа. Под руководством В. Котвича он собирал образцы фольклора, редкие рукописи, занимался восточными языками. За свою исследовательскую работу в Монголии уже в 1911 г. был награжден малой серебряной медалью РГО [26]. А.В. Бурдуков в дальнейшем оказал значительную помощь по сбору полевых материалов еще мало изученных монгольских племен Б.Я. Владимирову, направленного по решению комитета летом 1911 г. на шесть месяцев в Кобдосский округ (интересный в этнографическом отношении район) с целью продолжения успешно начатых им работ, «обследования главным образом байтов и хотонов» [27].

Одновременно с организацией экспедиций в Монголию и Забайкальскую область комитет направлял своих сотрудников в калмыцкие степи. Тесно с комитетом сотрудничал студент Санкт-Петербургского университета Ноха Очиров. В 1911 г., как и в предшествующие годы, он был командирован в астраханские степи для собирания образцов народного творчества дэрбэтов и торгутов и для приобретения старых калмыцких рукописей [28].

Оказывал комитет содействие и иностранным экспедициям в качестве центрального Комитета Международного Союза, поддержал поездку в Монголию финляндских ученых под руководством Рамстедта⁸ [29].

В 1912 г. Владислав Котвич при поддержке РКСВА совершил научную командировку в один из интересных уголков Монголии – Орхонскую долину, которая славится археологическими и письменными памятниками. В Монголии он пробыл около трех месяцев и за это короткое время сделал большой объем работы, хотя по оценке самого ученого, «сделал сравнительно немного» «ввиду краткости времени». В целом своей поездкой в Монголию он был доволен [30]. Это была его единственная встреча со страной, которой он всецело интересовался; «...чересчур мало у меня времени – неполных три месяца, а может быть, и всего только два с половиной. Решил поэтому пробраться [сразу] через Ургу на Орхон, посетить там Эрдэни-Цзу и развалины старых городов, где была, по-

видимому, столица первых монгольских императоров XIII в., а кроме того, и более старые памятники, начиная с VIII в. Вот я и хочу их исследовать, поскольку мне это удастся» [31]. Во время поездки он посетил Ургу, центральные и западные аймаки Монголии, встречался с представителями духовенства и разных слоев населения, основательно изучил жизнь и быт, административное устройство, социальные и общественные отношения страны [32]. Научная командировка Владислава Людвиговича состоялась благодаря инициативе и поддержке работающих в Монголии в начале XX в. – Ц. Жамсарано, Б. Барадина, А. Бурдукова. Сохранилась богатая переписка между учеными, отражающая замыслы поездки, планы с ней связанные [33].

В 1912 г., находясь в Северной Монголии, Ц. Жамсарано одновременно с обработкой собранных ранее материалов имел возможность записать былины, сказки, песни, загадки, пословицы, благопожелания халхасцев разных аймаков на реке Орхон. Результаты оказались превосходными, и комитет принял решение продолжить эти работы и в 1913 г., выделив ученому материальное вознаграждение. Кроме этого, Ц. Жамсарано делал перевод былин на русский язык, что стало основой для составления бурятско-русского словаря «по карточной системе» [34].

Кроме того, комитет приобрел исследователь в лице студентов восточного факультета Петербургского университета Д. Ринчино и Б. Вампилуна. Первый из них был вновь командирован в Забайкалье для изучения языка и фольклора бурят Баргузинского округа, а второй – летом 1912 г. посетил два необследованных в этнографическом отношении ведомств (Кахинское и Укырское) Балаганского уезда Иркутской губернии и записал там интересные образцы бу-

рятского народного творчества: былины, шаманские рассказы в стихотворной форме о происхождении онгонов. Комитет оценил эти материалы «ценным приобретением в ряду других собранных заботами Комитета» [35].

Таким образом, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях на два десятилетия (1903-1923) стал координирующим востоковедным центром России, так как обеспечивал плодотворное сотрудничество многих ведущих центров в этой области как в столице, так и регионах. Монголоведение было одним из приоритетных направлений исследовательской работы Комитета во многом благодаря деятельности ведущих ученых-монголоведов России: А.М. Позднеева, В.Л. Котвича, Б.Я. Владимирцова, А.Д. Руднева, Б.Б. Барадийна, Ц.Ж. Жамсарано, А.В. Бурдукова и др. Они не только сами совершали научные экспедиции для изучения монгольских народов, но и привлекали к этой работе представителей национальной интеллигенции, которые в свою очередь, благодаря взаимодействию с ведущими научными центрами Петербурга, стали признанными учеными. Кроме этого, к исследованиям привлекались и студенты Петербургского университета – авторитетного востоковедного центра, которые, возвращаясь к себе на родину, будь то в Забайкальскую, Иркутскую или Астраханскую губернии, по заданиям комитета собирали ценные материалы. В этом отношении Русский комитет был преемником и продолжателем российской монголоведной школы, которая в самом начале своего становления поставила задачи сотрудничества с коренным населением восточных окраин России, что дало свои полновесные научные результаты.

Примечания

¹ ВСОИРГО – Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества.

² ЗАБОИРГО – забайкальский отдел Императорского Русского географического общества.

³ ТКПОИРГО – Троицкосавское отделение Приамурского отдела Русского географического общества.

⁴ Азиатский музей (Институт востоковедения Ленинградское отделение АН СССР, Институт востоковедения Российской академии наук, ныне Институт восточных рукописей) – место сосредоточения богатейших коллекций по востоковедению – рукописей, книг, ксилографов, монет и др.

⁵ Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934) – индолог, преподаватель, член Академии наук с 1900 г., непреходящий секретарь АН с 1904 г., член Русского комитета с 1903 г.

⁶ Барадийн Б.Б. в 1905 г. был отправлен в Тибет, где изучал язык, культуру и быт тибетцев. Провел восемь месяцев в монастыре Лавран на северо-востоке Тибета. Б. Барадийн был студентом С.Ф. Ольденбурга в Петербургском университете, что и объясняет их дальнейшее сотрудничество.

⁷ Бурдуков Алексей Васильевич (1883-1943) – монголовед. Родился в Тобольской губернии, в крестьянской семье. Мальчиком на службе у купца попал в Монголию; со временем стал заведующим факторией. Изучил монгольский язык, интересовался традиционной культурой монголов. С 1923 г. живет в Иркутске, член ВСОИРГО. С 1927 г. переехал в Ленинград, где началась его преподавательская деятельность в ведущих востоковедных центрах, преподавал монгольский язык. Пере-

жил ряд арестов, был приговорен к высшей мере наказания в 1941 г., замененной в том же году на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и направлен в 2-й лагпункт Тайгинского района Сиблага, где и умер в марте 1943 г.

⁸ Рамстедт Густав Джон (1873-1950) – монголовед, переводчик, преподаватель Александровского университета в Финляндии, собиратель монгольских рукописей, доктор наук с 1902 г.

Литература и примечания

1. Устав Общества востоковедения. СПб., 1900.
2. ИВР РАН (Институт восточных рукописей РАН). Ф. 44, Оп. 1, Д. 152, Л. 3-9 об.
3. Полянская О.Н. Монголоведение в университетах России в XIX – начале XX вв. Восточный институт во Владивостоке // Гуманитарный вектор. 2011. № 3(27). С. 48-52.
4. Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). СПб., 1994. С. 33.
5. ИРК (Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях). 1903. № 1. С. 5.
6. Там же. С. 7-9, 10-12.
7. Образование Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии научной общественностью было принято восторженно, особенно теми ее представителями, которые неспрашивая интересовались Востоком и сделали немало в этом направлении. От них поступали поздравления с образованием комитета, и предлагалось всяческое участие в работе. Одно из таких писем поступило от Павла Александровича Буланже. СПФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН) Ф.148, Оп. 1, Д. 16, Л. 6. Письмо Павла Александровича Буланже от 24 февраля 1903 г. в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии: «Прочтя в газете об утверждении Устава комитета, спешу выразить Комитету поздравления и радость мою по случаю его возникновения. При этом я был в высшей степени признателен Комитету, если бы он почтил меня уведомлением: могу ли я принимать участие в его работе, такие лица как я, т.е. не состоящие в числе ученых и вообще лиц, отмеченных в параграфе 3 Устава. Я давно интересуюсь Востоком и делаю все возможное для ознакомления с ним русской публики. Так, помимо статей в журналах, я выпустил книжки по буддизму: «Нирвана. Душа одного народа»... и теперь выпускаю 1-й вып. священной книги конфуцианства. Я не преследую при этом никаких материальных выгод... Если бы я желал принимать участие в конференции с исключительной целью оказать посильное содействие в его трудах, если бы таковое было признано когда-нибудь полезным, а с другой стороны, надеюсь, что в трудах Комитета будет обильный и богатый материал, которым можно было бы пользоваться в моих целях знакомства русской публики и совершенно почти неизвестной ему жизни восточных народов. С истинным почтением и пожеланием успешной деятельности П. Буланже». (Подпись).
8. Устав Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1903; *Ольденбург С.Ф.* Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ч. 349. № 9. Отд. IV. С. 45.
9. СПФ АРАН Ф. 148. Оп. 1. Д. 49, Л. 27-28. Письмо В. Бартольда от 18 марта 1908 г. за № 145.
10. Там же. Л. 28.
11. Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.
12. Кисляков В.Н. Русский Комитет для изучения Средней и Восточной Азии и МАЭ // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2010 г. СПб., 2011. С. 70–71.
13. СПФ АРАН. Ф. 148. Оп. 1, Д. 53, Л. 104. Письмо С. Ольденбурга неперменного секретаря АН в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии от 18 ноября 1909 г.: «Имею честь по поручению конференции Императорской Академии наук принести Комитету искреннейшую признательность от имени Академии за присланные в дар Азиатскому музею Академии коллекцию мусульманских рукописей и литографий, привезенных из Туркестана К.Г. Залеманом в 1908 г. и материалы, собранные в 1908 и 1909 гг. у хори-бурят Ц. Жамсарановым». Особенно С. Ольденбург отмечал коллекцию материалов, которые были собраны Ц. Жамсараном «с декабря 1909 г. по октябрь 1910 г. в Монголии». Там же. Д. 67, Л. 69.
14. ИРК. 1912. Серия II. № 1. С. 14-16.
15. Там же. № 2. С. 8.
16. СПФ АРАН Ф. 148, Оп. 1, Д. 67, Л. 69; ИРК. 1912. Серия II. № 2. С. 8.
17. ИРК. 1912. Серия II. № 1. С. 42.
18. Там же. С. 56-58.
19. Там же.
20. Там же. С. 58.
21. Там же.
22. Там же. С. 28-30; СПФ АРАН Ф. 148, Оп. 1, Д. 49, Л. 54. – Открытый лист – документ, который выдавался всем, кто выезжал в научные командировки, призван был обеспечить беспрепятственное передвижение, как по территории России, так и за границей. Открытый лист № 204 от 2 мая 1908 г.: «Русский комитет на основании параграфа 6 высочайше утвержденного Устава, командуя Бадзаром Барадиевичем Барадийным в Забайкальскую область для продолжения научной работы по описанию буддийских монастырей, обращается ко всем лицам и учреждениям, с которыми Б. Барадийный будет в сношении при исполнении данного ему поручения». Председатель, тайный советник, Академик Радлов.
23. ИРК. 1912. Серия II. № 2. С. 10.
24. Там же. С. 16.
25. Там же. С. 36-38.
26. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов-жертв политического террора в советский период (1917-1991) / сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 82.
27. ИРК. 1912. Серия II. № 1. С. 56; СПФ АРАН Ф. 148, Оп. 1, Д. 49, Л. 56. Обращение Академика Радлова за № 205 от 3 мая 1908 г. Г-ну Санкт-Петербургскому градоначальнику: «Русский Комитет на основании параграфа 6 Устава командует с научной целью студента Восточного факультета Бориса Яковлевича Владимирцова в Монголию и просит выдать командировочный паспорт». Академик Радлов; Там же. Л. 57. Открытый лист № 208 от 5 мая 1908 г.: «Студент восточного факультета Санкт-Петербургского университета Борис Яковлевич Владимирцов направляется в Западную Монголию к дербе-

там Кобдосского округа для научных исследований летом текущего года. Председатель, тайный советник, академик Радлов. Секретарь Штернберг».

28. ИРК. 1912. Серия II. № 1. С. 16; СПФ АРАН Ф. 148, Оп. 1, Д. 49, Л. 108. – Открытый лист № 473 от 3 декабря 1908 г. студента восточного факультета Санкт-Петербургского университета Ноха Очирова для поездки в Астраханскую губернию для собирания материалов по литературе калмыков на 2 лица. За подписью Радлова и Штернберга.

29. ИРК. 1912. Серия II. № 1. С. 16. Кроме Рамстедта в экспедиции приняли участие исследователи из Великого княжества Финляндского Пяльси и Гранэ.

30. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. М.: Наука, 1969. С. 275.

31. Там же. С. 270.

32. СПФ АРАН Ф. 761, Оп. 2, Д. 20, Л. 41. В. Котвич сообщил сведения о выполненных им в экспедиции по Монголии работах, на средства Комитета, при этом предоставил ряд фотографических снимков. Было определено: «войти в сношения с Императорской Академией наук по вопросу об издании снимков и эстампажей В. Котвича, в качестве продолжения изданного В.В. Радловым «Атласа древностей Монголии» / ИРК. 1913. Серия II. № 2. С. 32.

33. Полянская О.Н. Монголоведные исследования В.Л. Котвича (1872-1944). К 140-летию со дня рождения // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 7. С. 108-114.

34. ИРК. 1913. Серия II. № 2. С. 42.

35. Там же. С. 14, 40-42.

Полянская Оксана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а

Polyanskaya Oksana Nikolaevna, candidate of historical sciences, associate professor, department of general history, Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 81'44(=512.36)

© *Б.В. Золхоев*

Этимология термина «богол» в источниках по истории монголов XI-XII вв.

В статье рассматриваются этимология и применение термина «богол» в средневековом монгольском обществе XI-XII вв. на примере выборочного историко-лингвистического анализа текстов «Сокровенного сказания монголов» и «Сборника летописей» Рашид ад-Дина.

Ключевые слова: этимология, «богол», монголы, общество.

B. V. Zolkhoev

Etymology of the term “bogol” in the sources on history of Mongols of XI-XII centuries

The etymology and usage of the term «bogol» in medieval Mongolian society of the XI-XII centuries on the example of the selective historical and linguistic analysis of the texts «The Secret History of the Mongols» and «Compendium of Chronicles» by Rashid ad-Din are considered in the article.

Keywords: etymology, term, «bogol», Mongols, society.

Начиная с образования империи киданей (или династии Ляо (907-1125 гг.) по китайской традиции) в монгольских степях появляется категория поработанных и эксплуатируемых людей, именуемых «боголами». В своем общем значении монгольское слово «bogol» эквивалентно тюркскому «qul» и в китайском варианте исторических хроник, таких как «История Династии Юань» и «Сокровенное сказание монголов», оно соответствует значению «слуга, прислужник». В более поздних и современных монгольских сочинениях слово «богол» означает «раб», т.е. субъект движимого имущества своего собственника, лишенный какой-либо личной свободы и обычно называемый или сравниваемый с «говорящим орудием труда».

Современные определения этого слова уводят в сторону от наиболее точного понимания

его исторического значения, более того, они близки к тому, чтобы уравнивать смысл этого термина в XI-XII вв. с этимологией его позднейшего употребления. Вследствие такого формального подхода провозглашается тезис о том, что раз в монгольском обществе XI-XII вв. были рабы, следовательно, оно было рабовладельческим. Перед нами стоит задача, опираясь на взвешиваемый анализ исторических фактов, прийти к первоначальному исконному пониманию термина «богол», при этом избежав заблуждений, связанных с его современным использованием.

Всестороннее изучение данного термина имеет существенное значение не только для исследования общественного строя монголов XI-XII вв., но и других этапов их истории. Выяснение социально-экономического положения «боголов» тесно связано с исследованием природы

монгольского общества того времени, что, безусловно, является чрезвычайно обширным предметом. Настоящая статья представляет собой лишь попытку осветить некоторые аспекты этой проблемы.

Боголы появились в монгольских племенах приблизительно в то время, когда так называемое протомонгольское население активно перемещается в степи внешней Монголии. В IX в. каганат уйгуров распался, тюркские племена одно за другим начинают мигрировать в западном направлении, а в степях внешней Монголии начался процесс монголизации. Подобная историческая ситуация, по-видимому, действительно имела место: раннемонгольское население, состоящее в основном из лесных охотников, захватывает пастбища и скот тюркских племен и одновременно обращает часть из них в своих пастухов. С этого момента примитивные общинные социальные отношения у ранних монголов начинают стремительно разрушаться. С развитием частной собственности прежние отношения, основанные на общинном социальном равенстве, безвозвратно утрачиваются. Родо-племенные вожди, обладая большим количеством скота, фактически закабаляют рядовых и обедневших соплеменников и постепенно формируют класс степной аристократии, называемый «нойон». В целях дальнейшего обогащения степная аристократия непрерывно поощряла межплеменные войны. В результате таких войн побежденная сторона оказывалась в катастрофическом положении, теряя не только свое имущество, но и саму жизнь или, по крайней мере, свою личную свободу, становясь «боголами» победителей.

Наряду с усилением классовой дифференциации, приемы межплеменных войн становятся все более изощренными. Захват населения становится одной из важнейших целей таких войн, которые становятся все более частыми, и, соответственно, количество боголов постоянно возрастает.

Взрослых мужчин побежденного племени обычно уничтожали, а женщин обращали в жен и наложниц. Некоторые из женщин вместе со своими детьми становились боголами. Именно такой порядок являлся основным источником появления и пополнения боголов. Так, например, во времена Хайду, предка Чингисхана, часть пленных мужчин из племени чжалаилов была умерщвлена, а их женщины и дети стали боголами Хайду. А в период правления Чингисхана подобная участь постигла меркитов и татар [1, с. 19; 2, §112, 154]. В старомонгольском языке сохранились специальные термины, выра-

жающие такие акты массовой казни и захват населения: например, *ülitkekü* (букв. «измерять») – глагол, который означает измерение роста пленных) по высоте оси повозки или телеги. Большинство пленных мужчин, чей рост превышал высоту тележной оси, подлежало истреблению. Захват женщин в качестве военной добычи соответствует глаголу *ebüritkü* (букв. «найти приют на чьей-либо груди»), т.е. принять их в качестве жены или наложницы. Обратить пленника в богола – *bogolitqu* (букв. «быть боголом») или *e'üten-tür oro'ulda* (букв. «быть пропущенным через дверь») [2, §112, 139, 154, 214]. Существование таких глаголов, означающих казнь здоровых мужчин и захват женщин и детей в качестве военного трофея, свидетельствует о том, что в ту эпоху это было общим явлением войн и основным источником приобретения боголов.

В условиях, где экономика, основанная на кочевом скотоводстве, являлась преобладающей формой отношений, представить приобретение боголов посредством торговли было, вероятно, практически невозможным. В «Сокровенном сказании монголов» приводится эпизод, в котором предок Чингисхана – Добун-Мерген, получив в дар от одного урянхайца стегно добытого им оленя, затем обменял его на малолетнего сына повстречавшегося ему бедного человека из племени баяут. Этот мальчик впоследствии стал слугой или домашним работником в семье Добун-Мергена. Безусловно, этот эпизод вряд ли может служить веским доказательством существования работорговли в раннем монгольском обществе. В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина содержится иная версия этого эпизода, где повествуется о том, как человек из племени дурбан, обменяв стегно оленя на мальчика из племени баяутов, отправил его в дар Алан Гоа, жене Добун-Мергена [2, §15, 16; 1, с. 10]. Хотя версии, приводимые в этих источниках, различаются в литературных деталях, но обе они указывают на один исторический факт того, что еще с раннего периода племя баяутов попало в некоторую зависимость от племени киятов.

Положение богола по своей природе было наследственным, поэтому их естественный прирост составлял другой источник увеличения их численности. Бодончар, предок Чингисхана, обратил племя урянкатов в своих боголов, и они сохраняли этот статус вплоть до времени Чингисхана. В эпоху Хайду, предка Чингисхана, его боголами было племя чжалаилов и их потомки также вплоть до Чингисова времени [2, §39, 97; 1, с. 92]. Вообще наследование социального статуса является одной из наиболее важных черт

монгольского общества XI-XII вв. В этой связи отсутствуют исторические свидетельства того, что между наследственными группами боголов и другими богами существовали какие-либо отличия.

Боголы принадлежали семье или отдельному человеку. В тексте «Сокровенного сказания монголов» встречаются образные пояснения этих социальных отношений: так например, *e'üten-nü emcü* (букв. «быть пропущенным в дверь как личная собственность») *bogol*, а также *bosoqa-yin* (букв. «в пределах порога») *bogol*. В данном случае префиксы *e'üten-nü*, *emcü*, *bosoqa-yin* воспринимаются лишь как необходимые с точки зрения аллитерации прилагательные к существительному «*bogol*»; они не являются обозначением принадлежности богила к различным группам, как и не обозначают его отстраненность от семьи или отдельного хозяина. Каждый богол имел своего хозяина – «нойона». Например, нойоном Сорган Ши́ра был Тоден-отчигин, нойоном Бада́я и Кишли́ка был Еке Церен. Джелме, Мухали и Буха были вассалами Чингисхана, Чже́бке – вассалом Хасара [2, §219, 51, 97, 137].

Вероятно, будет неверным утверждать, что в монгольском обществе того периода одно племя или группа родов полностью принадлежали другому племени, будучи связанным с ним отношениями «богол – нойон». По крайней мере, ни один из известных исторических источников не указывает на существование подобной системы взаимоотношений.

Как мы отмечали выше, в исторических хрониках традиционные прилагательные, сопровождающие термин «*bogol*», – это «*e'üten-nü*», означающее принадлежность богила отдельной семье, или «*emcü*», означающее его принадлежность определенному хозяину. Более того, начиная со времен Хайду, предка Чингисхана, один из его боголов из племени чжалаир был назван как «домашний работник или слуга», и это, возможно, одно из наиболее ранних подобных упоминаний в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина [1, с. 19]. Из описаний, содержащихся в «Сокровенном сказании монголов», можно понять, что население побежденного племени, оставшееся после истребления мужчин, полностью распределялось между аристократией и воинами победителей: «Остальных же рабами навек мы по всем сторонам раздарим», «Всех вдоволь оделил он керейтскими пленниками. Тументубегенцев разобрали дочиста. Целый день разоряли и разбирали олон-дунхайтов, и все еще не покончили с ними. А кровавых разбойников

чжиргинских богатырей так и не могли полностью размельчить и разобрать» [2, §154, 187]. По-видимому, такой порядок закрепился в основополагающих принципах обычного права монгольского общества. Тем не менее между богами и подвластными зависимыми племенами (или родами) была существенная разница, поскольку первые, как правило, распределялись среди семей и отдельных собственников-нойонов, а последние могли сохранять свою родоплеменную целостность при условии выплаты регулярной дани и службы своим господам.

Боголы имели различные обязанности по отношению к своим хозяевам-нойонам. Во-первых, они служили своему покровителю без какой-либо оплаты. Например, Бада́й и Кишли́к ухаживали за лошадьми Еке Церена, Чже́тай и Чжелме присматривали за стадами Чингисхана, а Сорган Ши́ра готовил кумыс [2, §219, 214, 85].

Боголы также сопровождали своего нойона во время сражений и на охоте. Поэтому боголов той исторической эпохи едва ли можно рассматривать как простых невольников или, тем более, «говорящих орудий труда». Б.Я. Владимирцов, выдающийся монголист, впервые смог научно объяснить особенности социально-экономического статуса боголов. Он совершенно верно отметил, что боголы («*unaghan bogol*», по его исследованию) не являлись рабами; они обладали личной собственностью и определенной свободой, а также не были обязаны отдавать все результаты своего труда своему господину [3, с. 397].

Боголы могли иметь семьи. Именно по этой причине статус богила передавался по наследству. Большая часть вновь захватываемых боголов были детьми, затем они распределялись по семьям своих хозяев на правах домашних работников и челяди. Вероятно, поэтому боголов иногда сравнивают с домашними рабами в классических патриархальных обществах. Однако не следует забывать, что боголы имели возможность обзавестись собственной семьей и поставить свою юрту в обмен на службу своему хозяину, тем самым формируя постепенно уникальный слой подданных.

Как нам известно, боголы обладали своей личной собственностью. Так, например, Сорган Ши́ра владел своей юртой, повозками, лошадьми и овцами. То же можно сказать о Бада́е и Кишли́ке [2, §86, 87, 169]. Ведь обычный раб в классическом понимании не мог обладать никакой собственностью, но сам являлся таковой у своего господина.

Боголов в тот исторический период рассматривали, по-видимому, в качестве нижних по по-

ложению членов семьи, занимавшихся домашним хозяйством и прислуживанием своим хозяевам. Как следствие этого, боголы зачастую могли именоваться как «de'й» («младшие братья») [2, §108].

В источниках по истории монголов термины «bogol» и «qaraǰu» (харачу, т.е. «простолюдины», зависимые от аристократии) нередко схожи по своему значению. При этом термин «bogol» рассматривается во многих случаях как близкий к термину «nǒkǒr» (нукер, т.е. друг, товарищ по оружию, компаньон).

Когда Чжамуха был схвачен и передан Чингисхану пятью своими нукерами, то перед своей казнью он обратился к ним с такими словами: «Вздумал простолюдин, чернокостный раб (qaraǰu), на его владыку руку поднимать. Раб и домочадец вздумал государя своего предать» [2, §200]. Здесь характерно обращение возмущенного Чжамухи к своим подчиненным как к харачу-боголам (т.е. безродным простолюдинам). Конечно, мы не можем, опираясь только на это, заключить, что между нукерами, харачу и богами не было определенных границ или различий. Однако не вызывает сомнений, что все три данные категории людей находились в подданнической зависимости от своих покровителей-нойонов. Между богами и нукерами, вероятно, не было непреодолимой границы. Более того, например, Чжелме, Мухали и другие боголы по своему положению являлись одними из наиболее известных и приближенных к Чингисхану нукеров. Таким образом, из числа боголов выходило немалое количество нукеров, и именно первые были основным источником пополнения вторых.

Монгольское общество рассматриваемого периода складывалось из различных социальных слоев населения, связанных между собой отношениями вертикальной подчиненности. Так, аристократия, используя и поощряя своих нукеров в качестве основного инструмента внешнеэкономического принуждения к труду, укрепляла свое влияние среди зависимого населения (харачу) и боголов. Обобщая сказанное, можно заключить, что монгольское общество XI-XII вв. можно рассматривать как зародыш феодальной системы, получившей свое распространение позднее в XVII в. Нойонов и нукеров связывали аналогичные отношения как и позднейших ханов и чиновников, а харачу и боголов можно условно сравнить с «албату» – позднейшей категорией рядового населения.

«У царских ступеней твоих рабами пусть будут они. Шалить-непоседничать станут – Ты

ноги им в сгибе подрежь. Побег ли замыслят – беда! – Им печени вырви тогда. У врат твоих царских они рабами пусть будут навек» [2, §137]. Приведенные строки из «Сокровенного сказания монголов» обычно цитируются в качестве неопровержимого доказательства того, что боголы являлись рабами. Иначе как можно определить человека, рискующего быть казненным за самовольное оставление своего хозяина? На самом деле эти строки отражают лишь обещание или клятву, приносимую поданными своему господину. В монгольском обществе той эпохи обычай оставлять или рассматривать жизнь человека в качестве залога выполнения своих обязанностей было обычным явлением. Так, например, несмотря на свое благородное происхождение, Алтан, Хучар, Сача Беки и другие аристократы и родственники Чингисхана, принося ему торжественную клятву на верность, почтительно и покорно произнесли подобные же слова: «Кто твоей руки хоть мановенья на войне ослушаться дерзнет, не давай и тени снисхожденья – от детей и жен им отлученье! Пусть, как смерд, как твой холоп, от тебя опалы дальней ждет» [2, §123]. Эти люди, таким образом, обязывались беспрекословно следовать указаниям Чингисхана как во время войны, так и в мирное время, а залогом верности своих слов они провозглашали целостность и благополучие своих семей и саму свою жизнь. Боголы использовали свою жизнь в качестве гарантии выполнения своих обязанностей перед господином, а представители степной аристократии, помимо своей жизни, еще и жизни своих жен и детей, а также свою личную собственность в знак признания данной клятвы и своей преданности хану. И так, как боголы, так и аристократия провозглашали свою жизнь в качестве гарантии выполнения своих торжественных обязательств. В этой связи было бы неверным утверждать, что боголы были просто «говорящим орудием труда» только потому, что они были бы казнены за оставление своего хозяина.

Подводя некоторый итог, можно предположить, что боголы в XI-XII вв. были по существу населением, подчиненным своим нойонам-хозяевам, и представляли собой раннюю стадию крепостных отношений в условиях кочевой экономики. В отличие от рабов, они не только имели частную собственность и собственные семьи, но и располагали определенной личной свободой. Вместе с тем если сравнивать их (боголов) с членами примитивных дофеодальных обществ, то они главным образом являлись рабочей силой, находившейся в зависимом от нойонов по-

ложении. Систему отношений личной подчиненности боголов своим нойонам-покровителям

в XI-XII вв. можно условно сравнить с крепостными отношениями.

Литература

1. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. О.И. Смирновой, ред. проф. А.А. Семенова. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1, кн. 2.

2. Сокровенное сказание монголов. – М.: Эксмо, 2012.

3. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Работы по истории и этнографии монгольских народов. – М.: Восточная литература, 2002.

Золхоев Борис Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии БГУ.

E-mail:boriszolkhoev@gmail.com 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а.

Zolkhoev Boris Valentinovich, candidate of historical sciences, associate professor, department of history of Buryatia.

E-mail:boriszolkhoev@gmail.com 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24 a.

УДК 947.084.6:296

© Г.Ц. Раднаев

Политические репрессии в Янгажинском дацане «Даши Шарбублинг»

В статье показаны мероприятия ВКП(б) по ликвидации одной из конфессий Бурят-Монголии – буддизма. На примере Янгажинского дацана приведены конкретные примеры политических репрессий по отношению к ламам.

Ключевые слова: государственная политика, борьба с религией, политические репрессии, Янгажинский дацан.

G. Ts. Radnaev

Political repressions in Yangazhin datsan «Dashi Sharbubling»

The article shows the activity of the Communist party against one of the Buryat-Mongolian confession, that is, against Buddhism. On the example of Yangazhin datsan it reveals the political repressions to lamas.

Keywords: state policy, the struggle with religion, political repressions, Yangazhin datsan.

История политических репрессий является одним из самых трагических периодов в жизни нашего народа. Об этом времени многое уже известно, раскрыты и опубликованы ранее секретные архивные документы. Проведена большая работа Комиссией при Президенте Российской Федерации, региональными комиссиями, исследователями по реабилитации жертв репрессий. Учеными Бурятского государственного университета издана семитомная «Книга памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия» [1]. Благодаря этому труду мы можем знать поименно тех людей, которые пострадали в процессе политических репрессий, в том числе и лам Янгажинского дацана.

Юридическое определение этого понятия было впервые прописано в федеральном законе «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. В этом законодательном акте под «политическими репрессиями» признаются различные меры принуждения, принимаемые государством по политическим мотивам, в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку и на спецпоселения, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществляющиеся по решению судов и других органов, наделавшихся судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и

должностными лицами.

Политические мероприятия в отношении разных слоев населения, особенно представителей традиционных религиозных конфессий, на территории этнической Бурятии проводились в течение трех десятилетий начиная с 1918 г., с принятием закона об отделении церкви от государства. С образованием Бурят-Монгольской АССР стала проводиться планомерная и целенаправленная работа властей по сокращению количества лам в дацанах и репрессии в их отношении. Главной целью борьбы с религией было формирование новой идеологии в сознании людей – социалистической. На первых порах власти открыто не задевали чувства верующих, чтобы не оттолкнуть религиозное население от себя.

23 октября 1923 г. на закрытом заседании Президиума Бурят-Монгольского бюро ВКП(б) был рассмотрен вопрос о ламстве. В протоколе подчеркивалось, что «борьба с ламаизмом должна вестись со всей энергией и всеми средствами и методами, какими обладает Советская власть и Коммунистическая партия. Но, принимая во внимание положение Бурятии как культурно-политического буфера между СССР и Дальним Востоком, необходимо в деле борьбы с ламством подойти к делу с особенной чуткостью и осторожностью политического такта» [2]. «Чуткое» отношение к ламам было связано с политикой СССР, предполагавшей сделать Бурят-Монголию форпостом продвижения социалистических идей на буддийский Восток.

В 1924 г. при областном отделе ОГПУ БМАССР создано Восточное отделение, главной задачей которого стала борьба с буддизмом. В это время органы власти искали особые формы

репрессивной политики в отношении буддийской конфессии. Это было связано с большим количеством дацанов, лам и верующих, устойчивыми связями с буддийскими сообществами за границей, а также активной эмиграцией бурятских лам в Монголию и Китай. В связи с этими обстоятельствами был принят курс на подрыв влияния буддийского учения иными методами, главным из которых стал внутрицерковный раскол. В бурятском духовенстве этот кризис разделил лам на два лагеря: обновленцев во главе с Агваном Доржиевым и консерваторов, среди которых выделялись Хамбо-лама Цыгунжап Баниев, бывший хоринский тайша Эрдэни Вамбоцыренов и другие.

В связи со сложными социально-экономическими переменами в Бурятии, связанными с коллективизацией, атеистической пропагандой, эмиграцией отдельной части населения в Монголию, Китай, а также ошибками и перегибами в проведении линии партии со стороны местных органов власти в 1930-е гг., отношение к ламству со стороны центра изменилось. Во многих преступлениях, в особенности антигосударственных, были обвинены представители буддийской религии, объявленные классовыми врагами нового строя.

В связи с этим государство активизировало политику искоренения религиозного сознания у населения, которая включала закрытие дацанов и изгнание лам. «Ликвидационный процесс на территории Бурятии, – как пишет Г. Митыпова, – отражал характерные особенности общероссийского масштаба, региональной же особенностью являлись:

1) удаленность от центров политической власти, соответственно принимаемые решения осуществлялись несколько позднее;

2) из-за близости границ с Китаем и Монголией была реальная возможность эмиграции для духовенства, не принявшего новую власть» [3].

Янгажинский дацан не избежал трагедии политических репрессий. По данным на июнь 1925 г., в Янгажинском дацане числилось 144 лам и хувараков [4]. Здесь надо отметить, что данного дацана не коснулся внутрицерковный раскол на обновленцев и консерваторов, некоторые явления были решительно пресечены дацанским советом во главе с Аюшей Гармаевым.

В 1930 г. ЦИК БМАССР подготовил директивное письмо «О мероприятиях по усилению борьбы с ламством», в котором была выработана целая система «комбинированных мероприятий культурно-социального, политического и экономического характера» [5]. Их смысл выра-

жался прежде всего в использовании налогообложения.

Налогообложение лам состояло из пяти видов:

- 1) налог на доходы;
- 2) взносы на развитие культуры;
- 3) взносы на развитие строительства;
- 4) земельная рента;
- 5) кооперативные взносы (пай в потребкооперации).

Налогом облагались сельскохозяйственные угодья, здания и хозяйственные постройки дацанов. Самообложение лам было доведено до 200% оклада подоходного налога [6]. Совнарком БМАССР подготовил инструкцию «По учету и обложению ламства», где указывалось, что «обложению налогом подлежат все без исключения ламы, достигшие 18-летнего возраста, независимо от занимаемого положения в религиозном обществе как в дацане, так и вообще на территории аймака по группам 4, 7 категории Б» [7].

В группу 6 категории Б относились все ламы независимо от занимаемой должности, если непосредственно участвовали или по своему положению могли участвовать в совершении обрядов и ритуалов; к группе 7 категории Б – все остальные лица, так или иначе имеющие отношение к ламству: хуvaraки, подсобные служители. Такие действия властей вызвали недовольство и протесты религиозного сообщества. Молодые ламы, особенно хуvaraки, не имеющие возможности заплатить налоги, стали уходить из дацана.

После этих событий в Янгажинском дацане в 1930 г. органами ОГПУ было арестовано 36 лам, они содержались в тюрьме до сентября этого же года, из них 10 лам – осуждены Тройкой ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю – ширээтэ-лама Аюша Гармаев – по ст. 58-10 к 3 годам ссылки в Туруханский край, габжа-ламы Пурбо Доржиев – по ст. 58-10 к 10 годам лишения свободы, Тогочи Кишиктуйев – по ст. 58-10, 58-11 к 10 годам лишения свободы, Данзан Мункуев по ст. ст. 58-10, 58-11 – к 5 годам лишения свободы, Палам Очиров – по ст. 58-10, 58-11 к 5 годам лишения свободы, Санжинима Раднаев – по ст. 58-10, 58-11 к 3 годам лишения свободы с конфискацией имущества, Даба Цыденов – по ст. 58-10, 58-11 к 3 годам ссылки в Туруханский край, Базар Цырендоржиев – по ст. 58-10, 58-11 к 10 годам ссылки в Туруханский край, Самбу Чагдуров – по ст. 58-10, 58-11 в ссылку в Бодайбинский район, Аригун Эрдынеев – по ст. 58-10, 58-11 к 10 годам лишения свободы, Даши Юмсурунов – по ст. 58-10, 58-11 к 3 годам лишения свободы

[1], остальные ламы были освобождены за недостаточностью улик.

Антирелигиозная политика государства была направлена на сокращение численности лам. Для этого проводились проверки паспортов. Уполномоченный Селенгинского РОНКВД провел проверку паспортов лам Янгажинского дацана. В результате проверки у 6 лам оказалась прописка по Тарбагатайскому с/совету, им было указано исправить это в течение 48 часов. В доме ламы Ч. Дондокова был обнаружен выселенный лама, за это у Дондокова был изъят паспорт, а сам он был переправлен в Селенгинское РОНКВД. За нарушение паспортного режима на Духовный совет был наложен штраф [8].

Кровавая машина репрессий продолжала набирать обороты. В последующие два года из числа лам Янгажинского дацана были привлечены к уголовной ответственности и осуждены габжи-ламы Ендон Баирбиликтуев – по ст. 58-10 к 5 годам лишения свободы, Буда Тыкшинов – по ст. 58-10 в ссылку, ширээтэ-лама Гончик Гомбоев, Цыден Жамбалов – по ст. 58-10 – ссылка, Ухиной Ринчинов – по ст. 58-10 к годам лишения свободы, Данзан Цыденов по аналогичной статье к пяти годам лишения свободы, гэбшэ-ламы Гэлэк Санжиев – по ст. 58-8 к 10 годам лишения свободы, Убугунов Буда – по ст. 58-7, 58-10, 58-11 к 5 годам лишения свободы, габжи-ламы Хайдапов Лубсан – по ст. 58-2, 58-10 ссылка на 5 лет в Баунтовский район, Бальжир Чагдаржапов – по ст. 58-10, 58-2 к 5 годам лишения свободы, Ендон Дашапылов – по ст. 58-10, 58-1, 59-9, 84 – выслан в Бодайбинский район, Гармажап Сампилов – по ст. 58-10, 58-1, 59-9, 84 – выслан в Бодайбинский район, руководитель школы Чойра Цырен Убугунов – по ст. 58-10 к лишению прав проживания в 12 центральных пунктах и пограничных районах сроком на три года, Радна Цырендондоков – по ст. 58-10, 58-1, 59-9, 84 – выслан в Бодайбинский район, Бато (Васильев) Цыренов – по ст. 58-10, 58-1, 59-9, 84 – выслан в Бодайбинский район, направлены на принудительные военно-тыловые работы Намжил-Доржи Ринчинов, Цыден-Дамба Доржиев [10].

Литература

1. Книга памяти жертв политических репрессий по Республике Бурятия: в 7 т. – Улан-Удэ, 2005-2012.
2. Цыремпилова И.С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917-1940 гг.) – Улан-Удэ, 2000. – С. 60.
3. Митьпова Г.С. Репрессии против православного священства в Бурят-Монгольской АССР (1917–1937 гг.).
4. Архивный отдел (АО) Администрации Селенгинского района. Ф.2. Оп. 1. Д.1. Л. 15.
5. ГАРБ. Ф.1-п. Оп.1. Д.1287. Л.1.

Своего апогея репрессии в дацане достигли в 1937-1938 гг. и продолжались до начала Великой Отечественной войны. По материалам Книги жертв политических репрессий 34 ламы в эти годы привлечены к уголовной ответственности, из них 16 лам приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Это ученые габжи-ламы Галдан Арьев, Лубсан Аюшеев, Бимба Бадмаев, Данзан Балданов, Ендон Баирбиликтуев, Дарма Мункуев, Данзан Мункуев, Даба Номинов, Барани Одоев, Гомбо Рабданов, Дондок Нимаев, гэбшэ-ламы Ш. Цыреторов, Бадма Тарбаев, Радна Санжеев, Жамбал Надмитов, Будажап Будаев, Жаргал Бадареєв. Остальные ламы были осуждены к различным срокам лишения свободы, в отношении некоторых уголовные дела были прекращены.

Оставшись без учителей, хувараки стали уходить из дацана, часть лам, сняв духовные обеты, вступили в колхозы, большие хуралы, обряды из-за отсутствия нужного количества лам перестали проводиться с конца 1934 г., и к ноябрю 1937 г. в дацане осталось 9 лам. В ноябре 1937 г. Селенгинский аймисполком ходатайствовал перед вышестоящими республиканскими органами о закрытии дацана. На основании этого 13 января 1938 г. БурЦИК вынес постановление о ликвидации Янгажинского дацана, а здания дуганов и хозяйственные постройки предоставить на удовлетворение культурных нужд района и сомона. Члены Союза безбожников, комсомола выбросили из здания дацана на улицу религиозные предметы, книги, собрания сочинений великих ученых буддизма. Зима того года была без снега и янгажинская степь побелела от страниц и листов духовных книг, как будто выпал обильный снег...

Так же, как и другие дацаны, на время прекратил существование Янгажинский дацан. Материальные ценности были изъяты государством на строительство социалистического общества, ламы изгнаны, часть из них расстреляны. В памяти народной передаются от поколения к поколению имена тех кто, рискуя жизнью, сохранил ценные книги.

6. Цыремпилова И.С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917-1940 гг.). – Улан-Удэ, 2000. – С. 126.
 7. ГАРБ. Ф.1-п. Оп.1. Д. 1287. Л.1.
 8. Цыремпилова И.С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917-1940 гг.). – Улан-Удэ, 2000. – С. 142.

Раднаев Ганжур Цырендашиноваевич, ректор Буддийского университета «Даши Чойнхорлин».
Radnaev Ganzhur Tsyrendashinimaevich, rector of Buddhist University "Dashi Choinkhorling".

УДК 930.26 (5-015)

© Э.О. Хакимова

Изучение памятников бронзового и раннего железного веков Монголии в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX в.)

В статье рассматривается история изучения херексуров, плиточных могил, оленных камней, наскальных рисунков и других памятников эпохи бронзы и раннего железа Монголии российскими исследователями в дореволюционный период. Показан вклад ученых-путешественников в формирование источниковой базы по ним, в разработку хронологии и интерпретации полученных материалов.

Ключевые слова: бронзовый и ранний железный века, Монголия, археологические памятники, историография, Русское Географическое Общество.

E.O. Khakimova

The study of Bronze and Early Iron Ages monuments of Mongolia in pre-revolutionary Russia (second half XIX – early XX cent.)

This article considers the history of study of khiriksuurs, slab graves, deer stones, rock paintings and other monuments of Bronze and Early Iron Age in Mongolia by Russian researchers in pre-revolutionary period. The author shows the contribution of scientists-travelers to the formation of source base on them, to the development of chronology and interpretation of obtained materials.

Keywords: Bronze and Early Iron Ages, Mongolia, archaeological monuments, historiography, Russian Geographical Society.

Обширные пространства Центральной Азии и, в частности, Монголия стали объектом пристального внимания со стороны российских путешественников и исследователей с первой половины XIX в. Во многом это было продиктовано задачами внешней политики России, стремившейся укрепить свои позиции на восточных рубежах. Инициатором и организатором экспедиций в Центральную Азию выступало Императорское Русское географическое общество. Это были многолетние хорошо подготовленные экспедиции, участникам которых в связи с практической неизученностью региона приходилось осуществлять сбор материала по различным направлениям сразу: географии, зоологии, ботанике, истории, этнографии. Именно они и положили начало изучению памятников бронзового и раннего железного веков Монголии.

История изучения памятников эпохи бронзы и раннего железа Монголии рассматривалась в вводных разделах монографий и статьях В. В. Волкова [1964, 1967], Э.А. Новгородовой [1984; 1989], Ю.С. Худякова [1987], Д.Г. Савинова [1994], А. Д. Цыбектарова [1997; 1998]. При этом данная тематика не являлась предметом специального исследования, поскольку авторы ставили в своих работах иные задачи: публика-

цию материалов открытых памятников, разработку вопросов их хронологии, интерпретации и т.д.

Выдающимся исследователем Центральной Азии по праву считается Г.Н. Потанин, который совершил путешествия по Монголии в 1876-1877 и 1879-1880 гг. Маршруты экспедиций пролегали по северо-западным районам страны от пустыни Гоби на юге до Монгольского Алтая на северо-западе. На этой огромной по площади территории Г.Н. Потанин первым из исследователей зафиксировал свыше 170 херексуров на 32 могильниках. Из них по более 75 погребениям он дал подробное описание внешнего вида памятников, их размеров, местоположения на географической карте Монголии [Потанин, 1881, с. 48-64]. Исследователь составил планы 36 памятников с указанием их расположения по сторонам света, но без масштаба. Кроме того, они были тщательно зарисованы, сфотографированы и опубликованы [там же, с. 230-237]. Г.Н. Потанин отмечал, что херексуры имеют разнообразные формы оград вокруг насыпей, выделив несколько их типов: круглая, квадратная, прямоугольная. Исследователь также зафиксировал херексуры без ограды, с двойной круглой оградой, с каменными дорожками (лучами) от центральной насыпи к оградке. В числе описанных

погребений Г.Н. Потанин отметил около 8 херексуров, в состав которых входили жертвенники и поминальники [там же, С. 51-54, 57-63]. К вопросам датировки херексуров исследователь не обращался, поскольку раскопки он не осуществлял.

Г.Н. Потанин первым обследовал и ввел в научный оборот материалы по оленным камням, которые называл монгольским термином «кишачило» («овечий камень»). Из более 15 зафиксированных стел 8 он сфотографировал и подробно описал с указанием расположения с привязкой к местности, размеров и изображений на них [там же, с. 64-72]. Г.Н. Потанин классифицировал памятники по характеру обработки на два типа: отесанные и неотесанные, выделив при этом в особую группу камни со скошенным верхом [там же, с. 64]. Он отмечал, что оленные камни, хоть и распространены на одной территории с херексурами, но не находились в связи с ними [там же, с. 65]. При этом он отмечал, что стелы, находившиеся вблизи херексуров, встречались в основном на западе страны [Потанин, 1881, с. 65]. Обращаясь к вопросам семантики каменных стел, Г.Н. Потанин связывал рисунки на этих памятниках с космологической символикой. В частности, он видел в трех параллельных линиях отображение созвездия Ориона [Савинов, 1994, с. 9]. Относительно датировки оленных камней исследователь, кроме интуитивных предположений об их глубокой древности, не высказал каких-либо соображений.

Г.Н. Потанин также обнаружил два местонахождения петроглифов в долине р. Чуи. Они были выполнены в технике выбивки и представляли собой изображения оленей, козлов и человека. Исследователь отмечал, что подобных изображений на территории Монголии ему более не встречалось [Потанин, 1885, с. 50-51].

Таким образом, Г.Н. Потанин одним из первых российских ученых начал изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа – херексуров, оленных камней и петроглифов. Однако его исследования носили в основном характер описания памятников. К сожалению, раскопок погребений он не осуществил. Тем не менее Г.Н. Потанин положил начало формированию источниковой базы по этим памятникам. Кроме того, он впервые разработал классификации херексуров и оленных камней, предпринял попытки датировать оленные камни и объяснить семантику рисунков на них. Это позволяет считать Г.Н. Потанина основоположником изучения памятников эпохи бронзы и раннего железа Монголии.

В 1889 г. Н.М. Ядринцев по поручению Вос-

точно-Сибирского отдела РГО совершил экспедицию в долину р. Орхон (Центральная Монголия). Кроме памятников тюркского и средневекового времени, экспедиция обнаружила херексуры эпохи бронзы и раннего железа. Примерно на 19 могильниках было зафиксировано более 57 погребений. Н.М. Ядринцев отмечал, что все выявленные херексуры имели круглую или четырехугольную ограду, а вдоль берега р. Харух обнаружили также «крестообразные» и «трехрядные» памятники [Ядринцев, 1892а, с. 56-91]. Н.М. Ядринцев дал краткое описание с указанием размеров 7 херексуров, диаметр которых варьировался от 30 до 150 шагов [там же, с. 61-63, 70, 85-91]. Исследователь отмечал, что экспедиция располагала небольшими средствами и по этой причине раскопки памятников не проводились [там же, с. 79]. По данным ученого, местное население – монголы – считали, что памятники эти принадлежали киргизам, а форма ограды свидетельствовала о материальном положении покойного: бедных хоронили в херексурах с круглой оградой, а более богатых – в четырехугольных [там же, с. 56].

В 1891 г. в целях археологического изучения Монголии Петербургской академией наук была создана Орхонская экспедиция во главе с В.В. Радловым. Сотрудники экспедиции зарегистрировали и обследовали большое количество памятников разных эпох в долине р. Орхон, в том числе бронзового и раннего железного веков.

В ходе обследования археологических памятников по берегам рек Тола и Орхон от Урги (современный г. Улан-Батор) до Южного Хангая Н.М. Ядринцев зафиксировал более 250 херексуров с четырехугольной и круглой оградой на 32 могильниках [Ядринцев, 1892б, с. 28-40; 1901, с. 2-51]. Раскопки памятников не производились. В работах исследователя, к сожалению, отсутствуют данные о размерах выявленных им херексуров, за исключением пяти, диаметр которых измерил шагами – от 28 до 80 шагов [он же, 1901, с. 7, 41]. Н.М. Ядринцев отмечал, что, несмотря на широкое распространение херексуров на территории Монголии, местные жители не считают «могильники эти принадлежащими своим предкам, но приписывают постороннему народу» [там же, с. 2]. Также ученый обнаружил более 6 оленных камней вблизи херексуров [он же, 1892, с. 37-40; 1901, с. 40, 49]. К сожалению, ученый не составил описания памятников и не указал их размеров.

Участник Орхонской экспедиции С.М. Дудин в своем отчете дал описание памятникам, встреченным им на севере Монголии по пути из

Эрдени-Цзу в Кяхту в 1891 г. Целью поездки являлся осмотр развалин древних сооружений на р. Горигин-гол. Большое количество херексуров и 4 оленных камня исследователь отметил на переходе между реками Нарын-гол и Горигин-гол, а также по берегам рек Ханын-гол и Цыцырлык-гол, близ озера Шаргын-нор. Также к востоку от озера Ихе-нарын-нор С.М. Дудин отметил 2 плиточные могилы, которые были сложены из крупных гранитных и гнейсовых плит, покрытых изображениями оленей [Дудин, 1892, с. 24-26]. Точного количества выявленных херексуров, более подробного описания памятников исследователь не оставил. Раскопки не были произведены.

В письме участника Орхонской экспедиции Д. Клеменца на имя академика В.В. Радлова содержатся сведения о херексурах, открытых исследователем в Центральной и Северо-Западной Монголии. Д. Клеменц зафиксировал около 6 могильников, но точное количество объектов на них не указано [Радлов, 1892а, с. 15-18]. Ученый отмечал, что термин «херексур» утвердился в археологической литературе благодаря путешествиям Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Он также указал, что В.В. Радлов называл их киргизскими могилами и считал схожими с погребениями из Южной Сибири, которые относил к железному веку [там же, с. 15]. Описание и археологические раскопки херексуров, как следует из письма, Д. Клеменц не осуществил.

В 1892 г. вышел первый выпуск «Атласа древностей Монголии», составленный В.В. Радловым. В нем содержались описание, зарисовки и фотографии ряда выявленных Орхонской экспедицией памятников разных эпох с территории страны, включая бронзовый и ранний железный века [Радлов, 1892б, с. 10-13]. В их числе 17 херексуров, зафиксированных по берегам рек Селенга, Джирмантай, Орхон и Харух, около 7 оленных камней с рек Ханын, Цыцырлык, Нарын-гол, Горигин-гол, Орхон, более 5 могил с оградой из поставленных на ребро плит на реках Джирмантай, Орхон и близ г. Убеген (возможно, плиточные могилы). Относительно датировки памятников составитель «Атласа» В.В. Радлов высказал предположение об их глубокой древности [там же, с. 6-7].

В 1895 г. Д. Клеменц опубликовал полевой дневник, который вел, находясь в составе Орхонской экспедиции, во время поездки по Средней Монголии в 1891 г. Ученый выявил 8 могильников херексуров (39 памятников с оградой круглой и четырехугольной формы диаметром от 12 до 25 шагов) и 1 плиточную могилу

[Клеменц, 1895, с. 1-4, 73]. Раскопок не производилось.

Таким образом, деятельность Орхонской экспедиции 1891 г. по выявлению памятников эпохи бронзы и раннего железа на территории Монголии имела большое значение. Надо отдать должное ее сотрудникам, которые за сравнительно небольшой срок работы экспедиции выявили более 289 херексуров на почти 65 могильниках, свыше 10 оленных камней и плиточных погребений. Хотя исследования охватили в основном центральные районы страны, тем не менее они существенно увеличили источниковую базу по бронзовому и раннему железному векам региона. Раскопки памятников учеными не производились, основное внимание при их исследовании они отводили описанию внешнего вида сооружений.

В 1899-1901 гг. в Монголии работала Монголо-Камская (Тибетская) экспедиция под руководством П.К. Козлова. В сферу внимания исследователей попали и памятники эпохи бронзы и раннего железа. Один из отрядов экспедиции во главе с А.Н. Казнаковым зафиксировал несколько могильников-херексуров с круглыми и четырехугольными оградой и погребений, состоящих из каменных плит (вероятно, плиточных могил), 4 жертвенника [Казнаков, 1907, с. 11-14, 23]. Точное количество погребений не указано. Также он составил планы одного из херексуров, состоявшего из центральной насыпи, круглой оградой, и четырех жертвенников [там же, с. 12-14], но без указаний размеров.

Дальнейшее изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа Монголии связано с именем знаменитого путешественника и исследователя Средней и Центральной Азии Г.Е. Грумм-Гржимайло. В 1903 г. он организовал экспедицию в Западную Монголию и Туву. Специальных исследований памятников эпохи бронзы и раннего железа на территории Монголии Г.Е. Грумм-Гржимайло не проводил. Однако на основе собственных путевых заметок, сведений из китайских источников, работ отечественных и зарубежных ученых исследователь относил херексуры и могилы, обставленные каменными плитами – так называемые «маяки» – к эпохе меди и бронзы. Он обозначил территорию распространения обоих типов памятников от Енисея на западе до р. Селенги на востоке. По мнению Г.Е. Грумм-Гржимайло, их оставили динлины, вытесненные из Северного Китая в V в. до н.э. Относительно оленных камней исследователь отмечал, что они, согласно обычаю, привнесенному динлинами из Китая, являлись

памятниками усопшему [Грумм-Гржимайло, 1926, с. 49-50].

Перечисленными выше фактами ограничиваются сведения об исследованиях памятников бронзового и раннего железного веков Монголии в дореволюционное время. За период с конца 1870-х гг. до начала XX в. было выявлено более 530 херексуров на 97 могильниках, 4 могильника плиточных погребений (свыше 8 могил) и более 30 оленных камней. Около 144 херексуров и свыше 15 оленных камней были подробно описаны, 54 херексура, более 5 плиточных могил и 15 стел с изображениями оленей тщательно зарисованы и сфотографированы. В действительности же исследователи открыли и осмотрели, вне всякого сомнения, большее количество памятников эпохи бронзы и раннего железа на территории Монголии. Однако не по всем из них ученые привели сведения в своих работах.

В это время были сделаны первые шаги по классификации и хронологии памятников бронзового и раннего железного веков Монголии. В частности, Г.Н. Потанин и В.В. Радлов высказали предположения об относительной древности этих памятников, причем последний, как следует из письма Д. Клеменца, относил их к железному веку. Наиболее близко к решению вопроса о хронологии херексуров подошел Г.Е. Грумм-Гржимайло, относивший их к эпохе бронзы. В целом же можно заключить, что первооткрыватели херексуров, оленных камней и плиточных

могил на территории Монголии, не осуществляя раскопок, подошли лишь к постановке некоторых вопросов их изучения: предварительной классификации, семантики и хронологии, положив начало разработке этих аспектов.

Следует отметить, что открытия памятников эпохи бронзы и раннего железа в этот период были разделены значительными промежутками времени, что свидетельствует об эпизодическом характере их изучения. В организационном отношении полевые исследования памятников эпохи бронзы и раннего железа осуществлялись преимущественно Императорским Русским географическим обществом, в сферу деятельности которого с 1870-х гг. попала территория Монголии. Благодаря исследованиям Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, В.В. Радлова и других сотрудников Орхонской экспедиции, изучение памятников Монголии указанных выше эпох охватило значительные по площади территории от пустыни Гоби на юге до границ с Россией на севере, от Монгольского Алтая на западе до р. Орхон на востоке, т.е. западные, южные, северные и центральные районы Монголии. Несомненно, большой заслугой исследователей конца XIX – начала XX в. явилось то, что они обосновали важность памятников эпохи бронзы и раннего железа как исторических источников для изучения древней истории Монголии, начали их обследование, положив тем самым начало созданию источниковой базы по ним.

Литература

1. Волков В.В. Из истории изучения памятников бронзового века МНР // К вопросу древнейшей истории Монголии. – *Studia archaeologica*. t. 3, fasc. 8. – Улаанбаатар, 1964. – С. 25-93.
2. Волков В.В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.
3. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – Л., 1926. – 900 с.
4. Дудин С.М. Предварительный отчет поездки из Эрдэницу в Кяхту // Труды Орхонской экспедиции. – Т. 1. – СПб., 1892. – С. 24-27.
5. Казнаков А.Н. Мои пути по Монголии и Каму // Труды экспедиции РГО, совершенной в 1899-1901 гг. под руководством П.К. Козлова. Т. 2. Вып. 1. – М., 1907. – 143 с.
6. Клеменц Д. Археологический дневник поездок в Среднюю Монголию в 1891 г. // Сборник трудов Орхонской экспедиции. – Т. 2. – СПб., 1895. – С. 1-74.
7. Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 168 с.
8. Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.
9. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – Т. 2. – СПб.: Типография Киришбаума, 1881. – 272 с.
10. Потанин Г.Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии, замеченные во время поездки в 1879 г. // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. – Т. 10. – М.: Синодальная типография, 1885. – С. 50-57.
11. Радлов В.В. Письмо Клеменца Д. на имя академика В.В. Радлова «Предварительный отчет для археологического исследования бассейна реки Орхона» // Сборник трудов Орхонской экспедиции. – СПб., 1892а. Т. 1. – С. 13-23.
12. Радлов В.В. Атлас древностей Монголии // Труды Орхонской экспедиции. Вып. 1. – СПб., 1892б. – 14 с.
13. Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1994. – 208 с.
14. Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 136-162.
15. Цыбиктаров А.Д. История исследования культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья (XVIII в. – конец 80-х годов XX в.). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 38 с.

16. Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 288 с.

17. Ядринцев Н.М. Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 году действительным членом ВСОИРГО Н.М. Ядринцевым по поручению Отдела (географический дневник) // Труды Орхонской экспедиции. – Т. 1. – СПб., 1892а. – С. 51-113.

18. Ядринцев Н.М. Предварительный отчет об исследованиях по р. Толе, Орхону и в Южном Хангае // Труды Орхонской экспедиции. – Т. 1. – СПб., 1892б. – С. 27-40.

19. Ядринцев Н.М. Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный Хангай в 1891 году // Сборник трудов Орхонской археологической экспедиции. – Т. 5. – СПб., 1901. – 54 с.

Хакимова Эльвира Октябристовна, аспирант кафедры всеобщей истории Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а. E-mail: elya_kostya@mail.ru.

Khakimova Elvira Oktyabristovna, postgraduate student, department of general history, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24 а. E-mail: elya_kostya@mail.ru.

УДК 94

© *А.А. Кружалина*

Польский вопрос в дискуссиях российской общественности XIX в.

Представленная статья посвящена проблеме осмысления польского вопроса представителями российской общественности XIX в. Исследование основано на широком круге источников, различных по типологии. Автор проводит комплексный анализ различных точек зрения по исследуемой проблеме.

Ключевые слова: польский вопрос, общественная мысль, XIX век, история России.

А.А. Kruzhalina

The Polish issue in discussions of the Russian public of the XIXth century

The paper is devoted to the problem of understanding the Polish issue by representatives of the Russian public of the XIXth century. The study is based on a wide range of sources, different in typology. The author conducts a comprehensive analysis of different points of view on the researched problem.

Keywords: the Polish issue, public opinion, the XIXth century, the Russian history.

Теме Польши российская общественная мысль всегда уделяла первостепенное значение. Актуальность обозначенной проблемы для российской действительности XIX в. была несомненной. Как заключал один польский публицист: «Славянский вопрос не дастся вам в руки; польский вопрос будет ваш кошмар. Ваше историческое наказание» [1].

Многие исторически сложившиеся противоречия между Россией и Польшей до сих пор не поняты общественностью и политическими элитами обоих государств. Поэтому представляется необходимым обратиться к опыту прошлых поколений: методом комплексного анализа мнений представителей общественности XIX в. (периода, когда российско-польские противоречия особенно остро заявили о себе) попытаться реконструировать видение польского вопроса и, что более интересно, варианты его решения.

Следует отметить, что отечественная историография не раз обращалась к данной проблеме, однако опубликованные работы в основном посвящены отдельным представителям общественной мысли и их видению польского вопроса в России. Вместе с тем ни в одной работе мы не

находим комплексного анализа широкого спектра мнений российской общественности по данному вопросу.

Особый интерес в контексте данного исследования представляют работы дореволюционных авторов: Б.Б. Глинского (автор демонстрирует детальный анализ теорий, концепций и проектов реформирования российской действительности XVII–XIX вв. и даже приводит уникальные источники) [2, 3]; М.П. Драгоманова («Герцен, Бакунин, Чернышевский и польский вопрос»). Работы советских исследователей, не смотря на их излишнюю идеологизированность, также заслуживают внимания. Прежде всего это исследования Н.Н. Новиковой «Революционеры 1861 года», М.Ш. Левина «Общественное движение в России в 60-70-х годах XIX века», серия монографий Н.М. Пирумовой, посвященная жизни и деятельности А.И. Герцена («Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек»; «Исторические взгляды А.И. Герцена»). Позиция осовремененных историков по исследуемой проблеме частично отражена в исследованиях В.А. Китаева «XIX век: пути русской мысли», Л.М. Аржаковой «Российская истори-

ческая полонистика и польский вопрос в XIX веке» и т.п.

Рассмотрим источниковую базу исследования. Прежде всего это мемуары и воспоминания известных общественных деятелей (Герцена, Бакунина, Аксакова и др.); статьи, опубликованные в периодических изданиях XIX столетия («Колокол», газета «День», «Русское дело» и т.д.); а также личная переписка, частью опубликованная, частично представленная в архивах страны. Обозначенный широкий комплекс источников позволяет подробно реконструировать видение польского вопроса российской общественностью XIX в.

Казалось бы, всем известно, в чем заключается польский вопрос, и подробных пояснений здесь не требуется. Тем не менее в понимании этого популярного, достаточно широко упоминаемого понятия единства нет. Примечательно, что различия проявляются уже при попытках установить время появления польского вопроса в России. Показателен не только широкий круг мнений по этому поводу, но и резкие расхождения в тех мотивировках, которые при этом предлагаются [4, с. 9].

П.А. Вяземский, например, вспоминая на склоне лет приезд в Москву осенью 1824 г. высланного из Литвы Адама Мицкевича, утверждал, что «тогда польского вопроса еще не было». Объяснял он это двумя простыми причинами. Во-первых, Польша тогда была мало кому известна: «Теперь журнальные публицисты знают ее не лучше, но говорят о ней больше: и это худо» [5, с. 291]. Во-вторых, невзирая на сетования некоторых государственных деятелей и мыслителей на предмет привилегированного положения Царства Польского, это недовольство, по мнению Вяземского, не имело национальной подоплеки. По его словам: «тут пламенной вражды не было: было одно политическое соображение с точки русского государственного воззрения» [5, с. 291-292].

Иного мнения придерживался известный современник М.П. Погодин. В 1860-х гг. он решил собрать воедино все то, что было им написано по вопросу Польши, начиная с 1830-х гг., и без колебаний дал книге название «Польский вопрос: собрание рассуждений, записок и замечаний».

Справедливо заметить, что были и другие, более одиозные, мнения. Так, например, журналист и историк М.Ф. де-Пуле относил польский вопрос к временам Петра Первого [6, с. 214]. А С.М. Соловьев вообще считал, что польский вопрос ... «родился вместе с Россией» [7, кн. 22, с. 200].

Подобного рода расхождения в датировках лишней раз свидетельствуют о многогранности и сложности исследуемого вопроса. В контексте данного исследования мы будем придерживаться точки зрения М.П. Погодина, т.к. не видим основания относить польский вопрос только к пореформенной эпохе.

На протяжении всего 19-го столетия польский вопрос не терял своей актуальности. Еще в первых проектах будущих декабристов тема Польши не была проигнорирована. В 30–40-е гг. XX в. дискуссию по польскому вопросу продолжили развивать западники и славянофилы.

Как заметил позднее один из идеологов славянофильства А.А. Киреев: «Сложен и запутан, и труден [польский вопрос] лишь потому, что поляки отвергают нашу исходную точку для решения политических вопросов – этнографическую, всеми силами отстаивая свою историческо-легендарную, конечно, не выдерживающую ни малейшей критики» [8, с.114].

Ю.Ф. Самарин в №38 «Дня» недвусмысленно назвал Польшу острым клином, который «вогнан латинством в самую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы». «Ни одно из племен славянских не отдавало себя, – по мнению Самарина, – на службу латинству беззаветно, как Польша» [9, с. 430]. Именно в этом историческом факте, по его убеждению, заложен глубочайший антагонизм русско-польских взаимоотношений, мешающий мирному разрешению польского вопроса.

В силу исторически сложившихся обстоятельств другой идеолог славянофильства А.С. Хомяков видел один вполне очевидный исход решения польского вопроса: «Пусть восстановится Польша во сколько может: Познань с Гданьском (Данциг), княжество Галицкое и Краков, герцогство Варшавское и часть Литвы, не говорящая по-русски. Но так как это дело не административное и не правительственное, а народное и историческое в высшем значении слова, то в нем не должно быть признаваемо никакое случайное различие между людьми и голоса должны быть собираемы поголовно. <...> Всякая область должна иметь право приписаться или к новой Польше, или к соседней державе, или составить отдельную общину под покровительством или без покровительства другой державы <...> Таким образом будущая суть славянских народов будет определена ими самими; а, кажется, роду Романовых нечего бояться народного голоса» [10, с. 2-3]. Столь идеалистический план решения польского вопроса, предложенный А.С. Хомяковым, во многом оправдывает

«нравственный идеал, им исповеданный», который был для него реальной силой. «Он им жил и работал на него неутомимо всеми силами своего ума и своего слова, вдохновляемый верою в окончательное торжество правды» [11, с. 9].

Еще один видный представитель славянофильства И.С. Аксаков активно участвовал в полемике по польскому вопросу. Так, «в одном 63-м году им написано 33 статьи, непосредственно касающиеся злополучного вопроса» [12, с.1].

По мнению известного исследователя общественной мысли XIX в. В.А. Китаева, Аксаков был четко убежден, что правительственной политике в отношении Царства Польского не хватало определенности: следовало либо не делать никаких уступок, либо дать полякам «полнейшую конституцию». Однако поляки «никакой конституцией в мире не удовлетворяются» [13, с. 193]. Сам же Аксаков видел единственный способ решения польского вопроса (о чем сообщал в 1861 г. в письме своему брату Григорию): «Следовало бы провозгласить начало народности, <...> и на основании это начала объявить полякам, что за пределами Царства везде, где народ православный и русский, им не владеть ни аршином земли; вывести из Царства все войска и стать по границе, а поляков Царства Польского предоставить их участи» [14]. Именно так, по мнению Аксакова, Россия могла искупить вину своего участия в разделах Польши. Но весьма примечательно, что возвращение свободы Польше рассматривалось прежде всего как акт отказа от исторической неправды, необходимый для очищения совести России. Вывод русских войск из Царства Польского, вовсе не имел своим неизбежным следствием возрождение польской государственности [13, с. 193]. Что подтверждается словами Аксакова: «Через пять лет они [поляки] бы перерезались и пришли бы просить у царя быть их королем, или же начали бы с ним войну и мы бы их поколотили. А теперь мы неправы, погрешивши разделом Польши» [14].

А.И. Кошелев в свою очередь оказался более прямолинейным в отношении восставшей Польши: он, прямо сказать, был в восторге от карательных действий Н.М. Муравьева, считая, что необходимо «положить Польшу под чугунный пресс». Однако будучи сторонником либеральных идей, Кошелев определенно смущался своих симпатий к виленскому диктатору: «До чего же нас довели: мы восхищаемся Муравьевым!» – словно оправдываясь, восклицал Кошелев в письме И.С. Аксакову [15, с. 77].

Справедливо отметить, что польская тема вообще была особенно широко развита представителями общественной мысли 50–60-х гг. XIX в. Одним из центров консолидации прогрессивно настроенной общественности России обозначенного периода стал издаваемый А.И. Герценым и Н.П. Огаревым в Женеве «Колокол».

Редакция «Колокола» постоянно находилась в курсе происходящих в Польше событий, оперативно реагировала на них. Для демократической общественности России, группировавшейся вокруг редакции, была очевидна несостоятельность и неадекватность политики царизма по польскому вопросу. В 1850–1860-е гг. на страницах «Колокола» все чаще появляются меткие замечания в адрес непродуманной национальной политики царизма.

Так, М.А. Бакунин достаточно однозначно заявляет о своем требовании предоставления свободы самоопределения народам России [16, с.1027]. Он видит только один выход: «хотите, не хотите, а надо будет отказаться от всяких насильственных удержаний и присоединений. И остается одно: признать добровольно полную независимость и свободу всех окружающих нас племен» [16, с. 1027-1028]. Еще раньше, в 1847 г., на банкете в честь Польского восстания 1830 г., давая оценку правительственным действиям, Бакунин заявлял: «Это было не только несправедливое нападение на соседний народ, это было чудовищное покушение на свободу брата. Это было более, господа, со стороны моего отечества это было политическое самоубийство <...> Освобождение Польши было бы нашим спасением; если бы вы стали свободны, мы бы стали также» [17, с. 86].

«По клоку отрывала Русь живое мясо Польши, отрывала провинцию за провинцией, и, как неотразимое бедствие, как мрачная туча, подвигалась все ближе и ближе к ея сердцу. Где она не могла взять силой, она брала хитростью, деньгами, уступала своим естественным врагам и делилась с ними добычей» [18, т. 9, с. 462].

Усиление национал-освободительного движения в Польше привели редактора «Колокола», А.И. Герцена, к необходимости поставить польский вопрос в центр своей пропаганды, непосредственно связав его с вопросом освобождения крестьян, а также революционным движением в России [19, с. 142]. По меткому замечанию польского корреспондента газеты «Русь»: «И польская душа тоже нуждается в месте за славянской трапезой. Согласны ли русские потесниться и дать полякам место рядом с собой за общим столом?» [20, с. 3].

Будущее устройство Польши А.И. Герцен видел только в отделении Польши от России. Он утверждал, что «Польша... имеет неотъемлемое, полное право на государственное существование, независимое от России» [18, т. 9, с. 463]. Однако Герцен допускал и «федеральное соединение» двух государств. Он писал: «Глубоко ненавидя всякую централизацию, я убежден, что соплеменные федерации дают среду государственную, несравненно более широкую, чем раздробленные одного рода на отдельные части» [18, т. 9, с. 463]. Но также замечал, что это соединение должно быть «вольным».

Однако последующие события в России и Польше привели Герцена к осознанию того, что ни о каком федеративном союзе славянских государств теперь не может быть и речи. Он даже осуждал Бакунина за его все еще пламенную веру в «славную и славянскую» федерацию, «о которой поляки говорили не то с ужасом, не то с отвращением» [21, т. 7, с. 351].

После 10 апреля 1861 г., убийств в Варшаве Герцен с нескрываемым сожалением пишет: «... рука наша опустилась; через новую кровь, пролитую в Варшаве, наш тост не мог идти... мы предложили один тост: ЗА ПОЛНУЮ, БЕЗУСЛОВНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ ОТ РОССИИ И ОТ ГЕРМАНИИ И ЗА БРАТСКОЕ СОЕДИНЕНИЕ РУССКИХ С ПОЛЯКАМИ!... На разрыве – только на разрыве Польши с Россией – мы пойдем друг друга!.. Государь, никаких мечтаний, никаких мечтаний! Вы Польшу потеряли. Вы могли стать во главе славянского движения, вы могли восстановить Польшу без капли крови – вы предпочли австрийские драгонады» [22, т. 8, с. 59-60].

Идеи Герцена нашли продолжение на страницах нелегальной периодической печати России. Важное место среди этих тайных изданий занимал и «польский вопрос». Одним из таких изданий стал «Великорусс» – нелегальное периодическое издание, впервые осуществленное в России. Оно было задумано как газета, а не как прокламация, посвященная какой-либо одной теме, и вышло в виде «номеров» под одним названием, одного формата и шрифта.

Сущностью национальной программы «Великорусса» является признание прав национальностей на самостоятельное устройство их судьбы. Особенно подробно комитет «Великорусса» обосновывал свое требование о свободе Польши, так как считал, что этот вопрос требует неотлагательного решения именно в связи с кон-

кретной обстановкой в самой России, стоявшей накануне революции. «Великорусс» пишет: «Наша народная гордость, любовь к нашему народу и финансовый расчет требуют того же. Наша власть над Польшей основана только на том, что [мы] нарушили все условия, под которыми Царство Польское было соединено с Россией на Венском конгрессе. Мы обязались тогда, что оно будет иметь конституцию, полную независимость внутреннего управления и свою отдельную, чисто национальную армию. Мы изменили этому своему слову. Мы остаемся в глазах всей Европы обманщиками. Чтобы сохранить господство над Польшей, мы должны иметь лишних двести тысяч войска, тратить ежегодно по сорока миллионов наших собственных денег, кроме тех, которые берем с Польши. Наши финансы не придут в порядок, пока мы будем делать такую трату. Сотни тысяч женщин, стариков и детей остаются у нас без средств к жизни, потому что работники их семейств отведены на запад – удерживать Польшу в рабстве, столь разорительном для нас» [23, с. 913-914].

На таких же позициях демократического интернационализма стояли Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Огарев, Н. Серно-Соловьевич, Шевченко и другие революционеры-демократы России, связанные с польскими революционерами-демократами и знавшие о подготовке поляков к восстанию.

Справедливо свидетельствовал Астольф де Кюстин о взаимоотношениях поляков и русских: «Сколько бы их ни разделяли временные раздоры, природа сближает их помимо воли. Если бы политические соображения не заставляли одного из них угнетать другое, они бы узнали и полюбили друг друга» [24, с. 594].

Объединяло же большинство деятелей общественной мысли второй половины XIX в., по меткому замечанию Н.В. Шелгунова, «стремление к личной и общественной свободе и, работая только над ней, конечно, не имели времени думать, делаем ли мы что-нибудь великое или невеликое... Идея свободы, охватившая всех, проникала повсюду, и совершалось действительно что-то небывалое и невиданное» [25, т. 2]. Именно с 60-х гг. 19-го столетия начался новый, особенный «период в работе общественной мысли. Работа эта не представляла особенной трудности, потому что ее программа была очень проста и заключалась всего в одном слове «свобода» [25, т. 2].

Литература

1. Русское дело. 1886. №33.
2. Глинский Б.Б. Борьба за конституцию (1612-1861гг.). СПб., 1908.
3. Глинский Б.Б. Революционный период Русской истории (1861-1881гг.). СПб., 1913.
4. Аржакова Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб., 2010.
5. Вяземский П.А. Мицкевич о Пушкине // Эстетика и литературная критика. М., 1984.
6. Де-Пуле М. Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литве в 1794-1797гг. СПб., 1871.
7. Соловьев С.М. Европа в конце XVIII века // Соловьев С.М. Соч.: в 18 кн. М., 1998. Кн. XXII. С. 200.
8. Киреев А.А. Отзывы на изложение наших принципов // Учение славянофилов / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012.
9. Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса (День. 1863. №38. 21 сент.) // Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. М.: ЭКСМО, 2003.
10. Письмо А.С. Хомякова к А.О. Смирновой // Русская мысль. 1881.
11. Юрьев С.А. Несколько слов по поводу письма А.С. Хомякова к А.О. Смирновой // Русская мысль. 1881.
12. Филевич И.П. И.С. Аксаков и польский вопрос // Известия С.-Петербургского Славянского Благотворительного Общества: отдельный оттиск. СПб. 1887. №3. 14 февр.
13. Китаев В.А. XIX век: пути русской мысли. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2008.
14. РО ИРЛИ. Ф.3. Оп. 16. Ед. хр. 16. Л.14.
15. Голос минувшего. 1922. №2.
16. Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол. 1862. № 122-23.
17. Бакунин М.А. Славянский вопрос: речь, произнесенная 29 ноября 1847 г. в Париже на банкете в годовщину Польского восстания 1830 г. // Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
18. Герцен А.И. Россия и Польша // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / под ред. М.К. Лемке. СПб., 1919. Т. IX.
19. Пирумова Н.М. Исторические взгляды А.И. Герцена. М.: Госполитиздат, 1956.
20. Д-р Окветко. Польский вопрос // Русь. 1904. 25 ноября.
21. Герцен А.И. Бакунин и польское дело // Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. С.И. Машинского. М.: Наука, 1975. Т.7.
22. Герцен А.И. 10 апреля и убийства в Варшаве // Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. С.И. Машинского. М.: Наука, 1975. Т.8.
23. «Великорусс» 2 // Колокол. 1961. № 109.
24. Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. СПб.: Лениздат, 1991.
25. Шелгунов Н.В. Сочинения. 3-е изд. Т. 2.

Кружалина Анастасия Алексеевна, аспирант кафедры истории России Иркутского государственного университета. 665458, Иркутская обл., г. Усолье-Сибирское. Тел: 8-924-620-16-47. E-mail: miss.kruzhalina@yandex.ru

Kruzhalina Anastasiya Alekseevna, postgraduate student, department of history of Russia, Irkutsk State University, Ph.: 8-924-620-16-47 E-mail: miss.kruzhalina@yandex.ru

УДК 947:651.4 (571.54+571.55)

© *О.А. Мальгина*

**«Инородческий вопрос» в делопроизводстве военных губернаторов
Забайкальской области
(вторая половина XIX – начало XX в.)**

Статья – комментированная коллекция архивных документов, что дает представление о взглядах военных губернаторов Забайкальской области на «инородческий» вопрос.

Ключевые слова: военные губернаторы, «инородцы», делопроизводство.

О.А. Malygina

**“Indigenous issue” in the proceedings of military governors
of Transbaikalia area (second half XIX – early XX cent.)**

The article is a annotated collection of archival documents, it gives an idea on military governors' opinions on “indigenous” issue.

Keywords: military governors, “indigenous people”, proceedings

Данный материал представляет собой подборку документов, характеризующих особенности политики самодержавия по отношению к «инородцам» в Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в. В регионе с компактным проживанием крупнейших сибирских этносов – бурят и эвенков – вопрос об их вхождении в имперскую общественно-правовую систему был в числе приоритетных.

На начальном этапе становления института военного губернатора в Забайкальской области официальная переписка по «инородческому вопросу» ограничивалась статистическими данными. В дальнейшем, с вовлечением местного населения Забайкалья в товарно-денежные отношения и особенно в связи с унификацией административно-территориальной системы, фактически ликвидировавшей традиционные формы управления бурят, стиль делопроизводства коренным образом меняется. В переписке появляется информация о реакции «инородческого населения» на проводившиеся реформы, собственных предложениях по урегулированию вопроса и описание принятых мер.

Материал извлечен из Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) и Государственного архива Республики Бурятия (ГАРБ). Документы расположены в хронологическом порядке с сохранением орфографии и стилистики оригинала. Тексты документов выделены курсивом, комментарии написаны обычным шрифтом. Сокращения заключены в квадратные скобки.

Статистический отчет по Забайкальской области за 1853 г.

Ведомость о состоянии народонаселения в Верхнеудинском округе за 1853 г.

[...] инородцев оседлых 5696, кочующих 73 229, бродячих 1530 [...], в числе 80 455 инородцев состояло тунгусского племени 1530, прочие все монгольского [1, л. 18-18об.].

Отчет подготовлен первым военным губернатором Забайкальской области П.И. Запольским (1851-1855 гг.). Согласно Высочайше утвержденному уставу об управлении инородцев от 22 июля 1822 г., все обитающие в Сибири инородные племена «по различной степени гражданского их образования и по настоящему образу жизни» делились на оседлых, то есть живущих в городах и селениях; кочевых, занимающих определенные места, «по временам года переменяемые», и бродячих, постоянно кочующих с места на место, «по рекам и урочищам» [2].

Генерал-губернатор Восточной Сибири господину военному губернатору Забайкаль-

ской области.

Иркутск. 31 августа 1854 г. № 862.

[...] я желал бы, чтобы на будущее время все сведения и данные к отчету были бы составляемы с большей точною ясностью [...] в дополнение вышеозначенного представления Вашего за № 3584, доставить мне и как возможно поспешнее сведение, сколько в числе 117271 инородцев считать христиан, и сколько идополокнонников[...] [1, л. 42].

Письмо генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева (1849-1861) адресовано военному губернатору Забайкальской области П.И. Запольскому.

Отчет военного губернатора Забайкальской области за 1861 г.

В Забайкальской области проживает инородцев, за исключением Забайкальского казачьего войска, 133 640 душ обоого пола, из них до 106 420 душ монгольского племени, а остальные тунгусского [3, л. 584].

Отчет подписан военным губернатором Е.М. Жуковским (1860-1863).

Отчет военного губернатора Забайкальской области за 1878 г.

Ввиду же настоящей надобности в преобразовании волостных и инородческих управлений области признается необходимым вопрос об административном устройстве [4, л. 5].

Вопрос о необходимости приведения к единому знаменателю форм административно-территориального управления и распространения его на инородческое население прозвучал в отчете военного губернатора И.К. Педашенко (1874-1880) за 20 лет до проведения реформ. Это не первый случай, когда общеимперские законы принимались после предложений, поступивших из регионов.

Отчет военного губернатора Забайкальской области за 1890 г.

Занятие их («инородцев». – О.А.) состоит преимущественно в скотоводстве и звероловстве, но в последние годы начало распространяться между ними и хлебопашество [3, л. 584].

Отчет составлен военным губернатором Забайкальской области М.П. Хорошкиным (1888-1893).

Документы (приказы, распоряжения, донесения) о проведении волостной реформы, назначении должностных лиц в новые общественные учреждения агинских бурят. 1903-1904 гг.

«Опомнитесь, говорю вам! Опомнитесь, еще не поздно! Горе сопротивляющимся и неповивающимся царским повелениям. Разве своим со-

противлением и неповиновением вы можете добыть себе какие-либо выгоды! Велик и могуч царь Русской земли, кто ему может сопротивляться! Горе сопротивляющимся! Сначала надо покорно и беспрекословно принять дарованную вам великим нашим государем реформу, беспрекословно повиноваться вашим начальникам, поставленным от царя, и уже после того просить себе милостей и просить не так, как вы теперь делаете, посылая своих доверенных в Петербург, которые дорого вам стоят, а дела все равно не сделают, а просить о милостях надо в законном порядке через меня как губернатора. Горе тем, кто не повинуется! Великие беды ожидают их!» [5, л. 35].

Обращение к бурятам военного губернатора И.П. Надарова (1901-1904), чья позиция в этническом вопросе отличалась жесткостью и непримиримостью.

В конце XIX – начале XX в. происходит поэтапная ликвидация системы инородческого управления Сибири, регламентированная «Уставом об управлении инородцев» М.М. Сперанского. 8 июня 1898 г. Государственным Советом было утверждено положение «О видах на жительство для инородцев», определявшее места постоянного проживания аборигенов, при отлучке из которых они обязывались иметь паспорт. Законами от 23 апреля 1900 г. и 21 мая 1902 г. на сибирские губернии было распространено «Положение о крестьянских начальниках», институт которых был введен в России 8 июня 1898 г. «Временным положением о крестьянских начальниках». В апреле 1901 г. институт крестьянских начальников был распространен на Забайкальскую область, в шести уездах которой утверждалось 19 должностей вновь вводимых чиновников. Им были приданы права и инородческих начальников. Институт крестьянских и инородческих начальников являлся копией института земских начальников в европейской части России [6, с. 216].

23 апреля 1901 г. царским правительством было издано Временное положение «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области», предусматривавшее проведение волостной реформы в крае [7, с. 383]. Реформа упразднила бурятское самоуправление, законодательно закрепленное в 1822 г. «Уставом об управлении инородцев». Бурятские степные думы как органы родового управления заменялись русскими территориальными единицами – волостями, во главе которых стояли крестьянские начальники, вводились русское делопроизводство и суд [7, с. 39]. Орга-

ны «инородческой» администрации утратили прежнее значение, сохранив за собой только распределение денежных повинностей между членами подведомственных им родов. Реформы вызвали волну протеста у хоринских, агинских и селенгинских бурят.

Документы (приказы, распоряжения, донесения) о проведении волостной реформы, назначении должностных лиц в новые общественные учреждения агинских бурят. 1903-1904 гг.

«Считаю нужным опять повторить, что только просьбы бурят, в законном порядке направленные через меня как губернатора, будут рассматриваться и по возможности будут удовлетворяемы, если эти просьбы не будут касаться отмены или отсрочки вводимой реформы. Реформа проводится бесповоротно и неповинующиеся ей или противодействующие понесут строгое наказание. Уже я приговорил несколько человек бурят к тюремному заключению, а некоторых и к высылке на жительство в Верхнеангарск на срок до пяти лет. Опомнитесь, буряты, примите спокойно и с благодарностью даруемую государем императором для вашего блага реформу и не заставляйте меня и далее накладывать суровые взыскания на неповинующихся и противодействующих бурят»[9, л. 45].

Данный документ – реакция И.П. Надарова на телеграмму, отправленную бурятами на имя императрицы Александры Федоровны.

Областное по крестьянским делам присутствие господину иркутскому генерал-губернатору.

11 июня 1912 г. №2572.

Некоторые инородческие сходы возбуждают ходатайства об утверждении инородцев за заслуги их в должностях общественного управления в почетных инородческих званиях Шуленги и Тайши.

Пунктом 5 ст. 26 учр. Сибирского представлено Губернатору право утверждать тайшей, князцов, шуленг и прочих как народных начальников. Закон этот со временем введения реформы Общественного Управления и Суда кочевых инородцев Забайкальской области для последней утратил свое значение, так как по закону 23 апреля 1901 года местными начальниками инородцев Забайкальской области являются волостные старшины и булучные старосты. В силу примечания к ст. 6 этого закона старшины и старосты могут носить почетные инородческие звания шуленг и зайсанов и т.п., но в сношениях с правительственными учреждениями

именуются по должностям, которые они занимают.

Ввиду того, что ни в этой статье, ни в статьях 27 /с примеч./ 28 Положении об ино-родцах, трактующих о шуленгах, тайшах и проч. как почетных званиях, ничего не говорится об утверждении в этих званиях губернатором или другой властью, покорнейше прошу указаний Вашего Высочайшего Превосходительства по вопросу о порядке утверждения в почетных званиях шуленг и тайшей в тех случаях, когда такое звание избирательное /Ст. 8 Положения об инородцах/ Военный Губернатор генерал-майор Кияшко [10, л. 67].

Письмо военного губернатора Забайкальской области А.И. Кияшко (1913-1917) адресовано иркутскому генерал-губернатору Л.М. Князеву (1910-1916). 2 июня 1887 г. после учреждения иркутского генерал-губернаторства генерал-губернатор Восточной Сибири стал именоваться иркутским.

Иркутский Генерал-губернатор Господину Военному Губернатору Забайкальской области. 30 ноября 1912 г. №10920.

Представлением от 16 июня сего года за № 2572 Ваше Превосходительство, вследствие ходатайства некоторых инородческих сходов, возбудили передо мной принципиальный вопрос о том, в каком порядке после издания закона 23 апреля 1901 г. должны вообще утверждаться

инородцы в почетных званиях Шуленг, Тайшей и др. и в частности – случаях, когда такое звание избирательное.

Ввиду сего и принимая во внимание: [...], 5. что на основании ст. 28 того же Положения эти звания бывают или наследственными, или же избирательными, если до того же времени оно было избирательным, необходимо прийти к заключению, что официально могут почитаться имеющими право носить и именоваться почетными званиями Тайшей, Князьцов, Тоэнов, Зайсангов, Шуленг и др. лишь те инородцы, которые приобрели эти звания в порядке наследования еще до 22 июля 1822 года, а также те, которые носили такие звания до 1901 года, т.е. времени отмены почетного наименования должностей/ по праву избрания, когда отправляемые ими, таким порядком, должности носили сами по себе почетное наименование еще до 22 июля 1822 года.

Что же касается вопроса о власти, от которой зависело бы удостоверение или признание инородцев в таких предусмотренных ст. 28 Положения об инородцах почетных званиях, то ввиду отсутствия на этот предмет каких либо указаний в законе предоставлялось бы возможным применительно к ст. 15-1 того же Положения решение этого вопроса возложить на Забайкальское Областное Правление» [10, л. 109].

Литература

1. Государственный архив Забайкальской области (далее – ГАЗК) Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 226.
2. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ) собр. I, т. XXXVIII, № 29126.
3. ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 502.
4. ГАЗК. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1611.
5. Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ) Ф. 129. Оп. 1. Д. 3366.
6. Шагдурова И.Н. Правовое регулирование административного и судебного устройства бурят в период Российской империи // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. – № 2 (82).
7. История Бурят-Монгольской АССР. Т.1. Улан-Удэ, 1954.
8. Жалсанова Б.Ц. История формирования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – нач. XX в. Иркутск: Оттиск, 2012.
9. ГАРБ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 199.
10. ГАЗК. Ф. 20. Оп.2. Д. 47.

Малыгина Ольга Анатольевна, аспирант ИМБТ СО РАН. 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. E-mail: kirienko@mail.ru

Malygina Olga Anatolevna, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS. 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova str., 6.

УДК 930(о)

© Л.Г. Арсеньева

Изучение этнографии бурят в восточно-сибирском отделе Русского Географического общества (ВСОРГО) в 1850-1920-е гг.

В статье отражены основные периоды становления этнографических исследований во ВСОРГО, рассмотрена издательская деятельность ВСОРГО по этнографии.

Ключевые слова: восточно-сибирский отдел Русского Географического общества (ВСОРГО), монголоведение, этнография.

L.G. Arseneva

Research of the Buryat ethnography at the East Siberian Department of Russian Geographical Society (ESDRGS) in 1850–1920s

The article highlights the main periods of development of ethnogeographic researches at ESDRGS, the publishing activity on ethnography has been considered.

Keywords: East Siberian Department of Russian Geographic Union (ESDRGS), Mongolian studies, ethnography.

В ноябре 1851 г. в Иркутске был образован сибирский отдел Императорского Русского Географического общества (ИРГО) по инициативе иркутян, которые являлись членами ИРГО. В 1877 г., в связи с образованием западно-сибирского отдела РГО, сибирский отдел в Иркутске стал именоваться восточно-сибирским отделом Русского Географического общества (ВСОРГО). Работа во ВСОРГО была организована по принципу добровольности и безвозмездности труда. Главная задача, которую ставили перед собой члены отдела, – это изучение Сибири и сопредельных с Россией государств. ВСОРГО организовывал научные экспедиции для подробного научного изучения географии, природы, а также истории, религии, быта и языка народов, населявших эти территории. Двери отдела всегда были открыты для представителей любых слоев общества, каждый из которых сделал свой весомый вклад в копилку знаний о народах, населявших окраины России.

Особое место в научных изысканиях отдела принадлежало этнографическим исследованиям монгольских народов. Тома «Трудов», «Записок» и даже целые серии изданий посвящены исследованиям истории, культуры, религии, бурятского народа. В «списках печатных изданий отдела, хранящихся на складе ВСОРГО» [1] в Иркутске, на 14 декабря 1899 г. упоминаются записки ВСОРГО по этнографии бурят: «Бурятские сказки и поверья, собранные Хангаловым М.Н.» [2], «Сказания бурят, записанные разными собирателями» [3], «Новые материалы о шаманстве у бурят» М.Н. Хангалова [4], «Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири» [5],

а также записки ВСОРГО по отделению статистики, где есть материалы о бурятах, в том числе и работы Д. Банзарова «Черная вера, или Шаманство у монголов» [6], «Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири 1032-1882 гг.» И.В. Щеглова [7].

В этнографических исследованиях принимали участие известные ученые-буряты Доржи Банзаров [8], первый бурятский ученый, получивший европейское образование, член первого состава Общества с 1851 г., Матвей Николаевич Хангалов, бурятский ученый и фольклорист, член ВСОРГО с 1888 г., Галсан Гомбоев [8, с. 94-96], российский ученый, востоковед, Петр Павлович Баторов, известный этнограф, фольклорист.

Во ВСОРГО трудились многие выдающиеся исследователи: Афанасий Прокофьевич Шапов, Дмитрий Александрович Клеменц, супруги Потанины – Григорий Николаевич и Александра Викторовна, Моисей Аронович (псевдоним Михаил Афанасьевич) Кроль, Иннокентий Александрович Подгорбунский и многие другие. Все они занимались этнографией, были участниками экспедиций и внесли значительный вклад в изучение монголоязычных народов. Членами восточно-сибирского отдела РГО в разные годы были Н.Н. Козьмин (1899-1901), А.А. Корнилов (1899-1901), П.М. Крюков (1898-1900), А.И. Лушников (1899-1901), И.Е. Маковецкий (1898-1900), И.И. Попов (1898-1900), Вл.М. Посохин (1898-1900), В.Б. Шостакович (1899-1901), М.Н. Ушаков (1899-1901), А.В. Янчуковский (1898-1900). Председателями секций – А.В. Вознесенский (13/IV 96 – 13/IV 1900), Н.Н. Левин (25/XI

98 – 25/XI 1902), Д.Н. Першин (16/II 96 – 6/II 1900) [9].

Во ВСОРГО была и отдельная «Бурятская коллекция», о которой говорится в документе, сохранившемся до сегодняшнего дня в Государственном архиве Иркутской области. Документ представляет собой обращение консерватора музея ВСОИРГО В.Б. Шостаковича к Председателю восточно-сибирского отдела Императорского Русского Географического общества от 21 декабря 1899 г., в котором он сообщает о передаче этнографических материалов, составивших «Бурятскую коллекцию» [9].

Выделяется четыре основных периода развития этнографических исследований восточно-сибирского отдела РГО. Первый период – 50–60-е гг. XIX в. – связан с деятельностью Р.К. Маака [10], второй – конец 60-х – первая половина 70-х гг. XIX в. – с именами П.А. Ровинского и А.П. Шапова [10, с. 33], третий – вторая половина 70-х гг. XIX в. – 1900-е гг. – с Г.Н. Потаниным и Д.А. Клеменцем [10], четвертый период – послереволюционный, с 1917 г. до конца 1920-х гг. [10]. В середине XIX в. значительное внимание было уделено изучению отдаленных частей Восточной Сибири в различных аспектах. Второй период характеризуется выделением этнографии в самостоятельную область изучения, определяются задачи этнографических исследований; П.А. Ровинский посвятил свои работы «выяснению судеб русско-славянского племени в Сибири» [10, с. 37], А.П. Шапов и начал свою исследовательскую деятельность с антропологии, он первым дал описание родового и общинного строя у бурят, написал ряд работ о формах землевладения и землепользования у забайкальских бурят, которые легли в основу дальнейшего изучения этого вопроса. Григорий Николаевич Потанин составил программы этнографических исследований, организовывал экспедиции, при нем был издан ряд специальных «Записок по этнографии» в дополнение к уже существовавшим «Известиям ВСОРГО»; в 1890 г. вышли в свет три тома, в них был представлен обширный материал о шаманстве у бурят. Георгий Николаевич выдвинул на первый план изучение устного народного творчества народов Сибири, что в предыдущие периоды не занимало особого места в исследованиях ВСОРГО.

Д.А. Клеменц, пришедший на смену Г.Н. Потанину, продолжил организационную деятельность в области этнографических изучений. Он ставил перед членами ВСОРГО новые задачи, раскрывал перспективы и указывал новые пути исследований. Д.А. Клеменц совершил этногра-

фическое путешествие по Монголии, при нем была организована ставшая знаменитой «Сибиряковская экспедиция». После отъезда Г.Н. Потанина и Д.И. Клеменца работа этнографической секции почти остановилась, а в период революционных событий совсем прекратилась. Восстановление этнографических работ пришлось на четвертый – послереволюционный – период. Результаты этнографических исследований публиковались в журнале «Сибирская живая старина» с 1923 по 1929 г.

П.К. Казаринов в своем очерке, указывая на отличительные особенности этнографических исследований во ВСОРГО, отмечал «постоянную научно-исследовательскую связь с туземным населением, главным образом якутами, бурятами и тунгусами» [11], что было обусловлено близостью отдела к территориям проживания этих народов и позволяло проводить систематические экспедиционные работы.

Сведения об исследованиях этнографической секции, касающихся бурят-монголов, сохранились в Государственном архиве Иркутской области. Так, существуют документы, в которых ставятся задачи предстоящего исследования бурят [12]. Это поддерживалось представителями бурятского народа; понимая необходимость этнографических исследований, они выделяли деньги на них. Кроме задач этнографического изучения бурят в документе приводится факт наличия инструкций и программ для осуществления собирания сведений о различных сторонах жизни народа. Так, в «инструкции», составленной в марте 1900 г. доктором Павлом Станиславовичем Тенчинским, указывается, какие именно образцы нужно собрать: «...одежда детей раннего возраста, бывшую в употреблении колыбель, колыбель на время кочевья, пеленки, колыбельные игрушки, амулеты и бурханчики, использовавшиеся во время беременности и родов...» [12, л. 36].

В первом выпуске журнала «Сибирская живая старина» Павел Павлович Хороших представляет вниманию читателей «Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности» [13], подчеркивая, что «Указатель» является обзором научной деятельности Русского Географического общества и его сибирских отделов в области изучения монгольских народов. С другой стороны, автор рекомендует список историко-этнографической литературы о бурятах как справочник для лиц, занимающихся вопросами бурятоведения, и замечает тот факт, что «Указатель» является первым в своем роде. Данный указатель включает в себя 426 книг и 6

карт, а также статьи и отдельные заметки о бурятах, написанные на русском языке за период с 1774 г. – начиная с трудов Георги, Палласа и др. по 1923 г. включительно.

В приложении к шестому выпуску того же журнала опубликована статья В.Л. Петровой-Смагиной «Этнография в трудах восточно-сибирского отдела Русского Географического общества. 1851–1926» [14], это обобщающая работа по библиографии в области этнографии. В этом перечне представлены работы и по этнографии бурят.

Особого внимания заслуживают отдельные работы, посвященные этнографии бурят и объединенные в «Бурятоведческий сборник», который был издан в Иркутске в 1926 г. тиражом 750 экземпляров. «Бурятоведческий сборник» включал работы Н.Н. Козьмина [15], П.П. Хороших [16], А.Н. Боржоновой [17], Н.Д. Бушмакина

[18], А. Матвеева [19], К.Н. Миротворцева [20], А. Балдунникова [21], М.К. Азадовского [22], П.П. Баторова [23], Б. Ванчикова [24], Е. Елбоева [25], Г.С. Мырдыгеева [26], В.С. Шарыпова [27], А. Улаханова [28], Л. Барбаева [29], М. Убониева [30], Г.С. Виноградова [31]. В статьях сборника рассматриваются различные аспекты жизни бурят, касаясь и политических вопросов: революционного движения в Бурятии, отношения бурят к первой русской революции и т.д.

Таким образом, этнография бурятского народа в восточно-сибирском отделе Русского Географического общества была представлена в широком спектре исследований со дня образования отдела и вплоть до 1926 г. [32] – времени реорганизации всех подразделений РГО – по следующим направлениям: материальная культура, родовой быт, обычное право, религиозные верования, фольклор.

Литература

1. ОГУ ГАИО (Государственный архив Иркутской области) Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 398. Л. 18. – Сведения о деятельности этнографической секции ВСОРГО. Списки членов отдела, печатных изданий хранящихся на складе. 1899 г.
2. Бурятские сказки и поверья, собранные Хангаловым М.Н. – Иркутск, 1889. – Т. 1, вып. 1.
3. Сказания бурят, записанные разными собирателями. – Иркутск, 1890. – Т. 1, вып. 2.
4. Хангалов М.Н. Новые материалы о шаманстве у бурят. – Иркутск, 1890. – Т. 2, вып. 1.
5. Шаманские поверья инородцев Восточной Сибири. – Иркутск, 1890. – Т. 2, вып. 2.
6. Банзаров Д. Черная вера, или Шаманство у монголов. – СПб., 1891.
7. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири 1032–1882 гг. – Иркутск, 1883.
8. Полянская О.Н. Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX в.). – Улан-Удэ, 2001. – С. 86-89.
9. ОГУ ГАИО Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 398. Л. 2. – Сведения о деятельности этнографической секции ВСОРГО. Списки членов отдела, печатных изданий хранящихся на складе. 1899 г.
10. Азадовский М.К. Пути этнографических исследований восточно-сибирского отдела Русского Географического общества // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1926. – Вып. 6. – С. 33.
11. Казаринов П.К. Три четверти века. К юбилею восточно-сибирского отдела государственного Русского Географического общества // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1926. – Вып. 6. – С. 24.
12. ОГУ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 494. Л. 1. – Задачи предстоящего исследования бурят.
13. Хороших П.П. Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1923. – Вып. 1. – С. 154.
14. Петрова-Смагина В.Л. Этнография в трудах восточно-сибирского отдела Русского Географического общества. Библиографический указатель 1851–1926 гг. // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1926. – Вып. 6. – С. 61.
15. Козьмин Н.Н. 1905 год и буряты // Бурятоведческий сборник. – Иркутск, 1926. – С. 7-14.
16. Хороших П.П. Литература о революционном движении в Бурятии // Бурятоведческий сборник. – С. 14-25.
17. Боржонова А.Н. О взаимоотношении бурят и русских // Бурятоведческий сборник. – С. 25-34.
18. Бушмакина Н.Д. Антропология в Бурятии // Бурятоведческий сборник. – С. 34-38.
19. Матвеев А. К вопросу о вымирании бурят // Бурятоведческий сборник. – С. 38-40.
20. Миротворцев К.Н. По поводу статьи А. Матвеева «К вопросу о вымирании бурят» // Бурятоведческий сборник. – С. 40-43.
21. Балдунников А. О тарасунокурении и шаманстве // Бурятоведческий сборник. – С. 43-46.
22. Азадовский М.К. Областные слова Селенгинского округа в записях декабриста Н. Бестужева // Бурятоведческий сборник. – С. 7-14.
23. Баторов П.П., Хороших П.П. Материалы по народному скотолечению у иркутских бурят // Бурятоведческий сборник. – С. 50-61.
24. Ванчиков Б. Обработка шерсти у агинских бурят // Бурятоведческий сборник. – С. 61-63.
25. Елбоев Е. Родословная одной бурятской семьи // Бурятоведческий сборник. – С. 63-68.
26. Мырдыгеев Г.С. Предание об Ашха-батаре и происхождении кости Табжин // Бурятоведческий сборник. – С. 68-70.
27. Шарыпов В.С. Алтансара. Предание о золотой чаше // Бурятоведческий сборник. – С. 70-72.
28. Улаханов А. Песни бурят Аларского аймака // Бурятоведческий сборник. – С. 72-74.
29. Барбаева Л. Дедушкины сказки (сказка о жирном Замае и глупом Мангатхае) // Бурятоведческий сборник. – С. 74-75.
30. Убониев М. Легенда о похищении ласточки огня // Бурятоведческий сборник. – С. 75.
31. Виноградов Г.С. Замечание о говорах Тункинского края // Бурятоведческий сборник. Приложение. – Иркутск, 1926.

32. С целью координации деятельности отделов РГО и других краеведческих организаций в середине 1920-х гг. прошли съезды в Иркутске, Омске, Барнауле, Красноярске и др. В декабре 1926 г. на Первом краевом научно-исследовательском съезде было принято решение о создании сибирской ассоциации краеведческих организаций, в состав которой вошли отделы РГО // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск, 2009. – С. 802.

Арсеньева Любовь Георгиевна, аспирант кафедры всеобщей истории. Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а.

Arseneva Lyubov Georgievna, postgraduate student, department of general history. Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24 a.

УДК 331.881 (571.54)

© Н.Е. Жукова

Становление системы профессиональных союзов в Бурят-Монгольской АССР в середине 1920-х гг.

В статье рассматриваются проблемы организационного этапа развития профессионального движения в Бурят-Монгольской АССР. В результате проведенного анализа автором выявлены особенности создания профсоюзов в середине 1920-х гг.

Ключевые слова: профессиональный союз, БСПС, Всеработземлес, трудящиеся.

N.E. Zhukova

Formation of the system of professional trade unions in the Buryat-Mongolian ASSR in the middle of the 1920s

The article considers the problems of organizational stage of the development of trade union movement in the Buryat-Mongolian ASSR. As a result of the conducted analysis, the author has revealed the peculiarities of the establishing of trade unions in the middle of the 1920s.

Keywords: the trade union, BSPS, Vserabotzemles, workers.

В начале 1920-х гг. профессиональное движение в Бурят-Монгольской АССР отличалось новым качественным этапом развития, что было связано с формированием единообразной структуры профессиональных союзов. Последние стали действовать на основе социалистических принципов организации профдвижения и новой нормативно-правовой базы.

После социалистической революции правовой основой образования и деятельности всех общественных организаций служила ст. 16 Конституции РСФСР 1918 г., обеспечивающая трудящимся свободу создания союзов путем оказания им всяческого содействия, материального и иного, для их объединения в организации.

Деятельность профессиональных организаций регламентировалась специальным разделом «О профессиональных (производственных) союзах рабочих и служащих и их органах в предприятиях, учреждениях и хозяйствах» Трудового кодекса РСФСР, принятого 30 ноября 1922 г. [10]. Согласно положениям данного нормативно-правового акта, основной функцией профсоюзных организаций являлось представление интересов советских трудящихся в органах государственной власти. Профсоюзы не подлежали обязательной государственной регистрации,

имели право владеть имуществом, вести хозяйственную деятельность, однако достаточных материальных рычагов для защиты прав трудящихся профсоюзы не имели. Вся представительская и контролирующая работа проводилась с помощью административных мероприятий профсоюзов.

Профессиональные союзы Бурятии возникли в период первой русской революции, и к началу 1920-х гг. существовало около 30 профсоюзов, учителей начальных школ, учителей средних школ, служащих, казначейства и т. д. Все союзы до 1920 г. отличались по узкопрофессиональным цеховым признакам.

В 1920 г. численность членов профессиональных союзов достигала 2 230 чел., из них наиболее многочисленными являлись промышленные группы – 2590, что составляло 39,4% ко всему числу членов союзов. Второе место занимала группа «транспорта и связи» – 2 230 чел., в которой основную массу составляли железнодорожники – 1 750. В состав этой группы входили частично извозопромышленники, сами применявшие наемный труд [9, с. 34]. Тем не менее профсоюзы в организационном отношении были разрозненными и не управлялись централизованно, что отрицательно сказывалось на разви-

тии трудовых отношений.

С образованием Бурят-Монгольской АССР и вхождением республики в единое политико-правовое пространство возникла потребность в упорядочении жизни профорганизаций, в создании в республике централизованного Совета профсоюзов, аналогичного в структурном и функциональном отношении ВЦСПС. Однако руководство последнего не сразу определило конкретные формы организации Бурят-Монгольского Бурпрофсовета. Так, на заседании Дальневосточного бюро ВЦСПС в августе 1923 г. было принято решение о том, что «ввиду образования из частей Прибайкальской и Иркутской губерний Бурятской Советской Социалистической Республики признать необходимым провести реорганизацию Прибайкальского губернского совета в Совет профсоюзов Бурятской Советской Социалистической Республики с тем, чтобы он входил в ВЦСПС не непосредственно, а через Дальневосточное бюро ВЦСПС» [4, л. 1]. Таким образом, фиксировалось подчиненное положение совета профсоюзов республики по отношению к Дальневосточному бюро профсоюзов. Но по предложению Бурят-Монгольского бюро РКП(б) и на основании постановления ВЦСП Прибайкальский совет профсоюзов в октябре 1923 г. был преобразован в Бурпрофсовет (БЦСПС) [6, с. 19]. Следовательно, в республике был сформирован собственный независимый от руководства сопредельных территорий Совет профессиональных союзов, что положительно отразилось на механизме организации системы профсоюзов. В этом же году существовало 15 Бурятотделов профессиональных союзов. В дальнейшем были созданы отделы профсоюзов Всеработземлеса, швейников, нарпитания и др. Наиболее значительными по численности являлись союзы сельскохозяйственных рабочих, служащих и работников просвещения.

Территориальное размещение формирующейся системы профсоюзов было традиционным: большинство профессиональных организаций находилось в 1924-1926 гг. в городе Верхнеудинске, меньше – в Троицкосавске и Баргунине, сельские же районы в данный период профдвижением занимались в гораздо меньшей степени.

Анализируя опубликованную отчетность Госкомстата БМАССР, можно определить, что к 1925 г. абсолютное большинство членов профорганизаций (87,6%) были заняты в государственном секторе и сфере управления, 10,5% представляли кооперацию и общественные структуры и лишь 1,9% трудились в частных

предприятиях. К 1926 г. пропорции членов профсоюзов, занятых в разных сферах производства и управления, существенно не изменились: 88,7% занятых – в госсекторе, 9,7% – в кооперации и 1,6% – в частном производстве [8, с. 58]. Подобная структура занятости населения адекватно отражала доминирование государственного сектора в экономике республики и неразвитость частнокапиталистических отношений, в особенности в сельском хозяйстве.

12-25 октября 1924 г. состоялась республиканская конференция профсоюзов, в ходе которой обсуждались вопросы профессионального строительства, охраны труда, национализация аппарата, работа по вовлечению в профсоюзы деревенской рабочей массы, а также очередные задачи организации, проблемы экономического положения республики [7, с. 76-78]. В целом на конференции удовлетворительно оценили работу исполнительных органов власти, однако она имела больше констатирующий характер, нежели постановочный, проблемный.

Говоря о процессе формирования централизованной системы профессиональных организаций, необходимо обратить внимание на складывание отдельных профструктур, охватывающих целую сферу развития народного хозяйства. Такой структурой являлся Всеработземлес, образованный в 1924 г. и ставший профессиональным союзом рабочих и служащих Наркомата земледелия и лесничества г. Верхнеудинска, он являлся составной частью БСПС. Всеработземлес стал проводником экономической и культурной политики руководства профессионального движения среди деревенской бедноты и батрачества. Данное направление работы союза сформулировано в том числе и в перечне его целей и задач культпросветработы, что «на селе имеет гораздо более важное значение, нежели в городе, ибо на селе мы отстали» [5, л. 36].

Однако в начале работы союз столкнулся с рядом естественных трудностей организационного характера, таких как неследование уставу при принятии в союз. В связи с этим в проекте тезисов к республиканскому съезду были четко определены социальные категории, чьи представители могут входить во Всеработземлес. Таковыми категориями были: «а) все служащие земорганов и лестничеств, б) служащие колхозов, совхозов, племхозов, состоящие на госбюджете; в) служащие сельскохозяйственных предприятий (батрачество), продающие свою наемную силу около 5 месяцев в год» [5, л. 35].

Кроме того, разрабатывалась четкая внутренняя структура союза, включающая «рабочкомы,

лесрабочкомы, сельбатрачкомы, местком или профуполномоченных, если нет достаточного количества членов для организации месткомов» [5 л. 35]. На 1 февраля 1925 г. во Всеработземлесе было 12 батрачкомов, 101 профуполномоченный, 1 местком (Верхнеудинск) [5, л. 201]. В феврале 1925 г. состоялся первый республиканский съезд союза Всеработземлеса, где закрепилось организационное оформление союза. Ряды союза быстро росли за счет приема новых членов. Если в 1924 г. союз насчитывал 598 членов, то к 1929 г. – 4177 членов [1, с.136]. Таким образом, созданный Всеработземлес являлся своеобразной профессиональной организацией беднейших слоев населения, преимущественно сельской местности, во внутренней структуре которого Бурятский совет профсоюзов пытался объединить указанные категории трудящихся.

Одна из особенностей жизни профессиональных союзов в Бурят-Монгольской АССР заключалась в том, что проблемы профсоюзной организации и дальнейшей их деятельности неоднократно обсуждались на страницах периодических изданий. Например, в газете «Бурят-Монгольская правда» была опубликована дискуссионная часть 3-го областного съезда профсоюзов, проходившего в декабре 1926 г., где критиковались различные организационно-технические и стратегические вопросы работы профсоюзов, в частности проблема приобщения к работе союзов представителей коренного населения [3, с. 3]. Разнообразные проблемы профессиональных организаций рассматривались на страницах журнала «Жизнь Бурятии», газеты «Труд». Подобная публичная дискуссионность была необходима и возможна в середине 1920-х гг. в связи развитием элементов внутривластной демократии, которая распространялась на другие системы общества.

Рассматривая проблемы организационного этапа БСПС, нельзя не отметить того обстоятельства, что профорганизации не совсем точно выполняли свои функции по защите трудящегося населения. Кроме того, часть функций в области охраны труда в середине 1920-х гг. находились в ведении Наркомата труда и осуществлялись подчас более эффективно, чем профорганизациями. Так, в опубликованных отчетах этого ведомства содержатся разнообразные све-

дения об итогах обследования промышленных предприятий, нарушении дисциплины и правил техники безопасности, системы страхования и т.д. В частности, отчитываясь за работу в 1925-1926 гг., НКТ «было разрешено 44 дела в третейских судах, из коих 10 организационных по соглашению сторон и 34 организованных в порядке ст. 171 Кодекса законов о труде; из числа разобранных дел большинство разрешено суперарбитром. Заседаний примкамеры было 32, где было разрешено 23 дела, которые были переданы на решение третейских судов» [2, с. 172].

В упомянутом отчете обращено внимание на несогласованность действий комиссариата труда и профсоюзов. «Договорная практика в работе инспекции не привита. Объясняется тем, что профсоюзы в этой части работу не практиковали с органами НКТ, несмотря на неоднократные обращения последних к профсоюзам» [2, с. 174]. Приведенный факт дает основание говорить о недостаточно эффективной работе профсоюзов, дублировании, а иногда и выполнении их обязанностей государством.

Таким образом, в середине 1920-х гг. профсоюзные организации в Бурят-Монгольской АССР переживали качественно новый этап развития, характеризующийся становлением единой централизованной системы под руководством Бурятского совета профессиональных организаций. Создание Бурпрофсовета было сопряжено с рядом трудностей, касающихся вопросов соподчинения вышестоящих и нижестоящих профорганизаций, членства, функциональной эффективности. Решение последней задачи, очевидно, выходило за рамки организационного этапа и распространялось в большей степени на дальнейший процесс совершенствования деятельности профсоюзов. Характерной чертой начального этапа становления централизованных профессиональных союзов стала гласность в обсуждении проблематики профстроительства, допускаемая в связи с протекавшими процессами демократизации общественно-политической жизни. Следовательно, во второй половине 1920-х гг. профессиональные союзы республики решили задачу дальнейшего совершенствования практической деятельности.

Литература

1. Басаев Г.Д. Становление бурятской организации КПСС. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во. – 176 с.
2. БМАССР: очерки и отчеты 1925-1926 гг. – Верхнеудинск, 1926 г. – 172 с.
3. Бурят-Монгольская правда. – Верхнеудинск, 1926. №273. 3 дек. – 3 с.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. п-1. Оп. 1, Д. 254. Л. 1.

5. ГАРБ. Ф. п-1. Д. 489. Л. 36.
6. Данилова З.А. Общественные организации Бурятии (1923-1928 гг.). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. – 156 с.
7. Жизнь Бурятии: материал конф. профсоюзов Бурятии. 1924. № 4-5. – 76-78 с.
8. Материалы по статистике Бурятии / Бурят-Монгольское статуправление. – Верхнеудинск, 1926. – Вып. 1: Население. Труд. – 140 с.
9. Социалистическое строительство в Бурятии за 10 лет. – Верхнеудинск, 1933. – 115 с.
10. Трудовой кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации] // Режим доступа: <http://docs.cntd.ru> (Дата обращения: 06.03.2013.).

Жукова Наталья Евгеньевна, аспирант кафедры истории Отечества Бурятского государственного университета. г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24 а. E-mail: nataliiuk@mail.ru

Zhukova Natalia Evgenevna, postgraduate student, department of homeland history, Buryat State University. Ulan-Ude, Smolin str., 24 a. E-mail: nataliiuk@mail.ru

УДК 323.248 (571.54)

© *А.Н. Соболева*

Особенности молодежной политики в Бурят-Монгольской АССР в 1920-1930-х гг.

В статье рассмотрены особенности молодежной политики в Бурят-Монгольской АССР в 1920-1930-х гг. на фоне проводимых Советским государством социально-политических преобразований в стране. Особое внимание уделено созданию и функционированию таких организаций, как комсомол, ОСОАВИАХИМ, «Союз воинствующих безбожников» в республике.

А.Н. Soboleva

Peculiarities of the youth policy in the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920-1930-s

The article describes peculiarities of the youth policy in the Buryat-Mongolian ASSR in 1920-1930-s on the background of the social and political transformations in the country, provided by the Soviet state. Special attention is paid to the arrangement and functioning of such organizations as the Young Communist League, OSOAVIAHIM, «League of Militant Atheists» in the republic.

Проблемы молодежи были значимы всегда, поскольку именно от этой социальной группы зависит будущее страны. Изучение опыта становления и развития молодежной политики и молодежного движения в Бурятии в 1920-1930-е гг. актуально в научном и практическом отношении, потому что, с одной стороны, позволяет получить целостное представление о молодежи отдельно взятого региона, с другой – о принципах молодежной политики Советского государства в целом. Анализ литературы показывает, что специальных работ, посвященных молодежной политике, внутреннему состоянию и функционированию молодежных организаций Бурятии в 1920-1930-х гг., практически нет, а отдельные аспекты проблемы рассматриваются в контексте обобщающих исторических исследований. Поэтому в данной статье предпринята попытка, хотя и довольно схематичная в силу ее объема, рассмотреть молодежную политику 1920-1930-х гг. в стране на примере Бурят-Монгольской АССР.

Одним из парадоксов советской идеологии является то, что она создавалась, с одной стороны, с опорой на ценности молодого поколения, а с другой – шла настоящая ломка от индивиду-

ального к общему, коллективному сознанию. Власть в 1920-1930-е гг. поставила перед собой задачу – воспитать «нового человека», человека эпохи социализма, в котором моральные нормы должны были сочетаться с жизненными установками, соответствующими идеям Коммунистической партии. Еще в 1918 г. на Съезде работников народного просвещения была поставлена задача «...создать из молодого поколения поколение коммунистов...» [13, с. 36]. При решении этой задачи применялись различные формы и методы: от приемлемых, отвечавших интересам молодого поколения, до разного рода существенных «перегибов». Так, видный государственный деятель А.М. Коллонтай, говоря о воспитании, отмечала в своих дневниковых записях, что «...для молодого поколения коммунизм стал догмой. Молодежь наизусть запомнила передовицы «Правды»...» [17, с. 23-25].

Особым вопросом в проблеме исследования молодежной политики 1920-1930-х гг. являлся вопрос об отношении Советского государства и Коммунистической партии к молодежи как опоре политического режима и проводника ее идеологии. Молодежь не была отягощена консервацией предыдущего опыта, это положение стало

ведущим в отношении партии и государства к данной социальной группе и в конечном счете определило ее роль и место в происходивших процессах. Ветеран партии и комсомола, делегат VII съезда ВЛКСМ А.И. Тугутов отмечал, что молодежи, безусловно, «...не хватало опыта, знаний... Но зато сколько было кипучей энергии, жажды утвердить поскорее новую жизнь...» [18, с. 10].

Одним из факторов, определяющих социальную и политическую активность людей, является их принадлежность к городскому или сельскому населению. На территории Бурят-Монгольской АССР в рассматриваемый период полным ходом шли процессы форсированной индустриализации и урбанизации, которые привели к росту численности городского населения. В 1926 г. численность населения г. Верхнеудинска составляла 28,9 тыс. чел. при общей численности жителей республики 388,9 тыс., а в 1939 г. – уже 125,7 тыс. из 545,8 тыс. чел. Темпы прироста населения города были выше общероссийских показателей и составляли 434% [15, с. 15]. Процент лиц в возрасте 20-29 лет к 1939 г. составлял 19,5, в то время как по СССР он равнялся 18,1 [4, с. 16]. Если к этому добавить численность лиц 16-19 лет и 30-35 лет, то становится очевидным, что в рассматриваемый период в Бурят-Монгольской АССР имела значительная социально-демографическая группа молодежи.

Формирование молодежной политики в республике происходило на основе общих закономерностей развития юношеских организаций. Вместе с тем имелся ряд региональных особенностей. Несмотря на рост численности городского населения, доля сельской молодежи оставалась очень высокой. Приходившие в город молодые люди из бурятских улусов практически не владели русским языком. Социальная адаптация в городе сопровождалась значительными трудностями, по существу, происходил конфликт между городской и сельской культурами. Все это создавало дополнительные сложности по вовлечению молодежи в массовые общественные объединения.

29 октября 1918 г. в Москве состоялся I Всероссийский съезд рабочей и крестьянской молодежи, на котором был создан Российский коммунистический союз молодежи. Съезд определил характер и роль комсомола, подчеркнув, что Союз солидарен с РКП (б) и ставит своей целью распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в активное строительство советской России. В начале 1920

г. Иркутский губком РКП(б) принял решение: «Признать организацию Коммунистического союза молодежи среди бурят необходимой и принять меры к проведению в жизнь Постановления VIII съезда партии о работе среди молодежи» [12, с. 23], а 5 мая 1924 г. в Верхнеудинске открылся первый республиканский съезд РКСМ БМАССР, принявший постановление «Об объединении комсомольских организаций в одну организацию с названием “Бурят-Монгольская областная организация ЛКСМ”» [3].

Одними из главных направлений работы областной организации в 1920-1930-е гг. стали ликвидация неграмотности и повышение культурного уровня населения. При этом распространение грамотности как составной части культурной революции должно было способствовать достижению ее конечной цели – укоренению в народном сознании коммунистической идеологии. Общая грамотность населения от 5-ти лет по республике составляла 31,3%, а общая грамотность молодежи от 14 до 24 лет – 45,4% [10, д. 276, л. 23-25]. Бурят-Монгольский обком ВЛКСМ в 1926 г. отмечал, что «активность молодежи заметно возрастает и протекает главным образом по линии культурной работы (проявляют участие в организации изб-читален, пунктов по ликвидации неграмотности, постройке новых школ и т.д.)» [8, д. 272, л. 4]. «...Избы-читальни по республике имеются сетевые – около 60, не-сетевые – красные уголки около 120. Избачами в большинстве являются комсомольцы и партийцы. В избах проходили громкие «читки», демонстрировались «живые журналы и газеты», проводились лекции, доклады, готовились справки и советы крестьянам, работали различные кружки [7, д. 118, л. 17]. В ликпунктах не только обучали грамоте, но и проводилась политико-воспитательная работа – был введен курс политграмоты, учащиеся осваивали его во время специальных политчасов.

Для борьбы с неграмотностью было организовано «культпоходное движение». В результате одного культпохода в 1929 г. в г. Верхнеудинске было выявлено 879 неграмотных; создано 10 ликпунктов, 2 из которых на бурятском языке; 4 школы для малограмотных; отправлено учиться в ликпункты 95 чел.; охвачено индивидуальным обучением 234 чел. [2, с. 78]. Были случаи, когда молодежь за 400-500 верст приходила пешком в г. Верхнеудинск для того, чтобы попасть в учебное заведение [9, д. 272, л. 9]. Такое стремление к учебе отмечалось не только среди молодежи, но и у взрослой части населения. В связи с

этим создавались неполные средние и средние школы для взрослых.

Создание новой системы образования происходило на фоне закрытия религиозных школ. В рассматриваемый период в республике представителям буддийской конфессии было запрещено врачевание в дацанах, а также поступление в хувараки (послушники) детям до 18 лет.

В 1932 г. в Верхнеудинске было 14 техникумов, 8 рабфаков, открыт первый в республике вуз – агропедагогический институт, где готовили учителей, специалистов сельского хозяйства и др. Уже к 1936 г. общая грамотность населения в сельской местности составила 75,2%, в городе – 95,5% [16, с.142].

Большую популярность завоевали организации ОСОАВИАХИМа (Союз обществ содействия обороне и авиационно-химической промышленности). Начало движению положило создание в 1923 г. на территории страны ячеек «Общество друзей воздушного флота». В Бурят-Монгольской АССР ОСОАВИАХИМ был образован в 1927 г. Согласно уставу [5, д. 2, л. 9-39], перед этой организацией были поставлены такие задачи, как патриотическое воспитание трудящихся, подготовка молодежи к военной службе, содействие мероприятиям гражданской обороны, распространение военно-технических знаний, необходимых для укрепления мощи государства. Бурятская молодежь до 1925-1926 гг. в армию не призывалась, тем не менее большинство населения к данному мероприятию советской власти отнеслось положительно, особенно молодежь. Поступали заявления от призывников, по каким-либо причинам подлежавших увольнению. Заявления носили характер настоятельной просьбы о принятии на службу, молодые люди писали, что пришли служить и научиться грамоте и военному делу [9, д. 272, л. 9].

В 1930-е гг. шло обучение населения республики стрелковому делу. В 1934 г. в Бурят-Монгольской АССР начала свою работу Всесоюзная стрелковая школа ЦС ОСОАВИАХИМ СССР по подготовке инструкторов I разряда, где только в течение первых 3-х месяцев прошло обучение около 40 чел. [6, д. 3, л. 11-16].

16 апреля 1935 г. был открыт областной стрелково-спортивный клуб. Он должен был стать республиканским учебно-методическим центром для всех любителей пулевой стрельбы. Чуть позже клуб приступил к проведению различных стрелковых состязаний и подготовке стрелков и снайперов к соревнованиям [14]. Подготовку инструкторских кадров вели передвижные школы, выезжавшие на места проведе-

ния обучения. К 1933 г. в подвижной школе ПВХО ЦС ОСОАВИАХИМа СССР было подготовлено 28 инструкторов для Бурят-Монголии, на республиканских курсах – 116 чел. [1, с. 100-106]. В 1936 г. команда республиканского клуба приняла участие в первых всероссийских заочных соревнованиях и Спартакиаде народов СССР. За успехи присуждались различные значки и награды, значок Ворошиловского стрелка был предметом мечтаний и гордости многих молодых людей.

Работа по военизации молодежи давала свои результаты в повышении психологической готовности молодых людей к участию в военных действиях. Во время конфликта на КВЖД в 1929 г. большое количество добровольцев вызвалось для охраны порядка в пограничных районах.

Одно из основных мест в работе ОСОАВИАХИМа занимала подготовка парашютистов, планеристов, летчиков и техников. С этой целью в начале 1935 г. был создан республиканский аэроклуб, который к 1937 гг. имел достаточную учебно-материальную базу: 9 самолетов, 7 планеров, парашютную вышку и 9 парашютов [19, с. 32]. К концу 1930-х гг. Улан-Удэнский аэроклуб подготовил свыше 250 летчиков запаса [20], некоторые из них поступили в военно-летные школы и позже проявили себя в годы войны. В целом государственные органы и общественные организации проделали большую работу по объемам и масштабам развития физкультурного движения. Все это способствовало повышению обороноспособности страны.

Бурят-Монгольская АССР – регион с полиэтническим и поликонфессиональным составом населения, часть которого была настроена крайне консервативно к социалистическим преобразованиям. Советское государство почти сразу же минимизировало влияние религии на жизнь нового социалистического общества. В январе 1918 г. был принят декрет «Об отделении церкви от государства и церкви от школы». К началу 1920-х гг. на территории республики существовали все основные религиозные конфессии. Самой большой из них была православная: в 1922 г. действовало 211 православных общин. Второй по численности была буддийская конфессия, представленная 46 общинами с 77830 верующими. Старообрядчество имело 81 общину. Остальные религиозные конфессии были менее многочисленными: иудеи имели 7 общин, мусульмане – 6, евангелисты – 5, католики – 1 общину [16, с. 175].

Правовое положение религиозных организаций определялось советским законодательством.

вом. Однако, несмотря на это, в буддийском храме споры консерваторов и обновленцев по догматическим вопросам переходили в вопрос о признании или непризнании советской власти. А старообрядцы «...вычеркивали из списка и на молитвы не пускали те семьи, где есть коммунист или комсомолец...» [10; д. 276, л. 23-25].

В декабре 1926 г. в Верхнеудинске был организован Областной совет безбожников, основной задачей которого стало «объединение всех трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех ее формах и проявлениях». К 1928 г. в Бурят-Монгольской АССР насчитывалось 23 ячейки организации общей численностью 928 чел. [16, с. 178]. Молодежь принимала активное участие в работе «Союза воинствующих безбожников». Коренным переломом в истории страны стал рубеж 1920-1930-х гг., повлиявший на взаимоотношения государства и церкви. Антирелигиозная компания стала частью программы, предусматривавшей массовую коллективизацию. Одним из препятствий к ее осуществлению объявлялись религиозные институты. В стране началось закрытие культовых зданий. По данным на 23 февраля 1937 г., в республике было 14 дацанов (материалы на закрытие оформлялись на 5); 29 православных церквей (материалы для закрытия оформлялись на 4); 20 старообрядческих молитвенных домов, 2 еврейские синагоги и одна мусульманская мечеть [21, с. 80].

Закрытые молитвенные здания передавались в «безвозмездное пользование государству и народу». Например, Николаевский храм в Верхнеудинске был передан под железнодорожную библиотеку, Одигитриевский собор – под временные курсы стройкадров, а с 1934 г. – под антирелигиозный музей. Вознесенский храм – под столовую общественного питания рабочих и служащих кожзавода, еврейская синагога – под национальную школу. Покровская церковь в Эхирит-Булагатском аймаке была передана под избу-читальню, а Кяхтинский Вознесенский храм – под шерстепрессовальню и т.д. [16, с. 179].

Литература

1. Бавыкин Ю.А. Оборонные организации Восточной Сибири // Культура. Наука. Образование. – 2009. – № 3.
2. Бадмащренов С.С. Октябрь и всеобуч в Бурятии (из опыта работы областной партийной организации по осуществлению всеобуча). Улан-Удэ, 1968. С. 78.
3. Батуев Ц. Мы родом из комсомола // Режим доступа: <http://www.zabaykal.net/ulan-ude/my-rodом-iz-komsomola>.
4. Бошкетуев А.В. Население Бурятии в 1920-1930-е гг.: автореф. дис.... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2002.
5. ГАРБ. Ф. Р-775. Оп. 5. Д. 2. Л. 9-39.
6. ГАРБ. Ф. Р-775. Оп. 5. Д. 3. Л. 11-16.
7. ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 118. Л. 17.
8. ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 272. Л. 4.
9. ГАРБ. Ф. П. – 36. Оп. 1. Д. 272. Л. 9.

Наряду с закрытием культовых зданий на территории республики начались широкомасштабные репрессии против духовенства и верующих. Основным мотивом считалось то, что церковь препятствует росту колхозов и ведет антисоветскую пропаганду. Активные сторонники сохранения религии арестовывались и приговаривались к различным срокам заключения. Согласно материалам Республиканской книги памяти жертв политических репрессий, в период 1929-1941 гг. были репрессированы 101 священнослужитель православной церкви, 1701 – буддийской церкви, 24 – старообрядческой [16. 179-180].

Таким образом, власть предлагала обществу новые идеалы, ценности и нормы, которые заняли основное место в духовной жизни общества и реализовались как культурные практики молодого поколения строителей коммунистического общества. Несмотря на это, религия как общественный институт оказалась довольно устойчивым социальным образованием и проявила себя в тяжелые военные годы.

Молодежная политика в стране и республике осуществлялась государственными органами и общественными организациями во всех сферах жизнедеятельности молодежи и обновлялась в зависимости от внутривнутриполитического и социально-экономического положения страны и отдельно взятого региона. Советская политическая система ставила классовые ценности выше общечеловеческих, при этом нельзя отрицать того, что культурный уровень молодежи рос год от года. Созданные молодежные организации сыграли большую роль в процессе адаптации молодых людей в городе. Вступая в ячейки комсомола, ОСОАВИАХИМа и других организаций, молодежь начинала движение от традиционности к открытости, мобильности и готовности к переменам в стране. Молодое поколение Бурят-Монголии в 1920-1930-х гг. было не только объектом воздействия со стороны государства и общественных организаций, но и активным субъектом социальной жизни республики и страны в целом.

10. ГАРБ. Ф.П. – 36. Оп. 1. Д. 276. Л. 23-25.
11. Дыльков Ю. Славный путь комсомола Бурятии. Улан-Удэ, 1964. С. 23.
12. Зензинов В.М. Беспризорные. Париж: Современные записки, 1929.
13. Из истории ОСОАВИАХИМ-ДОСААФ-РОСТО // Режим доступа: <http://www.sport-buryatia.ru/istoriya/istoriya-v-buryatii/164-iz-istorii-osoaviakhim-dosaaf-rosto.html>
14. Иминохоев А.М. История повседневности и динамика качества жизни населения Верхнеудинска // Улан-Удэ в 1920-1930-е гг.: автореф. дис.... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2009.
15. История Бурятии. Т. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
16. Куликова И.С. Заветные тетради А.М. Коллонгай // Вопросы истории КПСС. – 1989. – № 8.
17. Наследники Октября: сб. очерков. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988.
18. Российская оборонная: энциклопед. сб. – М.: Магистер-ПРО, 2002.
19. Федченко К. Бурятский кавдивизион. Режим доступа: <http://vif2ne.ru/nvk/forum/arihprint/295562>.
20. Шагдуров Ю.П. Государство и религиозные конфессии Бурятии в 1920-1930-е гг. // Исследования по истории Сибири, Центральной и Восточной Азии. Улан-Удэ, 1998. Вып. 1. С. 80.

Соболева Анастасия Николаевна, аспирант ИМБТ СО РАН. 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. E-mail: soboleva03_88@mail.ru

Soboleva Anastasiya Nikolaevna, postgraduate student, IMBT SB RAS. 670047, Ulan-Ude, Sakhyanova str., 6. E-mail: soboleva03_88@mail.ru

УДК 372.48 (2)

© *Е.С. Бушуева*

История строительства Нерчинской Успенской церкви в документах Государственного архива Забайкальского края

В статье на основе анализа новых архивных источников, выявленных в фондах Государственного архива Забайкальского края, называется имя зодчего, возводившего Нерчинскую Успенскую церковь, прослеживается ее архитектурно-конструктивная связь с двумя шедеврами сибирского шатрового зодчества – Верхотурским Троицким и Иркутским Богоявленским соборами, что позволило вписать ее в общий контекст православного храмового строительства Сибири.

Ключевые слова: монастырский каменный Успенский храм, историко-архитектурный памятник Забайкалья, шедевр культового зодчества Сибири начала XVIII века, исходный образец.

E.S. Bushuyeva

The history of construction of Nerchinsk Uspensky church in documents of the state archive of Zabaykalsky territory

In article on the basis of the analysis of new archival sources, which were revealed in funds of the State archive of Zabaykalsky territory, the name of the architect, who erected Nerchinsk Uspensky church, is called, its architectural and constructive relation with two masterpieces of the Siberian tent architecture – Verkhoturk Troitsky and Irkutsk Bogoyavlensky is traced that has allowed to enter it in the general context of Orthodox temple construction in Siberia.

Keywords: monastic stone Uspensky temple, historical and architectural monument of Transbaikalia, masterpiece of cult architecture of Siberia of the early 18th century, initial sample.

360 лет назад казаки во главе с десятником Максимом Уразовым «поставили на южном берегу р. Шилки против устья реки Нерчи» первое на Даурской земле зимовье [1]. Именно с этого момента – 8 ноября 1653 г. – принято вести начало отсчета истории героического освоения территории Забайкалья и присоединения ее к Российскому государству. В 1708 году, спустя пятьдесят пять лет, на месте некогда первого тынового острога [2] состоялось торжественное открытие Нерчинского мужского монастыря и закладки в нем первого, от Байкала до берегов Тихого океана, каменного православного храма. Небольшая холодная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, возведенная в 1712 г., стала центральным зданием монастырского ар-

хитектурного ансамбля и его главным украшением.

В многочисленных научных исследованиях и краеведческих статьях, посвященных русско-китайским международным и торговым отношениям, специфике освоения земель за Байкалом, по Амуру и побережью Тихого океана, упоминается Нерчинск. В то же время среди большого числа разного рода публикаций, затрагивающих те или иные стороны жизни Забайкальского края, не имеется работ по истории Нерчинского Ново-Успенского мужского монастыря, его месте и значимости в историко-культурном наследии Сибири, нет работ и об историко-архитектурных особенностях первого каменного культового сооружения самого уда-

ленного восточного форпоста России. Отсутствие внимания к разработке данной проблемы можно объяснить проводимой до недавнего времени государственной политикой, а также недостаточной разработкой источниковедческой базы.

На фоне всесторонней изученности монастырских обителей Западного Забайкалья [3] Нерчинский Успенский монастырь не привлек к себе такого внимания, о нем можно встретить лишь краткие упоминания, содержащие неточности и ошибочные суждения [4]. Вследствие этого целью статьи стало, основываясь на материале не опубликованных ранее документов из фондов архива Забайкальского края, обосновать историческую и культурную значимость Нерчинской Успенской церкви – главного храма Ново-Успенского мужского монастыря, показать ее взаимосвязь с двумя шедеврами культового зодчества Сибири – Верхотурским Троицким и Иркутским Богоявленским соборами.

Среди сохранившихся в Государственном архиве Забайкальского края исторических документов был найден уникальный по своей значимости фрагмент «порядного договора» на строительство каменной церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы Нерчинского Ново-Успенского мужского монастыря за 1708 год [5]. В нем Никита Титов, сын Варламовых, главный устроитель Успенской обители, обвинял подрядчика каменного дела подмастерья «ярославца Василия Степанова сына Горяева со товарищи» [6] в неисполнении договора, «а поряд его Никиты с Василием со товарищи от той церковной колокольни от дела составлял 2.600 рублей» [7]. Следовательно, «порядная запись» являлась своего рода регулятором отношений между заказчиком и строительной артелью, где были оговорены все характеристики будущего объекта, а также сроки, стоимость работ и специфика расчета. Найденный документ интересен и тем, что в нем имелось указание на руководителей строительных работ – первого в Даурской земле профессионального зодчего «подмастерья каменных дел Василия Степановича Гаряева» и начальствующего в строительной артели конного казака Конана Георгиевича Юдина [7, л. 140].

Обнаруженный факт позволил опровергнуть широко распространенное мнение о том, что «Успенскую церковь строили московские мастера-профессионалы, присланные Петром I из Москвы» [8]. Из архивных материалов стало известно, что первым зодчим Нерчинска был соликамский мастер, выходец из Ярославля, с богатым практическим опытом, приобретенным

им на возведении ныне признанного шедевра мировой архитектуры – Верхотурского Свято-Троицкого собора.

Выявленная взаимосвязь позволила не согласиться с замечанием Н.П. Крадина, что «при всей общности с зодчеством Московской Руси Успенская церковь не имеет аналогов в сибирской архитектуре этого времени» [2, с. 79-87], и в ходе тщательного сопоставления элементов декора оконных и дверных проемов, конструктивных решений шатровых колоколен, объемно-пространственных композиций двух каменных храмов доказать, что именно Троицкий собор из Верхотурья был взят мастером-руководителем за исходный образец для монастырской каменной Успенской церкви. Вместе с тем избранный исходный образец был преобразован зодчим в соответствии с замыслами и требованиями заказчиков – нерчинских казаков, основную массу которых составляли новгородцы и псковичи. Им были понятны и близки идейно-художественные решения древнерусского стиля церковей Ярославля, Нижнего Новгорода, Пскова, Соликамска, Устюга Великого, покоряющих своим аскетизмом и мужественностью. Воспитанные на архитектуре пятикупольных соборов, они внесли в отдаленные земли Даурии традиции северного русского зодчества. Поэтому именно запросы и требования служилого казачества Нерчинска, вместе с их финансовыми возможностями, стали определяющими в выборе архитектурного стиля каменной Успенской церкви, чем серьезно ограничивали творческую независимость приглашенного ими зодчего. На это указывают следующие выдержки из «порядного договора» об особенностях расчетов со строителями: «в отдаче денег от церковной колокольни дела подмастерьям Василию Горяеву да Конану Юдину с пожитков Никиты Варламовых товаром и платьем и деньгами по временным келейным распискам. Всего 170 рублей» [7, л. 140], и далее «расписка в отдаче денег от церковного колокольного дела подмастерьям, которые деньги присланы из Скита Сибирского государства от поклонников. Всего 200 р.» [7, л. 141]. Встречаются и такие виды расчетов: «строители взяли у Федора Лоншакова три поставка камок пятиланых да постав байбереку за ту же каменную церковную работу, за октябрь месяц» [7, л. 140].

Вышеприведенные цитаты убедительно доказывают, что дорогостоящий каменный Успенский храм строился служилым казачеством Нерчинска исключительно на свои деньги, без какой-либо помощи со стороны государства, чем резко ограничивалась возможность использова-

ния архитектурных изысков в декорировании внешнего облика храма. Вследствие этого не совсем точным будет вывод, сделанный Н.П. Крадиным: «Хотя Успенская церковь и построенная в начале XVIII века, весь композиционный строй и внешний облик этого сооружения позволяют сделать вывод об их значительном отставании от своего времени» [2, с. 79-87]. Во-первых, каменный храм, возведенный на самом дальнем юго-восточном рубеже Российской империи, уже сам по себе был уникальным явлением; во-вторых, характер архитектурной формы, стиля и декоративных элементов Успенской церкви соответствовал культурным воззрениям ее заказчиков, воплощая в камне их отвагу и товарищескую взаимопомощь, житейскую неприязнительность и толерантность, народную смекалку и память о казацкой вольнице. Зодчий Василий Гаряев, исполняя заказ нерчинских казаков, возвел Успенскую церковь в традиционном древнерусском стиле с пятиглавым завершением, принадлежащим к типу русских трапезных церквей на подклети с продольно-осевой композиционной структурой построения объемов, но привнес в ее оформление нечто новое – дробный барочный декор. Как известно, барочность декора в сочетании с асимметрией общей композиции церкви, проявляющейся в разном масштабе ее частей: шатровой колокольне, трапезной, самого здания церкви и алтаря, а также неодинаковом оформлении наличников оконных проемов южного и северного фасадов, в стилевом отношении соответствует строгановскому барокко. Исходя из вышесказанного, становится очевидным, что объемно-пространственная композиция Успенской церкви не могла относиться к стилю «нарышкинского барокко, который иногда «называют московским барокко» [9]. Не случайно выдающиеся отечественные историки архитектуры и искусства В.И. Пилявский, Т.А. Славина, А.А. Тац, Ю.С. Ушаков, Г.В. Зарушкевич, Ю.Р. Савельев особо подчеркивали ведущую роль заказчика: «термин «ба-

рокко» не совсем точно отражает характер русской архитектуры, а названия «строгановское» или «нарышкинское» относятся к заказчикам, определяя своеобразие школ» [10], а значит, и стиля возводимого ими культового сооружения.

Каменный Успенский храм строился не просто каменщиками из народа, а опытным зодчим с артелью – «ярославцем Василием Степановым, сыном Гаряевым со товарищами» [7, л. 139]. В практике того времени зодчие приезжали на выполнение заказа со своими артелями – сложившимися группами первоклассных специалистов в разных областях строительного дела. В ходе работы с архивными документами было установлено, что именно этот зодчий руководил завершением строительства всего Успенского храмового комплекса, в процессе которого воплотил в жизнь свой проект декорирования фасадов здания церкви и каменной шатровой колокольни.

В процессе сравнения шатровых колоколен трех каменных храмов: Верхотурского Троицкого собора, Нерчинской Успенской церкви и Иркутского Богоявленского собора, который, по утверждению исследователей архитектуры В.В. Скопина, О.Н. Бесединой, Б.И. Оглы, являлся прямым преемником Троицкого собора из Верхотурья [11], где впоследствии трудился Василий Гаряев, стало очевидным их конструктивное сходство.

Данный факт позволил сравнить Нерчинскую Успенскую церковь с небольшой, но чрезвычайно ценной жемчужиной в ожерелье первых каменных культовых сооружений православия на земле Сибирской. Ко всему прочему, стало очевидным, что Успенская церковь – это неведомое до сегодняшнего дня звено в цепи историко-архитектурных памятников шатрового зодчества, возводимых по окраинам формирующейся Российской империи, памятников, свидетельствующих о красоте и самобытности стиля строгановского барокко.

Литература

1. ГАЗК. Ф. Р-2676. Оп.1. Д.74. Л. 8 об.
2. Крадин Н.П. Памятники архитектуры Нерчинска XVIII–XIX вв. // Архитектурное наследие: город и его застройка / под ред. О.Х. Халпахчыяна. – М.: Стройиздат, 1985. № 33. С. 79-87.
3. Дроботушенко Е.В. Православные монастыри Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятский госуниверситет, 2001. – 21 с.; Таваненко А.В. Посольский Спасо-Преображенский монастырь: краткий исторический очерк. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2002. – 24 с.; ил.; Шмулевич М.М. Троицко-Савский монастырь. – Улан-Удэ, 1982. – 56 с.; Минерт Л.К. Памятники архитектуры Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1983. – С.21.
4. Дроботушенко Е.В. Православные монастыри Забайкалья во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2001. – 21 с.; Православное Забайкалье: учеб. пособие. – Чита: Экспресс-изд-во, 2004. – 274 с.; Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья: очерк из истории культуры края. – Чита: Чи-

тинское кн. изд-во, 1954. – 255 с.; Православная энциклопедия Забайкалья. – Чита, 2001.

5. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 7. Л. 130.

6. В договоре подряда за 1708 год и расписках в отдаче денег «за каменную церковную колокольную» Нерчинского мужского монастыре значится подмастерье каменных дел Василий Горяев, в то время как в списках строителей Верхотурского Троицкого собора и Иркутского Богоявленского собора он же записан как Василий Гаряев.

7. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 7. Л. 139.

8. Кулеш В.И. Спаси и сохрани // Забайкалье: наука, культура, жизнь. 2003. № 3 (7) июнь. – С. 44-45; *Затурко А.* Всем миром! На спасение 300-летней церкви // АиФ: регион. приложение «Забайкалье». 2012. № 17 (771). С. 12; *Комиссарова Л.* Храм нашей надежды: мифы и тайны села Калинино // АиФ: регион. приложение «Забайкалье. 2012. № 23 (782). 6-12 июня. С. 13.

9. Крадин Н.П. Памятники архитектуры Нерчинска XVIII–XIX вв. // Архитектурное наследие: город и его застройка / под ред. О.Х. Халпахчыяна. – М.: Стройиздат, 1985. № 33. С. 79-87; *Кулеш В.И.* Спаси и сохрани // Забайкалье: наука, культура, жизнь. 2003. №3 (7) июнь. С. 44-45; *Крадин Н.П.* Нерчинск // Памятники Отечества: альманах Всерос. общ-ва охраны памятников истории и культуры. 1984. №1 (9). С.50-57.

10. История русской архитектуры: учебник для вузов / В.И. Пилявский и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Стройиздат, 1994. С. 288-289.

11. Беседина О.Н. Памятники истории и архитектуры Иркутска: культовое зодчество. Препринт. – Новосибирск, 1990. – 69 с.; *Озлы Б.И.* Особенности архитектуры городов Восточной Сибири во второй половине XVIII – начале XIX в. // Сибирские города XVII – нач. XX в. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 196-222.

Бушуйева Елена Сергеевна, соискатель кафедры истории Отечества Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина 24 а.

Bushuyeva Elena Sergeevna, competitor for candidate degree, department of homeland history, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24 a.

УДК 338.48 (571.54)

© Д.Д. Васильева

Приоритеты развития туристической деятельности в Республике Бурятия

В статье автор дает оценку потенциалу развития туризма в Республике Бурятия. Основным направлением для продвижения туристического продукта предлагается экологический и этнический туризм.

Ключевые слова: кластер «туризм», рекреационный потенциал, конкурентноспособность туристических продуктов, экологический туризм, культурно-познавательный туризм, этнотуризм.

D.D. Vasilieva

Priorities of tourism activity development in the Republic of Buryatia

In the article the author gives an estimation for tourism development potential in the Republic of Buryatia. Ecological and ethnic tourism are proposed as a reference direction for tourism product promotion.

Keywords: tourism cluster, recreational potential, competitive availability of tourism product, ecological tourism, cultural and informative tourism, ethnic tourism.

Туристическая отрасль занимает третье место в мире по объему доходов, уступая лишь нефтедобывающей промышленности и автомобилестроению. Туризм составляет 5% ВВП, 30% мирового экспорта услуг и 1/12 трудовых вакансий, однако значение туризма зачастую недооценивается руководителями государств. В то же время Россия, являясь самой большой по территории страной на планете и обладая огромным разнообразием интереснейших мест природного и культурного наследия, находится на 59-м месте по реализации туристического потенциала. Среди пятерки лидеров в этом списке Франция, США, Китай, Испания, Италия. Даже небольшая Швеция привлекает все больше и больше туристов с каждым годом и уже уверенно занимает 9-е место в мире по посещению.

По оценке Всемирной туристической организации, Россия может ежегодно принимать около 70 млн туристов, это при том, что на сегодняшний день страну посещает немногим более 2 млн иностранцев [1]. Причины такого отставания заключаются, прежде всего, в устаревшей и дорогой гостиничной сети, неразвитой транспортной инфраструктуре, низком качестве сервиса, усложненной системе получения виз, политической обстановке в стране, высоком уровне преступности. Однако это не единственные причины отставания России в сфере туризма. Вернемся к примеру со Швецией как стране, близкой по климатическим параметрам и также делающей ставку на развитие преимущественно экологического туризма. Помимо того, что Швеция обладает прекрасной материально-технической

базой в регионах, уровень сервиса в стране соответствует мировым стандартам, а частный бизнес не боится инвестировать в долгосрочные проекты, в Швеции хорошо слажена работа администрации страны, муниципалитетов и частного бизнеса. Непосредственно развитием регионального туризма в Швеции занимаются региональные туристические организации. Они функционируют независимо от государственной ассоциации «Визит Свиден», основной задачей которой является привлечение в Швецию зарубежных туристов. Региональные туристические организации проводят маркетинг туристических услуг региона, осуществляют координацию действий местной туристической индустрии и региона, представляют интересы предприятий отрасли в контактах с различными ведомствами и организациями. Их деятельность финансируется за счет бюджетов муниципалитетов и губерний, а также средств частных организаций и членских взносов [7]. Что же касается России, то подобного опыта работы в регионах у нее нет, как и нет централизованной идеи позиционирования в России туристического бренда, общего направления развития туризма в стране. Туризму уделяется недостаточное внимание со стороны власти и частных инвесторов. Более того, одних только инвестиций в развитие инфраструктуры на деле оказывается недостаточным, так как, во-первых, они носят точечный характер, во-вторых, не решают других причин замедленного развития туризма в стране.

В настоящий момент перед государством ставится задача – совершить серьезный прорыв в области туристической индустрии, сделав ставку на максимально эффективное развитие и использование возможностей каждого региона.

В решении столь важной для России задачи весомую роль может сыграть Республика Бурятия, обладающая огромным туристско-рекреационным потенциалом. Однако нужно отметить, что поскольку начало зарождения организованного туризма в Республике Бурятия относится к 1965 г., она в значительной мере опаздывает по сравнению со многими регионами Российской Федерации. Позднее зарождение развития туризма в сочетании с географическими и природными условиями региона – два фактора, решающим образом определивших неразвитость туризма в республике начиная с периода его зарождения (1927-1965 гг.) и вплоть до 2005 г. Это обстоятельство противоречило имеющимся в регионе большим потенциальным возможностям для развития туризма и сдерживало использование туризма в качестве одного

из перспективных и эффективных направлений экономики [2].

Согласимся с исследователем Л.Ю. Никифоровой в том, что формирование и развитие кластера «туризм» являются одним из приоритетов социально-экономического развития Республики Бурятия и определяются как стратегическое условие достижения успеха в конкурентной борьбе за клиента и инвестиции, которую ведут регионы страны.

Стратегическими направлениями формирования и развития туристического кластера являются:

- создание благоприятной туристической инфраструктуры и высокого качества бизнес-климата для туризма;
- создание конкурентоспособных туристических продуктов;
- расширение известности туристического кластера Республики Бурятия на мировом рынке посредством развития маркетинга и дистрибуции;
- расширение туристических обменов между странами Северо-Восточной Азии и Российской Федерацией через разработку и продвижение трансграничных туристических маршрутов «Восточное кольцо», «Чайный путь», «Байкал-Хубсугул»;
- сохранение и развитие природного и культурного богатства Республики Бурятия [4].

В связи с этим в период с 2005 г. по сегодняшний день ведется активная деятельность по формированию инфраструктуры, улучшению маркетинговой политики позиционирования Бурятии на туристическом рынке, инвестиционной привлекательности региона, увеличению количества туристических фирм и улучшению качества предоставляемых услуг, ведется работа по реализации десятка программ по развитию туризма в разных частях региона.

В том числе в целях продвижения туристического продукта Республики Бурятия на мировом и внутреннем рынках и государственной поддержки развития туризма указом главы Республики Бурятия было решено провозгласить 2013 г. Годом туризма. В рамках этого года Республиканским агентством по туризму планируется проведение порядка 85 мероприятий как регионального, так и международного уровня, нацеленных на увеличение аттракции Бурятии в глазах потребителей туристического продукта. Среди крупных мероприятий, намеченных на первую половину 2013 г., отметим: межрегиональный туристический проект «Сказочный Сагаалган в Бурятии-2012», выставку-ярмарку

«Туризм и отдых в Тункинской долине», международную студенческую научно-практическую конференцию «Байкальская модель экологического туризма», участие республики в международной выставке «ITB-2013» (Берлин, Германия), участие в международной выставке «Интурмаркет-2013» (г. Москва), X Республиканскую выставку-ярмарку «Туризм и отдых в Бурятии-2013» и др. Также отметим, что территориальные границы проводимых мероприятий не ограничиваются столицей республики. В формировании плана-программы агентством по туризму был сделан акцент на районы, 80% мероприятий полностью или частично проходят в районных центрах Республики Бурятия.

Определяя приоритеты в направлениях развития туризма, невозможно переоценить геополитическое расположение республики. Бурятия – уникальный регион, который имеет возможность развития нескольких направлений туризма – экологического, культурно-познавательного, в том числе этнического, паломнического, приключенческого, лечебного и др. Потенциал региона значителен, однако неразвитость инфраструктуры, слабая государственная поддержка, недостаточное частное инвестирование, низкий уровень сервиса, удаленность от центра страны и неразвитая транспортная сеть значительно тормозят развитие туризма в регионе.

Главным достоинством Республики Бурятия с точки зрения рекреационной привлекательности является наличие на ее территории озера Байкал. Уникальная природа и фауна озера, статус самого глубокого озера на планете и крупнейшего водохранилища пресной воды выделяют его на фоне других рекреационных объектов Сибири. В связи с этим неудивительно, что упор в формировании концепции сделан на развитие экологического туризма. Перспективность развития экологического туризма в Бурятии определяют два фактора: историко-культурные и этнографические особенности региона, уникальность природы.

Учитывая то, что на особо охраняемых природных территориях сосредоточены наиболее богатые по природному разнообразию и attractiveness места, связь их с историей и культурой народа резко повышает их рекреационный потенциал. Таким образом, еще одним перспективным направлением туристической деятельности в республике должен стать этнический туризм, который основан на интересе туристов к подлинной жизни народов, к ознакомлению с народными традициями, обрядами, творчеством и культурой. В современном унифицированном

мире человек стремится к самоидентификации, ищет и изучает свои этнические корни для того, чтобы почувствовать себя особенным, обладающим глубинной историей и собственными культурными традициями.

Среди множества программ по развитию туризма в регионе нет ни одной, где бы ставилось целью развитие именно этнического туризма, однако путем реализации общих программ, использования создаваемой инфраструктуры для всех видов туризма будут созданы благоприятные условия для активного развития и этнического туризма.

При этом следует учесть, что в Бурятии имеются хорошие условия для развития этнического туризма. В большинстве районов (14 из 21) имеются объекты этнотуристской привлекательности, что благоприятно характеризует возможности региона для развития этнического туризма; акцент на этнокультурные особенности при позиционировании республики на туристическом рынке; наличие большого количества инвестиционных проектов, сориентированных на использование потенциала этнического туризма; возрастающая с годами необходимость сохранять этнокультурное наследие и дать толчок развитию территорий проживания коренного населения, что наглядно иллюстрируется конкретными мероприятиями, включенными в утвержденную стратегию социально-экономического развития Республики Бурятия до 2025 г., а также план мероприятий по реализации в Республике Бурятия в 2010-2012 гг. концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [2].

Говоря о культурно-познавательной привлекательности региона, нельзя не упомянуть, что в Бурятии проживают представители 167 национальностей и 180 религиозных объединений. [5], что создает огромный потенциал для развития новых дестинаций и включения посещения мест проживания и историко-культурных памятников в программу туров, предлагаемых туроператорами. Однако на сегодняшний день рынок этнотуризма слабо развит, имеющиеся на рынке туры знакомят лишь с культурой и бытом бурятского населения, семейских, казаков и в редком случае эвенков. Помимо этого, имеются существенные недоработки в организации туров. Среди основных отметим следующие: отсутствие профессиональных гидов-переводчиков, недостаточная презентативность и информативность предлагаемого тура, непрофессионализм организаторов тура. В данном случае имеется в виду то, что

предприниматели, разработавшие программу приема и развлечения туристов, основанную на культурной аутентичности того или иного народа, не имеют специализированного образования в области туризма, культурологии или смежных дисциплин. Движущей силой для них зачастую являются принадлежность к данному виду культуры и личный интерес к распространению знаний о ней. В тех условиях, в которых находится рынок туристических услуг Бурятии, и эти попытки являются похвальными, однако же остается надеяться, что развитие бизнеса и приток туристов позволят поднять познавательную часть тура на более высокий уровень.

Следующей значимой проблемой является недостаток финансирования. Местным туроператорам не хватает денежных средств на масштабную маркетинговую программу продвижения своих услуг, инвестиций для строительства необходимых объектов инфраструктуры, закупки современного оборудования с целью ведения экскурсий, обновления транспортных средств, отвечающих мировым стандартам.

Среди сотрудников сферы туризма отмечается низкий уровень знаний иностранного языка, что осложняет работу и приводит к невозможности привлечения туристов, находящихся за рубежом. Остро ощущается также нехватка на рынке туристических услуг квалифицированных специалистов с опытом работы в других регионах страны или же за рубежом. Сотрудникам туристической сферы, не имеющим такого опыта, сложно успешно вести турбизнес ввиду ограниченности знаний, приходится обходиться

собственными представлениями и идеями.

Безусловно, в области культурно-познавательного туризма туроператорам Бурятии очень сложно быть конкурентоспособными с регионами центральной России, где количество памятников культурного наследия и крупных этносов не сопоставимо с имеющимися в Бурятии. Однако ни в одном регионе России нельзя настолько полно проникнуться культурными особенностями и обычаями бурятского населения, также как прикоснуться к истокам древней Руси в укладе жизни и религиозным обычаям старообрядцев Забайкалья [6]. Таким образом, при создании туристического продукта необходимо не только расширять этноконфессиональную принадлежность туров, но и наращивать качество уже имеющихся программ, в которых, на наш взгляд, более целесообразно сделать акцент на буддизме и, возможно, старообрядчестве.

Благодаря повышенному вниманию со стороны федеральной власти у Республики Бурятия появился шанс комплексно развивать кластер «туризм» в регионе и стать менее зависимой от дотационных влияний из Москвы. Бурятия является одним из уникальных регионов России не только благодаря природно-рекреационным ресурсам, но и своей поликонфессиональности. Грамотная последовательная работа государственных структур и частного бизнеса позволит увеличить привлекательность региона на рынке туруслуг и тем самым привлечь дополнительный капитал для развития инфраструктуры республики.

Литература

1. Режим доступа <http://www2.unwto.org>
2. Барлукова А.В. Классификационный статус этнического туризма // Известия государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). – 2010. – №4.
3. Карамашева А.А. Культурный туризм: понятие и сущность // Тип культуры: альманах. М.: РАГС, 2003. Вып. 1. С.322-334.
4. Никифорова Л.Ю. Экологический туризм как направление развития экономики региона // Экономика и управление. – 2009. – № 2/5. – С. 130-131.
5. Режим доступа: <http://to03.rosreestr.ru/>
6. Васильева С.В. Старообрядчество Забайкалья: опыт социального служения в полиэтничном регионе // Религии России: проблемы социального служения: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – Н. Новгород, 2010. – С.234-238.
7. Режим доступа <http://www.pfo.ru/?id=44271>

Васильева Дарья Дмитриевна, соискатель кафедры истории Отечества. Бурятский госуниверситет. Email: dashallp@hotmail.com

Vasilieva Daria Dmitrievna, postgraduate student, department of homeland history, Buryat State University. Email: dashallp@hotmail.com

УДК 314:36 (571.54)

© О.Н. Горковенко

Изменение социальных условий жизни населения Бурятии в конце XX – начале XXI в.

Статья посвящена социальным проблемам и преобразованиям в Республике Бурятия в период экономического реформирования страны. Большое внимание автор уделяет изменению уровня жизни в республике. Социально-экономические и политические преобразования в стране, проводимые в девяностые годы, способствовали коренному изменению в структуре общества, породили многие социальные проблемы и привели к маргинализации населения. Социальные проблемы стали отражением происходивших изменений в стране.

Ключевые слова: население, преобразования, социальные проблемы.

O.N. Gorkovenko

Change in social life conditions of the population of Buryatia in the beginning of the end of XX – early XXI cent.

The article is devoted to social issues and transformations in the Republic of Buryatia in the period of economic reforms of the country. The author pays much attention to the change in the level of life in the republic. Socio-economic and political transformations in the country, carried out in the nineties, contributed to a radical change in the structure of society, raised many social problems and led to marginalization of population. Social problems became a reflection of the changes which had taken place in the country.

Keywords: population, transformations, social problems.

Последние двадцать лет – это самый сложный и противоречивый период в жизни нашей страны. Переход к новым общественно-экономическим отношениям осложнен множеством неожиданных факторов. Советский человек не принимал и не одобрял такие рыночные отношения. Однако, несмотря на коммунистические идеалы, все дальше уходит в прошлое презрение к деньгам. Новое поколение видит в деньгах средство и цель жизни. Деньги становятся мерилем успеха в современном российском обществе. Процесс перехода к рынку является закономерным, а сложившаяся ситуация стала для России неординарным явлением. Сегодня у всех есть мобильные телефоны, а не так давно это считалось роскошью. В 2000 г. они были лишь у 11% счастливых обладателей, в основном живущих в Москве. В 1990 г. лишь единицы имели компьютеры, которые стоили целое состояние. Сегодня компьютерная техника доступна основной части работающего населения. В 2011 г. около 7 млн россиян отдохнуло за рубежом, тогда как всего 10 лет тому назад – 800 тыс. чел. В XXI в. появилась возможность приобрести собственное авто. Более 2 млн чел. купят новые автомашины, а в 2000 г. – около 600-800 тыс., при этом надо иметь в виду, что основная часть этих автомобилей в прошлом была подержанной. Также нельзя не обратить внимание на внешний облик современного человека, большинство населения страны достаточно хорошо и модно одето.

За последние 10 лет люди стали ощущать некую стабильность в плане выплат заработной платы, социальных пособий, в том числе пенсий

и стипендий. Большинство работающего населения страны может позволить в кредит приобрести необходимую бытовую технику и новую мебель.

В Бурятии, по данным статистики за январь-октябрь 2011 г., среднедушевой доход жителя республики составил 14 503 р. в месяц. За январь-октябрь 2011 г. среднедушевые денежные доходы населения в Республике Бурятия возросли на 9,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (в Российской Федерации – на 9,1%). В республике уровень реальных располагаемых денежных доходов увеличился по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. на 0,4%, в Российской Федерации – сократился на 0,2%.

Рост денежных доходов населения обеспечен главным образом заработной платой, доходы от предпринимательской деятельности увеличились на 19,5%, другие доходы – на 7,3%, в меньшей степени рост произошел за счет социальных выплат (в т.ч. пенсий) – 2,6%.

Главной составляющей денежных доходов населения республики остается заработная плата. За январь-октябрь 2011 г. номинальная среднемесячная заработная плата достигла 19 308 р., реальная заработная плата (с учетом инфляции 109,5%) увеличилась по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. на 1,2%.

В рейтинге регионов Сибирского Федерального округа за октябрь 2011г. (последние имеющиеся данные) по уровню доходов и заработной платы Республика Бурятия заняла 8-е место. По сумме задолженности на 1 ноября

2011 г. республика заняла 3-е место среди регионов СФО [1] (меньше сумма задолженности только в Республике Алтай и Омской области).

Без тени сомнений, это позитивные моменты рыночных реформ, но радикальных изменений не случилось. Большинство граждан живут в тех же квартирах, что и 10 лет назад, на новых автомобилях мы ездим по старым дорогам. В России стало меньше аэропортов, а самолеты перестали производиться, мы покупаем технику за рубежом. Качественные характеристики здравоохранения и образования далеко не самые лучшие.

Результаты экономических реформ сказываются на уровне жизни населения. Обращение к этой проблеме позволяет представить реальную картину социальных изменений в обществе, но выявить качественную сторону этого вопроса достаточно затруднительно. К сожалению, официальная статистика не дает полной информации. Рассмотрение данной проблемы именно в этом русле дает возможность оценить качество социальных преобразований для общества.

Важнейшими показателями изменения уровня жизни населения являются показатели заболеваемости, коэффициент смертности жителей республики в трудоспособном возрасте и ожидаемая продолжительность жизни и т.д. Они позволяют выявить причинно-следственную связь и основные тенденции социальных перемен в обществе.

Состояние здоровья человека напрямую связано с изменениями условий и уровня жизни, т.к. это основной показатель экономического и социального состояния общества.

В ходе радикальных реформ 1990-х гг. не уделялось должного внимания социальным проблемам, в первую очередь в области укрепления здоровья, увеличения продолжительности жизни, стимулирования рождаемости, профилактики социальных болезней: алкоголизма, наркомании и т.д. В результате показатель смертности в 1999 г. составил 14,8 чел. на 1000 населения против 9,8 чел. в 1992 г. В трудоспособном возрасте она достигла 46% [2]. Вследствие этого, как свидетельствует статистика, Россию в конце XX в. захлестнула волна самоубийств. Еще в 1990 г. на 100 тыс. населения было 2,7 суицида, в конце 90-х – уже 37 [2]. Такие показатели являются причиной неудовлетворенности собственной жизнью и окружающей социальной средой в целом. Индекс смертности населения Бурятии в трудоспособном возрасте на порядок выше сибирского и общероссийского уровней. В целом демографические показатели по респуб-

лике выглядят более благополучно, чем в других регионах. По итогам Всероссийской переписи 2010 г. Республика Бурятия вошла в число 10 регионов с высокой рождаемостью. Таким образом, число родившихся превышало число умерших, т.е. естественный прирост населения в республике был положительным. Относительно высокую рождаемость можно объяснить национальными традициями и менталитетом, а именно многодетностью бурятских, эвенкийских семей. Это позволило сохранить высокую рождаемость даже в начале 1990-х годов. Однако в дальнейшем этот показатель неуклонно снижался.

Проблемой изменения демографической ситуации оставалась и остается высокая смертность в рабочем возрасте, особенно мужской части населения. В республике средняя продолжительность жизни мужчин составляет 59,3 года, женщин – 71,6. В 2005-2009 гг. продолжительность жизни всего населения увеличилась на 3,4 года и составляла 65,3 года (РФ 2008 г. – 67,8 лет), в том числе у мужчин – на 4,2 года, у женщин – на 1,7 года [3]. Мужчины не достигают пенсионного возраста, разница в продолжительности жизни между мужчиной и женщиной сегодня составляет 10-12 лет. Преждевременная смертность мужчин в 5 раз выше, чем женщин. В структуре причин смертности населения 21,6% занимают внешние причины, где доля «алкогольных» очень высока и составляет 61,6%. В своих статьях мы не раз обращались к проблеме алкоголизации населения и говорили о том, что Бурятия вышла на 1-е место в мире по потреблению чистого алкоголя на душу населения (19 л в год) [7]. И это не преувеличение, т.к. у безработного и бездомного человека нет альтернативы алкоголю. В России люди спиваются целыми селами и деревнями, получают травмы и совершают убийства на дорогах и улицах городов в алкогольном или наркотическом состоянии. В Бурятии, по данным МВД, совершается 360 преступлений в год. Этот показатель подтверждает и тот факт, что по РФ республика занимает 2-е место по совокупности «неестественных» причин смертности населения, причем число самоубийств равно 40 чел. на 100 тыс. населения. Алкогольная зависимость является причиной не только заболеваний, преступлений и суицида, это одна из ступеней на «дно социальной лестницы».

Острейшей социальной проблемой является «проблема людей без определенного места жительства». По разным оценкам, сегодня в России от 4 до 5 млн бездомных, т.е. до 3%, из них от

280 до 840 тыс. детей. Порядка 10% бездомных имеют высшее образование и 22% – средне-специальное. Наибольшая концентрация бездомных наблюдается в больших городах, прежде всего в Москве (около 75 тыс. чел.) и Санкт-Петербурге (около 50 тыс.). На самом же деле эта цифра больше в несколько раз, ведь учитываются не все люди без определенного места жительства. Подавляющее большинство бездомных – мужчины, их 85%. Любопытно, что на Западе треть от общего числа бездомных составляют женщины. Сегодня возраст российского бездомного может быть самым разным, но больше всего (две трети) в этой категории людей в возрасте от 35 до 55 лет.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в республике было 1236 бомжей. Большая часть (88%) находилась в трудоспособном возрасте, средний возраст составлял 44 года [4]. Сегодня на централизованном учете состоят 1680 бездомных, из которых более 80% проживает на территории Улан-Удэ. С каждым годом число бомжей растет, при этом их возраст год от года молодеет, доля женщин в настоящее время достигает 25%. Также увеличивается и количество преступлений. Так, по официальной статистике МВД по Бурятии за 2012 г., бомжами совершено 78 преступлений, из которых около 40 краж и 6 убийств. Кроме того, за неполный год погибло уже 116 бомжей. При этом 7 были убиты и еще 7 совершило самоубийство. Приведем основные причины, почему люди становятся бомжами: развод, безработица, болезни, алкоголизм, наркомания, психические расстройства, а также отсутствие реабилитации после тюремного заключения.

Бездомность граждан РФ демонстрирует явную слабость государства и общества. Бездомными на Западе становятся неграмотные, бедные и безработные люди. Бедность и безработица характерны и для российских бездомных, но неграмотными их назвать нельзя. Самое печальное, что доля живущих на улице в течение 1-5 лет увеличилась с 30 до 42%, а в течение 6-10 лет – с 5 до 21,4%. Бездомность – это отражение серьезных социальных проблем в стране.

Одним из главных показателей уровня жизни населения является социальное здоровье общества. В нашем случае «социальное здоровье» понимают как здоровье общества в целом, как совокупность здоровья каждого индивидуума, составляющего это общество. Западная медицина считает, что здоровье человека обусловлено на 10% состоянием здравоохранения, на 20% – генетическими факторами, на 20% – хорошим

состоянием окружающей среды, а на 50% – условиями жизни. Низкий уровень жизни характеризует подверженность большинства населения к разным приобретенным и хроническим заболеваниям.

Общая заболеваемость населения Республики Бурятия по итогам 2009 г. увеличилась на 9% в сравнении с 2005 г. и составила 138 случаев на 100 тыс. населения [5].

Особую тревогу в Бурятии вызывает высокий уровень заболевания туберкулезом. Жители Бурятии болеют туберкулезом в два раза чаще жителей России. Ситуация более чем драматическая. Сегодня опасение вызывает детский туберкулез. В России 280-290 тыс. детей в год заболевают этой болезнью. Туберкулез называют «болезнью бедных», т.к. болезнь демонстрирует ухудшение социально-экономической ситуации, а также финансового состояния здравоохранения. В 2011 г. в Бурятии зарегистрировано 1232 заболеваний туберкулезом. Показатель в два раза превышает среднероссийский уровень. Наиболее тревожные показатели зафиксированы в Кижингинском, Мухоршибирском и Тарбагатайском районах. В Улан-Удэ показатель заболеваемости также превышает республиканский. Чаще всего туберкулезом заболевают неработающие граждане; в общей структуре заболеваемости их число достигает 73%. На 2-м месте – заключенные (11,6%). В последнее время в Бурятии отмечается рост количества так называемых бациллярных больных – людей, являющихся источниками заражения. В 2011 г. врачи зарегистрировали 588 таких больных.

Серьезная обстановка сложилась в сфере наркотического оборота, хотя уровень наркологических расстройств в Республике Бурятия в 2 раза ниже, чем в РФ. В структуре заболеваемости наркологическими расстройствами наибольший удельный вес занимает хронический алкоголизм – 62% (РФ – 63,6%), на 2-м месте – употребление наркотических веществ с вредными последствиями – 16,7% (РФ – на 2-м месте употребление алкоголя с вредными последствиями, 15,2%), на 3-м месте – алкогольный психоз – 7,5% (РФ – на 3-м месте наркомания, 10,8%) [6].

По итогам 2012 г. наркоситуация в Бурятии была оценена как «тяжелая». В двух районах – Джидинском и Селенгинском – состояние «предкризисное». Как сообщила пресс-служба Управления федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, такие данные получены по итогам специального мониторинга. Кроме этого, проанализирована распространенность

немедицинского потребления наркотиков. По итогам года этот показатель составил 968 наркопотребителей на 100 тыс. населения. Показатель смертельных отравлений наркотиками составил 1,1 на 100 тыс. населения.

Уровень онкологической заболеваемости в республике ниже, чем по РФ и СФО, и составляет 261,8 на 100 тыс. населения. В сравнении с 2005 г. в 2009 г. наблюдается рост онкологических больных на 14% [6].

В 2010 г., по данным Роспотребнадзора по РБ, зарегистрировано 424 случая инфицирования, что на 24% больше, чем в прошлом году. Показатель пораженности населения Бурятии ВИЧ-инфекцией составил 444,2 случая на 100 тыс. населения.

Неблагоприятной можно назвать ситуацию, связанную с суицидом в республике. Особую тревогу вызывают факты самоубийств детей и подростков. В 2012 г. зафиксирован рост суицидов среди школьников в возрасте 14-18 лет. Бурятия занимает 2-е место среди субъектов России по частоте детских и подростковых суицидов. По уровню суицидальной активности среди населения республика занимает шестое место. Так, в Улан-Удэ в 2011-2012 гг. произошло семь случаев суицида среди несовершеннолетних. Список вышеперечисленных социальных болезней общества, к сожалению, на этом не заканчивается, их можно продолжать и продолжать, но ограничение объемов статьи не позволяет этого.

В условиях перехода к рыночной экономике государство перестало уделять должное внима-

ние уровню жизни населения. В эпоху радикальных экономических преобразований уровень жизни является ключевым индикатором, определяющим направленность политических преобразований во всех сферах общества. Уровень жизни позволяет более всего характеризовать состояние экономики и социальных отношений на данном этапе.

Одними из главных социальных проблем Бурятии являются безработица и низкий уровень доходов. В 2009 г. было зафиксировано пиковое значение уровня безработицы (19,4%), а в 2012 г. общая численность безработных сократилась в 2 раза и составила 53 тыс. чел., но, несмотря на положительную тенденцию сокращения безработных, мы не можем похвастаться высоким уровнем заработной платы.

Главная черта российской бедности – это взрослые трудоспособные люди, работающие или безработные, чьи зарплаты и пособия ниже прожиточного минимума, они составляют 30% всех бедных.

Уровень и условия жизни – это следствие трансформации общества. В российском обществе множество социальных проблем и все активно их обсуждают, но большинство из них так и остается нерешенным, а некоторые только обостряются. Особенно это характерно в последние 20 лет. Социальные проблемы в России трудно дифференцировать по степени важности, поскольку большинство проблем взаимозависимо, вытекает одна из другой и требует скорейшего решения.

Литература

1. Социально-экономическая ситуация и экономическая безопасность РБ: аналитическая записка. 2008 / Бурстат. Улан-Удэ, 2008. 23-48 с.
2. Митупов К. Б.-М., Горковенко О.Н. Изменение демографической ситуации в Бурятии в условиях трансформации общества (конец XX – начало XXI в.) // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 2 (30). – С. 218-222.
3. Бурятия в цифрах. Краткий стат. сб. № 01-01-13. Ч. 2 – Улан-Удэ: Комгосстат РБ, 2003. – 112 с.
4. Митупов К.Б.-М., Горковенко О.Н. Изменения в социальном положении населения Бурятии в условиях трансформации // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. – Вып. 7.
5. Митупов К.Б.-М., Горковенко О.Н. Влияние демографической политики на ситуацию в Бурятии в условиях трансформации общества (конец XX – начало XXI в.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 7. – С.74-77.
6. Горковенко О. Н. Митупов К. Б.-М. Изменения в социальном положении населения Бурятии в условиях трансформации // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Спецвып. В. – С.62-66.

Горковенко Оксана Николаевна, магистрант исторического факультета Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а.

Gorkovenko Oksana Nikolaevna, graduate student, historical faculty, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24a.

УДК 334 (510+470+571)

© Е.В. Дятлова

«Как вести бизнес с китайцами»: образ китайской деловой культуры в пособиях и рекомендациях для российских предпринимателей*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. соглашение №14.В37.21.0012

Расширение деловых контактов между Россией и Китаем привело к большому спросу на информацию о деловой культуре предпринимательских слоев двух стран. На раннем этапе этого процесса информационный вакуум отчасти заполняли довольно многочисленные и многотиражные пособия и рекомендации о том, как вести бизнес с китайцами, что является интересным источником для изучения образов китайской деловой культуры в России.

Ключевые слова: деловая культура, китайцы, торговцы, предприниматели, образ, стереотип, пособия для предпринимателей.

E. V. Dyatlova

«How to do business with the Chinese»: the image of the Chinese business culture in manuals and recommendations for the Russian entrepreneurs

Development of intensive business contacts between Russia and China has raised a great demand for information on the business culture of entrepreneurial groups in two countries. At the early stage of this process the information vacuum was partly filled up by numerous and large-circulation manuals and recommendations concerning how to do business with the Chinese. They are an interesting source to study the images of Chinese business culture in Russia.

Keywords: business culture, Chinese, tradesmen, entrepreneurs, image, stereotype, manuals for entrepreneurs.

Открытие границ между Россией и Китаем, расширение взаимных торговых связей, формирование рыночных отношений – все это сделало актуальной и практически важной проблему взаимоотношений предпринимательских кругов двух стран. Бизнесмен, торговец, предприниматель становятся центральными фигурами взаимоотношений, они активно сотрудничают друг с другом в качестве деловых партнеров и конкурентов. Для эффективности работы им необходима информация друг о друге: не только текущая, связанная с отдельными сделками, но и более общая, необходимая для понимания логики действий партнеров и конкурентов, их привычек, деловых практик, всего, что входит в понятие «деловая культура» [1].

Обобщенная информация о деловой культуре становится востребованным товаром. Особенно на первых этапах взаимного знакомства и взаимодействия, когда у контрагентов еще не сформировалось достаточного комплекса собственных знаний и пониманий. К тому же предпринимательский слой в России только начал создаваться, соответственно только стала формироваться и деловая инфраструктура, позволяющая получать и накапливать соответствующую информацию. За редким исключением, типа Торговых палат, доставшихся в наследство от советской эпохи, проблема не решалась. Все это относится к Китаю и китайским предпринимателям и торговцам.

Спрос рождает предложение – в 1990-х гг. появляется много книг и статей, посвященных описанию китайской деловой культуры, деловым практикам и обычаям китайских предпринимателей, причем эти работы имели не исследовательский, а сугубо прикладной характер. По жанру это были руководства, даже инструкции – как вести себя с китайскими контрагентами, чего от них ожидать и почему. Парадокс заключался в том, что писали эти книги и статьи люди, часто сами не знакомые с этой деловой культурой. В лучшем случае это были китаеведы или люди, работавшие в Китае, знакомые с ними, знающие китайский язык. Но часто не было и этого. Но и авторы, знавшие Китай, не обладали знаниями о китайских предпринимателях – их просто не было в социалистическую эпоху.

Поэтому первые руководства писались на книжной основе исходя из общих теоретических представлений о предпринимательстве, о китайцах и китайской культуре вообще. Эпоха таких руководств была короткой. Молодые предпринимательские слои России и Китая, вступив в тесные деловые контакты, стремительно наращивали массивы практических знаний и представлений, основанных на собственном опыте. Шла интенсивная рефлексия по этому поводу, осмысление собственного и чужого опыта. Популярными еще несколько лет назад руководства были забыты или о них вспоминают с мягким юмором или раздражением.

Однако они вызывают исследовательский интерес. Ведь это уникальный источник о первой, самой трудной для изучения фазе процесса становления предпринимательства, предпринимательской культуры. Прикладной характер этих книг и статей предопределяет их жанровое единство, а источники, на которые опираются их авторы, особенности целевой аудитории позволяют составить некоторую весьма условную классификацию.

К *первой группе* стоит отнести пособия, написанные авторами, которые не были в Китае, зачастую не знали китайский язык. Поэтому они опирались на традиционные китайские источники, чаще всего читая их в переводе. Это были несколько наивные попытки приложить традиционные китайские практики (или то, что оценивалось таким образом) к современному бизнесу. Часто это были описания так называемых «китайских стратагем» и попытка их адаптировать в различных сферах жизни, в том числе и бизнесе.

Типичным примером является книга А.И. Воеводина [2]. В качестве источника для своей работы автор приводит Интернет. Ссылается также на информацию, полученную от представителей спецслужб. Большое внимание он уделяет стратагемам: «Они рассматриваются нами не только как уловки или алгоритмы для достижения поставленных целей... Они определяют то поле, на котором ты находишься, те моральные нормы и социальные нормы, которым ты следуешь или которыми ты пренебрегаешь, в некоторых случаях путь, по которому ты идешь. Китайские стратагемы традиционно признают единственный критерий истинности – эффективность твоих действий в борьбе за власть и ресурсы. Для них не существует понятий нравственности, духовности, морали как необходимых элементов твоей личности или деятельности. Существует единственный критерий – эффективность. Нет друзей и союзников, все – враги. Некоторые враги – явные, некоторые – тайные или потенциальные. Нравственность и прочие духовные атрибуты рассматриваются как инструменты, которыми ты должен пользоваться в своих целях, но отнюдь не как нормы, которым ты обязан следовать» [2, с. 6]. Далее автор излагает традиционные китайские стратагемы, иллюстрируя их примерами из истории, экономики, бизнес-практики.

Вторая группа пособий – рекомендации, написанные людьми, имевшими опыт работы в Китае, зачастую специфический. Такие пособия не отличаются глубокой теоретической базой.

Научность в подобных работах минимальна. Пример такого источника – книги Андрея Девятова [3]. В предисловии к одной из книг он подчеркивает, что написана она на основе личного опыта проживания и работы в Китае сначала как разведчика ГРУ, а потом как бизнесмена. Этим автор оправдывает ограниченность теоретической базы [3, с.6]. «Объем словесной проработки темы прямо пропорционален той дистанции, которая отделяет авторов от поля не теоретического, а настоящего боя» [3, с. 7]. Автор упоминает и о том, что в свое время пытался защитить диссертацию в Институте востоковедения РАН, но безуспешно. «Научный замах мой был так велик, что советской академической наукой он был сразу отвергнут» [3, с. 13].

Есть у него и глава «Китай и бизнес, или Шесть способов решить дело с китайцами в свою пользу». Она, по словам автора, задумана как пособие для практиков. Подчеркивается врожденная предрасположенность китайцев к торговле: «китайцы – прирожденные мастера денежных дел».

Также приводит особенности ведения переговоров: «Переговоры у китайцев служат для сбора информации, а реальные решения принимаются ими медленно, на долгосрочной основе, в духе коллективной ответственности и не на встречах с партнером, а после них». «Почетный прием, навязчивая забота, роскошный банкет и подношение подарков суть лишь форма, символы и жесты демонстрации уважения, прикрывающие скрытый финансовый и деловой маневр китайцев. Ни сам китайский партнер, ни его иностранный оппонент не должны терять своего лица. Целью китайцев, конечно, является победа над партнером в сделке, но форма победы должна быть обходительной, китаец добивается своего, переигрывая партнера и конкурентов, как правило, в подходящее время и в корректной форме» [3, с. 249].

Отмечает автор высокую контекстность китайской культуры вообще и деловой культуры в частности. Этот тезис автор заимствует из книги Р.Д. Льюиса, чью работу он указывает в списке источников, не ссылаясь на нее в тексте [1]. Иллюстрируется это отношением к контракту. «Китаец смотрит на контракт как на некий документ, который принимается сторонами, чтобы избежать лишних споров, и может быть всегда изменен, дополнен или разорван в зависимости от изменившихся обстоятельств» [3, с. 249].

Автор не ограничивается этими наблюдениями. Опираясь на традиционные китайские источники («Книги перемен» и др.), он выдвигает

свою теорию «третьей силы»: «По-китайски, единое неизменно раздваивается, но перемены следуют через сочетание не двух, а трех сил». В бизнесе это выражается в стремлении действовать через посредника [3, с. 246].

Мы видим отношение к китайскому деловому партнеру как к сопернику, который ориентирован исключительно на конкурентную стратегию и привык пользоваться манипулятивными тактиками. Ответные действия автор предлагает применять на тех же принципах: конкуренция, манипуляция, но завуалированная для того, чтобы дать возможность сторонам «сохранить свое лицо». На отношение к китайскому предпринимательскому слою накладывают отпечаток опасения автора относительно потенциальной угрозы китайского нашествия: «... ветер с Востока действительно одолевает ветер с Запада, и угроза физического китайского нашествия для сохранения на генетическом уровне национально-культурной специфики народов России куда опаснее западного влияния на умы» [3, с. 259].

Другой пример из этой категории источников – книга В. Романюка «Мифы и реалии “китайского чуда”». Как вести бизнес с китайцами» [4]. Автор – журналист-китаевед. Книга написана на основе личных впечатлений и публицистических источников. Списка источников нет, ссылки отсутствуют. Имеется отдельная глава «Как вести бизнес с китайцами», где затрагиваются особенности деловых взаимоотношений на микроэкономическом уровне. «Участие в переговорах с китайцами – дело изнурительно-изматывающее. Наши партнеры вели диалог неспешно, держали себя подчеркнуто скромно, без конца напоминая, что всякое решение требует предварительного согласования в правительстве провинции. Чем более конкретно формулировались предложения с нашей стороны, тем неопределеннее звучали ответы – с китайской». Подчеркивается, что китайские коммерсанты в переговорах упорны, тверды, прагматичны [4, с. 437].

В *третью группу* стоит включить пособия, написанные опытными бизнесменами или людьми, имеющими большой опыт работы в Китае. В них даются подробные советы, касающиеся конкретных, практических аспектов работы с китайскими предпринимателями. И.В. Мажаров [5] пишет, что его статьи «не носит какого-то «методического» характера и уж тем более не являются «исследованием». Это всего лишь «личные заметки, порой несистематизированные и неупорядоченные». Однако его выводы имеют важное прикладное значение для практиков. Это

подтверждается и цитируемостью статей на специализированных сайтах, посвященных российско-китайскому взаимодействию.

В статьях И. Мажарова констатируется: «...любой китаец с рождения по культуре воспитания и вообще по среде обитания – прирожденный негодяй. «Купить дешево – продать подороже» – это у китайцев в крови... Это как безусловный рефлекс, записанный где-то в ДНК в глубине веков». Подчеркивается активность и целеустремленность китайцев: «он не ждет чуда или манны небесной. Он пытается делать свое чудо». «Стремление к обогащению, к наживе (в хорошем смысле слова), возведенное в китайской многовековой культуре к смыслу жизни, имеет на китайской почве, в китайской среде несколько пластов, несколько уровней» [5]. Отмечая глубокую разницу между российской и китайской культурами, автор дает совет: за всеми культурными фасадами увидеть в китайце человека. Он советует в расчет брать все – «и манеру ведения переговоров, и установленные в Китае деловые нормы, и культурные особенности, и языковой барьер». Но «есть еще общечеловеческие ценности – на то они и ОБЩЕчеловеческие. И если в этой сфере Вы сможете найти точки соприкосновения с китайцем, Вы вместе с ним встанете над всем тем, что может Вас разъединять или вести к недопониманию» [5].

Практику «откатов» автор объясняет исторически сложившимися особенностями понимания сущности посредничества. «Древняя китайская культура торговли предполагает брать процент как с покупателя, так и продавца... В среде китайцев это обычная практика, не подлежащая обсуждению и тем более порицанию» [5]. Важную роль играет система «гуаньси» (связей). Упоминается важность понимания и использования китайской атрибутики с символами удачи и счастья, что имеет большое значение для китайских предпринимателей.

Особую, *четвертую группу* составляет учебная литература для студентов, обучающихся по специальностям, связанным с предпринимательством и бизнесом, а также для практиков, работающих в сфере международного бизнеса, туризма, сервиса. Отдельная глава по Китаю имеется, в частности, в учебном пособии Н.П. Романовой, В.В. Багина, И.В. Романовой [6]. Там даются советы по деловому этикету (особенности ритуалов встречи, знакомства, обращения к деловому партнеру, вручения подарков, оформления визитных карточек, нюансы невербальных аспектов коммуникации) и организации и тактики переговорного процесса. В соответствии с

жанром учебного пособия глава не имеет научно-справочного аппарата, отсылок к источникам и использованной литературе, не претендует на самостоятельные выводы и обобщения.

За пределами нашего обзора и анализа остаются специальные исследовательские работы, посвященные китайской деловой культуре [7]. Конечно, между научной литературой и прикладными работами нет непреодолимой пропа-

сти. Однако с точки зрения изучения стереотипов и механизмов их формирования нам важны популярные (часто многотиражные) книги и статьи, предназначенные для широкой аудитории.

Анализ содержания пособий важен для понимания того, какой образ китайской деловой культуры, китайского предпринимателя существует у россиян, имеющих разный по длительности и по качеству опыт общения с жителями Китая.

Литература

1. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: пер. с англ. М.: Дело, 1999. 440 с.; Андерсон Р., Шихирев П.Н. «Акуль» и «дельфинь» . Психология и этика российско-американского делового партнерства. М.: Дело, 1994; Шихирев П.Н. Введение в российскую деловую культуру. М., 2000.
2. Воеводин А.И. Стратегемы – стратегии войны, манипуляции обмана. 2-е изд., доп. М.: Белье альвы, 2002. 256 с.: ил.
3. Девятков А. Китайская специфика: как понял ее я в разведке и бизнесе. М.: Муравей, 2002. 336 с.; Девятков А. Красный дракон. Китай и Россия в XXI веке. М.: Алгоритм, 2002. - 288 с.
4. Романюк В.Я. Мифы и реалии «китайского чуда». Как вести бизнес с китайцами. М.: Известия, 2002. 464 с.
5. Мажаров И.В. Психологические аспекты переговоров с китайцами // Режим доступа: www.vostochnikOn-line.ru; *Мажаров И.В.* «Темные реки» китайского бизнеса // Режим доступа: <http://www.abirus.ru>; *Мажаров И.В.* Китайский деловой этикет // Режим доступа: <http://www.chinadata.ru>
6. Романова Н.П., Багин В.В., Романова И.В. Особенности восточных деловых коммуникаций. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2003. 318 с.; Романова Н.П., Багин В.В., Романова И.В. Деловой этикет на Востоке. Настольная книга бизнесмена: учеб. пособие. М.: Восток-Запад, 2005. 295 с.
7. Очиров О.Р. Введение в современную китайскую деловую культуру: учеб. пособие. Чита: Изд-во ЗабГГПУ, 2008. 149 с.; Жиделев А. Взаимодействие деловых культур России и Китая в процессе коммерческих переговоров / Академия народного хозяйства при правительстве РФ. М., 2002.

Дятлова Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры сервиса и сервисных технологий факультета сервиса и рекламы Иркутского государственного университета. Тел. (дом.): (3952)41-93-32. E-mail: dyatlovae@yandex.ru

Dyatlova Elena Victorovna, senior lecturer, department of service and service technologies, faculty of service and advertising, Irkutsk State University. Ph.: (3952)41-93-32. E-mail: dyatlovae@yandex.ru

УДК 504:34

© *И.А. Дальжинова*

Правовые аспекты региональной экологической политики (на примере строительства Ангарского каскада)

В статье рассмотрены вопросы становления государственной экологической политики во второй половине прошлого века, особое внимание уделено экологическим последствиям в ходе строительства Ангарского каскада.

Ключевые слова: экологическая политика, природная среда, индустриализация, экологический кризис, охрана окружающей среды.

I.A. Dalzhinova

Legal aspects of regional ecological policy (on the example of the Angarsky cascade construction)

The article considers the issues of formation of the state ecological policy in the second half of the last century, special attention has been paid to ecological consequences in the process of construction of the Angarsky cascade.

Keywords: ecological policy, environment, industrialization, ecological crisis, environmental protection.

При усложнении взаимоотношений между обществом и природой в современных условиях становится актуальным анализ содержания и результатов государственной экологической политики советского периода. В современной России она во многом основывается на ценностях экологической политики предшествующего со-

ветского периода. В последние годы в условиях проведения социально-экономических и политических реформ в современной России все больше внимания уделяется экологической составляющей успешного развития государства. Под экологической политикой мы понимаем политику, направленную на общие цели органи-

заций и принципы деятельности по отношению к окружающей среде, включая соответствие всем надлежащим нормативным требованиям относительно окружающей среды, а также принятие обязательств по непрерывному усовершенствованию экологической результативности; экологическая политика определяет рамки постановки и пересмотра экологических целей и экологических задач [1].

В связи с этим проводилось некоторое усовершенствование природоохранного законодательства, решались вопросы, связанные с созданием новых управленческих структур, велась разработка ограничительных критериев воздействия промышленности на окружающую среду и др. Формы использования человеком полезных свойств природных объектов многочисленны и разнообразны. Не менее разнообразны и способы причинения вреда природным объектам в процессе их использования. Наиболее распространенные из них: загрязнение, истощение, нерациональное использование, в результате объекты теряют свои первоначальные качества и гибнут. Источниками причинения вреда являются, во-первых, производственная деятельность предприятий, осуществляемая с использованием природных объектов, во-вторых, совершение юридическими лицами противоправного посяательства на природные объекты. За годы индустриализации Иркутский регион стал крупнейшим центром энергетики и энергоемких производств. К серьезным изменениям в природном комплексе региона привело сооружение крупных гидроузлов на Ангаре. Качество воды Иркутского водохранилища определяется составом байкальских вод, являющихся основным источником формирования водной массы водоема, а также влиянием судоходства и сточных вод очистных сооружений пос. Листвянка, рекреационной деятельностью в районе водохранилища. В целом по водохранилищу качество воды соответствует 2-му классу. Вода р. Ангары до поступления в Братское водохранилище испытывает влияние сбросов сточных вод предприятий Иркутска и Ангарска. Основным источником загрязнения реки Ангары в районе Иркутска являются сточные воды право- и левобережных очистных сооружений, авиационного завода и Жилкинской нефтебазы. Сброс сточных вод в р. Ангару на водохозяйственном участке исток – Иркутская ГЭС в 1992 г. составил 3,229 млн м³ [2]. Здесь отмечается загрязнение Ангары нитратным азотом, фенолами, медью и нефтепродуктами. В Иркутске только по аварийным выпускам в Ангару поступает в отдельные годы

более 1 млн м³ загрязненных вод без всякой очистки [3]. В районе г. Ангарска крупными источниками загрязнения реки являются сточные воды Ангарскнефтеоргсинтеза, заводы химреактивов, белково-витаминных концентратов и тепловые электростанции. Со сточными водами в реку поступило загрязнений (тонн): органики – 17, взвешенных веществ – 18, сульфатов – 397, хлоридов – 13, фосфора общего – 2,34, азота аммонийного – 4,02, нитратов – 1,48, нитритов – 0,05 [4]. На участке ниже Иркутска и Ангарска содержание нефтепродуктов, различных органических соединений, фенолов и других органических веществ нередко превышает допустимые концентрации.

Исследованиями Г.В. Калмычкова, П.В. Коваль, В.Ф. Гелитий и др. установлено высокое содержание ртути в донных отложениях и рыбах водоема на протяжении 120 км. Наибольшее содержание ртути отмечено в донных осадках между г. Свирском и пос. Балаганск, где около 50% выловленной рыбы загрязнено ртутью выше ПДК. По данным исследований, за 30 лет работы комбината в водохранилище поступило более 80 т ртути, основная масса которых накопилась в донных осадках. Основным источником загрязнения – электролизный цех по производству хлора, каустической соды, который был закрыт в 1998 году [5].

Произошедшие изменения в общественно-политической жизни страны во второй половине 1980-х гг. привели к переоценке взглядов на гидростроительство, способствовали приостановке работ до получения социо-эколого-экономической экспертизы проектов, проведению расчета материального ущерба для разных отраслей хозяйства и социальной сферы.

Экстремальная экологическая ситуация требует безотлагательных мер. Этому мнению придерживаются как местные органы, так и практически все население. Закономерно ставится вопрос о снижении негативного влияния энергетического регулирования с использованием чаши Байкала на его экосистему. С этой целью научными и проектными организациями Москвы, Иркутска и Улан-Удэ ведется разработка экологических требований к режимам такого регулирования. Учет этих требований, а также имущественных интересов населения и хозяйствующих субъектов на озере при назначении режимов Иркутской ГЭС должен способствовать повышению экологической, социальной и экономической безопасности во всей зоне ее влияния.

В связи с тем, что в настоящее время по заказу Росводресурсов ведется разработка новой

версии «Правил регулирования водного режима Ангаро-Енисейского каскада ГЭС и озера Байкал», дискуссии как внутри экспертного сообщества, так и между энергетиками и экологами о критериях выбора основных регулируемых параметров водного режима озера Байкал и водохранилищ Ангаро-Енисейского каскада ГЭС, ведущиеся с разной степенью интенсивности на протяжении последних десяти лет, становятся актуальными. В данной обзорной статье предпринимается попытка систематизировать различные подходы, выявить неясные вопросы и наметить возможные пути решения проблемы исходя из приоритета сохранения уникальной экосистемы озера Байкал, что ни одной из заинтересованных сторон официально не оспаривается.

Огромны по своим масштабам последствия гидростроительства (зарегулирование, переброска части стока рек и др.), ведущегося в интересах энергетики, орошения земель, навигации и в других целях. Загрязнение водоемов в наибольшей степени связано со сбросом в них промышленных, сельскохозяйственных и бытовых стоков, с попаданием загрязняющих веществ из атмосферы, а также деятельностью человека на самих водоемах (судоходство, транспорт нефти, подводное бурение, лесосплав и др.). Во многих водоемах загрязнение настолько велико, что привело к полной деградации их как источников водоснабжения, рыбохозяйственных угодий, зон рекреации или в ином отношении, что отрицательно сказывается на ресурсной ценности гидросистем. Ресурсная деградация водоемов часто вызывается их антропогенной эвтрофикацией, сопровождающейся нарушением баланса веществ в экосистеме. В результате такой эвтрофикации, как правило, связанной с избыточным поступлением в водоемы биогенов, первичная продукция начинает резко превалировать над деструкцией, аэробные процессы все больше заменяются анаэробными, питьевые и гигиенические качества воды снижаются, ухудшается санитарное и рекреационное состояние водоемов.

В процессе индустриального развития региона, в частности в ходе строительства каскадов, не учитывалась сама проблема воздействия на окружающую среду, этот вопрос, скорее всего, относился ко второстепенным. Правительственная политика опиралась на суждение о безграничном потенциале природных ресурсов Прибайкалья.

На рубеже веков для любого государства вопросы об охране окружающей среды являются неотъемлемой частью. Стало вполне очевидным, что без активной экологической политики проблемы сохранения комфортной среды жизни для

людей не решить. Мы знаем, что объекты и источники загрязнения «прикреплены» к территории, которая имеет не только естественные, но и государственные и административные границы. Исходя из этого, правомерно проводить региональную экологическую политику.

Поскольку экологические проблемы порождены социально-экономическим развитием и связаны практически со всеми аспектами жизни современного общества, региональная экологическая политика тесно взаимосвязана с социально-экономическим, демографическим и научно-техническими аспектами. Собственно региональная экологическая политика должна быть направлена на улучшение экологических условий жизни людей и сохранение природных ландшафтов. Необходимо отметить, что в современных условиях повысилась роль территориальных органов власти, которые вырабатывают и реализуют собственную экологическую политику [6].

Весьма существенное значение в охране среды и рациональном использовании ее ресурсов имеет региональный аспект, который на практике учитывается недостаточно. Научные основы регионального подхода к охране окружающей среды разработаны слабо. Этот подход, с нашей точки зрения, заключается в необходимости обоснованно дифференцировать природоохранные нормативы, определять очередность районов для проведения природоохранных мероприятий в связи с достигаемым в них качеством среды, учитывать природоохранный фактор размещения производительных сил. Региональный подход к охране окружающей среды должен осуществляться исходя из интересов общества в целом, в тесной связи с решением задач совершенствования размещения производительных сил и развития районов. Сочетание регионального и народнохозяйственного подходов к охране окружающей среды определяет особое значение экономической и социальной географии при решении этой проблемы.

Принятие региональных нормативных правовых актов в области охраны природы является одним из инструментов государственного управления охраной окружающей среды и обеспечения экологической безопасности на территории Иркутской области. Департаментом охраны окружающей среды и недропользования Иркутской области в 2007 г. были разработаны и утверждены следующие нормативно-правовые документы в области охраны окружающей среды: постановление губернатора Иркутской области от 28.03.2007 №122-п «О проекте закона

Иркутской области “О Красной книге Иркутской области”); постановление от 15.06.2007 №217-п «О проекте закона Иркутской области “О внесении изменений в закон Иркутской области «Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры в Иркутской области”»); постановление от 15.06.2007 №218-п «О проекте закона Иркутской области “О внесении изменений в закон Иркутской области «Об охране атмосферного воздуха в Иркутской области”»». Также департамент принял участие в работе по подготовке законов Иркутской области: проект закона «Об охране окружающей среды в Иркутской области»; проект закона «Об отходах производства и потребления в Иркутской области»; проект закона «Об особо охраняемых природных территориях в Иркутской области»; проект закона «О Красной книге Иркутской области»; проект закона «Об административной ответственности за нарушения правил охраны редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и иных организмов, занесенных в Красную книгу Иркутской области» [7]. Принятые и рассмотренные документы помогут формировать и последовательно реализовывать политику в области охраны окружающей среды. Несмотря на это, мы все же обращаем свое внимание на защиту окружающей среды с помощью

правоохранительных мер.

Полагаем, что результативность данных мер по природоохранным мероприятиям в большинстве случаев зависит совершенства правовой системы. В большинстве определений понятия экологического преступления в уголовном праве в качестве преступных последствий называют «умышленные деяния, нанешие существенный ущерб природе и окружающей среде и повлекшие за собой серьезные последствия для здоровья населения, состояния природных объектов, животного и растительного мира» [8]. В целях отражения сути экологических преступлений относятся нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ; нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов; загрязнение вод; загрязнение атмосферы; загрязнение морской среды и др. [7]

Таким образом, исторический опыт на примере хозяйственного освоения Байкальского региона показывает, что экологическая политика в системе государственных приоритетов играла вспомогательную роль.

В настоящее время сложно оценить роль региональной политики в области охраны окружающей среды. Для грамотной региональной экологической политики необходимо взаимодействие местных властей и населения, а также контроль со стороны федеральных органов власти.

Литература

1. Словарь финансовых и юридических терминов. Консультант Плюс, 1992-2013 [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/law/ref/ju_dict/word
2. Иванов И.Н. Гидроэнергетика Ангары и природная среда. – Новосибирск: Наука, 1991. – С.116.
3. Экологическая обстановка... С. 39.
4. Тржцинский Ю.Б. Катастрофа возможна, но ... // Вост.-Сиб. правда. – 1998. – №38. – С.5.
5. Калмычков Г.В., Коваль П.В., Гелитий В.Ф., Андрулайтис Л.Д. и др. Ртуть в донных отложениях Братского водохранилища // Проблемы ртутного загрязнения природных и искусственных водоемов, способы его предотвращения и ликвидации: тез. докл. – Иркутск, 2005. – С.42.
6. Региональная экологическая политика [Электронный ресурс] // URL: <http://course-info.narod.ru/e-RegionalPolicy/data/>
7. Комитет природных ресурсов. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Иркутской области в 2007 г.» [Электронный ресурс] // URL: <http://lib.babr.ru/ext.php>
8. Соболева А.К. Право. Словарь терминов (общеобразовательный тезаурус). – М.: Юристъ, 2005. – С. 159.

Дальжинова Ирина Александровна, соискатель кафедры истории Отечества Бурятского государственного университета. 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а.

Dalzhinova Irina Aleksandrovna, competitor for candidate degree, department of homeland history, Buryat State University. 670000, Ulan-Ude, Smolin str., 24 a.

УДК 394.21

© В.В. Кондратьева

История возрождения традиционной культуры татарских диаспор Бурятии

В данной статье рассматривается традиционная праздничная культура татар Бурятии. Чтобы сохранить традиции, им необходимо адаптироваться к современным условиям. Самым доступным из всех способов является праздник.

Ключевые слова: праздник, культура, традиции, обычаи, татары, Бурятия.

V.V. Kondrateva

The history of traditional culture revival of Tatar diasporas in Buryatia

In this paper the traditional holiday culture of Tatars in Buryatia is considered. In order to keep the tradition update, they need to adapt to modern conditions. A holiday is the most affordable of all the ways to do it.

Keywords: holiday, culture, traditions, customs, Tatars, Buryatia.

В современном мире наблюдается тенденция к стиранию культурных границ, смешению стилей, жанров, мотивов и символов в самых разнообразных формах. Российское общество, как и мировое, перешло от стадии индустриального к постиндустриальному с новой культурной системой координат, которая только начинает формироваться, при этом традиционная культура хоть и утрачивает свой первоначальный смысл, но не исчезает полностью, обогащая историческую память и духовный потенциал нации. Чтобы сохранить традиции, их необходимо адаптировать к современным условиям, для чего правительство, общественные организации, объединения и отдельные энтузиасты постоянно ищут источники и оригинальные формы.

Одним из актуальных приемов является праздник – культурная универсалия, призванная прервать череду будней, создать ощущение единения, радостного соучастия, неформального общения людей в контексте яркого, интересного мероприятия. Культурный код праздника универсален, понятен каждому, позволяет в короткий срок представить ту или иную культуру в форме ее квинтэссенции (символы, атрибуты, стилистика, обрядность и т.д.), сделать интересной для восприятия обывателя.

На протяжении всего периода пребывания татар на территории Бурятии, с момента поселения и до сегодняшнего дня, они прошли с остальными проживающими здесь этническими группами через периоды застоя и взлета этнической идентичности. В годы взлетов, в начале XX в. и в 90-е гг. XX в., возрастал интерес к своим историческим корням, стремлению к единству. Сохранить свою культуру татарам помогает сплоченность, заинтересованность в общей истории и культуре. В настоящее время татары являются одним из многочисленных этносов

республики после бурят, русских, украинцев. Они составляют 1% общей численности населения республики. Наиболее крупными ареалами проживания татар являются Заиграевский, Селенгинский, Хоринский, Джидинский, Мухоршибирский, Кяхтинский, Баунтовский и Баргузинский районы, а также город Улан-Удэ. Основная часть татар проживает в селах Старый Онохой и Харашибирь. Данное обстоятельство определило специфику диаспоры, активная часть которой функционирует в сельской местности. Прибывшие татары принесли с собой особенную культуру, которая со временем видоизменялась: некоторые ее элементы исчезли, некоторые приобретали новые черты [2, с. 219].

Традиционная праздничная культура татар неразрывно связана с мусульманскими праздниками. Надо отметить, что все религиозные праздники у татар отмечаются по скользящему лунному календарю. Наиболее значимый у татар праздник Курбан – байрам. Он начинается 10-го числа месяца зуль-хиджа, через 70 дней после окончания 30-дневного поста в месяце рамадан и длится 3-4 дня. Этот праздник символизирует для мусульман истинность учения Мухаммеда. Ураза-байрам, или Ид аль-фитр, знаменует завершение поста в месяце рамадан. Он называется малым в противоположность Ид аль-кабир (большому празднику), т.е. Курбан-байраму [2, с. 220].

Большой пост (арабское название *саум*) в течение месяца рамадан обязателен для всех взрослых людей, не имеющих отклонений, связанных со здоровьем, и ритуально чистых мусульман. В месяце зуль-хиджа, на который приходится один из главных религиозных праздников татар, пост необходимо соблюдать только первые десять дней (это не касается тех людей, которые совершают хадж).

В Бурятии в последнее десятилетие наблюдается рост числа татар, отмечающих религиозные праздники с соблюдением постов. По данным переписи населения 2010 г., в Бурятии татары составляют 6813 чел.

По результатам социологических исследований, проведенных автором в г. Улан-Удэ, с.

Старый Онохой, с. Онохой Заиграевского района Республики Бурятия и с. Мухоршибирь и с. Харашибирь Мухоршибирского района Республики Бурятия в 2010, 2011, 2012 гг., было выявлено количество татар, соблюдающих пост в религиозные праздники (табл. 1).

Таблица 1

Удельный вес татар Бурятии, соблюдающих пост в религиозные праздники

Населенный пункт	Всего татар	Татар, соблюдающих пост			
		Муж.	Жен.	Всего	%
г. Улан-Удэ	2223	215	129	344	15
Мухоршибирский район РБ	308	23	29	52	16,8
Заиграевский район РБ	1016	103	78	181	17,8
Итого:	3547	341	236	577	16,2

Из приведенных данных мы видим, что количество татар, соблюдающих пост в религиозные праздники, составляет 16,2%, но необходимо отметить, что эта цифра может быть неточной, поскольку опрос проводился выборочно.

По мнению имама мечети г. Улан-Удэ Айратхазрата, количество верующих татар и татар, соблюдающих пост в религиозные праздники, увеличилось с появлением новой мечети. «Мечеть стала объединяющим началом не только мусульман разных национальностей, но и людей разных конфессий, которые приходят ради просвещения, ради общения друг с другом» [4].

Наряду с мусульманскими праздниками Ураза-байрам, Курбан-байрам, в традиционной праздничной культуре заметное место у татар Бурятии занимает Сабантуй – праздник труда, в котором сливаются воедино красивые обычаи народа, его песни, пляски, обряды.

Этот древний праздник еще в 921 г. описал в своих трудах знаменитый исследователь Ибн Фадлан, прибывший в Булгар послом из Багдада [8, с. 46]. Истоки проникновения Сабантуя уходят в глубокую древность и связаны с аграрным культом. Об этом свидетельствует его название: *сабан* означает «яровые», или в другом значении – «плуг», а *туй* – «свадьба», «торжество». То есть смысл слова *сабантуй* – торжество в честь сева яровых. Изначально он проводился в виде обряда, основная цель которого – расположить к себе духов плодородия с тем, чтобы способствовать хорошему урожаю в предстоящем году. С изменением хозяйственного уклада жизни магические обряды теряли смысл, но многие из них трансформировались и продолжали существовать уже как общенародные гуляния и празднества.

«Раньше к сабантую готовились заранее, долго и тщательно – девушки готовили отрезки ткани, шили, наносили национальные узоры на платки, полотенца, рубашки, каждая стремилась, чтобы именно ее работа стала вознаграждением самому сильному джигиту – победителю в Куреше (национальной борьбе) или в конных скачках. Молодые люди ходили по домам и собирали подарки, пели песни, шутили» [5].

В период проведения сабантуя выбирался совет из уважаемых старейшин – им передавалась вся власть в деревне, они назначали жюри для различных конкурсов и награждения победителей, наблюдали за порядком во время соревнований.

Сабантуй начинался с самого утра. Женщины одевали свои самые красивые украшения, в гривы лошадей вплетали ленточки, подвешивали к дуге колокольчики. Все наряжались и собирались на майдане – большом лугу. После общего сабантуя на майдане веселье продолжалось в домах [7, с. 59-65].

Первый известный нам Сабантуй на бурятской земле татары провели в начале XX в. По рассказам исследователей, в 1923 году житель Верхнеудинска по фамилии Альцман выиграл на Сабантуе ценный приз – велосипед. Второе упоминание о Сабантуе датируется уже в 1992 годом, когда жители села Старый Онохой провели у себя этот самобытный праздник [1, с.203].

В Татарстане и в ряде других регионов Поволжья и Южного Урала этот праздник проводится повсеместно не одну сотню лет, а в Бурятии, где проживает около 10 тыс. татар, он проходит лишь в 4-х районах компактного их проживания. В настоящее время Сабантуй как на-

циональный праздник стали организовывать каждый год, с 2005 г. (момента создания автономии). Время проведения – один из воскресных дней июня.

С 2009 г. Сабантуй в Бурятии имеет бренд – «Байкальский Сабантуй», свой логотип и цветовую символику. В 2010 г. в Улан-Удэ впервые прошел Байкальский сабантуй. Его организовала в Этнографическом музее народов Забайкалья региональная национально-культурная автономия татар Бурятии при поддержке Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Президента РБ и Республиканского центра народного творчества.

В Байкальском сабантуе приняли участие представители Бурятии и Иркутской области. Приехала делегация из Казани, что придало празднику особенное значение. На торжественном открытии Байкальского сабантуя было озвучено приветствие Президента Татарстана. Программа праздника была насыщенной. В ходе его состоялся большой праздничный концерт, в котором приняли участие хореографические и эстрадные коллективы Бурятии, Иркутска и Казани. В частности, большой интерес вызвало выступление популярной эстрадной группы из Татарстана «Казан егетляры». Проводились различные конкурсы и спортивные состязания. Это перетягивание каната, *буляк* (залезть на столб за призом), бег в мешке, с ведрами на коромыслах и многое другое. Желающие могли отведать национальные татарские блюда – чак-чак, эчпочмак, белеш, бишбармак, коймак и многое другое.

Каждый из участников Байкальского сабантуя, в числе которых были люди самых различных национальностей, могли проверить себя в силе и ловкости. Самой же зрелищной была татарская национальная борьба «Курэш». Абсолютному победителю состязания был вручен традиционный приз – живой баран [3, с. 15].

Сабантуи, проведенные в 2011 и 2012 гг., привлекли не только татар из всех районов Республики Бурятия, но и людей разных национальностей. Данный праздник был широко освещен в средствах массовой информации. Традиционный праздник играет значительную социальную роль в жизни народа. Прежде всего он способствует консолидации людей, живущих в одном селе, деревне и т.д. Общая праздничная гульба сближает людей. Праздник, на который сходится вся родня, как близкая, так и дальняя, способствует укреплению родственных связей, взаимопомощи. Веселые танцы, песни, кулачные

бои, борьба позволяют людям продемонстрировать свои творческие возможности, таланты и способности, утвердить свой статус в обществе, передать свое умение молодым.

Еще одним традиционным праздником татар Бурятии является «Каз өмәсе» – Гусиное перо. «С появлением первого снега, когда замерзала вода, татары начинали готовить запасы к зиме. Каждая семья готовила на зиму не менее двух-трех десятков гусей. С таким объемом работы одной хозяйке справиться было не по силам, для помощи приглашались ближайшие родственники и соседи. Заготовка гусяного мяса сопровождалась народными песнями, прибаутками, веселым смехом. Праздник начинался рано утром. На улице накрывали столы, звучала музыка, девушки с юношами надевали национальные костюмы. На протяжении всего дня устраивались конкурсы на ощипывание и паление гусей, а с наступлением вечера вся деревня направлялась к реке, где в ледяной воде купали гусяные тушки. Этот обряд сопровождался ритуальной песней. Завершением праздника являлось угощение гусяным мясом. Праздничного гуся делили на сорок частей, это была обязанность молодой хозяйки. самого дорогого гостя угощали ножкой, бабушке доставалась – гузка, мальчику – шея, девочке – крылышко, а терпеливому – грудка. Во время этого праздника парни знакомились с девушками, поэтому часто эти знакомства заканчивались свадьбой»[6].

Местные татары попытались в полной мере и достоверности провести этот праздник. 19 ноября 2011 г. в пос. Старый Онохой Заиграевского района впервые прошел традиционный татарский праздник «Каз өмәсе» – Гусиное перо. Большую помощь в организации и проведении праздника оказали татары из г. Черемхово и Иркутская региональная общественная организация – татаро-башкирский молодежный центр «Байкал-Дулканы». Татары Бурятии получили новый опыт и знания в проведении данного праздника.

В празднике принимали участие практически все жители села, дети участвовали в различных конкурсах, а женщины и бабушки соревновались в ощипывании гусей. С 2011 г. праздник Гусиное перо закреплен за с. Старый Онохой Заиграевского района. В 2012 г. этот обряд был проведен самостоятельно, силами татар с. Старый Онохой, фольклорной группой «Ак кошлар» и молодежным татарским центром «Тамырлар» г. Улан-Удэ. Праздник привлек большое число участников, посмотреть на старинный татарский обряд съехались татары с. Онохой Заи-

граевского района и с. Мухоршибирь Мухоршибирского района Республики Бурятия. Несмотря на то, что праздник проводится во второй раз, он уже нашел свое отражение в прессе, как местного, так и республиканского значения.

Следует отметить еще одну важную сторону традиционных праздников, связанную с заботой о продолжении рода. Праздники, на которые стекалось много молодых людей, нередко из отдаленных деревень, предоставляли юношам и девушкам более широкие, чем в другие дни, возможности выбора партнера, а радость и веселье снимали естественную напряженность меж-

ду молодыми людьми.

Таким образом, исследование праздничной культуры является актуальным, поскольку праздники являются важным компонентом традиционной культуры любого народа. Праздничная культура татар неразрывно связана с религией и основой их хозяйствования. Сегодня многие праздники возрождаются, трансформируются, приобретают новые черты. Праздники выполняют воспитательную функцию и обеспечивают воспроизводство культурных ценностей из поколения в поколение.

Литература

1. Баталова С.Р., Ахмадулина С.З., Кондратьева В.В. Региональная национально-культурная автономия татар Бурятии: история, становление, перспективы развития. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 304 с.
2. Кондратьева В.В. Традиционная культура татар Бурятии на современном этапе // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 1(1).
3. Орлов Г. Байкальский сабантуй собрал друзей // Байкал Гео. 2010. № 3 (42) июль.
4. Полевые материалы автора (ПМА) – Гизатуллин Айрат Шарифуллович, 1988 г., уроженец д. Новый Бурнак Удмуртской республики.
5. Полевые материалы автора (ПМА) – Зайнутдинова Рапида Исмаиловна, 1965 г., уроженка с. Старый Онохой Заиграевского района Республики Бурятия.
6. Полевые материалы автора (ПМА) – Саттарова Накия Рахимовна, 1930 г., уроженка д. Шика Кзыл-Юльского района Татарской АССР.
7. Сагитова Л.В. Этническая культура в контексте глобализации: проблемы выживания // Татарская нация: концептуальные исследования. Казань, 2004.
8. Салахетдинова М.А. Путешествие Ибн Фадлана и один мусульманский обряд у волжских болгар // Страны и народы Востока. Вып. XXVIII. География. Этнография. История. Культура. СПб., 1994. С.46.

Кондратьева Виолетта Владимировна, аспирант, преподаватель кафедры истории ВСГАКИ. E-mail: kondrateva-viole@mail.ru 89243531159.

Kondrateva Violetta Vladimirovna, postgraduate student, department of history, East Siberian State Academy of Culture and Arts. E-mail: kondrateva-viole@mail.ru 89243531159.

Васильева С.В., Бураева С.В. «Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия»: рецензия на научную монографию

Рост конфессионального самосознания в современной России все больше требует глубокого изучения истории разных этноконфессиональных сообществ, составивших основу отечественного общества. Поэтому не случайно лучшие представители современной науки не обходят стороной религиозный аспект исторического процесса. При этом большую роль в исследовании разных конфессиональных организаций играет обращение к региональному измерению истории. На фоне общего многообразия регионов России полиэтничностью и поликонфессиональностью отличается Байкальская Сибирь. И свой колорит в это многоцветие традиций вносит наличие мощного старообрядческого анклава. Поэтому монография известных забайкальских историков С.В. Васильевой и С.В. Бураевой видится как своевременный научный шаг в деле дальнейшего постижения истории старообрядчества Байкальского региона.

В качестве объекта своего исследования авторы выбрали Иркутско-Амурскую епархию Белокриницкого согласия. Это согласие, будучи одним из самых непредставительных количественно, тем не менее в исследуемый период проявило многие специфические черты местного староверия. Факт появления этого согласия в крае в конце XIX в., его относительно быстрое развитие в начале века XX, противоречия и достижения в организации епархиальной структуры, характер отношений с властями (имперскими и советскими) и другими группами населения (старообрядческими и нестарообрядческими) – это и многое другое проливает свет на важные аспекты истории старообрядчества края. Местные белокриницкие имели устойчивые связи с духовными и экономическими центрами своего согласия в Москве, других городах России и за ее пределами. Они принимали участие в соборах и съездах своего согласия, которые проходили как в дореволюционное, так и в постреволюционное время. Именно они в 1917 г. организовали «Союз забайкальских старообрядцев» и выдвинули своих кандидатов для участия в выборах в Учредительное собрание. Все это говорит о том, что объективный процесс развития местного старообрядчества привел к необходимости смягчения доктрины семейской беглопоповщины, более либеральные представите-

ли которой стали переходить в белокриницкое согласие.

В монографии представлен интересный обзор научной литературы, который представлен в рамках устоявшейся периодизации и определяет труды, внесшие существенный вклад в исследование истории старообрядчества региона. Отдается дань почтения заслуженным корифеям темы, к коим можно отнести Л.А. Ровинского, В.П. Гирченко, А.П. Селищева, А.М. Попову, Л.Э. Элиасова, Ф.Ф. Болонева и др. При этом хотелось бы отметить, что современных иркутских исследователей, приведенных в обзоре можно определить не только «как школу профессора А.В. Дулова», а как учеников и представителей всей иркутской школы историков (а применительно к А.С. Маджарову – еще и ленинградской).

Любопытно, что белокриницкое согласие, столь бурно развивающееся в то время в центральной России, на фоне старообрядческих сообществ Байкальской Сибири в информационном плане стало «подавляющим меньшинством». Деятели белокриницкой епархии и отдельных общин вели большую переписку и развитое делопроизводство. Многие из этих материалов сохранились и отложились в ряде фондов региональных архивов (больше всего в 478 фонде ГАРБ). Подобная ситуация привела к тому, что именно история белокриницкой иерархии в крае в большей мере обеспечена доступными письменными источниками. Дабы избежать подобной односторонности, авторы монографии развернули историю белокриницкой епархии на фоне истории всего старообрядчества края. Ими использован богатейший массив источников по истории разных согласий, имевших здесь распространение. Это позволило провести исследовательские параллели и выявить специфические черты в развитии белокриницкой епархии.

В монографии обстоятельно излагается история создания и функционирования белокриницких общин в имперский период, освещаются проблемы, с которыми столкнулись иерархи и прихожане в период становления и развития советской власти, результаты столетнего развития Иркутско-Амурской епархии. При этом хотелось бы отметить, что текст создан на основе

всестороннего анализа интересных архивных материалов. К сожалению, подобную «архивную насыщенность» не так часто встретишь в современных научных трудах. Также большим плюсом выступает трансрегиональный подход, в рамках которого сначала выясняются пути движения старообрядческих мигрантских сообществ, а потом прослеживается развитие институционных связей Прибайкалья (несемейская община Иркутска), Забайкалья (семейские общины Тарбагатая, Куйтуна, Верхнеудинска и т.д.) и Дальнего Востока (смешанные общины семейских и несемейских старообрядцев) в рамках старообрядческой епархии. И что особенно важно, история епархиальной институции представлена не как безликая структура. Она наполнена конкретным человеческим содержанием и имеет свое узнаваемое лицо. Это образы епископов, священников и прихожан, которые умело реконструированы авторами. И, конечно же, это образ известного далеко за пределами родного Верхнеудинского уезда епископа Афанасия как человека, в судьбе которого эпоха ярко отражена.

Особое место в монографии отводится книж-

ному наследию старообрядцев. При этом на фоне общей картины книжных собраний семейских выявляются литературные собрания белокриницких иерархов и прихожан, приводятся их всесторонняя характеристика и анализ. Это позволило развернуть перед современником круг чтения, картину культурных стремлений, глубокую духовность и культурную миссию старообрядцев, которую они выполняют в отечественной и мировой истории.

Монография имеет информативные приложения (переписка старообрядческих деятелей, делопроизводство старообрядческих общин, описание старообрядческих библиотек), которые делают ее не только важным историографическим, но и заметным источниковым явлением в исследовании старообрядчества Байкальской Сибири.

От лица исследователей истории староверия выражаю благодарность авторам за прекрасное научное произведение, которое, как нам видится, займет достойное место в ряду лучших монографий, посвященных такой сложной и вместе с тем такой нужной теме.

А.В. Костров
д-р ист. наук, доц. кафедры современной
отечественной истории ИГУ

Талантливый исследователь и любимый педагог *К юбилею профессора Марины Намжиловны Балдано*

Коллектив исторического факультета и все историческое сообщество горячо и сердечно поздравляют ведущего специалиста в области отечественной и всеобщей истории за большой теоретический вклад в изучение роли индустриализации и урбанизации в становлении современного бурятского общества, в исследование модернизационных и трансформационных процессов в Центральноазиатском регионе. Автора и соавтора более 200 научных работ, в том числе 9 монографий, опубликованных в России, США, Монголии, Великобритании, Китае, Турции, Индии.

Марина Намжиловна родилась в семье выдающегося бурятского писателя и драматурга Намжила Гармаевича Балдано, одного из основоположников профессиональной литературы и театрального искусства Бурятии.

Окончила среднюю специальную школу № 3 и историко-филологический факультет БГПИ им. Д. Банзарова. После завершения учебы поступила в аспирантуру Бурятского института общественных наук СО АН СССР, после окончания которой приступила к работе в отделе истории, этнографии и археологии, где и трудится уже в течение 40 лет.

Марина Намжиловна – доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии социальных наук, заведующая отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Лауреат Государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники (2012), заслуженный деятель науки Республики Бурятия.

Член докторских диссертационных советов при ИМБТ СО РАН и БГУ, член ученого совета Академии наук Монголии, заместитель главного редактора журнала «Вестник Бурятского государственного университета» (серия «История»), член редколлегии журналов «Вестник Бурятского научного центра» и «Гуманитарные исследования Внутренней Азии», приглашенный зам. главного редактора журнала «Himalayan and Central Asian Studies» (Индия).

М.Н. Балдано ведет большую научно-организационную работу: в настоящее время является экспертом в научной и образовательной сфере ФГБНУ НИИ «Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы», Росохранкультуры РФ, от-

ветственным секретарем БРО Российской академии социальных наук. Под ее руководством защищено 2 докторские и 9 кандидатских диссертаций, в том числе в Монголии. Широкая сфера научных интересов ученого – модернизационные и трансформационные процессы, этническая и национальная политика, миграции и диаспоры в Центральноазиатском регионе – позволяет делать важные теоретические выводы. За последние 5 лет ею сформулированы и реализованы новые теоретические подходы изучения монгольского историко-культурного пространства, трансграничных миграций и диаспор. Можно без преувеличения сказать, что именно такой подход, реализованный на конкретном материале и высочайшем профессиональном исследовательском уровне, стал одним из высших достижений школы мигрантологов на новом этапе ее развития. Все это позволило М.Н. Балдано стать руководителем и автором концептуализации ряда крупных международных проектов, связанных с проблемами трансграничья и диаспор в монгольском мире: по программе президиума РАН «Байкальская Азия: мигранты и принимающее общество» (2009-2011), РГНФ «Миграционный вызов Китая восточным регионам России» (2012-2013), координатором интеграционного проекта СО РАН «Граница, трансграничье, мигранты в Центральной Азии: стратегии и практики взаимной адаптации» (2009-2011), «Социальные трансформации в Байкальской Азии (XIX – XXI вв.)», «Цивилизационная динамика и модернизационные процессы в Байкальской Азии (вторая половина XVII – начало XXI в.)» и др.

М.Н. Балдано – участник и организатор ряда важных всероссийских и международных научных конференций, симпозиумов и исследовательских семинаров в России, Турции, Индии, Великобритании, Монголии и Китае, результаты которых получили высокую оценку научного сообщества, только за 2009-2012 гг. ею опубликовано 83 научные работы, в том числе 5 монографий в России, Великобритании, Индии.

Марина Намжиловна является профессором Бурятского госуниверситета, читает лекции в университете им. Дж. Неру и Мумбайском университете (Индия).

Излишне говорить, что такая широкая и раз-

нообразная проблематика требует от лектора огромной эрудиции и разносторонней подготовки. Лекции профессора Балдано всегда отличаются ясностью, четкостью постановки актуальных проблем научного знания, увлекательная форма изложения. Обладая уникальным опытом полевой исследовательской работы и в совершенстве владея эмпирическим материалом, она всегда умеет выделить, подчеркнуть невидимые для наблюдателя особенности, столь важные для истории нюансы в этнокультурном многообразии, подметить тончайшие штрихи характеристик объекта изучения. Все эти качества Марины Намжиловны неизменно привлекают студентов, им интересны лекционные и семинарские занятия профессора.

Можно смело сказать, что профессиональная наблюдательность, жизненный опыт и особый талант человеческого общения помогают профессору Балдано легко находить общий язык не только с коллегами, но и с многочисленными учениками и аспирантами, что немало помогает последним приобрести и упрочить профессиональные навыки и умения и ярче раскрыть и реализовать свои способности. Как педагога Марину Намжиловну всегда отличали и отличают необыкновенная добросовестность и ответственность, что бы ни случилось, занятия профессора Балдано проходят неизменно в назначенный срок, несмотря на обстоятельства, проблемы, самочувствие лектора и т.д. Присущая ей требовательность к студентам основана на требовательности, прежде всего, к самой се-

бе, и студенты, хорошо знающие эти качества преподавателя, понимают, что их работа будет оценена объективно.

Любовью и искренним уважением преданных ей учеников профессор Балдано пользуется не просто за прекрасные профессиональные качества, но и за преданность делу и абсолютную отдачу любимому ремеслу. Ко всему этому добавляются редкие человеческие качества Марины Намжиловны: исключительная порядочность, доходящая порой до шепетильности, доброта и необыкновенное терпение, сочетающиеся с высокой требовательностью к своим ученикам и коллегам. Кажется, нет такой заботы, с которой студент ли, аспирант, коллега по кафедре или академическому институту, просто знакомый не мог бы к ней прийти. Но столь же естественными выглядят в ней нетерпимость к нечестности, научной недобросовестности.

Что же касается учеников, то с теми, кто действительно стремится к овладению секретами профессионального мастерства, профессор Балдано готова работать до бесконечности, не жалея времени и сил. И остается лишь догадываться, чего стоило порой Марине Намжиловне не просто ликвидировать пробелы в образовании, но и подготовить высококлассного специалиста. Вот почему в многочисленных научных и учебных центрах нашей страны и далеко за ее пределами, в странах ближнего и дальнего зарубежья одно упоминание имени профессора Балдано вызывает самые теплые чувства и служит лучшим «удостоверением личности».

*Коллектив редколлегии
Вестника Бурятского госуниверситета,
серия «История»*

К юбилею доктора исторических наук Геннадия Доржиевича Басаева

5 октября 2013 г. исполнится 85 лет доктору исторических наук, профессору, бывшему ректору ордена «Знак Почета» Педагогического института Геннадию Доржиевичу Басаеву.

Он родился в 1928 г. в улусе Алзобей Голуметского района Иркутской области. В 1945 г. после окончания Аларской средней школы Геннадий Доржиевич поступил на историко-филологический факультет Иркутского государственного университета им. А.А. Жданова.

После окончания историко-филологического факультета Иркутского университета в 1950 г. Геннадий Доржиевич был направлен на работу в г. Улан-Удэ, и с тех пор вся его трудовая дея-

тельность связана со столицей Республики Бурятия. В Улан-Удэ Геннадий Доржиевич начал работать в Республиканском лекционном бюро Управления по делам культпросветучреждений при Совете Министров Бурятской АССР вначале лектором, затем – лектором-методистом. На этой работе Геннадий Доржиевич показал себя талантливым лектором, умелым пропагандистом, проявил большие организаторские способности в деле обучения молодежи лекторскому мастерству.

Замечательные качества его вскоре были замечены руководством города. В феврале 1952 г. Геннадий Доржиевич был избран вторым секре-

тарем, а в январе 1954 года – первым секретарем Улан-Удэнского городского комитета ВЛКСМ. В декабре 1955 г. Басаев Геннадий Доржиевич был направлен на учебу в аспирантуре МГУ им. М.В. Ломоносова. В июне 1959 г. он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Вернувшись из Москвы, Геннадий Доржиевич преподавал в Бурятском сельскохозяйственном институте на кафедре марксизма-ленинизма. С сентября 1961 г. начал работать в Бурятском государственном педагогическом институте им. Д. Банзарова, куда был принят старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма. В 1964 г. он стал заведующим кафедрой истории КПСС и политэкономии. В этой должности плодотворно работал в течение 12 лет, показав себя широко эрудированным, высококвалифицированным преподавателем, талантливым ученым-педагогом, способным руководителем, умелым воспитателем студенческой молодежи, прекрасным лектором. В августе 1976 г. по решению Бурятского ОК КПСС Геннадий Доржиевич как опытный, энергичный, инициативный работник, прошедший большую школу комсомола, был избран вторым секретарем Улан-Удэнского горкома партии. В этой должности он проработал до 1986 г. В горкоме КПСС Геннадий Доржиевич курировал систему образования, культуру, весь спектр идеологической, воспитательной работы в городе. Он был организатором и руководителем постоянно действующего семинара освобожденных партийных работников по проблемам партийного строительства, возглавлял семинар преподавателей общественных наук вузов города. Долгие годы являлся первым заместителем председателя правления республиканской организации общества «Знание», а в 1986-1990 гг. – председателем. Одним из первых в республике был удостоен знака «За активную работу» президиума Всесоюзного общества «Знание».

В 1986 г. Басаев Геннадий Доржиевич был назначен ректором Бурятского государственного ордена «Знак Почета» педагогического института им. Д. Банзарова. За время работы ректором института Басаев Геннадий Доржиевич показал себя как принципиальный, компетентный и деловой руководитель, обеспечивший дальнейшее развитие института. Он уделял внимание перестройке учебно-воспитательного процесса, совершенствованию лекционных, практических и лабораторных занятий, внедрению демократических методов управления во все сферы жизни института. Впервые стали проводиться выборы

деканов факультетов, а также анкетирование «Преподаватель глазами студента».

Значительно ускорились подготовка и повышение квалификации научно-педагогических кадров, укрепилась материально-техническая база института. Благодаря усилиям Геннадия Доржиевича была построена столовая на 500 мест, проводилась большая работа по оснащению кабинетов и аудиторий современным учебным оборудованием, благоустройству общежитий, оздоровительно-спортивного лагеря на оз. Щучье. В институте были созданы факультет повышения квалификации руководителей школ и органов народного образования, отделения начальных классов, военной подготовки, географического и дошкольного воспитания, новые кафедры на биолого-химическом, индустриально-педагогическом факультете и факультет начальных классов, значительно ускорились подготовка и переподготовка научно-педагогических кадров института – докторов и кандидатов наук.

В 1993 г. приказом министра образования Российской Федерации от 30 июня Геннадий Доржиевич Басаев по его собственной просьбе был освобожден от должности ректора пединститута.

В течение всей своей жизни Геннадий Доржиевич успешно сочетал учебно-воспитательную и организаторскую деятельность с научно-исследовательской работой. Решением Государственного комитета СССР по народному образованию от 22 февраля 1990 г. ему было присвоено звание профессора. В 1998 г. Геннадий Доржиевич Басаев защитил докторскую диссертацию «Политическая история Республики Бурятия в 1920-1930-е гг. и роль в ней М.Н. Ербанова». Им написано и опубликовано свыше 80 научных трудов по проблемам политической истории Сибири, в том числе пять монографий. В 2010 г. его книга «Ученые из Аларского и Нукутского районов Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» получила высокую оценку в рецензии профессора Роберта Монтоммери в журнале «Mongolian Studies» (США).

Геннадий Доржиевич Басаев принимал активное участие в общественно-политической жизни института, г. Улан-Удэ, республики. Он неоднократно избирался депутатом Улан-Удэнского городского совета, членом Бурятского обкома и Улан-Удэнского горкома КПСС, Советского райкома КПСС г. Улан-Удэ, с 1981 по 1990 г. дважды избирался депутатом Верховного Совета Бурятской АССР. Будучи в 1993-1998 гг. первым президентом землячества

«Аларь», Геннадий Доржиевич всячески способствовал укреплению деловых и дружеских связей землячества с малой родиной – Аларью.

Все, что делал и делает в своей жизни Геннадий Доржиевич, пронизано высокой ответственностью, патриотизмом и любовью к людям. Он всегда делится своим опытом и знаниями с молодыми коллегами и студентами. Его человеческая порядочность, ответственность, принципиальность, а также доброжелательность и великолепное чувство юмора снискали авторитет и уважение среди коллег и учеников.

Заслуги Басаева Геннадия Доржиевича оценены по достоинству, он имеет ряд высоких правительственных наград: орден «Знак Почета» (1981), медаль «За доблестный труд, в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), медаль «За строительство Байкало-Амурской магистрали» (1985), медаль «За доб-

лестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», почетный знак г. Улан-Удэ «За заслуги перед городом», многократно награждался почетными грамотами Президиума Верховного Совета Бурятской АССР, Республики Бурятия, Народного Хурала Республики Бурятия, исполкома Улан-Удэнского городского совета депутатов трудящихся, администрации г.Улан-Удэ. Ему присвоены почетные звания: «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», «Заслуженный работник культуры Республики Бурятия», «Отличник народного просвещения РСФСР», «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Ректорат и весь коллектив нашего университета сердечно поздравляют Геннадия Доржиевича с 85-летним юбилеем и желают ему крепкого здоровья, долголетия, творческих успехов, талантливых учеников!

М.М. Боронова
д-р ист. наук, проф.

Жизненное кредо – непрерывный труд К юбилею Юлии Ивановны Кудряш

По гороскопу Юлия Ивановна Кудряш (Колодина) – стрелец. Как утверждают астрологи, люди, родившиеся под этим знаком, необыкновенно ясного ума, отличаются возвышенностью целей. Стрелец энергичен, легок на подъем, понимает жизнь как конкретную задачу. Отметим, что астролог во многом оказался прав.

Юлия Ивановна Кудряш (Колодина) родилась 1 декабря 1933 г. в с. Цаган-Усун Джидинского района БАССР (БМАССР) в семье служащих. Ее отец Иван Егорович Колодин был партийным работником, мать – Прасковья Кузьминична Кожевникова – работала на разных должностях сначала в коммуне, затем в колхозе. В семье было 4 дочери: старшая Зинаида была участницей Великой Отечественной войны, после работала секретарем-машинисткой, а Мария, Лилия и Юлия стали учителями.

Свою трудовую деятельность Юлия Ивановна начала с 14 лет в 1948 г. секретарем-машинисткой, затем пионервожатой Окино-Ключевской 7-летней школы Бичурского района. С 1952 по 1955 г. – студентка Кяхтинского педучилища, по окончании которого была избрана 1-м секретарем Кяхтинского РК ВЛКСМ, а также членом бюро Кяхтинского РК КПСС, депутатом Кяхтинского горсовета.

В 1962 г. Юлия Ивановна поступила на очное

отделение историко-филологического факультета Бурятского пединститута им. Д. Банзарова. Трудолюбие, ответственность, опыт публичной работы выгодно отличали студентку Юлию Колодину от других. Она активно включилась в общественную жизнь факультета, института. Ее выступления на семинарах, научных конференциях, собраниях свидетельствовали о продуманности каждого высказываемого тезиса. Банзаровская стипендиантка, активистка, Юлия Колодина была достойным примером подражания не только для сокурсников.

После окончания с отличием института Юлия Ивановна работала заведующей кабинетом марксизма-ленинизма в сельхозинституте, ассистентом кафедры истории КПСС Бурятского пединститута, после чего с 1966 по 1969 г. училась в аспирантуре Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, где ею успешно была защищена кандидатская диссертация «Комсомол Бурятии – помощник областной партийной организации в коммунистическом воспитании молодежи в начальный период развертывания строительства коммунизма».

Сегодня можно сказать, что научный путь Юлии Ивановны выглядит вполне логичным и цельным. После окончания аспирантуры Ю.И. Кудряш до ухода на пенсию работала на кафед-

ре истории КПСС (позднее – России). Ею опубликованы десятки статей, учебных и методических пособий.

В переломные годы в трудах Юлии Ивановны и коллег (Б.П. Крянева, Е.В. Жестковой и др.) приводятся новые модели и формы лекционной пропаганды, учебно-воспитательный процесс, формирование духовного облика, активизация познавательной деятельности студентов.

Ю.И. Кудряш зарекомендовала себя как высококвалифицированный специалист: на лекциях и семинарских занятиях учила вырабатывать критическое мышление, противостоять догматическим схемам, которые государство стремилось навязать обществу.

Уйдя на заслуженный отдых, Юлия Ивановна Кудряш много лет плодотворно сотрудничала с Малой академией наук. И здесь она проявила себя как ученый. В частности, под ее руководством с большим успехом были реализованы планы курсов «Вторая мировая Великая Отечественная война в исследованиях отечественных и зарубежных историков», «Тайные страницы советской военной разведки», «Судьбы военнопленных и депортированных граждан СССР» и др. Слушатели МАН были постоянными участниками различных конференций, диспутов, круглых столов, политбоев и т.д. Ее студенты были неоднократно дипломантами российских конференций и конкурсов, а среди учащих

МАН немало тех, кто занимал призовые места.

Она всегда была в гуще событий, принимала активное участие в общественной жизни института – университета, города, республики: избиралась членом Ученого совета и секретарем партбюро ФИЯ, была членом Совета молодых ученых при Бурятском обкоме комсомола, участвовала в работе общества «Знание», в течение длительного времени была научным консультантом «Школы молодого лектора», членом республиканского Совета пропаганды при Бурятском ОК ВЛКСМ и т.д. При этом она исключительно добросовестно относится ко всему, что связано с возлагаемыми на нее обязанностями, безупречно дисциплинирована.

За многогранную деятельность Ю.И. Кудряш получила множество званий и наград: грамоты ЦК ВЛКСМ, Министерства просвещения России и Бурятии, знак «Отличник народного просвещения», звание «Заслуженный работник культуры БАССР», медаль «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны».

Вся жизнь Ю.И. Кудряш – это непрерывный труд. Она не утратила жизнерадостности и оптимизма, уважения к обществу, внимания к человеку, своим коллегам и ученикам.

В преддверии 80-летия Юлии Ивановны желаем крепкого здоровья, долголетия, оптимизма и радости.

С.В. Евдокимова
канд. ист. наук, доц.

Жизнь на высокий лад К юбилею Гунсеми Сандаковны Митыповой

Всегда энергичная, креативная и жизнерадостная, Гунсема Сандаковна Митыпова в этом году отметила свой юбилей. Она родилась в 1953 г. в с. Хара-Шибирь Заиграевского района, окончила Тэгдинскую среднюю школу, поступила на историко-филологический факультет БГПИ (1972-1976), что определило ее дальнейшую судьбу, стала высокопрофессиональным музейным работником, а затем ученым и педагогом.

С 1978 по 2009 г. ее жизнь была связана с музеями республики: научный сотрудник Этнографического музея народов Забайкалья, научный сотрудник, зав. отделом, заместитель директора по научной работе Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова. В составе комплексных экспедиций по республике ею собраны значительные коллекции по материальной культуре старообрядцев, селенгинских и хоринских бу-

рят, которые экспонируются в настоящее время в Этнографическом музее народов Забайкалья, в музеях Республики Бурятия. Она провела научно-исследовательские изыскания по линии Министерства культуры Республики Бурятия, участвовала в федеральной программе «Наследие» по восстановлению памятников церковного зодчества, гражданской истории и культуры. По результатам ее научных исследований проведены реставрационные работы памятников федерального значения: Посольского Спасо-Преображенского мужского монастыря, Одигитриевского кафедрального собора, Свято-Троицкого храма, Читканской Христорождественской церкви, церкви в с. Турунтаево Прибайкальского района и др. Эта работа привела к научным исследованиям и в 1998 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Православные

храмы Западного Забайкалья».

Много сделала Екатерина Сандаковна в исследовании истории строительства и развития Ацагатского (Шулутского) дацана.

Г.С. Митыпова – победитель президентского гранта «Мир книги» в номинации «Созвездие столетий», гранта мэра г. Улан-Удэ по теме «Музеефикация дома А. Голдобина – памятника истории и культуры XIX-XX вв.», международных грантов по теме «Целевое описание коллекций Музея истории Бурятии по христианству», по повышению квалификации в области музейного дела в музеях и картинных галереях североамериканских штатов по программе «Айрекс».

В музейном деле Г.С. Митыпова стала ведущим специалистом: занималась формированием исторических экспозиций в Музее истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, в музеях республики; под ее руководством создан ряд ведомственных музеев республики – «Солдат правопорядка» Министерства внутренних дел Республики Бурятия, музея УФСБ по Республике Бурятия, Дом-музей Исаея Калашникова, Агвана Доржиева и др. Под руководством Гунсема Сандаковны были открыты экспозиции и стационарные выставки в музеях истории Бурятии, МВД РБ, УФСБ по РБ, прокуратуры Республики Бурятия.

Гунсема Сандаковна – активный участник и организатор различных музейных акций, фестивалей. Г.С. Митыпова – член Республиканского научно-методического совета по музейному делу Министерства культуры РБ, активно пропагандирует деятельность муниципальных музеев в концепции развития туристско-рекреационной зоны Республики Бурятия. Созданные ею творческие работы востребованы обществом. Оригинальность идей, содержание и методические приемы реализации способствуют трансляции историко-культурного наследия народов Бурятии, развитию музейной сети Республики Бурятия.

За творческую и общественную работу Г.С. Митыпова за период работы в системе учреждений культуры Республики Бурятия награждена Почетной грамотой Народного Хурала РБ», удостоена почетного звания «Заслуженный работник культуры РБ», награждена почетным знаком МВД РФ «За содействие МВД» и другими дипломами и грамотами.

С 2005 г. началась преподавательская дея-

тельность Г.С. Митыповой, она совмещает на должности и.о. доцента кафедры истории и культуры Бурятии БГУ. Гунсема Сандаковна продолжила научные изыскания, защитила в 2006 г. докторскую диссертацию «История становления и развития традиции православия в Бурятии (XVII-XXI вв.)».

С 2010 г. Гунсема Сандаковна работает в Бурятском госуниверситете в должности профессора кафедры истории и культуры Бурятии исторического факультета. Накопленный опыт позволил ей стать талантливым педагогом. Ею разработаны программы по истории религии, культуры и музееведению. Она является ведущим специалистом в этих областях. Г.С. Митыпова много времени уделяет студентам и магистрантам, под ее руководством готовятся научные доклады, защищаются дипломные работы. Область ее научных интересов – «Православие в странах АТР», «Деятельность РПЦ в условиях «новой» России» и др. Приобщение студентов к историческим знаниям происходит и через экскурсии, которые Гунсема Сандаковна блестяще проводит. Поездки студентов в Кяхту и Посольск стали благодаря ей регулярными. Гунсема Сандаковна постепенно формирует научную школу по православоведению, по этой тематике защищаются ее аспиранты.

В Республике Бурятия Г.С. Митыпова является ведущим специалистом в области истории Русской православной церкви, опубликовала десятки научных статей и 4 монографии, где исследуются религиозный вопрос Бурятии и музейное дело. Она организатор конференций, круглых столов, в частности ежегодных конференций, посвященных православию в РБ, участник многих научных конференций различного уровня.

Грант БГУ, выигранный в 2010 г. на тему «Институциональные формы трансляции традиции православия в странах АТР», позволил Гунсеме Сандаковне выйти на международный уровень. По результатам грантового проекта и в ходе дальнейшей работы получены новые научные результаты.

Творческий подход ко всему, трудолюбие, доброжелательность, бескорыстие, неуемная энергия отличают ее. Мы желаем оставаться такой многие годы, не теряя исследовательский дух и стремление к познанию нового.

Т.Е. Санжиева
д-р ист. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Митупов К.Б.-М. От редактора</i>	3
400-ЛЕТИЕ МОНАРШЕГО ДОМА РОМАНОВЫХ	
<i>Паликова Т.В. Путешествие на Восток цесаревича Николая</i>	4
<i>Кальмина Л.В. Цесаревич Николай в Верхнеудинске: «цена вопроса»</i>	8
<i>Васильева С.В. Реализация государственной политики по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе в первой половине XIX в.</i>	11
<i>Дамешек Л.М., Кушнарeva М.Д. История формирования старообрядческого купечества в Северо-Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.</i>	16
<i>Мишакова О.Э. Строительство Кругобайкальской дороги в конце XVIII – первой половине XIX в. (по материалам Журнала главного управления путей сообщения и публичных зданий)</i>	22
<i>Ханхараев В.С. Демографическая история Прибайкалья в XVII-XIX вв. в контексте колониальной политики России (к 400-летию династии Романовых)</i>	26
<i>Еланцева О.П. Восточный институт в Верхнеудинске: страницы краткого пребывания</i>	29
<i>Санданов Ю.Б. Развитие товарно-денежных отношений в Забайкальской области во второй половине XIX – начале XX в.</i>	36
90-ЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ	
<i>Тармаханов Е.Е., Санжиев Г.Л., Митупов К.Б.-М., Палхаева Е.Н. К 90-летию образования республики</i>	41
<i>Протасов Е.Т. Проблемы становления и развития государственного аппарата власти Бурятии: историография вопроса</i>	46
<i>Бабаков В.В. Политика Бурнацкома в Забайкалье в 1918 г.</i>	52
<i>Балдано С.В. Бурятская национальная интеллигенция: формирование и становление (XIX – первая треть XX в.)</i>	57
<i>Шагдурова И.Н. Формирование и деятельность земских органов самоуправления бурят (1917-1920 гг.)</i>	60
<i>Балакирев А.Н. Основные этапы детского движения в Бурятии (к 90-летию создания республиканской пионерской организации)</i>	64
<i>Балдано М.Н., Буряева О.В. Республике Бурятия – 90 лет</i>	69
ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
<i>Митыпова Г.С. Православное духовенство Бурятии в условиях постсоветской России</i>	72
<i>Дроботушенко Е.В. Православие в Маньчжурии во второй половине 40-х гг. XX в.</i>	76
<i>Ахмадулина С.З. Миграция религий: новые религиозные объединения в постсоветской Бурятии</i>	81
<i>Пономаренко С.В., Боронова М.М. Становление и развитие телевидения в Бурятии</i>	85
<i>Гельман В.А. Современное состояние и перспективы развития бизнеса Бурятии</i>	89
<i>Доржиева В.В. Культурно-просветительская работа среди женщин коренных народов Северо-Востока России (1920-1941 гг.)</i>	92
<i>Будаева Т.В. Осуществление земельной реформы в конце 1920 – начале 1930-х гг. в Бурятии</i>	97
<i>Будаева Д.Ц. Взаимодействие земледельческого и скотоводческого населения Байкальского региона XVII-XVIII вв.</i>	100
<i>Рассадин И.В. Трансформация традиционной пушной охоты у сайанских оленеводов тофаларов</i>	104
<i>Дудин П.Н. Модель государственности Мэнцзяна: хронология становления</i>	110
<i>Калашиникова В.В. Студенческая субкультура Бурятии на современном этапе</i>	115
<i>Зандараев Б.Б. Дореволюционная историография земледелия бурят</i>	118
<i>Полянская О.Н. Монголоведческие направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии</i>	123
<i>Золхоев Б.В. Этимология термина «богол» в источниках по истории монголов XI-XII вв.</i>	130

СООБЩЕНИЯ

<i>Раднаев Г.Ц.</i> Политические репрессии в Янгажинском дацане «Даши Шарбублинг»	135
<i>Хакимова Э.О.</i> Изучение памятников бронзового и раннего железного веков Монголии в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX в.)	138
<i>Кружалина А.А.</i> Польский вопрос в дискуссиях российской общественности XIX в.	142
<i>Малыгина О.А.</i> «Инородческий вопрос» в делопроизводстве военных губернаторов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.)	146
<i>Арсеньева Л.Г.</i> Изучение этнографии бурят в восточно-сибирском отделе Русского Географического общества (ВСОРГО) в 1850 -1920-е гг.	150
<i>Жукова Н.Е.</i> Становление системы профессиональных союзов в Бурят-Монгольской АССР в середине 1920-х гг.	153
<i>Соболева А.Н.</i> Особенности молодежной политики в Бурят-Монгольской АССР в 1920-1930-е гг.	156
<i>Бушуева Е.С.</i> История строительства Нерчинской Успенской церкви в документах Государственного архива Забайкальского края	160
<i>Васильева Д.Д.</i> Приоритеты развития туристической деятельности в Республике Бурятия	163
<i>Горковенко О.Н.</i> Изменение социальных условий жизни населения Бурятии в конце XX – начале XXI в.	167
<i>Дятлова Е.В.</i> «Как вести бизнес с китайцами»: образ китайской деловой культуры в пособиях и рекомендациях для российских предпринимателей	171
<i>Дальжинова И.А.</i> Правовые аспекты региональной экологической политики (на примере строительства Ангарского каскада)	174
<i>Кондратьева В.В.</i> История возрождения традиционной культуры татарских диаспор Бурятии	178

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Костров А.В.</i> «Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия»: рецензия на научную монографию	182
--	-----

ЮБИЛЕИ

Талантливый исследователь и любимый педагог. К юбилею профессора Марины Намжиловны Балданов	184
<i>Боронова М.М.</i> К юбилею доктора исторических наук Геннадия Доржиевича Басаева	185
<i>Евдокимова С.В.</i> Жизненное кредо – непрерывный труд. К юбилею Юлии Ивановны Кудряш	187
<i>Санжиева Т.Е.</i> Жизнь на высокий лад. К юбилею Гунсемьи Сандаковны Митыповой	188

CONTENTS

<i>Mitupov K.B.-M. From the editor</i>	3
--	---

400 YEARS OF THE ROMANOV MONARCHIC REIGN

<i>Palikova T.V. Traveling east of Crown Prince Nicholas</i>	4
<i>Kalmina L.V. Crown Prince Nicholas in Verkhneudinsk: «worth of the issue»</i>	8
<i>Vasilieva C.V. Realization of state policy to Old Believers in Baikal region in the first half of the XIX-th century</i>	11
<i>Dameshek L.M., Kushnareva M.D. The history of the formation of Old Believers merchants in the north-eastern Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries</i>	16
<i>Mishakova O.E. The construction of the Circum-Baikal railway in the late XVIII-th – the first half of the XIX-th cent. (based on the materials register of the Chief board of railways and public buildings)</i>	22
<i>Khankharaev V.S. The demographic history of Pribaikalye in the XVII–XIX cent.: some aspects in the context of the Russian colonial policy (to the 400th anniversary of the Romanovs dynasty)</i>	26
<i>Elantseva O.P. The Oriental Institute in Verkhneudinsk: pages of short stay</i>	29
<i>Sandanov Yu.B. Development of commodity-money relations in the Transbaikalia area in the first half XIX – early XX century</i>	36

90 YEARS OF FORMATION OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

<i>Tarmakhanov E.E., Sanzhiev G.L., Mitupov K.B.-M., Palkhaeva E.N. To the 90-th anniversary of formation of the republic</i>	41
<i>Protasov E.T. Problems of formation and development of state branch of power of Buryatia: historiography of the issue</i>	46
<i>Babakov V.V. The Burnatskom policy in Transbaikalia in 1918</i>	52
<i>Baldano S.V. Buryat national intelligentsia: Formation and development (XIX – early XX cent.)</i>	57
<i>Shagdurova I.N. Formation and activity of zemsky (local) boards of self-governance of Buryats (1917-1920)</i>	60
<i>Balakirev A.N. Basic stages of the children's movement in Buryatia (to the 90-th anniversary of the republican young pioneer organization)</i>	64
<i>Baldano M.N., Buraeva O.V. 90 years to the Republic of Buryatia</i>	69

HISTORY, HISTORIOGRAPHY AND SOURCES STUDIES

<i>Mitypova G.S. The Orthodox clergy of Buryatia in the conditions of post-Soviet Russia</i>	72
<i>Drobotushenko E.V. Orthodoxy in Manchuria in the second half of the 40s of the XX-th century</i>	76
<i>Akhmadulina C.Z. Migration of religions: new religious organization in the post-Soviet Buryatia</i>	81
<i>Ponomarenko S.V., Boronova M.M. TV formation and its development in the Republic of Buryatia</i>	85
<i>Gelman V.A. Current state of business of Buryatia and prospects of its development</i>	89
<i>Dorzheeva V.V. Cultural and educational work among women of indigeneous peoples in North-East of Russia (1920-1941)</i>	92
<i>Budaeva T.V. The effectuation of the land reform in Buryatia in the end of 1920-1930s</i>	97
<i>Budayeva D.Ts. Interaction of husbandry and cattle breeding population of the Baikal region in the XVII – XX centuries</i>	100
<i>Rassadin I.V. Transformation of traditional fur hunting in Tofalars, the Sayan reindeer breeders</i>	104
<i>Dudin P.N. The statehood of Mengjiang: the chronology of establishment</i>	110
<i>Kalashnikova V.V. Students subculture of Buryatia at modern stage</i>	115
<i>Zandaraev B.B. Pre-revolutionary historiography of the development of Buryat's agriculture</i>	118
<i>Polyanskaya O.N. Mongolian studies trends in the researches of the Russian Committee for study of Middle and Eastern Asia</i>	123
<i>Zolkhoev B.V. Etymology of the term “bogol” in the sources on history of Mongols of XI-XII centuries</i>	130

REPORTS

<i>Radnaev G.Ts.</i> Political repressions in Yangazhin datsan «Dashi Sharbubling»	135
<i>Khakimova E.O.</i> The study of Bronze and Early Iron Ages monuments of Mongolia in pre-revolutionary Russia (second half XIX – early XX cent.)	138
<i>Kruzhalina A.A.</i> The Polish issue in discussions of the Russian public of the XIXth century	142
<i>Malygina O.A.</i> “Indigenous issue” in the proceedings of military governors of Transbaikalia area (second half XIX – early XX cent.)	146
<i>Arseneva L.G.</i> Research of the Buryat ethnography at the East Siberian Department of Russian Geographical Society (ESDRGS) in 1850–1920s	150
<i>Zhukova N.E.</i> Formation of the system of professional trade unions in the Buryat-Mongolian ASSR in the middle of the 1920s	153
<i>Soboleva A.N.</i> Peculiarities of the youth policy in the Buryat-Mongolian ASSR in the 1920-1930-s	156
<i>Bushuyeva E.S.</i> The history of construction of Nerchinsk Uspensky church in documents of the state archive of Zabaykalsky territory	160
<i>Vasilieva D.D.</i> Priorities of tourism activity development in the Republic of Buryatia	163
<i>Gorkovenko O.N.</i> Change in social life conditions of the population of Buryatia in the beginning of the end of XX – early XXI cent.	167
<i>Dyatlova E.V.</i> «How to do business with the Chinese»: the image of the Chinese business culture in manuals and recommendations for the Russian entrepreneurs	171
<i>Dalzhinova I.A.</i> Legal aspects of regional ecological policy (on the example of the Angarsky cascade construction)	174
<i>Kondrateva V.V.</i> The history of traditional culture revival of Tatar diasporas in Buryatia	178

SCIENTIFIC LIFE

<i>Kostrov A.V.</i> , <i>Vasileva S.V.</i> , <i>Buraeva S.V.</i> «Irkutsk-Amur eparchy: 100 years in the history of ancient Orthodoxy»: the review of the scientific monograph	182
--	-----

JUBILEES

The talented researcher and favorite teacher. <i>To Professor Marina Namzhilovna Baldano's jubilee</i>	184
<i>Boronova M.M.</i> To Dr. of History Gennady Dorzhievich Basaev's jubilee	185
<i>Evdokimova S.V.</i> Life credo – continuous work. To Yulia Ivanovna Kudryash's jubilee	187
<i>Sanzhieva T.E.</i> Life in a high harmony. To Gunsema Sandakovna Mitypova's jubilee	188

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2013 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Бадмаева Мария Валентиновна – тел. 21-37-44

эл. адрес: feu-bsu@mail.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biolog@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: railia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имихелова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: 223015@mail.ru; map1955@mail.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: k1p@bsu.ru; khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производится редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет».. Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8–16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

• Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

• Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

• Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректуре авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.

• Статьи принимаются в течение учебного года.

• Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

• Формат журнала 60x84 1/8.

• Статья должна содержать минимум таблиц, формул, рисунков и графиков. Их присутствие допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно или нецелесообразно. Желательно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок. Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, формулы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Тел. (301-2)-21-95-57. Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.